

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 08-12-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 08-12-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmms@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

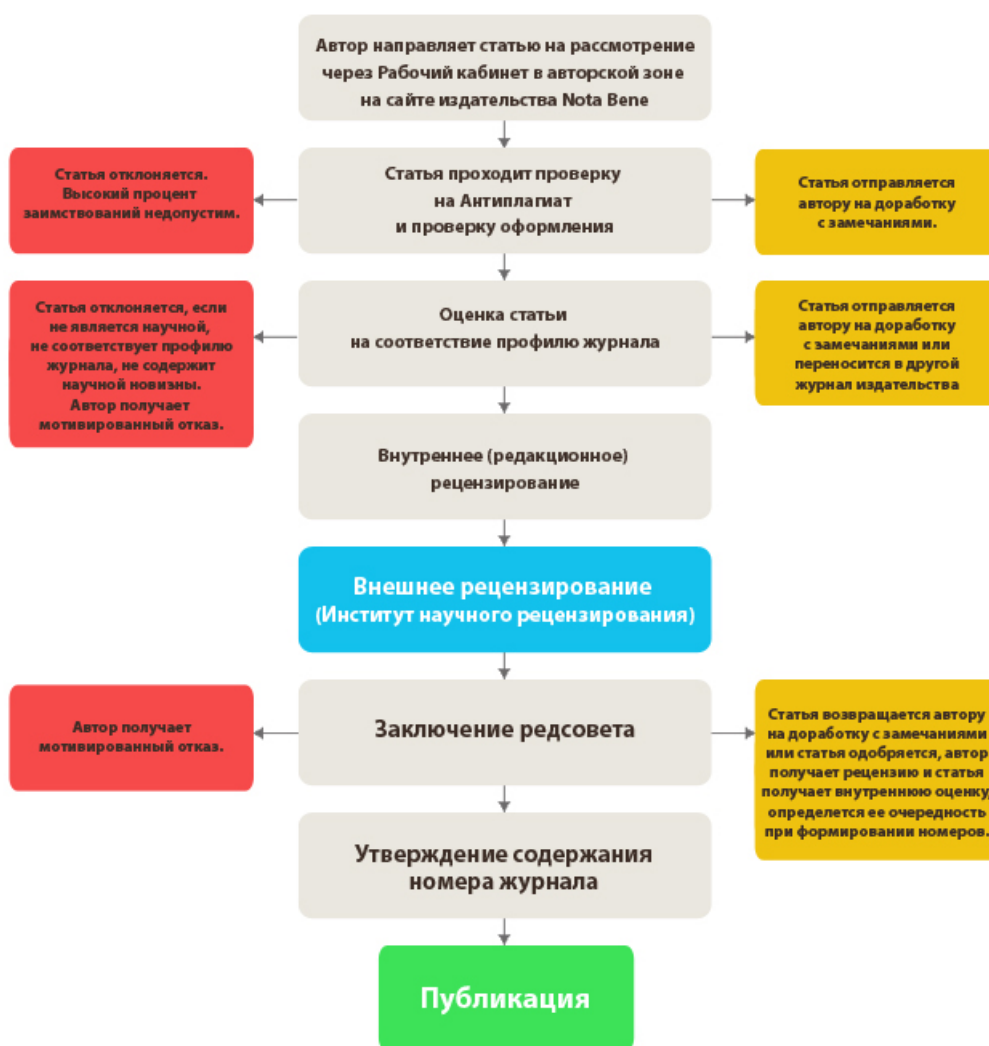
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Осипов Е.А. Французский декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса	1
Хандархаева В.В. Принципы стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна	10
Михеев Д.В. Свидетельства испанских пленников о ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка	18
Ярцев С.В., Бобин Р.М. Проблема интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период	31
Кричевцев М.В. Специальный трибунал на Мартинике: из истории французского колониального правосудия начала XIX в.	45
Кирчанов М.В. Классические теории национализма в контекстах истории миноритарных национализмов Великобритании: региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма	59
Беляев М.П., Элязян А.Ш. Наследственное право в Великом княжестве Литовском	76
Гришин А.В. Централизация библиотечной сети в Пензенской области (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.)	92
Федотова Д.Ю. Состав и структура населения Тюменского округа (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.)	100
Лохова И.В. Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков	112
Колпаков П.А. Обеспечение санитарных норм жандармской железнодорожной полицией Российской империи в конце XIX-начале XX вв.	124
Филимонова К.Н. Историко-мемориальная деятельность Россотрудничества за рубежом: результаты, проблемы, перспективы	135
Хазов В.К. Факторы социализации детей на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.	143
Разинков С.Л. Поведенческие практики как маркер социокультурного портрета учащихся государственных трудовых резервов СССР (1940-50-е гг.)	157
Пилипак М.А. Историко-культурное наследие украинцев Республики Башкортостан: по данным фондов Юматовского этнографического музея	174
Великоцкая (Мозгунова) Н.Г. Отношение вселенских патриархов к низложению патриарха Никона	185
Орлова Д.И. Отношение СССР к политике репатриации на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы	193
Англоязычные метаданные	202

Contents

Osipov E.A. French Decree on Family Reunification of 1976 in the context of the migration issue	1
Khandarkhaeva V.V. Principles of Stratagem and Hard Power in Mao Zedong's Economic Reforms	10
Mikheev D.V. Testimonies of Spanish captives about the course of Francis Drake's circumnavigation	18
Yartsev S.V., Bobin R.M. The problem of Armenia's integration into the Roman world in the post-Armenian period	31
Krichevtsev M.V. The Special Tribunal in Martinique: from the history of French colonial justice in the early 19th century	45
Kyrchanoff M.W. Classic Theories of Nationalism in the Context of Minority Nationalism in Great Britain: regional nationalist movements as a "marginal" subject of modern historiography of nationalism	59
Belyaev M.P., Elyazyan A.S. Inheritance law in the Grand Duchy of Lithuania	76
Grishin A.V. Centralization of the library network in the Penza region (second half of the 1970s - early 1980s)	92
Fedotova D.Y. The composition and structure of the population of the Tyumen District based on the materials of the 1926 census	100
Lokhova I.V. Special features of the Portuguese colonial expansion of the XV–XVI centuries	112
Kolpakov P.A. Provision of sanitary standards by the gendarmerie railway police of the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries.	124
Filimonova K.N. Historical and Memorial Activities of Rossotrudnichestvo Abroad: Results, Problems, and Prospects	135
Khazov V.K. Factors of socialization of children in the occupied territory of the Leningrad region in 1941–1944	143
Razinkov S.L. Behavioral practices as a marker of the socio-cultural portrait of students of the USSR State Labor Reserves (1940s-50s)	157
Pylypak M. Historical and cultural heritage of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan: according to the funds of the Yumatov Ethnographic Museum	174
Velikotskaya (Mozgunova) N.G. The attitude of the Ecumenical Patriarchs to the deposition of Patriarch Nikon	185
Orlova D.I. The attitude of the USSR to the policy of repatriation at the final stage of the WWII and in the first post-war years	193
Metadata in english	202

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Осипов Е.А. — Французский декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68982 EDN: СКАJPM
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68982

Французский декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса

Осипов Евгений Александрович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект 32а, 26

✉ eaossipov@gmail.com

[Статья из рубрики "Памятная дата в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68982

EDN:

СКАJPM

Дата направления статьи в редакцию:

10-11-2023

Дата публикации:

17-11-2023

Аннотация: В статье анализируется французская миграционная политика в 1960-1970-е гг., когда в страну прибыло большое количество трудовых мигрантов из стран Магриба, с акцентом на значение вступившего в силу в 1976 г. декрета о воссоединении семей. В современной историографии, как французской, так и российской, существует представление о том, этот декрет стал одной из главных ошибок президентства Валери Жискар д'Эстена, символизировал начало политики открытости границ, привлечения в Пятую республику большого количества мигрантов из Северной Африки и в конечном счете послужил отправной точкой к распространению ислама во Франции, росту религиозного радикализма и, в целом, к современному кризису национальной и религиозной идентичности. Статья основана на последних достижениях французской и российской историографии. В частности, впервые в отечественной историографии в

научный оборот вводятся результаты исследований французского историка Муриэль Коэн, во многом благодаря которым во Франции изменилась трактовка декрета 1976 г. В статье показывается, что на самом деле, процедура воссоединения семей существенно не менялась с момента окончания Второй мировой войны. Однако, в зависимости от экономических условий и степени нужды в новых мигрантах менялась правоприменительная практика. Французские власти либерально трактовали вопрос о соответствии жилья установленным нормам в 1960-е гг. в период нехватки рабочих рук, и наоборот, серьезно подходили к выдаче сертификатов о соответствии жилищных условий в 1970-е гг. во время роста безработицы и недовольства французского населения большим количеством мигрантов из стран Магриба. Таким образом, принятый в 1976 г. декрет не внес значительных коррективов в миграционную политику Франции и не привел к росту числа мигрантов в стране.

Ключевые слова:

Франция, Декрет, Пятая республика, Воссоединение семей, Мигранты, Алжир, Магриб, Идентичность, Ислам, Кризис

В апреле 1976 г., во Франции был издан один из самых спорных законодательных актов, вошедший в историю как декрет о воссоединении семей («regroupement familial»). Трудовые мигранты, работавшие на длительной основе во Франции, получили право перевести в страну свои семьи.

Декрет 1976 г. и сегодня регулярно обсуждается во французском обществе. В массовой исторической памяти он прочно ассоциируется с семилетним президентством Валери Жискар д'Эстена, более того, право на воссоединение семей сегодня считается одной из основных ошибок президента, в итоге не позволивших ему переизбраться на второй срок в 1981 г. В работах профессиональных историков и политологов декрет о воссоединении семей регулярно подается как одна из главных причин современного кризиса национальной и религиозной идентичности во Франции, религиозной радикализации молодежи и роста террористической угрозы. Иными словами, декрет 1976 г. воспринимается как акт об открытии границ, приведший к заметному увеличению числа мигрантов в стране.

Действующие французские политики также регулярно комментируют события 1976 г. Николя Саркози называл декрет «ошибкой», Марин Ле Пен - «иммиграционным насосом» [\[1\]](#). Более того, согласно результатам проведенного Французским институтом общественного мнения (IFOP) социологического опроса, 55% французов сегодня выступают за отмену права на воссоединение семей для иммигрантов [\[2\]](#).

Однако, в действительности, история принятия декрета 1976 г. и анализ его последствий представляют собой сложную и противоречивую картину. Большая часть того, что сегодня составляет массовую историческую память о воссоединении семей образца 1976 г., относится скорее к историческим мифам и явно подвержена влиянию сегодняшнего дня, когда вопросы распространения ислама во Франции, роста влияния экстремистских и фундаменталистских течений, провала политики мультикультурализма стали центральными во французской политической жизни. Пересмотр событий 1976 г. начался во многом благодаря работам французского историка Муриэль Коэн [\[3, 4\]](#).

Один из самых распространенных мифов касается резкой смены курса в иммиграционной

политики Франции середины 1970-х гг., когда в период работы одного президента (Валери Жискар д'Эстен) и одного правительства во главе с Жаком Шираком во Франции сначала в 1974 г. запретили въезд в страну трудовых мигрантов и воссоединение уже работавших в стране иностранных рабочих с их семьями, а затем в 1976 г., наоборот, сняли ограничения и для трудовых мигрантов и для их семей. Декрет о воссоединении семей 1976 г. таким образом трактуется как новация во французском законодательстве, принципиально изменившая суть миграционной политики Франции.

На самом же деле, еще в 1920-е появляются термины «воссоединение семей» (на тот момент на французском языке употреблялся термин «*reunion des familles*») и «переезжающие семьи» («*des familles rejoignantes*»). Первое ужесточение процедуры воссоединения семей мигрантов произошло в 1930-е гг. в связи с ухудшением экономической ситуации и ростом безработицы. Теперь разрешение на переезд семьи во Францию утверждалось сначала мэром, а потом на уровне департамента. Вводились и дополнительные ограничения этнического, политического и санитарного характера для семей, считавшихся «нежелательными». Мигранты должны были получать специальные трудовые визы или специальные виды на жительство и в обязательном порядке проживать в общежитиях или поселениях, обычно строившихся на периферии городов и поселков [5. с. 142].

После Второй мировой войны французская иммиграционная политика резко активизируется. В декрете от 24 декабря 1945 г. вводится термин «семейная иммиграция», а в 1947-1948 гг. было издано около 20 циркуляров, поддерживавших и регулировавших процедуру воссоединения трудовых мигрантов со своими семьями.

Демографические проблемы страны после Второй мировой войны были главной причиной увеличения числа иностранных рабочих во Франции. Французские власти напрямую поддерживали именно «семейную иммиграцию» с целью дальнейшей ассимиляции приехавших в страну мигрантов и решения таким образом демографической проблемы. Во Франции даже противопоставляли «трудовую миграцию», которая носила временный характер, и «семейную», направленную на долгосрочную перспективу. Был у этой политики и финансовый аспект. Поддержка процедуры воссоединения семей приводила к тому, что недавние мигранты тратили заработанные деньги во Франции, а не отсылали их своим близким в родные страны.

Учитывая, что «ассимиляция» в 1950-е гг. открыто признавалась целью иммиграционной политики, предпочтение отдавалось мигрантам из европейских стран, прежде всего итальянцам. В Милане даже было открыто представительство французского Национального бюро по иммиграции. Итальянцы пользовались значительным количеством льгот. Так, переезд семьи во Францию стоил всего 1500 франков (20% от средней месячной зарплаты иностранного рабочего во Франции на тот момент), остальные средства выплачивались из бюджета [\[3, p. 191\]](#).

Во Францию также активно привлекались выходцы из Испании, Польши, Югославии и даже Германии, что спустя всего несколько лет после окончания войны далеко не всегда встречало поддержку у местного населения. С 1951 г. уже все национальности получили право на льготное воссоединение семей.

Несмотря на всестороннюю поддержку со стороны государства «семейной иммиграции», в 1950-е гг. не так много семей переехало во Францию, что было прежде всего связано с требованиями по качеству жилья, которые были трудно выполнимы. Сами французы испытывали в тот момент серьезные проблемы с доступностью и качеством жилья. В годы

войны было полностью разрушено порядка 500 тыс. домов, около миллиона зданий серьезно пострадало от бомбардировок. Восстановление шло достаточно медленно и к 1954 г. во Франции насчитывалось всего 13,4 млн жилых помещений, что было явно недостаточно для страны с населением в 43 млн человек. В более чем 40 % помещений не было водопровода, канализация была проведена только в 25 % квартир и домов [\[6\]](#).

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. процедура воссоединения семей упрощается. Появляется возможность приехать в страну по туристической визе и пройти процедуру получения документов «постфактум», проверка жилья на соответствия критериям при этом зачастую либо вообще не проводилась, либо проходила в облегченном формате. В итоге, на протяжении 1960-х гг. число воссоединенных на территории Франции семей возрастало. Так, например, в 1964 г. во Францию переехало 47300 членов семей трудовых мигрантов, а в 1968 г. – 56 000 [\[3, p. 204\]](#).

В 1970-е гг. в иммиграционной политике Франции снова происходит поворот в сторону ужесточения и ограничения практики воссоединения семей и привлечения в страну новых трудовых мигрантов. Ухудшение экономической ситуации, постепенное окончание «славного тридцатилетия» (так во Франции называют тридцать послевоенных лет) с их заметным экономическим ростом поставили под вопрос необходимость и целесообразность нахождения в стране большого количества мигрантов, тем более их семей.

Помимо экономических причин, активно обсуждался и этнический аспект. В 1960-е гг. европейских мигрантов в основном сменили представители стран Магриба, которые испытывали серьезные проблемы не только с ассимиляцией, но и с интеграцией во французское общество. А построенные в конце 1950-х – 1960-х гг. новые жилые микрорайоны в пригородах крупных городов постепенно начали превращаться в «гетто» со сложной социально-экономической обстановкой [\[7\]](#).

В 1972 г. в Управлении по народонаселению и миграции, созданном в 1966 г. для регулирования миграционных потоков, появляется документ, в котором в качестве вывода прописано, что «в настоящее время наблюдается ситуация, при которой семейная иммиграция из стран, считающихся подходящими для ассимиляции (страны ЕЭС и Испания), уменьшается, но, наоборот, растет семейная иммиграция из стран Магриба и Турции» [\[3, p. 199\]](#). С этого момента семейная миграция начинает восприниматься во Франции как проблема, а не как средство решения демографических и экономических задач. Неслучайно, что в 1973 г. в респектабельном журнале «Экспресс» журналистка Франсуаза Жиру по случаю «нефтяного шока» писала: «Если французская промышленность будет испытывать недостаток в энергетике, то первыми безработными станут рабочие из Алжира» [\[8\]](#). А в 1974 г. на центральном французском телевидении вышла программа с провокационным названием «Алжирцы, для чего?» [\[9, p. 54\]](#).

В июле 1974 г. уже при президенте Валери Жискар д'Эстене с разницей всего в несколько дней были изданы циркуляры о приостановке трудовой миграции во Францию и процедуры воссоединения семей. На страны ЕЭС, Испанию и Португалию циркуляры не распространялись. В августе 1974 г. было издано специальное уточнение о том, что решения июля 1974 г. распространяются на выходцев из Алжира и других африканских стран.

Таким образом, начало президентского срока Валери Жискар д'Эстена прошло как раз под лозунгом ужесточения иммиграционной политики и даже временного запрета на

прием новых трудовых мигрантов. Однако, подобные решения вступали в очевидное противоречие с нормами европейского права, которое гарантировало «право мигрантов жить с семьей». Франция, будучи одним из лидеров процесса европейской интеграции, не могла игнорировать существование европейских конвенций о правах человека. Более того, внутри Франции различные общественные организации, прежде всего «Группа информирования и поддержки иммигрантов», активно боролись за отмену временного запрета на иммиграцию и воссоединение семей.

В итоге, уже с 1 января 1975 г. была разрешена семейная иммиграция для тех, кто обладал жильем. В июне 1975 г. был издан циркуляр о восстановлении общего режима семейной иммиграции, существовавшего до 1974 г. Наконец, 26 апреля 1976 г. был издан знаменитый декрет за подписью премьер-министра Франции Жака Ширака (президент Валери Жискар д'Эстен вопреки распространенному мнению не подписывал этот декрет) о воссоединении семей, который вступил в силу 9 июля 1976 г.

Главная новация декрета заключалась в том, что отныне воссоединение семей в полном соответствии с европейским законодательством признается во Франции правом, а не простой административной практикой, к которой французские власти прибегали время от времени.

Автор и инициатор декрета, государственный секретарь по трудовым мигрантам, Поль Дижу говорил, что издание подобного декрета было необходимостью и что отныне процедура воссоединения семей стала «урегулированной, контролируемой и организованной» в отличие от «анархии» предшествующего периода ^[10]. В действительности же, в тексте декрета 1976 г. прописана почти та же самая процедура, которая существовала и до 1974 г., в основе которой лежал вопрос о соответствии жилищных условий трудового мигранта установленным нормам.

В целом, существующее во французской и в мировой историографии представление о том, что декрет 1976 г. о праве на воссоединение семей является важным шагом вперед в политике открытости границ, привлечения значительного количества новых мигрантов в страну и разворотом во французской иммиграционной политике, не соответствует действительности. Процедура воссоединения семей существенно не менялась с момента окончания Второй мировой войны. А вот правоприменительная практика менялась в зависимости от экономических условий и степени нужды в новых мигрантах. Так, французские власти либерально трактовали вопрос о соответствии жилья установленным нормам в 1960-е гг. в период нехватки рабочих рук, и наоборот, серьезно подходили к выдаче сертификатов о соответствии жилищных условий в 1970-е гг. во время роста безработицы и недовольства французского населения большим количеством мигрантов из стран Магриба.

Иммиграционная политика Валери Жискар д'Эстена была на самом деле последовательной, без резких поворотов. Отход от временного запрета на трудовую иммиграцию и принципа воссоединения семей был вызван несоответствием европейскому законодательству и активностью различных правозащитных организаций внутри Франции, при этом процедура предоставления права на воссоединение семей была сложной, и далеко не каждый мигрант мог рассчитывать на разрешение.

Более того, в декабре 1977 г. был издан декрет о том, что воссоединение семей возможно только для тех, кто не претендует на рабочие места во Франции. Декрет этот скоро был отменен опять же из-за несоответствия нормам европейского права, однако, сама попытка его принятия говорит о том, что политика французских властей на самом

деле не менялась.

Валери Жискар д'Эстена часто обвиняют, что проводимая им иммиграционная политика привела к значительному росту числа алжирских семей, которые на постоянной основе обосновались во Франции, что опять же не соответствует действительности. Более того, именно алжирцы стали главной жертвой французской иммиграционной политики в 1960-1970-е гг.

После окончания франко-алжирской войны и подписания Эвианских соглашений в 1962 г. алжирские мигранты во Франции получили целый ряд преимуществ. По закону они могли в упрощенном порядке получать французское гражданство, им не требовалась виза для въезда в Пятую республику. Однако, и французская, и алжирская стороны были заинтересованы в расширении трудовой миграции во Францию, но вовсе не в семейной миграции. Алжирские власти поддерживали отъезд своих граждан во Францию на заработки, поскольку это снижало нагрузку на рынок труда, задохнувшийся от высокого уровня безработицы. Франция также была заинтересована в рабочих руках. Что же касается семейной миграции, то для Алжира воссоединение алжирских семей во Франции означало сокращение денежных переводов из Франции в Алжир, которые составляли важную часть доходов алжирского бюджета. Во Франции же семейная миграция из Алжира изначально воспринималась как «нежелательная» из-за проблем с ассимиляцией.

В итоге, несмотря на либеральное законодательство по отношению к алжирским мигрантам, они испытывали серьезные трудности при желании перевести во Францию свои семьи. Трудности создавались опять же через трудно выполнимые требования к жилью. Также на алжирцев не распространялась возможность оформить документы «постфактум» после въезда во Францию по туристической визе, как это делали представители других стран и национальностей.

Вводились и дополнительные ограничения для алжирцев. В 1968 г. было зафиксировано максимальное количество алжирцев, которые могли каждый год иммигрировать во Францию (35 тысяч человек). В 1971 г. квота сократилась до 25 тысяч человек [\[11, с. 17\]](#).

Более того, декрет 1976 о воссоединении семей не распространялся на алжирцев, чье пребывание во Франции по-прежнему регулировалось циркулярами от 1967 и 1969 гг., то есть для алжирских семей значительных изменений в период президентства Валери Жискар д'Эстена не произошло [\[4, р. 22\]](#). Поменялось ли что-то для представителей других стран?

Как уже говорилось выше, декрет о воссоединении семей 1976 г. и во Франции, и за ее пределами часто связывают с заметным увеличением количества иностранцев в стране, что в итоге стало одной из главных причин современного кризиса национальной идентичности в Пятой республике. На самом деле, декрет 1976 г. не оказал серьезного влияния на количество въезжающих во Франции мигрантов.

Согласно официальным данным Национального бюро по иммиграции в 1974 г., когда почти на год была приостановлена трудовая и семейная иммиграция, во Францию прибыло 68 000 членов семей иностранных мигрантов, в 1975 г. – 51 800 членов семей, в 1976 г. – 57 300, в 1978 г. – 40 100 членов семей [\[3, р. 204\]](#). Таким образом, после официального признания французскими властями в 1976 г. права на воссоединение семей количество приезжающих в страну членов семей иностранных мигрантов не увеличилось, а сократилось. Также стоит помнить, что право на регистрацию

«постфактум» (после въезда по туристической визе) для членов семей не отменялось в 1974 г. и было очень распространенной практикой, что еще раз говорит о том, что значение декрета 1976 г. не стоит переоценивать.

В целом, значительная часть иностранной рабочей силы, в том числе и того самого «второго поколения», с интеграцией которого во французское общество возникли серьезные проблемы, приехала во Францию до президентства Валери Жискар д'Эстена. В том, что касается трудовых мигрантов, то, например, в 1964 г. в страну на заработки приехало 153 700 иностранных рабочих, а в 1974 г. – 64 400, в 1978 г. – всего 18 300 человек. Если же говорить о семейной иммиграции, то она постепенно росла в 1960-е – начале 1970-х гг. и достигла пика в 1972 г. (75 000 членов семей приехало в этот год во Францию) [3, p. 204] при президенте Жорже Помпиду, впоследствии цифры заметно снижались, несмотря на право на воссоединение семей с 1976 г.

Библиография

1. Boichot L. Valéry Giscard d'Estaing est-il vraiment le «père» du regroupement familial? // Le Figaro. 7.12.2020.
2. Devecchio A. «Pour une majorité de Français, le pays ne peut plus accueillir de nouveaux arrivants» // Le Figaro. 16.11.2020.
3. Cohen M. Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945-1984) // Annales de démographie historique. № 128. 2014/2. P. 187-213
4. Cohen M. Regroupement familial: L'exception algérienne (1962-1976) // Plein droit. №95. 2021/4. P. 19-22.
5. Чернега В.Н. Франция: кризис политики интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. №4. 2016. С. 140-156.
6. Осипов Е. А. Франция. 1983—1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2017. – Т. 8. – Выпуск 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/>. DOI: 10.18254/S0002027-8-1
7. Augustin M. La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013.
8. Giroud F. Les 7 jours qui ont changé le monde // L'Express. 12-18 Novembre 1973.
9. Deltombe T. L'Islam imaginaire. La construction médiatique de l'islamophobie en France, 1975—2005. Paris, 2005.
10. Interview de Paul Dijoud sur le regroupement familial en 1976. URL: <https://enseignants.lumni.fr/fiche-media/00000000804/interview-de-paul-dijoud-sur-le-regroupement-familial-en-1976.html> (дата обращения: 08.05.2021)
11. Деминцева Е. Быть «арабом» во Франции. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Концепция «Заката Европы», предложенная чуть больше ста лет назад О. Шпенглером, сегодня представляется актуальной не только историкам и культурологам: многие социально-политические и демографические процессы в этом регионе наглядно показывают глубокий кризис, охвативший «сердце цивилизации» XIX - первой половины

XX вв. В этой связи показателен тот миграционный кризис, который обрушился на Францию, Германию, другие европейские страны.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является французский декрет 1976 г. о воссоединении семей. Автор ставит своими задачами показать истории принятия декрета 1976 г., проанализировать его последствия, дать его оценку

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса в Пятой республике. Автор ставит своими задачами раскрыть принципы «семейной миграции», показать миграционную политику Валери Жискар д'Эстена, а также определить влияние декрета 1976 г. на количество въезжающих во Франции мигрантов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 11 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на французском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим материалы периодической печати и интернет-ресурсов. Из используемых исследований укажем на труды Е.А. Осипова, В.Н. Чернеги, М. Козн, в центре внимания которых находятся различные аспекты проблем миграционной политики Пятой республики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как миграционной политикой в европейских странах, в целом, так и французской миграционной политикой, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что сегодня нередко «декрет 1976 г. воспринимается как акт об открытии границ, приведший к заметному увеличению числа мигрантов в стране». В работе показано, что «многое из того, что сегодня составляет массовую историческую память о воссоединении семей образца 1976 г., относится скорее к историческим мифам и явно подвержена влиянию сегодняшнего дня, когда вопросы распространения ислама во Франции, роста влияния экстремистских и фундаменталистских течений, провала политики мультикультурализма стали центральными во французской политической жизни». Автор обращает внимание на то, что «декрет 1976 г. не оказал серьезного влияния на количество въезжающих во Франции мигрантов». Вопреки современным конъюнктурным оценкам, автор проводит взвешенную оценку шагов французского президента.

Главным выводом статьи является то, что «после официального признания французскими властями в 1976 г. права на воссоединение семей количество приезжающих в страну членов семей иностранных мигрантов не увеличилось, а

сократилось».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий миграционной политики.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хандархаева В.В. — Принципы стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68987 EDN: ОТПЈУR
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68987

Принципы стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна

Хандархаева Виктория Викторовна

ORCID: 0000-0001-9658-6859

старший преподаватель, кафедра филологии стран Дальнего Востока, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Восточный институт; аспирант, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

670047, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

✉ khandarkhaeva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68987

EDN:

ОТПЈУR

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2023

Дата публикации:

28-11-2023

Аннотация: Объект исследования: принципы стратагемности и жесткой силы в Китае. Предмет исследования: принципы стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна. Статья посвящена политической и экономической деятельности Мао Цзэдуна в первоначальный период истории КПК. В ней рассматривается использование принципов стратагемности и жесткой силы, которые он внедрял в экономических реформах. Особое внимание уделяется его военным методам "изнурения противника", стратагемным приемам и жестким подходам для одержания победы на войне с Чан Кайши. Усилия Мао Цзэдуна были направлены на создание эффективных систем управления, стимулирование экономического роста и укрепление государственного аппарата в КНР. Рассматриваются шесть основных сфер политики,

воплощенные в деятельности Мао Цзэдуна, которые оказали свое влияние на развитие и формирование китайской политической системы. Основы методологии этого исследования опираются на принципы объективности, научности и историчности. Объективность требует рассмотрения исторического прошлого Китая без предвзятых убеждений и анализа современного положения страны, учитывая её сложные характеристики. Научность гарантирует, что выводы опираются только на документированные факты. Основными выводами проведенного исследования являются принципы стратагемности и жесткой силы, которые Мао Цзэдун применил во время модернизации Китая. Выявлены программы, реализованные в период правления Мао Цзэдуном. Рассматривается их влияние на развитие современной политики в Китае. Показано, что устремления Мао Цзэдуна в модернизации страны и реформированию общества были направлены на укрепление коллективизации в Китае, уменьшение социальных и экономических неравенств. Особым вкладом автора в исследовании темы является применение принципов стратагемного мышления и жесткой силы, которые позволили в статье описать политику и инициативы Мао Цзэдуна. Новизна исследования заключается в выявлении экономических реформ, главных направлений в политике управления КНР Мао Цзэдуном, которые в дальнейшем оказали огромное влияние не только во внешней мировой политике, но и во внутренней, затрагивая социальную сферу, культуру, экономику и политическую систему Китая.

Ключевые слова:

Мао Цзэдун, Коммунистическая партия Китая, стратагемность, жесткая сила, экономические реформы, марксизм, Чан Кайши, модернизация, социализм, коммунизм

Мао Цзэдун является одной из самых важных фигур в современной мировой истории. Журнал «Time» назвал его одним из 100 самых влиятельных людей XX века [\[5\]](#).

В истории Китая Мао Цзэдун остался, как умный, но жесткий руководитель. Стиль его работы опирался на жесткий подход и стратагемность мышления. Его талант стратагемного мышления особенно ярко проявился в период гражданской войны с Чан Кайши (蒋介石, 1887-1975). Мао Цзэдун обсуждая важность устойчивого и долгосрочного развития в следующих словах, подчеркивал, что краткосрочные усилия недостаточны для достижения успеха: «Один год – это относительно недолгий период, два года – это уже заметное время, и нашей целью является успешное выполнение задачи и обязательное возвращение» [\[13\]](#).

В телеграмме, отправленной Мао Цзэдуном в апреле 1947 года, был сформулирован следующий подход: «Мы стремимся действовать согласно традиционному методу, заставляя противника временно оставаться в данном районе, чтобы он полностью изнурился и испытал острый дефицит продовольствия» [\[7, с. 160\]](#). Основной акцент заключается в том, что Мао Цзэдун не спешил перемещать его основные войска на северные или южные провинции Китая, а старался убедить командиров, солдат и гражданское население в важности его стратегии истощения для достижения полной победы в этой войне. Он полагал, что без полного истощения противника и его подверженности голоду окончательная победа недостижима. Этот подход он называл стратегией истощения, при которой противник истощается до уничтожения [\[7, с. 160\]](#). В данном контексте Мао Цзэдун подчеркивает необходимость длительного изнурения врага, что является ключом к их победе. Здесь проявляется жесткий прием, целью

которого было - полное разорение численно превосходящего противника. Он пытался уменьшить свои собственные потери, одновременно истощая противника до абсолютного истощения, уменьшая боеспособность его армии до минимума. Мао Цзэдун описывал свою тактику военных действий в борьбе с Чан Кайши в стихотворной формулировке. Содержание этой формулировки тесно связано с тактикой и стратегией, близкими к принципам, которые встречаются в военных текстах Сунь-цзы: «В случае противника наступления, мы уступаем; если противник замедляет и разбивает свой лагерь, мы истощаем его. Если противник стремится избежать столкновения, мы наступаем; если противник отступает, мы продолжаем преследование» [\[6, с. 276\]](#). Далее Мао Цзэдун пишет, что при этом важно постоянно использовать разнообразные стратегические уловки с целью введения противника в заблуждение, заманивая его в ловушки и вызывая дезориентацию. Например, создавать шум и активность на Востоке, тогда как фактически наносить удар на Западе [\[6, с. 270\]](#).

В следующем отчете о стратегии революционной войны в Китае, Мао Цзэдун устанавливает четкие руководящие принципы для военнослужащих, подчеркивая важность идеологической и нравственной готовности для постоянной нацеленности на победу и соблюдения моральных устоев.

Мао Цзэдун поднимает боевой дух китайских войск, утверждая, что нельзя всегда ожидать, чтобы противник всегда будет действовать безошибочно, и важно использовать его ошибки. Он подчеркивает, что такие ошибки могут быть вызваны искусственно, и пробуждал свои войска на использование стратегий, аналогичных принципам Сунь-цзы, включая создание иллюзий и ложных маневров [\[6, с. 276\]](#). Так, 22 апреля 1948 года северо-западная полевая армия вернула себе Яньань в короткий срок, спустя 398 дней с начала хода войны. Люди считали, что он «владеет и силой тигра (жесткая сила), и ловкостью обезьяны (стратегичность)» [\[2\]](#). Мао Цзэдун с Чжу Дэ (朱德, 1886-1976), обладая все лишь численностью в 40 000 солдат, обхитрил противников, когда вывел их на выигрышную локацию для коммунистов. Было уничтожено 9 000 военных со стороны противника.

Жесткая сила его проявлялась, прежде всего, в наращивании в Китае экономической сферы и военной.

В 1945 году, во время беседы с известным китайским ученым и педагогом Хуан Яньпэем, Мао Цзэдуну был задан вопрос о возможности КПК переломить законы цикличности истории. Эти законы описывают судьбы общественных структур, переживающих быстрое развитие, а затем сталкивающихся с резким упадком по историческим меркам [\[11, с. 35-36\]](#). Здесь Мао Цзэдун сталкивается с вопросом о том, как обеспечить стойкость и устойчивость режима партии и предотвратить возможный коллапс после периода быстрого развития. Согласно закону цикличности, политическая власть в любом государстве неминуемо испытывает моменты подъема и развития страны, а затем наступает период кризиса и падения. Предвзятость, коррупция, подкупность и развал ведут к ухудшению положения общества, и тем самым это все приводит в новое состояние относительной справедливости, далее цикл снова возобновляется. Мао Цзэдун заявил о разработке новой стратегии, предоставляющей возможность выйти за пределы традиционных исторических циклов. Этот инновационный подход подразумевает демократию. Он утверждал, что только при активном участии народа в контроле над правительством оно сохранит свою эффективность. Когда каждый гражданин берет на себя ответственность, это обеспечит устойчивость партии у власти [\[11, с. 35\]](#). Здесь Мао

Цзэдун подчеркивает значение демократии и активного участия граждан в управлении страной. В ответе Мао Цзэдуна проявляется жесткая сила, которая схожа с легистскими методами правления государством. Мао Цзэдун видит новый путь демократии страны через полное принятие на себя власти партии в стране, где народ полностью починается правительству.

Мао Цзэдун разработал новые экономические, социальные и политические реформы, о которых мечтал воплотить в жизнь. Он обладал расчетливостью и прагматичностью, которые проявлялись в аналитическом мышлении, тщательному считыванию обстоятельств, рациональному подходу во всем, он действовал с расчетом и выгодой для построения нового демократического общества. Это определяет его блестящим стратегом, который обладал уникальным талантом создавать как долгосрочные, так и краткосрочные планы в установленные сроки.

Мао Цзэдун провозгласил шесть главных направлений в своей политике, направленных на модернизацию Китая:

1. Борьба с нищетой и голодом. Мао Цзэдун призывал к борьбе с нищетой и голодом через коллективизацию сельского хозяйства и промышленных проектов, таких как «Большой прыжок вперед». Эти инициативы были направлены на увеличение сельскохозяйственного производства и индустриализацию страны.
2. Культурная революция. Под руководством Мао была проведена культурная революция, целью которой было избавление от старых обычаев, буржуазных элементов и контрреволюционных элементов. Это было массовое движение, которое влияло на все сферы общества и культуры.
3. Коллективизация и кооперативизация. Мао Цзэдун проводил политику коллективизации сельского хозяйства и создания сельскохозяйственных кооперативов. Эти меры должны были усилить сельское производство и уровень жизни сельских жителей.
4. Индустриализация. Мао Цзэдун активно поддерживал индустриализацию страны и создание тяжелой промышленности. Он призывал к развитию оборонной и ядерной индустрии.
5. Политическая мобилизация. Под руководством Мао проводились масштабные кампании мобилизации народа такие как «Сотни цветов» и «Большой прыжок вперед», чтобы мобилизовать население к выполнению партийных целей.
6. Идеологическая чистка. Мао Цзэдун проводил идеологические чистки и репрессии среди тех, кто считался «врагами революции». Это включало в себя политические репрессии и массовые кампании «борьбы с контрреволюцией».

Эти шесть главных направлений в политике Мао Цзэдуна оказали огромное влияние на современную историю Китая и формирование его политической системы. Необходимо также указать дополнительные программы и инициативы, проводившиеся в Китае во времена Мао Цзэдуна. Эти программы были частью его усилий по модернизации страны и реформированию общества [\[10, с. 68\]](#):

1. «Отборная армия и скромная администрация» (兵精粮足). Эта программа была направлена на сокращение и оптимизацию военной бюрократии и армейской структуры. Она предусматривала сокращение численности армии и улучшение уровня ее подготовки.

2. «Привлечение интеллигенции в деревни» (知识青年下乡). По этой программе молодые интеллигенты и студенты из городов отправлялись работать и жить в сельские районы. Это было сделано с целью укрепления связей между городом и деревней, и обеспечения дополнительной рабочей силой в сельском хозяйстве.

3. «Организационная экономика» (组织农业). Эта программа предусматривала обмен ролями между рабочими и бывшими хозяевами земель. В результате бывшие земельные владельцы становились рабочими на земельных участках, а рабочие, в свою очередь, становились членами кооперативов. Это способствовало коллективизации сельского хозяйства. Снижение земельной ренты и усовершенствование системы образования в сельских районах: Мао Цзэдун также проводил реформы в сельской сфере, включая снижение платы за аренду земли и улучшение доступа к образованию в сельских районах.

Эти программы и инициативы были частью широкой кампании по изменению китайского общества и экономики, их целью было усиление коллективизации, сокращение социальных и экономических различий и модернизация страны. Однако они также вызвали различные социальные и экономические последствия, включая трудности и бедность для многих сельских жителей и интеллигенции, а также политическую репрессию и культурные изменения в рамках Культурной революции.

Жесткость правления Мао Цзэдуна проявилась во времена проведения коммунистами земельных реформ. Они конфисковали земли у богатых помещиков и передавали их в пользование крестьянам, одновременно пропагандируя преимущества коммун. Кроме того, проводили масштабные мобилизации, чтобы увеличить численность новых наборов в свои ряды и укрепить военную мощь [\[13\]](#). Была проведена полная конфискация имущества, скота, аннулирование класса помещиков, разрушение феодальной налоговой казны, социализация и национализация земельных участков, находившиеся в частной собственности у помещиков, передача их в руки крестьян. Свыше 300 миллионов крестьян, которые либо не имели земли, либо владели малыми участками, стали законными владельцами примерно 47 миллионов гектаров земли, которая была конфискована у помещиков и частично у кулаков [\[3, с. 29\]](#).

Мао Цзэдун переинтерпретировал старую популярную доктрину Сунь Ятсена (1866-1925) в своей работе «О демократической диктатуре народа». Применил ее до того момента, как он достиг власти, обновив ее для китайцев. Целью этих действий заключалось в том, что необходимо было воплотить в реальность марксистские идеи о трех новых народных принципах: национализации, демократизации, поддержки и помощи для хорошего жизненного уровня населения [\[7, с. 501-518\]](#). В Китае с самого начала существовало прагматичное и рациональное отношение к идеям, включая способность переосмысливать их с использованием комментаторской традиции, а также способность выражать новые идеи с использованием старых форм и находить в классических текстах обоснование для этих новых идей. Это гибкое отношение также простиралось и на марксистское учение [\[12, с. 183\]](#). Мао Цзэдун опубликовал эту доктрину на период перехода населения страны в социалистическое общество. Так, он прибегнул к старым идеям, чтобы вдохнуть в них силу коммунизма «о новой демократизации». При помощи этих принципов, он сможет завоевать поддержку значительного числа граждан и привлечь их на сторону КПК.

В ходе модернизации реформ и проектов КПК, председатель действовал, согласно идеям

марксизма-ленинизма и революционным опытом Октября. Благодаря проведенной модернизации в социальной сфере и экономике Китая, отсталая полуфеодальная экономика превратилась в сильную экономику. Этот шаг, включающий создание сектора государственной собственности и предоставление крестьянам земли, представлял собой значительное движение вперед по сравнению с экономическими системами, существовавшими в Китае до революции. Этот шаг существенно способствовал развитию производительных сил Китая в его первые годы существования [\[9, с. 69\]](#).

Мао Цзэдун часто приводил в пример басню Эзопа о змее: «Старик-крестьянин нашел зимою окоченевшую от холода змею, поднял ее из чувства сострадания и положил себе за пазуху. Отогрелась змея, пробудились в ней природные инстинкты, и она ужалила своего благодетеля. «Поделом мне, - сказал крестьянин, борясь со смертью, - я пожалел опасную тварь» [\[1, с. 76\]](#). Пересказывая эту басню, Мао Цзэдун оправдывал жесткость своего правления, утверждая, что иноземные и местные «гадюки» желают гибели китайскому народу, так же как и змея, крестьянину; также как КПК и революционеры-демократы Китая, как и крестьянин, прониклись теплым чувством к ядовитым «гадюкам». Смысл этой басни заключается в том, что нехорошие люди не только не проявляют признательности за доброту, но могут также противостоять своим благодетелям. Следовательно, принцип применения ежовых рукавиц или жесткой силы более выгоден для правления страной.

В цитатах Мао Цзэдуна, которые имели большое тиражирование, весьма ярко отражаются стратегические приемы. Например, в отрывке «пусть нас не трогают, и мы не тронем, а если тронут - мы не останемся в долгу», выражается стремление сохранить неприкосновенность, готовность к ответным действиям в случае агрессии; «чтобы свергнуть ту или иную политическую власть, всегда необходимо, прежде всего, подготовить общественное мнение, проделать работу в области идеологии. Так поступают революционные классы, так поступают и контрреволюционные классы», подчеркивается важность формирования общественной поддержки и манипуляции идеологическими аспектами в изменении власти; «то, что мыслимо, то осуществимо» [\[8\]](#), утверждается вера в реализуемость задач и идей.

В следующих высказываниях отражена жесткость его мышления: «без разрушения нет созидания», подчеркивается необходимость критики и революции как средств создания чего-то нового; «эта армия всегда бесстрашно идет вперед. Она полна решимости одолеть любого врага, сама же она никогда не покорится врагу», отражается уверенность в непоколебимости и решимости национальной армии; «наша стратегия состоит в том, чтобы одному сражаться против десяти, наша тактика в том, чтобы десятью воевать против одного», выражается применение тактики силы и противостояния врагу; «народно-освободительная армия всегда была и будет боевым отрядом. Даже после победы во всей стране она будет оставаться боевым отрядом в течение целого исторического периода, до тех пор, пока в стране не будут уничтожены классы, а в мире будет существовать империалистическая система» [\[8\]](#), подчеркивается долгосрочность борьбы и необходимость противостоять империалистической угрозе на мировом уровне.

Таким образом, Мао Цзэдун эффективно модернизировал государство, используя принципы стратегичности и жесткой силы в период своего правления. Он сделал Китай значимой и могущественной на мировой арене, трансформируя его из слаборазвитой полукOLONиальной страны в мощную ядерную державу в эпоху «Великого кормчего» [\[4\]](#).

Библиография

1. Античная басня / Пер. с греч. и лат. яз. М. Гаспарова. М.: Худ. литература, 1991. 76 с.
2. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники [Электронный ресурс] // URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/209067-fedor-burlackij-mao-czedun-i-ego-nasledniki.html> (дата обращения: 15.09.23).
3. Великое десятилетие. Статистический сборник. Пекин, 1959. 29 с.
4. Вожди народов. Мао Цзэдун (2021) [Электронный ресурс] // URL: <https://youtu.be/MSHGWIkGrEA?si=x0UtqjnBzZ6-v76g> (дата обращения: 15.09.23).
5. Выступление Си Цзиньпина на симпозиуме, посвященном 120-летию со дня рождения товарища Мао Цзэдуна [Электронный ресурс] // URL: https://baike.baidu.com/reference/113835/9e41aPJqH-U9E7219LNUU6GIqEEAobdbYghKSNCpd-TmNYxR_nbyMkYi8_0mTlnpku79EH39U2bq0K36IAAKIxYfd-IeGipgL7puOlBeD40KLp9URcE (дата обращения: 15.09.23).
6. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.1. Пекин, 1967. С. 270-276.
7. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т.4. Пекин, 1967. С. 160-518.
8. Мао Цзэдун: Цитатник [Электронный ресурс] // URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/politika/246117-czedun-mao-citatnik.html> (дата обращения: 15.09.23).
9. Регзенова Д.Б.-О. Исторический опыт стратагемности и принципа "мягкой силы" в социально-экономических реформах Китая: дис. канд. ист. наук: 07.00.03. Бурятский гос. университет, Улан-Удэ, 2012. 69 с.
10. Уиткомб В.Л. Современный Китай / В.Л. Уиткомб, М. Бенсон. М.: АСТ, Астрель, 2006. 68 с.
11. Цзин Ту. Преодолеть влияние закона цикличности истории // Китай. Поставить власть под контроль. 2017. №12 (146). С. 35-36.
12. Янгутов Л.Е., Чебунин А.В. Современная философская и общественно-политическая мысль Китая // Вопросы философии. 2018. №8. С. 182-191.
13. 为何说蒋介石比不上毛泽东 (Почему говорят, что стратегия Чан Кайши не так хороша, как стратегия Мао Цзэдуна) [Электронный ресурс] // URL: https://news.sohu.com/a/582257500_605774 (дата обращения: 15.09.23)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Принципы стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна

Предметом исследования является применение принципов стратагемности и жесткой силы в экономических реформах Мао Цзэдуна.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили принцип объективности, научности и историзма. В работе автор применил сравнительно-исторический, хронологический, системно-структурный методы. При исследовании конкретных экономических реформ также были использованы метода анализа и синтеза.

Актуальность. Актуальность исследования обуславливается важностью изучения роли Мао Цзэдуна в истории Китая и отмечает, что он остался в истории Китая «как умный и

жесткий руководитель». Актуальность обусловлена также тем, что Мао Цзэдун смог за короткое время преобразовать Китай из «слаборазвитой полуколониальной страны в мощную ядерную державу». Автор рецензируемой работы анализирует основные принципы, на которые опирался Мао Цзэдун в период руководства Китаем и пишет, что стиль работы Мао Цзэдуна «опирался на жесткий подход и стратегию мышления». Его талант стратегического мышления особенно ярко проявился в период гражданской войны с Чан Кайши. Принцип стратегического мышления зародился в Китае в глубокой древности и стал частью менталитета китайцев. Актуальность темы очевидна.

Научная новизна работы заключается в постановке проблемы и задач. Научная новизна заключается в том, что в работе всесторонне исследуются принципы стратегичности и жесткой силы при проведении экономических реформ с применением широкого комплекса источников.

Стиль, структура, содержание. Стиль работы научный, кроме того в работе достаточно широко используется описательный стиль. Структура работы в целом направлена на достижение цели статьи. Автор ставит цель показать, как принципы стратегичности и жесткой силы способствовали проведению экономических реформ Мао Цзэдуна. В начале статьи автор пишет о Мао Цзэдуна и его роли в истории Китая. Далее он пишет, что его «талант стратегического мышления особенно ярко проявился в период гражданской войны с Чан Кайши». И Мао Цзэдун руководствовался принципом, что «краткосрочные усилия недостаточны для достижения успеха».

Автор статьи выделяет 6 шесть главных направлений Мао Цзэдуна, направленных на модернизацию Китая и пишет о них. Наряду с этими шестью направлениями были разработаны дополнительные программы и инициативы для модернизации страны.

Мао Цзэдун проявлял жесткую силу при проведении земельной реформы, потому что без жесткости провести конфискацию земель было невозможно, отмечает автор. «В ходе модернизации реформ и проектов КПК,» Мао Цзэдун действовал согласно идеям марксизма – ленинизма. Он применял принципы стратегичности, что проявляется в его цитатах, отмечает автор. В конце статьи автор написал выводы по проделанной работе. Основной вывод заключается в том, что Мао Цзэдун «эффективно модернизировал государство, используя принципы стратегичности и жесткой силы в период своего правления. Он сделал Китай значимой и могущественной на мировой арене, трансформируя его из слаборазвитой полуколониальной страны в мощную ядерную державу».

Содержание работы не лишено логики и текст изложен в целом последовательно. Текст воспринимается довольно легко.

Библиография работы насчитывает 12 источников (на русском и китайском языках) и дала возможность достичь цели и задач исследования. Библиография грамотно оформлена.

Статья будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Михеев Д.В. — Свидетельства испанских пленников о ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.69002 EDN: TVJWFH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69002

Свидетельства испанских пленников о ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка

Михеев Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0001-9263-0234

кандидат исторических наук

доцент, кафедра всеобщей истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», Псковский государственный университет

191186, Россия, город федерального значения Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48

✉ Tankred85@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.69002

EDN:

TVJWFH

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2023

Дата публикации:

29-11-2023

Аннотация: Изучение борьбы за морское господство в эпоху Великих географических открытий предполагает исключительное внимание к организации крупных заморских экспедиций. Публикация посвящена событиям, связанным с ходом второй кругосветной экспедиции, организованной английским капером, флотоводцем и первооткрывателем Фрэнсисом Дрейком. Особое внимание автор уделяет источникам испанского происхождения, представленным материалами допросов испанских пленников, побывавших на борту английского корабля и лично общавшихся с английскими корсарами. В испанских свидетельствах встречаются подробные описания действий Дрейка и его спутников у тихоокеанского побережья Нового Света, приводятся

сообщения о вооружении и составе английского экипажа, соображения о целях экспедиции. Особое место в свидетельских показаниях занимают сообщения о нанесенном ущербе и захваченной англичанами добыче. Сравнительно-исторический метод позволяет в результате сопоставления испанских и прочих источников выделить новые детали о ходе кругосветной экспедиции, упущенные по разным причинам авторами английских свидетельств о путешествии Дрейка. Испанские источники активно внедряются в научный оборот на протяжении XX столетия, меняя представление о ходе первых английских кругосветных экспедиций. Несмотря на повторяющуюся в свидетельских показаниях информацию о действиях английских корсаров у тихоокеанского побережья Нового Света, благодаря этим свидетельствам мы можем проследить динамику в действиях Дрейка, понять как менялись его планы по мере продвижения вдоль побережья. Свидетельские показания позволяют представить масштабы добычи, захваченной англичанами в ходе их грабительского рейда, проследить особенности действий корсаров в испанских водах накануне открытого англо-испанского конфликта. Многочисленные свидетельства пленников английского корсара помогают воссоздать образ Дрейка и его спутников, определить особенности их восприятия подданными короля Испании.

Ключевые слова:

Великие географические открытия, Новый Свет, Магелланов пролив, кругосветная экспедиция, испанские колонии, Фрэнсис Дрейк, Алонсо Санчес Кольчиро, Сан-Хуан де Антон, Франсиско де Сарате, пленники

Публикация подготовлена в рамках проекта «Борьба за морское господство на заре эпохи Великих географических открытий: кругосветные экспедиции XVI века», поддержанного в рамках конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ учеными — кандидатами наук РГПУ им. А. И. Герцена

Эпоха Великих географических открытий и последовавшее вскоре за ее началом завоевание Нового Света привели к созданию и подъему первых торгово-колониальных империй, попытавшихся монополизировать вновь открытые земли, основные морские торговые маршруты и богатейшие рынки стран Востока. В складывающихся условиях борьба великих морских держав за господство на просторах мирового океана и в колониях стала одним из главных факторов, определявших их политику на протяжении всего периода Нового времени. При этом, изучение борьбы за морское господство в эпоху Великих географических открытий предполагает уделение исключительного внимания организации крупных заморских экспедиций, позволявших не только расширить границы известного европейцам мира, но и совершить серьезный шаг по пути расширения торгово-колониальной экспансии, без которой невозможно представить борьбы за доминирование на международной арене. Феномен кругосветных морских экспедиций стал наиболее наглядным проявлением эпохи, ведь осуществление подобного предприятия было под силу только наиболее могущественным морским державам и подтверждало их претензию не только на морское господство, но и на лидерство в борьбе за новые колонии и рынки. Неудивительно, в связи с этим, что первую кругосветную экспедицию совершили испанцы, под командованием португальского капитана Фернана Магеллана (Магальянша). Как не вызывает удивления и то, что на фоне обострения англо-испанской борьбы за морское господство во второй половине XVI столетия, именно английским капитанам удалось успешно

завершить две кругосветные экспедиции (экспедиция Фрэнсиса Дрейка, 1577-1580 гг. и экспедиция Томаса Кавендиша 1586-1588 гг.), подорвавшие уверенность в мощи испанской колониальной империи.

И если первая кругосветная экспедиция, возглавленная Фернаном Магелланом и завершенная штурманом Хуаном Себастьяном Элькано, принесла известность ее участникам, то вторая кругосветная экспедиция под командованием Фрэнсиса Дрейка прославила английского корсара, который вошел в историю как великий первооткрыватель и первый пират королевы Елизаветы Тюдор, возведенный в рыцарское звание.

Кругосветной экспедиции Дрейка посвящено немало работ как отечественных, так и зарубежных авторов. В большинстве англоязычных работ XIX – начала XX в. прослеживается явная идеализация действий елизаветинского корсара, стремление сосредоточиться на событийной стороне и на отдельных персоналиях, к которым в первую очередь может быть отнесен Фрэнсис Дрейк. Такого подхода в своих исследованиях придерживались Дж. Корбетт [\[1; 2\]](#) и Дж.А. Уильямсон [\[3; 5\]](#). Подобная тенденция в англоязычных исследованиях сохраняется и в наши дни. Однако, чем больше сторонних, в первую очередь испанских и португальских, свидетельств привлекается исследователями, тем больше неоднозначных оценок действий Дрейка в ходе кругосветной экспедиции мы встречаем. Так Г. Келси, вопреки сложившейся за рубежом традиции, представил Дрейка не столько как национального героя и борца с испанским господством, а скорее, как настоящего пирата, алчного и тщеславного сына своей эпохи [\[5\]](#). Работа П. Уитфилда, вышедшая в свет несколькими годами позже, не столь критична, но и не нацелена на сохранение мифов, созданных прежними исследователями [\[6\]](#).

Отечественный читатель о мореплавателях раннего Нового времени в прежние годы мог узнать в первую очередь из небольших очерков в книгах И.П. и В.И. Магидовичей [\[7\]](#) и публикаций Я.М. Света [\[8\]](#), в том числе издавшего на русском языке сочинение Антонио Пигафетты о ходе первой кругосветной экспедиции под руководством Фернана Магеллана [\[9\]](#). Среди отечественных исследований, затрагивающих события экспедиции Дрейка, стоит отметить научно-популярные работы К.В. Малаховского [\[10\]](#) и И.В. Можейко [\[11\]](#). Особого внимания заслуживают исследования петербургского историка Д.Н. Копелева, специалиста по истории географических открытий, морского соперничества великих держав и связанного с ним морского разбоя, неоднократно обращавшегося к биографии Дрейка в своих монографиях и статьях [\[12; 13; 14; 15\]](#). Свидетельством повышенного интереса к персоне Дрейка и его деяниям стал выход в свет в последние годы двух монографий на русском языке, посвященных известному корсару. И если работа В. В. Шигина «Дрейк. Пират и рыцарь Ее Величества» [\[16\]](#), носит скорее научно-популярный характер, то монография В.К. Губарева [\[17\]](#) стала настоящим прорывом в русскоязычной историографии, посвященной Дрейку и елизаветинской эпохе.

В исследованиях, затрагивающих ход первой английской кругосветной экспедиции, важнейшим вопросом является попытка определить истинные цели предприятия и проследить маршрут английских корсаров [\[18; 19\]](#). Сделать это возможно только опираясь на многочисленные свидетельства о ходе экспедиции. В отличие от первой и третьей кругосветной экспедиции XVI столетия, количество свидетельств о ходе экспедиции

Дрейка поражает воображение. Основные источники о ее ходе можно разделить на несколько больших групп. Первая группа источников – это многочисленные свидетельства английского происхождения, опирающиеся в первую очередь на свидетельства реальных участников экспедиции, их дневники и редкие сохранившиеся документы о подготовке самого предприятия. Высокая степень секретности, связанная с ходом экспедиции, в годы правления Елизаветы Тюдор привела к утрате части официальных документов и дневника самого Дрейка, который он лично преподнес английской королеве. Ко второй группе источников можно отнести многочисленные испанские донесения, связанные с ходом английской кругосветной экспедиции, вылившейся в грабительский рейд по тихоокеанским владениям испанского короля в Новом Свете. К этой группе источников можно отнести многочисленные донесения испанских дипломатов в Англии и за ее пределами, а также донесения представителей колониальной администрации в Новом Свете. Среди последних особое внимание стоит остановить на сообщениях подданных испанского короля, лично столкнувшихся с английскими корсарами и даже побывавших на борту флагмана Дрейка – «Золотой лани». Эти люди оказались невольными гостями на борту английского корабля, став пленниками Дрейка. Зачастую они были захвачены либо в открытом море, либо в портах, куда заходили английские корсары. Некоторые из пленников провели рядом с англичанами всего несколько часов, другие были вынуждены сопровождать корсаров на протяжении многих дней. Наблюдая за действиями Дрейка и его команды, общаясь с членами экипажа, они оказались самыми надежными свидетелями для испанской колониальной администрации, пытавшейся узнать детали о ходе экспедиции, целях и планах английского корсара. К сожалению, далеко не все материалы допросов пленников, побывавших на борту английского корабля, сохранились. Но даже те немногие материалы, что удастся обнаружить, раскрывают неизвестные детали о ходе второй кругосветной экспедиции, дают повод усомниться в отдельных версиях событий, описываемых в дневниках участников экспедиции, позволяют сформировать определенное представление о восприятии подданными испанского короля образа английского корсара «Франсиско Дракеса».

Получая свободу, большинство пленников Дрейка незамедлительно отправлялись к ближайшему крупному поселению, чтобы сообщить о произошедшем и получить помощь от властей. Представители колониальной администрации, в свою очередь, по горячим следам стремились восстановить картину произошедшего, чтобы доложить об этом в Испанию и определить дальнейшие меры по противодействию английскому корсару.

Показания обычно давались под присягой и под запись, а в конце заверялись испанским чиновником, производившим допрос. Важно отметить, что многие испанские пленники, побывавшие на борту «Золотой лани», давали свои показания в разное время [\[20, p. 134\]](#). Часто показания записывались по горячим следам, но нередко между описываемыми событиями и составлением показаний проходили многие недели. Все это могло сказываться на точности предоставленных сведений. Кроме того, сами показания, сохранившиеся до нашего времени, собирали различные чиновники испанской колониальной администрации, что сказывалось на вопросах, которые их интересовали в первую очередь. Впрочем, чаще всего допрос производился по определенной схеме, и многие вопросы, обращенные к свидетелям, повторялись. Тем интереснее сравнить разные показания, в том числе пленников, оказавшихся на борту «Золотой лани» в одно и то же время. Помимо этого, каждый из свидетелей добавлял к своим показаниям детали, которые считал важными.

Свидетели, допрошенные в связи с действиями Дрейка на тихоокеанском побережье,

происходили из разных уголков владений испанского короля: фламандцы, испанцы, выходцы из колоний Нового Света. Отличался их уровень образования, зачастую он определяется исходя из того, смог ли свидетель подписать показания. Так, например, матрос Кустодио Родригес, плененный англичанами в феврале 1579 г. в порту Пайта (Перу), отказался подписывать свои показания, так как не знал, как подписываться [\[20, p. 144\]](#). Конечно, большинство допрошенных лиц – торговцы, штурманы и владельцы кораблей, захваченных англичанами, не только умели писать, но и неплохо разбирались в навигации и военном деле, что делало их показания особенно ценными.

Каким вопросам, исходя из сохранившихся материалов допросов, уделялось первостепенное внимание? Во-первых, это конечно условия, в которых свидетель был пленен англичанами. Большинство испанских пленников отмечали, что главным оружием английских корсаров была внезапность нападения, так как никто не ожидал увидеть в «Испанском озере» иностранный военный корабль. Именно по этой причине большинство жертв Фрэнсиса Дрейка не оказывало сопротивления, да и не могло его оказать, так как корабли в районе тихоокеанского побережья Нового Света зачастую не имели артиллерии для своей защиты. Нередко англичане специально пытались сбить своих жертв с толку, используя испанскую речь и представляясь именами известных в данном регионе капитанов испанских кораблей. Вот, что сообщал по этому поводу дон Франсиско де Сарате: «Они ответили, что из Перу и что командует ими Мигель Анхель – так звали капитана, хорошо известного на этом маршруте...» [\[21, с. 182\]](#). Нередко, отпуская своих пленников и стремясь сохранить эффект внезапности, англичане портили снасти на испанских кораблях, чтобы те не опередили корсаров и не предупредили о их приближении колонистов на севере. Так Франсиско Хакоме сообщал, что, отпуская корабль капитана Бенито Диаса Браво, англичане испортили его такелаж и выбросили в море якорь, так как считали испанский корабль слишком быстроходным [\[20, p. 150\]](#). Сам Диас Браво, упоминая в своих показаниях об этом инциденте, отмечал, что ущерб, нанесенный его кораблю таким образом, можно было оценить в 4 тыс. песо [\[20, p. 146-147\]](#).

Вторым важным вопросом, который всегда интересовал испанские власти при допросе свидетелей, было количество экипажа, его боеспособность и состав. Учитывая, что некоторые пленники в итоге не поднимались на борт «Золотой лани» и провели с корсарами всего несколько часов, точный состав экипажа назвать было достаточно сложно. Речь может идти только о примерных цифрах. Де Сарате говорил, что экипаж состоял из сотни человек, «все как на подбор, в возрасте, подходящем для участия в боевых действиях, и настолько сведущи и опытни в своем деле, как если бы были ветеранами итальянской кампании... Каждый тщательно следит за своей аркебузой. Капитан обращается с ними любовно, а они платят ему уважением» [\[21, с. 183-184\]](#). Прочие пленники Дрейка сообщали о численности экипажа от 70 до 85 человек (в сообщении фламандца Корнелиуса Ламберта – 86 человек) [\[20, p. 181\]](#). Однако среди спутников английского корсара далеко не все были подготовленными к бою солдатами. Среди членов экипажа отмечаются мальчики-юнги и негры. Численность подготовленных бойцов среди спутников Дрейка свидетели обычно оценивали в 50–60 человек [\[20, p. 142, 150, 172, 177\]](#). В том числе от 9 [\[21, с. 184\]](#) до 12 [\[20, p. 160\]](#) английских джентльменов сопровождало Дрейка на «Золотой лани». Среди этих молодых английских джентльменов упоминается и Уильям Хокинс младший – племянник казначея флота Джона Хокинса и родственник Дрейка. О его присутствии на борту английского корабля упоминает Сан-Хуан де Антон [\[20, p. 161\]](#). Помимо англичан на борту «Золотой лани» большинство

пленников видели португальского штурмана, невысокого роста, смуглого, с длинной и не очень седой бородой, хотя ему было около шестидесяти лет [\[20, p. 139\]](#). Дрейк очень ценил штурмана и лестно о нем отзывался [\[20, p. 186\]](#).

Все без исключения пленники Дрейка в ходе допроса сообщали сведения о качестве кораблей и вооружения английских корсаров. Флотилия англичан в Тихом океане не была постоянной. Имея изначально после преодоления Магелланова пролива всего один корабль, Дрейк приказал уже в Тихом океане соорудить небольшой пинас – парусно-гребное судно с низкой осадкой, использовавшееся для разведки и нападения на испанские корабли. Благодаря своей быстроходности, маневренности и способности быстро передвигаться в безветренную погоду, пинас оказался незаменим для корсаров. На пинасе могло размещаться артиллерийское вооружение и 30–40 человек, в зависимости от необходимости. «Золотая лань» описывалась обычно как превосходное судно, однако конкретные ее характеристики разнились. Так большинство свидетелей описывали английский корабль как галеон водоизмещением в 180-200 тонн, однако штурман Алонсо Санчес Кольчиро говорит о 300 тоннах [\[20, p. 197\]](#), а дон Франсиско де Сарате о почти 400 тоннах водоизмещения [\[21, с. 183\]](#). Подобное расхождение в оценках сложно объяснить. Сами англичане при описании своего флагмана говорили о водоизмещении в 100-120 тонн [\[22, p. 6, 269\]](#), однако эта разница может быть объяснена особенностями исчисления тоннажа в разных странах [\[23, с. 13-14\]](#). Мореходные качества «Золотой лани» были достаточно высоки, но из-за продолжительного плавания (оно к моменту описываемых событий продолжалось уже почти 1,5 года) корабль нуждался в ремонте. О попытках его осуществления англичанами упоминают фламандский торговец Корнелиус Ламберт [\[20, p. 182\]](#) и пассажиры Жозеф де Паррас [\[20, p. 185-186\]](#) и Диего де Месса [\[20, p. 192\]](#). В результате Дрейк из-за появившейся на его корабле течи решил использовать захваченный барк капитана Родриго Тельо, чтобы перенести на него часть артиллерии и сокровищ. Англичане планировали укрепить захваченный корабль и, как полагал Ламберт, использовать его в дальнейшем путешествии к Молуккским островам [\[20, p. 184\]](#). Капитану Тельо и его спутникам в качестве компенсации передали небольшой пинас, на котором они смогли бы добраться до ближайшего испанского поселения. Корнелиус Ламберт сообщал, что Дрейк, передавая пинас испанцам, заявил, что «его судно дало течь, и даже если бы барк принадлежал его собственному отцу, он не мог бы отказаться от его захвата» [\[20, p. 182-183\]](#). Впрочем, произведенный ремонт и более тщательные ремонтные работы в Новом Альбионе позволили использовать «Золотую лань» для возвращения в Англию вместо относительно небольшого испанского барка [\[5, p. 192\]](#).

Артиллерийское вооружение, имевшееся у англичан, также описывается свидетелями по-разному. Обычно речь идет о 12-18 тяжелых железных и бронзовых орудиях. Но разница в цифрах легко объясняется, если обратиться к показаниям Диаса Браво, который лично наблюдал разгрузку английского корабля. «Он заметил, что на корабле было четырнадцать артиллерийских орудий. Двенадцать из них были размещены на корабле в полной готовности к бою. Два других были взяты из-под палубы» [\[20, p. 147\]](#), чтобы установить на захваченном корабле. Таким образом, англичане использовали часть орудий в качестве балласта в трюме и в случае необходимости размещали на палубе дополнительные орудия или переносили их на другое судно. Впрочем, даже несмотря на приведенное выше объяснение, сообщения о 25 орудиях в показаниях Алонсо Санчеса Кольчиро и о 30 пушках в показаниях Франсиско де Сарате [\[21, с. 184\]](#)

выглядят явным преувеличением со стороны испанцев.

Помимо артиллерии на борту английского корабля имелись большие запасы пороха, холодного оружия, аркебуз, луков, которые англичане с большим успехом продолжали использовать, зажигательных и иных снарядов и приспособлений [\[20, p. 140, 151, 172-173, 182, 197\]](#). Особо стоит отметить цепные книппеля – снаряды, разделенные на две части, скованные одной цепью. Их использование для уничтожения такелажа упоминается Сан-Хуаном де Антоном [\[20, p. 157-158\]](#).

Принципиальное значение для испанских властей в Новом Свете имели сведения о том, каким путем английские корсары попали в Тихий океан, каковы их цели и как планируют они вернуться на родину. Англичане не скрывали, что смогли пройти в Тихий океан через Магелланов пролив. Большинство захваченных Дрейком и его людьми испанских подданных сообщает об этом. Однако более детальную информацию, которую хотели получить пленники в ходе разговора с корсарами, от них пытались скрыть или исказить. Так на вопрос Сан-Хуана де Антона является ли Магелланов пролив «проливом между островами или материками, лоцман (вероятно, Нуньо да Силва. – Д.М.) ответил, что он проходит не между островами, а между материками» [\[20, p. 167\]](#). Хотя «Золотая лань» была вынесена штормами в огромный пролив южнее Огненной земли и все члены экипажа и уж тем более штурман экспедиции должны были понимать, что Магелланов пролив разделяет Материк и острова, за которыми простирается более обширный пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантикой, ныне известный как пролив Дрейка. Сделано это было для того, чтобы скрыть важное открытие от испанцев.

Говоря с пленниками о целях экспедиции, английский капитан утверждал, по сообщению моряка Кустодио Родригеса, что действовал с разрешения своей королевы, грабя испанцев в этих водах [\[20, p. 143\]](#). Чуть больше информации сообщал во время допроса Доминго де Лисарс: «Упомянутый капитан Фрэнсис сказал, что он пришел грабить по приказу английской королевы и везет с собой оружие, которое она ему дала, и ее поручение» [\[20, p. 179\]](#). Сан-Хуан де Антон, достаточно долго общавшийся с Дрейком, сообщал что поводом для организации экспедиции стала месть за события в Сан-Хуан-дель-Ульоа, где английская эскадра Джона Хокинса и Дрейка, занимавшихся работоторговлей, была почти полностью уничтожена испанцами в 1568 г. В сражении было потеряно почти 300 человек, а личные потери Дрейка составили 7 тыс. песо. Теперь, получив разрешение на компенсацию понесенного ущерба, англичане грабили подданных короля Филиппа II. Таким образом деньги, принадлежавшие испанской короне, должны были компенсировать ущерб организаторам прежней экспедиции, а средства частных лиц поступали в казну английской королевы [\[20, p. 161\]](#). Фактически, Дрейк заявлял, что королева Елизавета предоставила ему репрессальную грамоту, позволявшую даже в мирное время с разрешения властей на свой страх и риск попытаться компенсировать ущерб, нанесенный подданными другого государства, возмещения от которых правительство страны не смогло получить иными способами [\[24, с. 203\]](#).

Примечательно еще одно замечание, сделанное Сан-Хуаном де Антоном, о том, что истинной целью действий Дрейка является попытка склонить испанского короля к разрешению торговли в его владениях, иначе англичане сами возьмут то, что им нужно в Новом Свете, не уплачивая никаких пошлин [\[20, p. 174\]](#). На самом деле подобную цель преследовали ранее попытки организовать работоторговые экспедиции в 1560-х гг., в которых принимал участие и сам Дрейк. Однако заставить испанского короля таким

способом нарушить его колониальную монополию в текущих обстоятельствах, когда англо-испанский союз прекратил свое существование, было уже невозможно.

Сообщая о дальнейшем пути английских корсаров на родину, свидетели сообщали что Дрейк выбирает из нескольких вариантов маршрута. Одним он сообщал, что пойдет к Молуккским островам [\[20, p. 143, 168\]](#), другим называл несколько варианта: путь через Тихий океан и Молуккские острова и далее к мысу Доброй Надежды, т.е. повторение кругосветной экспедиции Магеллана – Элькано, возвращение через Магелланов пролив или легендарный северный «пролив Аниан» [\[20, p. 162, 171-172, 178\]](#). Вполне вероятной выглядит версия, что Дрейк до последнего момента выбирал возможный маршрут и изначально не планировал кругосветной экспедиции. Настоятельные требования английского капитана к испанскому штурману Алонсо Санчесу Кольчиро провести английский корабль к побережью Китая и Филиппинским островам [\[20, p. 182, 187, 195\]](#) говорит о том, что Дрейк опасался этого маршрута и нуждался в опытном штурмане. Окончательное решение пересечь Тихий океан было принято после того, как попытки найти пролив Аниан не увенчались успехом. В немалой степени, удачному переходу через Тихий океан помогли карты и документы, изъятые у испанского штурмана, который должен был вести «по пути в Китай» один из первых манильских галеонов.

Часто свидетели останавливаются на описании богатств, награбленных Дрейком и его людьми. Однако не всем довелось воочию увидеть сокровища, хранившиеся на борту английского корабля. Чаще всего их оценки строятся на рассказах очевидцев и самих англичан, похвалявшихся своей огромной добычей. В отдельных случаях свидетели ограничивались сообщением о похищенном на их корабле. Сан-Хуан де Антон, капитан самого богатого приза, захваченного англичанами, сообщал, что стоимость изъятых «составила 362 тысячи песо в слитках (серебра. – Д.М.), реалах и золоте. Из них 106 тысяч принадлежали Его Величеству, а остальные – частным лицам. Это то, что было зарегистрировано, но если учесть то, что находилось на борту, то общая сумма составит более 400 тысяч песо» [\[20, p. 159\]](#). Кустодио Родригес сообщал, что даже Дрейк был удивлен таким количеством сокровищ. Англичанам пять раз пришлось загрузить лодку, чтобы перевести все на свой корабль [\[20, p. 142\]](#). Де Антон в ходе допроса оценил общую стоимость богатств, захваченных англичанами у тихоокеанского побережья Нового Света в 447 тысяч песо в монетах и слитках, не считая золотых и серебряных украшений, драгоценных камней, жемчуга и фарфора [\[20, p. 163\]](#).

Жозеф де Паррас, пассажир на захваченном англичанами корабле Родриго Тельо, сообщал, что англичане имели при себе золота и серебра в слитках и монете не менее чем на пол миллиона, а слитки и пластины из серебра использовали в качестве балласта на своем корабле [\[20, p. 189\]](#). Однако в ходе ремонта они были вынуждены сгрузить все в большом беспорядке на захваченный испанский корабль или даже выбросить на берег. Штурман Алонсо Санчес Кольчиро, которому довелось видеть часть английского груза лично, утверждал при допросе, что «на корабле было 1800 слитков серебра, ... девять небольших позолоченных ящиков, очень хорошо зашнурованных, в которых, по словам англичанина (Дрейка. – Д.М.) и других людей, находилось золото, еще один сундук средних размеров со слитками золота» и десять средних ящиков с монетами и кусками серебра [\[20, p. 197\]](#).

Вопрос о том, какова в итоге была добыча, захваченная англичанами в ходе кругосветной экспедиции Дрейка, остается открытым до сих пор. Испанский посол в Англии Бернардино де Мендоса сообщал, что ему удалось узнать о примерных размерах

добычи Дрейка: 20 тонн серебра, 5 ящиков золота и множество жемчуга [\[25, p. 63\]](#). Посол говорил, что добыча Дрейка составила не менее 1,5 млн. песо [\[25, p. 62\]](#), другие источники доводят сумму до 2 млн. (примерно 375000 фунтов) [\[5, p. 216\]](#). Точный список сокровищ, доставленных в Англию на борту «Золотой лани», был засекречен.

Многие свидетели особо останавливались на религиозных воззрениях английских «лютеран», пленивших их. Доминго де Лисарс замечал в ходе допроса, что «указанные англичане – лютеране, и их поступки и речь доказывают, что они таковы. Они едят мясо в Великий пост и в пятницу и не соблюдают заповедей Божьих, как это делают христиане. Кроме того, они проявляют себя как люди, очень сильно настроенные против Папы Римского» [\[20, p. 179\]](#). Жозеф де Паррас отмечал, что англичане проводили свои протестантские богослужения прямо на палубе корабля. Тем испанцам, которые не желали наблюдать этого, было разрешено удалиться на нос или корму корабля [\[20, p. 188\]](#). Впрочем, случались и отдельные инциденты на религиозной почве. Так тот же Жозеф де Паррас сообщал, что на борту корабля Родриго Тельо англичане обнаружили большое распятие, которое разбили на куски, растоптали и выкинули за борт [\[20, p. 188\]](#).

Нередко описывали свидетели состав пленников, уже находившихся на борту английского корабля и то, как обращаются с ними корсары. Стоит отметить, что большинство свидетелей отмечало хорошее отношение со стороны англичан. Главным неудобством в период пленения Кустодио Родригес называл необходимость есть мясо в пятницу и во время Великого поста, так как английские лютеране его не соблюдали, а пленников кормили также как и себя [\[20, p. 142\]](#).

Впрочем, Дрейк и его люди не брезговали угрожать и даже пытаться своих пленников. Пытаясь узнать, не скрывают ли испанцы золото и серебро на корабле Бенито Диаса Браво, англичане обещали повесить клерка Франсиско Хакоме, если он не сообщит, где спрятаны сокровища, и даже надели на его голову петлю и сбросили в воду [\[20, p. 151\]](#). Куда большие испытания пришлось пережить штурману Алонсо Санчесу Кольчиро, которого Дрейк уговаривал провести английский корабль к Молуккским или Филиппинским островам. В начале англичане пытались склонить штурмана к сотрудничеству посулив деньги. Ему была обещана тысяча песо. Но штурман уверял, что он простой моряк, ничего не смыслит в навигации и просил отпустить его к жене и детям [\[20, p. 195\]](#). Дрейк разрешил ему составить три письма к вице-королю, королевскому судье Гватемалы Гарсии де Паласиосу и супруге, где он сообщал, что отправляется с английскими корсарами по принуждению. Кроме того, с отпущенными на волю испанцами помимо писем передали 50 песо жене и детям штурмана [\[20, p. 187, 192-193\]](#). Когда же штурман, опасаясь за судьбу жителей города, отказался провести корабль в порт Реалехо, где находился манильский галеон, английский капитан не выдержал и приказал повесить испанца. На его шею набросили веревку и дважды поднимали в воздух так, что в итоге он упал без сил. Только после этого истязания штурмана прекратились [\[20, p. 196\]](#). После этого, Дрейк решил наконец отпустить испанца на корабле Франсиско де Сарате.

Удивительно, но не столь часто мы встречаем подробные описания английского капитана, хотя многие пленники упоминают, что Дрейк лично общался с ними. Обычно англичане доставляли на борт «Золотой лани» к английскому капитану несколько человек с захваченного судна – штурманов, капитанов, богатых торговцев и наиболее знатных пассажиров. Впрочем, Дрейк, когда позволяло время, не отказывал себе в

удовольствию проинспектировать призовое судно.

Сообщали свидетели и о том, что пытались узнать у них англичане, какие вопросы задавали, какие сообщения просили передать чиновникам колониальной администрации при встрече.

Особенно внимательно Дрейк отслеживал судьбу своего соратника Джона Оксенгема, плененного испанцами в 1576 г. при попытке пересечь Панамский перешеек и выйти таким образом к побережью Тихого океана. Оксенгем пользовался в ходе экспедиции помощью симаронов – бежавших от испанцев темнокожих невольников, смешавшихся с местным индейским населением. Английский капитан нередко интересовался судьбой четверых плененных англичан. Общаясь с капитаном и владельцем захваченного англичанами галеона «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон» Сан-Хуаном де Антоном, Дрейк спросил, что может ожидать английских пленников и просил передать вице-королю так как хорошо знает, что де Антона обязательно будут допрашивать: «Скажите ему, что он убил достаточно англичан и что он не должен убивать тех четверых, которые остались, так как если их убьют, то это будет стоить ему более двух тысяч испанцев» [\[20, p. 173\]](#). Де Антон попытался успокоить Дрейка, что если Оксенгема и его спутников еще не казнили, то скорее всего их отправят в отдаленные крепости на юге Чили, где они будут сражаться с мятежными индейцами-арауканами [\[20, p. 162\]](#). Разговор о судьбе Оксенгема упоминали в своих показаниях и Доминго де Лисарс, плененный вместе с де Антоном [\[20, p. 179\]](#).

Судьба симаронов, с которыми он совершил в 1572 г. удачный рейд на испанские серебряные караваны Панамского перешейка, также интересовала Дрейка. Так, Сан-Хуан де Антон сообщил в ходе допроса, что был удивлен внимательным отношением английского капитана к мятежным рабам симаронам, на что один из корсаров заметил, что «что эти негры были для капитана Фрэнсиса как братья, и что они очень привязались к нему» [\[20, p. 172\]](#). В связи с этим интересно упоминание фламандца Николаса Хорхе об освобожденном и принятом на борт английского корабля темнокожем невольнике, который заявил, что является симароном, когда англичане захватили корабль Гонсало Альвареса [\[20, p. 139\]](#). Из разговора свидетель понял, что «упомянутый капитан Фрэнсис говорил, что любит их (симаронов. – Д.М.), хорошо о них отзывался и каждый день интересовался, мирно ли они живут сейчас», надеясь встретиться с ними снова [\[20, p. 140\]](#).

В текстах допросов встречаются замечания о жестокости и мстительности Дрейка, о чем уже говорилось выше. У Сан-Хуана де Антона сложилось впечатление, что Дрейк никому не доверяет и боится своих людей [\[20, p. 171\]](#). Однако все пленники без исключения отмечают выдающиеся качества английского капитана, решившегося совершить столь рискованное предприятие. Его называют великодушным и суровым командиром, которого уважают и боятся подчиненные, отличный навигатор и флотоводец, он стремится к милостивому обращению с пленниками. Однако самую яркую и одновременно самую лицеприятную картину изображает один из последних испанских пленников Дрейка – дон Франсиско де Сарате: «Предводитель англичан оказался племянником Джона Хокинса, это тот самый человек, который около пяти лет назад захватил порт Номбре-де-Диос. Зовут его Франсиско Драк, лет ему приблизительно 35, ростом невысок, с окладистой бородой; это один из лучших моряков, когда-либо выходивших в море, отменный судоводитель и капитан... Сам капитан ничьих советов не слушает. Но ему нравится, когда другие не молчат, а выслушав их мнение, он отдает приказы. Фаворитов у него

нет» [21, с. 183-184]. Дрейк пытается вести себя как галантный джентльмен со своими пленниками, всячески демонстрируя им свое богатство и превосходство над врагом [26, с. 62]. Обеды, на которые он приглашал некоторых своих пленников, проводились под звуки музыки, а блюда подавались на золотой и серебряной посуде [20, р. 171; 21, с. 184]. Сам капитан уверял, что многое было подарено ему лично королевой Елизаветой. Он всячески демонстрировал свою преданность и уважение к английскому монарху, при этом с уважением отзываясь и об испанском короле. Так, в частности, он запретил срывать флаги с гербом испанского короля, заявив, что это один из самых великих монархов в мире [20, р. 148]. Учитывая, что события происходили в мирное время, без официального объявления войны, подобные действия Дрейка вполне укладываются в систему отношений двух монархов, сложившуюся после вступления королевы Елизаветы на престол и переросшую в открытую войну только в 1585 г.

Подводя итог, стоит отметить, что несмотря на повторяющуюся в свидетельских показаниях информацию о действиях английских корсаров у тихоокеанского побережья Нового Света, мы можем проследить определенную динамику в действиях Фрэнсиса Дрейка, понять, как менялись его планы по мере продвижения вдоль побережья. Свидетельские показания позволяют представить масштабы добычи, захваченной англичанами в ходе их грабительского рейда, проследить особенности действий корсаров в испанских водах накануне открытого военного противостояния, когда Елизавета, как «мастер необъявленных войн» [27, с. 156], попыталась нанести удар по самолюбию испанцев, продемонстрировав свою решимость противостоять королю Филиппу II. Но главное, в чем помогают многочисленные свидетельства пленников английского корсара, они воссоздают образ Дрейка и его спутников, так как воспринимали их сами испанцы, позволяют понять, как выстраивались отношения между англичанами и подданными испанского короля накануне англо-испанской войны 1585–1604 гг.

Библиография

1. Corbett J.S. Drake and Tudor Navy. Vol. I. N.-Y.: Burt Franklin, 1899. – 415 p.
2. Corbett J.S. Sir Francis Drake. L.: Macmillan and Co., 1890. – 209 p.
3. Williamson J.A. The Age of Drake. L.: A. & C. Black, 1938. – 400 p.
4. Williamson J.A. Sir Francis Drake. L.: Collins, 1951. – 160 p.
5. Kelsey H. Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. L.: Yale University Press, 1998. – 566 p.
6. Whitfield P. Sir Francis Drake. L.: Brit. libr., 2004. – 160 p.
7. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
8. Свет Я.М. Пираты Антильских морей // НиНИ. 1966. №1. С. 133-144.
9. Пигафетта А. Путешествие Магеллана / под ред. Я.М. Света. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. – 179 с.
10. Малаховский К.В. Кругосветный бег «Золотой лани». М.: Наука, 1980. – 168 с.
11. Можейко И.В. Пираты, корсары, рейдеры. М.: Вече, 2007. – 380 с.
12. Копелев Д.Н. В поисках единого мира. Кругосветные экспедиции: от «долгого XVI века» к эпохе просвещения // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 24-25 октября 2018 года. СПб., 2018. С.

143-166.

13. Копелев Д.Н. Золотая эпоха морского разбоя. Пираты, флибустьеры, корсары. М.: Остожье, 1997. – 496 с.
14. Копелев Д.Н. Пиратство в XVI-XVIII веках: на острие мировой политики. СПб.: Вита Нова, 2013. – 734 с.
15. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI-XVIII веках: истоки и эволюция пиратства. СПб.:Крига, 2013. – 736 с.
16. Шигин В.В. Дрейк: пират и рыцарь Ее Величества. М.: Вече, 2014. – 254 с.
17. Губарев В. К. Фрэнсис Дрейк. М.: Молодая гвардия, 2013. – 373 с.
18. Andrews K.R. The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580 // The American Historical Review. 1968. Vol. 73. № 3. P. 724-740.
19. Михеев Д.В. Между миром и войной: испанские источники о целях кругосветной экспедиции Ф. Дрейка (1577–1580 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. Вып. 1. С. 66-70.
20. New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / Ed. by Z. Nuttall. L.: Hakluyt Society, 1914. – 443 p.
21. Англия. Автобиография / под ред. Дж. Льюиса-Стемпела. М.: Эксмо, 2008. – 624 с.
22. The World Encompassed by Sir Francis Drake / Ed. by W. S. W. Vaux. L.: Hakluyt Society, 1854. – 295 p.
23. Хоккель Р. Чертежи судов XVI–XVII вв. Л.: Судостроение, 1975. – 88 с.
24. Михеев Д.В. Возникновение практики каперства в Англии в XIII–XVI вв. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 201-216.
25. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / Ed. by M. Hume. Vol. III. 1580–1587. L.:Public Record Office, 1896. – 720 p.
26. Пастушенко А. О. О функции игры в жизни пиратов Западной Атлантики XVI–XVIII вв. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Історія. 2009. № 852. Вип. 41. С. 59-69.
27. Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2012. – 308 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В истории человечества есть времена, которые имеют влияние на поколения вперед, влияние не только социально-экономическое, но и географическое. Среди таких период бросается в глаза эпоха Великих географических открытий. Именно в этот период впервые в истории человечества были совершены первые кругосветные плавания, а одним из ярких примеров такого плавания была экспедиция Фрэнсиса Дрейка.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются свидетельства испанских пленников о ходе кругосветной экспедиции Фрэнсиса Дрейка. Автор ставит своими задачами проанализировать историографию Ф. Дрейка, показать мнения испанских пленников о ходе экспедиции англичанина.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, который

по определению академика И.Д. Ковальченко включает в себя «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его объективными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать истинные цели предприятия и проследить маршрут первой английской кругосветной экспедиции.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, который проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников отметим опубликованные документы, относящиеся к эпохе Великих географических открытий. Из используемых исследований укажем на работы В.К. Губарева, В.В. Шигина, Д.В. Михеева, в центре внимания которых различные аспекты биографии Фрэнсиса Дрейка. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как эпохой Великой географических открытий, в целом, так и Фрэнсисом Дрейком, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что ценным источником по экспедиции Дрейка являются сообщения «подданных испанского короля, лично столкнувшихся с английскими корсарами и даже побывавших на борту флагмана Дрейка – «Золотой лани». Автор обращает внимание на то, что свидетели, допрошенные в связи с действиями Дрейка на тихоокеанском побережье были разного этнического происхождения, уровня образования и т.д. Первостепенное внимание на допросах, как показывает автор, уделялось условиям пленения, характеристикам «Золотой лани» и др. Примечательно, что образ Дрейка встречался в свидетельствах не слишком часто.

Главным выводом статьи является то, что свидетельства пленников английского корсара «воссоздают образ Дрейка и его спутников, так как воспринимали их сами испанцы, позволяют понять, как выстраивались отношения между англичанами и подданными испанского короля накануне англо-испанской войны 1585–1604 гг.»

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ярцев С.В., Бобин Р.М. — Проблема интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68974 EDN: UCYKUQ
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68974

Проблема интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период

Ярцев Сергей Владимирович

доктор исторических наук

доцент, кафедра истории и археологии, ФГБОУ ВП «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого»

300026, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Проспект Ленина, 125

✉ s-yartsev@yandex.ru

Бобин Роман Михайлович

аспирант, кафедра истории и археологии, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого»

300026, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Проспект Ленина, 125

✉ sorcerer071@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68974

EDN:

UCYKUQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2023

Дата публикации:

30-11-2023

Аннотация: Объектом исследования является буферная зона Римской империи, расположенная между античной цивилизацией и варварским миром. Предметом исследования является история Армении во времена правления римских императоров Адриана и Антонина Пия (117–161 гг.), а также в период парфяно-римской войны 161–

166 гг. Опираясь на сравнительно-исторический метод исследования, авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как отказ Адриана от дальнейших завоеваний и переход к оборонительной стратегии государства. При этом особое внимание уделяется панэллинскому проекту Адриана по созданию эллинского содружества, объединяющего всех греков античного мира. Отдельно акцентируется внимание на последовательность и расчетливость действий императоров по отношению к Армении, что плохо согласуется с мнением о переходе империи при Адриане к стратегической защите периметра римских границ. Использование сравнительно-исторического метода исследования, позволило лучше понять плохо освещенную в источниках историю Армении указанного времени. Особенно это касается событий антиримских выступлений армян в ходе парфяно-римской войны 161–166 гг., которые имели, как схожие черты, так и резкое отличие от похожего восстания 132–136 гг. в Иудее. Основными выводами проведенного исследования являются то, что начиная с Адриана, римская экспансия, на самом деле, не была остановлена, а просто приняла другие формы (экономические и культурные), которые фактически должны были подготовить мирное вхождение той или иной буферной территории в империю. Возможно, что на Кавказе, и в частности в Армении, этот процесс планировался римлянами в форме эллинизации, опираясь на предшествующий опыт адаптации греческой культуры к местным традициям. Это, в конечном итоге, неизбежно приводило к восприятию уже римских богов чуждым населением, знакомство с которыми, так или иначе и обеспечивала указанная эллинизация. Новизна исследования заключается в том, что авторы рассмотрели панэллинский проект Адриана в контексте вышеуказанных процессов и в качестве важнейшей составляющей, не только внутренней, но и внешней политики по отношению к буферным зависимым государствам.

Ключевые слова:

Армения, Парфия, Римская империя, Римский мир, император Адриан, император Антонин Пий, буферная зона, эллинизация, панэллинский проект Адриана, римская культурная экспансия

Государство Великая Армения, расположенное на севере Передней Азии, в разные времена занимало различные районы Малой Азии, Армянского нагорья и Закавказья. Начиная еще с I в. до н.э. Армения попала в сферы влияния Римского государства и постепенно утрачивая свое могущество, все более стала превращаться в зависимое царство, за которое постоянно велась борьба между римлянами и парфянами. Вскоре история Армении, как отдельного государства закончилась, так как она была превращена императором Траяном в римскую провинцию. В этой связи, римляне здесь даже провели серьезные административно-территориальные преобразования (Cass. Dio., LXVIII, 21,1) [\[36, p. 215–225; 16, с. 117–126; 2, с. 95\]](#). Однако после смерти императора, пришедший к власти Адриан, по каким-то обстоятельствам неожиданно «покинул много провинций, завоеванных Траяном», включая Армению, в том числе ссылаясь на полученное им секретное поручение Траяна (SHA. Hadr., IX, 1–2). Точные причины такого резкого изменения внешнеполитической деятельности империи, до сих пор неизвестны. Данная проблема продолжает вызывать полемику и не имеет единой точки зрения на ее решение у исследователей. Конечно, вряд ли серьезно, можно относиться к версии о зависти Адриана Траяну, из-за которой новый император якобы захотел предать забвению великие подвиги своего предшественника (Eutr. Brev., VII, 6; Fest., XX) [\[35, p. 108–112\]](#). Гораздо правдоподобнее выглядит версия, что новый император из-за

недостатка финансов и невозможности в короткий срок увеличить войска на восточном направлении, был вынужден перейти к мирной политике и вернуться к старой системе использования вассальных царей в буферной зоне [\[34, p. 137; 17, с. 12; 18, с. 224; 8, с. 96\]](#). Все это стало важной частью новой внешнеполитической доктрины империи направленной на стратегическую оборону государства по всему периметру своих границ [\[27, p. 24; 5, с. 253; 8, с. 98; 13, с. 192\]](#). На первый взгляд, данное утверждение вполне логично и с этим, казалось бы, трудно спорить. Однако не все в данной концепции выглядит так однозначно. Сильно смущают указанные попытки представить временный отказ Адриана от дальнейших завоеваний, без которых устойчивое развитие империи вряд ли было возможно, продуманным переходом к оборонительной стратегии государства.

В этой связи, здесь стоит напомнить, даже не столько о проблеме имиджа, безусловно важной для римлян, сколько об экономической причине римских войн и завоеваний (необходимости богатой добычи, включая рабов, захвата новых территорий с потенциальными налогоплательщиками и природными ресурсами). То есть о ключевом факторе для развития государства с развитым товарным производством, даже притом, что не все подобные захватнические войны, моментально приводили к прибыли и доходу [\[40, p. 151-161, 209-210\]](#). Не могло ли сознательное умиротворение соседей на условиях Рима, о котором, например, пишет С.М.Перевалов [\[14, с. 7\]](#), иметь еще какие-то, скрытые причины. Ведь в действиях императора Адриана по отношению к той же Армении, начиная еще со стремления к установлению полного контроля над ситуацией на территории сопредельного государства, явно просматриваются последовательность и расчетливость, что плохо согласуется с переходом к мирной оборонительной тактике по периметру римских границ. В этой связи, вполне можно согласиться с А.Ж.Арутюняном, что здесь мы явно имеем дело с уравновешенными и осторожными шагами мудрого политика [\[2, с. 96\]](#), скрытые причины действий которого, по-видимому, еще предстоит выяснить и уточнить. В этой связи актуальность исследований, которые выявляют конкретные действия в рамках военно-политической стратегии Римского государства, приводящие к грандиозным успехам римлян в деле имперского строительства даже в условиях оборонительной тактики и условного перехода к защите границ, трудно переоценить.

Таким образом, объектом нашего исследования является буферная зона Римской империи, расположенная между античной цивилизацией и варварским миром. Предметом исследования является Армения, история которой, в первую очередь, будет рассмотрена в качестве особой территории римско-парфянского пограничья во времена правления римских императоров Адриана и Антонина Пия (117–161 гг.), а также в период парфяно-римской войны 161–166 гг.

Опираясь на сравнительно-исторический метод исследования, мы подробно разберем такой ключевой аспект темы, как отказ Адриана от дальнейших завоеваний и переход к оборонительной стратегии государства. Использование сравнительно-исторического метода исследования, определенно позволит нам лучше понять плохо освоенную в источниках историю Армении указанного времени. В первую очередь, это касается, проведения римской культурной экспансии по отношению к Армении в послетраяновский период и ее соотношение с предшествующим опытом адаптации греческой культуры к местным традициям. Не меньший интерес вызывают и антиримские выступления армян в ходе парфяно-римской войны 161–166 гг., их сходство и различие с похожим восстанием против римлян в Иудее, несколькими десятилетиями ранее.

Переходя к истории Армении в послетраяновский период, важно отметить, что контроль Рима над этим государством никогда не ослабевал. Это хорошо видно из факта удержания императором Антонином Пием парфянского царя от нападения на Армению, одними лишь посланиями (SHA. Ant. Pius., IX, 6). Правда данные послания были подкреплены римскими легионами, стоявшими в Сирии, в Каппадокии и в других местах восточной границы [\[18, с. 225-226\]](#), силы которых нельзя недооценивать [\[15, с. 325-326\]](#). Не вызывает сомнений, что особое внимание на поддержание такого жесткого контроля над государством-клиентом, должно относиться к послетраяновскому периоду, когда новый император Адриан позволил армянам «иметь своего царя, тогда как при Траяне у них был римский легат» (SHA. Hadr., XXI, 11). Считается, что этим царем был сын Санатрука Вологес (армянское: Вагарш) (117–140 гг.) (Cass. Dio., LXIX, 15,2) [\[28, p. 21; 29, p. 145; 45, p. 70; 7, с. 70; 15, с. 320; 2, с. 96\]](#). При этом не исключено, что установление указанного контроля над Арменией, было следствием, в том числе, не только отказа Адриана от новых провинций Траяна, но и выявленного в ходе похода факта чрезмерно враждебного отношения местного населения к римлянам [\[18, с. 224; 9, с. 203, прим. 1\]](#). Если это так, то логично предположить, что политика римлян по отношению к Армении в послетраяновский период, должна включать в себе не только установление контроля над ее территорией, но и тщательно продуманную работу с местным населением. В этой связи, по-видимому, не случайно последующие цари Армении, такие как, например Сохема (140/144 – 161; 164–186 гг.) или Бакур I (161–163 гг.), не просто занимали трон по решению сената, а в конечном итоге или становились римскими сенаторами (после бегства Сохема в Рим) [\[9, с. 209-210\]](#) или вообще принимали римское родовое имя Юлиев. В последнем случае это имя, отражающее римское гражданство и возможно даже консульство [\[45, p. 24-26\]](#), судя по эпитафии II в. н.э. из Рима (CIG, III, 6569; Asin. Quad., Fr. 9; Fronto. Epist., II, I) [\[26, p. 43; 18, с. 237-238\]](#), странным делом уживалось вместе с ненавистью к римлянам, против которых Аврелий Пакор (Бакур I) начал восстание и войну. После победы над предателем, армянский трон был возвращен Сохему, который вновь стал царем «данный» римлянами «армянам» [\[42, p. 255, №. 511-513\]](#).

То, что такое продуманное и целенаправленное приобщение к римской политической культуре местной элиты, было не отдельным эпизодом, а частью целенаправленной и продуманной восточной политики, указывает факт присвоения римлянами римского родового имени Флавиев, в том числе и царю Иберии [\[26, p. 43\]](#). При этом мы согласны с С.М.Переваловым, что считать вслед за Э. Люттваком о четкой демаркации римских границ в сложившейся ситуации, не представляется возможным. Реальный *Rex Romana* простирался гораздо дальше официальных границ римских провинций [\[39, p. 60; 35, p. 387-391; 15, с. 325\]](#). Тем более что римляне всегда считали такие зависимые земли частью империи (Strabo., XVII, 3,25; Tac. Ann., I, 11). Тем не менее, точка зрения Э.Люттвака о неизбежности вхождения указанных территорий в состав государства в качестве провинций, по нашему мнению, не лишена оснований. Вряд ли, конечно данный процесс должен был пройти, как считал ученый исключительно в плановом порядке и в определенный период от Флавиев до Северов (69–235 гг.). Критика этого мнения, поэтому вполне оправдана [\[15, с. 325\]](#). Однако не исключено, что римляне все же планировали вхождение зависимых территорий в состав империи, но только после полной культурной и экономической интеграции в римский мир, изначально чужеродного населения. Возможно, что на Кавказе, этот процесс планировался римлянами в форме эллинизации, опираясь на предшествующий опыт адаптации греческой культуры к местным традициям [\[14, с. 6\]](#). В таком случае данный процесс должен был получить новый

импульс в период правления Адриана – императора филэллина, убежденного в благодатном и цивилизующем воздействии римской цивилизации на окрестные варварские народы [\[15, с. 304\]](#). Наиболее отчетливо эту особенность периода правления Адриана, показал в своем сочинении легат Каппадокии Арриан, четко обозначивший границу между цивилизацией и варварством, проходящую по его мнению, в первую очередь, по культурному разлому. За отдаленность от греческих традиций его критике подвергаются даже местные греки (Arr. Пер., 1,2–2,2; 6,3) [\[15, с. 304–306\]](#).

В этой связи важно отметить, что сам Адриан еще с детства получил прозвище Маленький Грек (греченок) [\[25, р. 16; 8, с. 100\]](#). В дальнейшем даже его борода, вызвала ассоциации у его окружения, не с римскими победоносными войнами, а в первую очередь, с мыслителями Древней Греции [\[4, с. 307–308\]](#). За любовь к греческой культуре [\[10, с. 68\]](#) и неправильное латинское произношение император нередко подвергался нападкам даже со стороны римлян, включая членов сената (SHA. Hadr., I, 5; III, 1). Тем не менее, в основе пристрастия императора к греческой культуре, включая его знаменитый панэллинский проект, вполне могли лежать не столько личностные причины, сколько глубоко продуманная императором внешняя политика по отношению к буферным зависимым государствам. Дело в том, что создание Новой Эллады – союза греческих городов вокруг Афин [\[12, с. 164\]](#), вполне могло повлечь за собой и объединение всего Pax Romana, вокруг этого Нового Панэллениума. Более того, не исключено, что именно эллинское содружество, объединяющее всех греков античного мира [\[38, р. 43\]](#), должно было послужить именно той обновленной духовной скрепой Римского мира, охватывающей и зависимые территории, которые только еще предстояло включить в состав империи. Разумеется, собственно римская религия, несмотря на ее некоторое сходство с греческой, мало подходила для такого важного дела, как культурная экспансия, направленная на окрестные народы. По большей части у многих народов она ассоциировалась с агрессивным военно-политическим давлением Римской империи на окрестные народы и государства. Знакомство же с греческими верованиями и духовными практиками проходила у многих варварских народов уже достаточно давно, начиная с эпохи Великой греческой колонизации и в последующее время, особенно в период эллинизма. В этой связи, не исключено, что филэллинская политика Адриана и стремление императора объединить классические греческие полисы в единую организацию, были обусловлены, в первую очередь, задачами, не только внутренней, но и внешней политики, в том числе и перспективой мирного вхождения буферных территорий в состав римского государства в качестве провинций. Косвенно на это указывает тот факт, что, несмотря на архаичные представления Адриана об эллинизме, толкавшие представителей некоторых городов на подтасовку сведений о своем греческом происхождении с целью включения своих территорий в данный союз (с целью приобретения различных привилегий), увеличение последнего происходило, в том числе и за счет негреческих городов, без всяких проблем признаваемых эллинскими [\[6, с. 59–60\]](#).

Тем не менее, несмотря на то, что большая часть римско-иранского пограничья являлась территорией бывших эллинистических государств, за более чем двести лет распространения греческого господства эллинизм не смог укорениться здесь не только среди обычного населения, но даже среди местных элит. Многие из представителей последних, действительно были лишь поверхностно эллинизированы и фактически обладали двойственной системой идентичности [\[11, с. 59–60\]](#). Видимо именно поэтому, необходим был жесткий контроль римлян над всей указанной территорией, включая

механизм получения местной царской власти от того или иного императора, так как это обеспечивало необходимый правовой аспект дальнейшего продолжения эллинизации местного населения [\[15, с. 305\]](#). В данном контексте можно рассматривать также такие особенности римской внешней политики, как принципиальное воспитание царских наследников с целью приобщения их к римской культурной среде, предоставление им римского гражданства и римских имен, интеграция римских офицеров в местную варварскую среду [\[15, с. 305\]](#) или наоборот, прием на римскую военную службу местных уроженцев [\[3, с. 24, 33-43\]](#). В этой связи, становится понятным, почему в одних случаях, император не жалел деньги для поддержки проримских сил даже, на первый взгляд, в ненужных государствах, тратя «свои средства» и «считая постыдным для себя отказаться от них, хотя для римлян эти народы были убыточными», а в других случаях, отказывал в подобной просьбе, ведь просящие «не могли принести» римлянам «никакой выгоды» (App. Rom. Proem., 7). Очевидно, что отказ императора в просьбе в приеме в римское подданство, касался лишь тех народов, которые не относились непосредственно к буферной зоне империи, и по этой причине здесь пока не стояла остро проблема эллинизации местного населения. Что же касается буферной зоны и в частности территории римско-иранского пограничья, то здесь в послетраяновский период, безусловно, требовалась активизация усилий по эллинизации автохтонного населения, делающая неизбежным его будущее мирное вхождение в состав империи. Уверенность в том, что это рано или поздно должно было произойти, по-видимому, позволяла римлянам не форсировать в таких регионах процесс окончательного присоединения данной территории и довольно длительное время довольствоваться, так называемым, непрямым правлением, когда управление зависимым государством происходило с опорой на местный государственный аппарат царей-клиентов [\[15, с. 5-6\]](#). Тем не менее, принудительная ориентировка такого зависимого и недостаточно эллинизированного государства на эллинское содружество, объединяющее всех греков античного мира, скорее всего, по мнению римлян, должна была ускорить этот процесс. При этом сложно сказать, насколько римляне сдерживали себя от посягательств на религиозное мировоззрение зависимых кавказских народов, особенно на фоне культурного давления Ирана [\[14, с. 7\]](#). Дело в том, что на примере городов Месопотамии римляне не могли не видеть, что в ответ на их слишком агрессивную политику в регионе с опорой на античные традиции и местных проримски настроенных жителей, Парфия успешно противопоставляла традиционную культуру в виде наследия Ахеменидов [\[30, с. 210\]](#). Следовательно, римляне в вопросах проведения культурной экспансии, особенно по мере накопления опыта, должны были действовать осторожно и тщательно продумывать свои действия.

Все вышесказанное напрямую относится к политике прижизненного обожествления римских императоров, которая активно проводилась, в том числе, и на территориях зависимых государств [\[33, с. 8-14; 31; 19, с. 257-261\]](#). В этой связи любопытно, что в восточных провинциях Римской империи, именно этот культ не надо было даже специально вводить, он существовал там как естественное продолжение старых обычаев [\[19, с. 259\]](#). Очевидно, что такое обожествление касалось и Траяна, и Антонина Пия, ведь это хорошо видно по лучевым коронам, в которых при жизни изображались указанные императоры [\[1, с. 31, 392\]](#). Что же касается Адриана, то этот император также не отказывался от божеских почестей, особо воздаваемых ему на Востоке, где он, как известно, освятил ряд храмов в свою честь [\[1, с. 390\]](#). Не исключено, что здесь, как например и во времена Нерона, который еще при жизни захотел стать богом, заставляли местную элиту воздавать божественные почести римским императорам. На это прямо

указывает Дион Кассий сохранивший слова царя Армении Тиридата, заявившему Нерону, что он поклоняется ему как творцу его судьбы и счастья, словно богу Митре (Dio Cass., LXIII, 5, 2).

Безусловно, такая политика римских императоров, по распространению императорского культа, была вполне обоснована сложившимися обстоятельствами. Огромная держава требовала единой политической идеи и даже обновленных верований, способных укрепить сложившейся государственный строй. Очевидно, что для этой цели, лучшей идеологии, чем императорский культ, было не найти. Тем более что подобные религиозные верования уверенно трансформировались в теологическое обоснование верховной власти, что не могло не привлекать к подобным представлениям представителей последней [\[22, с. 181\]](#). Для Востока же именно такая идеология подходила лучше всего, так как она хорошо пересекалась с эллинистической традицией почитания местных правителей [\[42, p. 235-238; 31, p. 1987\]](#). Видимо не случайно в известный храм Армении в Гарни I в. н.э., который, скорее всего, имел непосредственное отношение к почитанию Митры [\[18, с. 57\]](#), возможно еще при Августе была поставлена статуя императора, которая, как бы идеологически «закрепляла» подчинение Армении Римской империи [\[18, с. 60\]](#). Учитывая, что в послетраяновский период при Адриане и при Антонине Пие, происходит значительный подъем императорского культа [\[1, с. 390-393; 20, с. 221; 37, s. 78; 32, p. 631; 6, с. 62\]](#), можно сделать вывод о значительной поддержке распространения этого почитания верховной римской власти, в том числе и на территории зависимых государств, включая Армению.

Тем не менее, несмотря на свой ярко выраженный филэллизм, император Адриан в проводимой религиозной политике, на самом деле, старался, в первую очередь, опираться на старую римскую религию. Это следует хотя бы из его целенаправленных действий по восстановлению Пантеона в Риме, поддержке жречества и возведения многочисленных храмов в честь римских божеств [\[1, с. 390\]](#). Более того, Адриан не просто с отвращением относился к египетским богам и отказывался поклоняться Исиде, он совершенно не содействовал распространению культов восточных божеств и даже презирал иноземные обряды [\[24, s. 221\]](#). Трудно сказать, насколько Адриан поменял свое истинное отношение к той же египетской религии, после смерти своего фаворита Антиноя и возведения на своей египетской вилле в Канопе Серапеума (Strabo., XVII, 1, 17) [\[24, s. 225; 42, p. 1935\]](#). Дело в том, что предвзятое отношение к иноземным культам у него, по-видимому, оставалось и после смерти Антиноя, впрочем, как и у последующих императоров, например, у того же Антонина Пия [\[24, s. 241\]](#). В этой связи, выпуски монет с изображением египетских божеств Адрианом [\[24, s. 230\]](#) и Антонином Пием (RIC, 3, p. 169, № 1197) [\[21, с. 125\]](#), более указывают на политические причины такой открытой демонстрации иноземных верований, чем на искренность религиозных представлений представителей высшей римской власти [\[21, с. 131\]](#).

По нашему мнению, данное противоречие может объясняться стремлением императоров к распространению римской религии на провинции и зависимые земли с чуждым римской культуре населением. Дело в том, что восприятие высшей властью, тех же египетских божеств, даже на номинальном уровне, безусловно, создавало благоприятный образ империи и в целом всего Римского мира среди окрестных варварских народов. Это, в конечном итоге, неизбежно приводило к восприятию уже римских богов чуждым населением, знакомство с которыми, так или иначе и обеспечивала указанная эллинизация. Что же касается представителей элиты зависимого от Рима чужеродного

населения, то они обязаны были официально воздавать божеские почести императорам, то есть участвовать в официальных культах Римской империи. При этом обязательного участия в собственных обрядовых практиках, римляне, разумеется, не требовали. Такой подход, безусловно, способствовал сплочению и расширению римской культурно-исторической общности, и в какой-то степени, защищал собственно римские религиозные традиции от чрезмерного варварского влияния.

Однако, форсирование и спешка в такой важной задаче, как проведение романизации в форме эллинизации местного населения в рамках римской культурной экспансии, приводили к крайне неблагоприятным последствиям. Здесь достаточно вспомнить причины кровопролитных событий восстания 132–136 гг. в Иудее, когда Адриан вначале своим эдиктом запретил некоторые важные элементы иудейской религиозной практики, а затем решил начать восстановление Иерусалима с возведения храма Юпитера на священном для иудеев месте Иерусалимского храма [\[38, p. 44\]](#). Вот почему, казалось бы, мы не можем исключить того, что и парфяно-римская война 161–166 гг., шедшая, в том числе и на территории Армении, также стала возможной благодаря слишком поспешным действиям римских властей по проведению римской культурной экспансии. Однако здесь сразу обращает на себя внимание, что данные события начались не с всеобщего восстания населения Армении, а с очередного обострения отношений между Римской империей и Парфией. Именно парфянский царь Вологез III, сразу же после смерти Антонина Пия, напал на Армению и лишил власти римского ставленника Сохема, возведя на армянский трон своего кандидата Пакора (161–163 гг.). Пришедший на помощь римский легион попал в засаду был полностью уничтожен, а его командир наместник Каппадокии Севериан покончил жизнь самоубийством (Cass. Dio., LXXI, 2, 1; Lucian. Alex., 27, Quomodo hist., 21, 25) [\[18, с. 226; 9, с. 207\]](#). На следующий год римские войска во главе с самим соправителем нового императора Марка Аврелия Луцием Вером и несколькими талантливыми легатами, были вынуждены продолжать военные действия. В конечном итоге, римлянами была вначале захвачена столица Армении Арташат, а впоследствии и столица Парфии, права Сохема были восстановлены [\[18, с. 227 – 236\]](#).

При этом главной особенностью этой римско-парфянской войны явилось то, что практически на всем ее протяжении она сопровождалась острой внутренней борьбой армянского общества между проримскими и антиримскими пропарфянскими силами [\[9, с. 207–211\]](#). Действительно у нас есть сообщение, что «когда был убит легат, перебиты легионы, сирийцы замыслили отложиться и Восток подвергался опустошениям» (SHA. Verus, VI, 9). Более того, Дион Кассий пишет о Тиридате, поднявшем восстание в Армении, убившим союзника римлян царя гениохов и замахнувшимся на Вера (Cass. Dio., LXXI, 14). Однако заметим, что всеобщего народного движения направленного против римлян, так и не случилось. Таких сведений нет, несмотря на желание некоторых ученых представить данную войну в виде крупного антиримского восстания [\[18, с. 229–232\]](#). Более того, даже с событиями жестокого разграбления в 165 г. легионами Авидия Кассия захваченной Селевкии, когда римлянами была увезена с собой статуя Аполлона Комайоса, не все выглядит так однозначно. Напомним, что жители изначально приняли римлян «как своих друзей» (SHA. Verus, VIII, 3). Поэтому истинная причина разразившегося конфликта, так и осталась для нас неизвестной (Cass. Dio., LXXI, 2, 3; Eutrop. Brev., VIII, 10, 2). Возможно, действительно здесь имели место происки пропарфянской партии, выступившей против мирного соглашения жителей города с римлянами [\[9, с. 211\]](#).

На территории же собственно Армении, во время указанных военных действий, ситуация складывается еще более противоречивее. Так, помимо случаев антиримских настроений и конкретных действий в Армении в ходе событий 161–166 гг., были и случаи прямо противоположные по своей направленности [\[9, с. 212\]](#). Так, подробности взятия римлянами Эдессы, сохранились у Прокопия Кесарийского и они не могут не вызывать повышенный интерес. По словам Прокопия, победа здесь произошла потому, что жители города, подняв восстание и «уничтожив находившийся у них варварский гарнизон, передали город римлянам» (*Procop. De bello Persico*, II, XII, 29). Конечно местное население, находясь между парфянами и римлянами, было вынуждено делать выбор, между противоборствующими сторонами исходя из многих факторов и конкретной сложившейся ситуации. Однако мы не можем исключать и того, что проримские настроения среди местных жителей Армении являлись, в том числе и результатом римской культурной экспансии, проводившейся долгие годы на основе традиционной эллинизации населения. Во всяком случае, это хорошо соответствует нашему предположению, что начиная с Адриана, римская экспансия, на самом деле, не была остановлена, а просто приняла другие формы (экономические и культурные), которые фактически должны были подготовить мирное вхождение той или иной буферной территории в империю [\[23, с. 251\]](#).

Подведем итог нашему исследованию. Судя по всему, в послетраяновский период римляне, все же планировали вхождение зависимых территорий в состав империи, но только после полной культурной и экономической интеграции в Римский мир изначально чужеродного населения. Возможно, что на Кавказе, этот процесс проводился римлянами в форме эллинизации, опираясь на предшествующий опыт адаптации греческой культуры к местным традициям. Это, в конечном итоге, неизбежно приводило к восприятию уже римских богов чуждым населением, знакомство с которыми, так или иначе, обеспечивала усилившаяся в регионе эллинизация. В таком случае данный процесс должен был получить новый импульс в период правления Адриана – императора филэллина, убежденного в благодатном и цивилизующем воздействии римской цивилизации на окрестные варварские народы. Следовательно, в основе пристрастия императора к греческой культуре, включая его знаменитый панэллинский проект, вполне могли лежать не столько личностные причины, сколько глубоко продуманная императором внешняя политика по отношению к буферным зависимым государствам. Таким образом, новизна нашего исследования заключается в том, что мы рассмотрели панэллинский проект Адриана в контексте вышеуказанных процессов и в качестве важнейшей составляющей, не только внутренней, но и внешней политики по отношению к буферным зависимым государствам. Политика римлян по отношению к Армении в послетраяновский период, по-видимому, должна была включать в себе не только не ослабление контроля над ее территорией, но и тщательно продуманную работу с местным населением. Поэтому не исключено, что представители элиты этого зависимого от Рима государства, как и раньше, обязаны были официально воздавать божеские почести императорам, то есть участвовать в официальных культах Римской империи. Эллинское же содружество, объединяющее всех греков античного мира, должно было послужить именно той обновленной духовной скрепой Римского мира, охватывающей и население буферной зоны, которое только еще предстояло включить в состав империи. В пользу этого свидетельствует главная особенность римско-парфянской войны 161–166 гг., которая практически на всем ее протяжении, сопровождалась острой внутренней борьбой армянского общества между проримскими и антиримскими пропарфянскими силами. Более того, всеобщего народного движения направленного против римлян в эти годы, так и не случилось. Не исключено, что все это стало результатом длительной и

планомерной работы по спланированию римского общества и зависимого населения буферной зоны в единый историко-культурный конгломерат, в котором, несмотря на негативное отношение к варварским религиям в целом у высшей власти, в сознание людей сознательно внедрялся положительный и привлекательный образ Римского государства.

Библиография

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.; Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 1995. 654 с.
2. Арутюнян А.Ж. Восточный поход императора Траяна и Аршакидская Армения // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 3(27). С. 90–98.
3. Банников А.В. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: Евразия, 2013. 256 с.
4. Бейкер С. Древний Рим. Взлет и падение империи. СПб.: Амфора, 2008. 451 с.
5. Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. М.: Издательство МГУ, 1966. 304 с.
6. Габарашвили Г.Д. Панэллинская программа императора Адриана // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. №4. С. 59–63.
7. Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1989. 142 с.
8. Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. — 476 г. н.э. М.: ТЕРРА, 1998. 400 с.
9. Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 816 с.
10. Дыдынский Ф. М. Император Адриан. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1896. 262 с.
11. Камышев К.Д. Этнокультурная ориентация элит как фактор геополитического развития римско-иранского пограничья I в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 3. С. 59–66.
12. Моммзен Т. История Рима. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. Т. 4. 640 с.
13. Панов А.Р. Северо-восточные рубежи Римской империи. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья во II в. до н.э. – начале II в. н.э. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 400 с.
14. Перевалов С.М. Рим и Кавказ в древности: враги или партнеры? // Вестник Владикавказского научного центра. 2010. №1. Т.10. С. 2–10.
15. Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 390 с.
16. Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. 262 с.
17. Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с юга России // Известия Государственной Российской Археологической комиссии. 1909. Вып. 33. С. 1–22.
18. Тревер К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 293 с.
19. Трухина Н.Н. Императорский культ в поздней Римской империи // Восток, Европа, Америка в древности / Под ред. С.Ю.Сапрыкина. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 257–261.
20. Ханиотис А. Эпоха завоеваний: греческий мир от Александра до Адриана (336 г. до н.э.–138 г. н.э.). М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 680 с.

21. Чисталев М.С. Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе (середина I в. до н.э. – начало III в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014. 278 с.
22. Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука, 1987. 320 с.
23. Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Издательство ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014. 356 с.
24. Beaujeu J. La religion romaine à l'apogée de l'Empire: Thèse principale, présentée ... pour obtenir le grade de docteur ès-lettres. Paris: Les Belles lettres, 1955. 425 s.
25. Birley A.R. Hadrian. The Restless Emperor. L.; N.Y.: Routledge, 1999. 399 p.
26. Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. London and Canberra: Croom Helm; N. Y.: St. Martin's Press, 1984. 226 p.
27. Brogan O. An Introduction to the Roman Land Frontier in Germany // Greece & Rome. 1933.Vol. 3. No. 7. P. 23–30.
28. Carrata Thomes F. Gli Alani nella politica orientals di Antonino Pio // Università di Torino. Pubblicazioni della Facolta di lettere e filosofia. 1958. Vol. 10. Fasc. 2. P. 3–42.
29. Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran I. De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien / H. Temporini (ed.). Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1976. II (9.1). P. 71–194.
30. Fischer Weltgeschichte. Band 8: Das Römische Reich und seine Nachbarn. Die Mittelmeerwelt im Altertum IV / Fergus Millar (ed.). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1966. 345 s.
31. Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. 1, 1–2 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'empire romain CVIII). Leiden: Brill, 1987. 371 p.
32. Fündling J. Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2005. 1230 p.
33. Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz: Lassleben, 1968. 112 s.
34. Henderson B. W. The life and principate of the Emperor Hadrian, A.D. 76–138. London: Methuen & Company, Limited, 1923. 304 p.
35. Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: Oxford University Press, 1990. 510 p.
36. Jones A. H. M. Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Clarendon Press, 1971. 595 p.
37. Knell H. Des Kaisers neue Bauten: Hadrians Architektur in Rom, Athen und Tivoli. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern Verlag, 2008. 119 s.
38. Kulikowski M. The Triumph of Empire: The Roman World from Hadrian to Constantine. L.: Harvard University Press, 2006. 386 p.
39. Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1976. 272 p.
40. Mattern S.P. Rome and the enemy: Imperial strategy in the principate. Berkeley etc.: Univ. of California, 1999. 259 p.
41. Mattingly H., Sydenham E. A. The Roman Imperial coinage. Vol. III. Antoninus Pius to Commodus. L.: Spink & Son, Ltd., 1930. 514 p.
42. Praice S.R.F. Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984. 289 p.
43. Smelik K.A.D., Hemelrijk E.A. Who knows not what monsters demented Egypt

worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW) / Rise and Decline of the Roman World. Berlin; New York: De Gruyter, 1984. Т. II. Bd. 17/4. P. 1852–2000.

44. Vinogradov J.G. The Goddess «Ge Meter Olybris». A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. 1992. № 42/1. P. 13–26.

45. Wheeler E.L. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–1996/1997. 6–7. P. 51–78

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью

«Проблема интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период».

Предмет исследования автор четко не выделил, из названия статьи вытекает, что статья посвящена проблеме интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период.

Методология исследования. Методология статьи не прописана и трудно определить ее из текста статьи.

Актуальность. Автор статьи не отметил в чем актуальность темы, которую он разрабатывает и какова ее значимость для науки. Из самого текста статьи читателю тоже достаточно сложно понять актуальность темы, а также цели и задачи исследования. В статье нет хотя бы краткого описания Армении в исследуемый период (ни ее месторасположения, ни границ, фактически ничего о самой Армении автор не пишет). Нет сомнения в том, что автор статьи все это прекрасно знает, но почему это не нашло отражение в статье трудно понять и принять. Текст статьи начинается с фразы «существует мнение, что Армения была превращена императором Траяном в римскую провинцию, в связи, с чем здесь были проведены серьезные административно-территориальные изменения» и далее идут рассуждения автора об отношении римского императора Адриана к завоеванным императором Траяном землям. Автор приводит мнения разных авторов о политике Адриана и причин этой политики. Понять актуальность темы из текста статьи рецензенту не представилось возможным.

Научная новизна. Рецензенту не удалось из текста статьи понять в чем научная новизна статьи, а также ее цель и задачи.

Стиль статьи научный, есть также элементы описательности. Структура статьи не проработана, нет ни введения, ни основной части, ни заключения. Да и сам текст статьи сложен для понимания, т.к. в рассуждениях автора много допущений, натяжек и предположений, автор часто употребляет такие выражения... «... скорее всего... это было связано ..., возможно... можно предположить..., не исключено... по-видимому... это еще предстоит выяснить и уточнить... можно согласиться с мнением (ссылка) и т.д. Это делает текст сложным для восприятия.

Библиография. Библиография статьи достаточно обширна и это является ее несомненным достоинством. Библиография состоит из 44 источников, в их числе фундаментальные труды по истории Древнего Рима, Греции, Парфии и Армении М.Г. Абрамзона, С. Бейкера, Е.М. Штаермана, А.Г. Бокщанина, М. Гранта, Н.К. Дибвойза, Н.К. Дыдынского, Т.

Моммзена, А.Р. Панова, С.М. Перевалова, А.Б. Ранович, К.В. Тревера, А.Ханиотиса, С.В. Ярцева, A.R. Birley, D. Braund, J. Fündling и др.

Апелляция к оппонентам. Библиография статьи обширна и она послужит ответом на многие вопросы как оппонентов по теме статьи, так и читателей.

Выводы. Статья посвящена проблеме интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Рима уже много столетий привлекает внимание не только профессиональных историков, философов, культурологов, но и широкой читательской аудитории. Это и не удивительно: Римская цивилизация включала в себя в определённый момент большинство развитых государств своего времени. Достижения Рима стали фундаментом для современной культуры, в связи с чем вызывает интерес изучение стран, находящихся на периферии римского мира.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является проблема интеграции Армении в Римский мир в послетраяновский период. Автор ставит своими задачами показать экономические причины римских войн и завоеваний, проанализировать корни восточной политики Рима, а также рассмотреть влияние римско-парфянской войны на армянское общество.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать политику Рима к зависимым территориям на примере Армении.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 45 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объёме работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение широкого массива зарубежной литературы на английском, французском, немецком языках. Из используемых автором источников отметим ставший классическим труд Т. Моммзена. Из привлекаемых исследований укажем на труды А.Ж. Арутюняна, А.Г. Бокщанина, А.Б. Рановича, в центре внимания которых различные аспекты истории восточной политики Рима. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Рима, в целом, так и его восточной политикой, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней

можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в центре внимания его внешнеполитические перемены в римской политике после Траяна. Автор делает предположение, что римляне планировали вхождение зависимых «территорий в состав империи, но только после полной культурной и экономической интеграции в римский мир, изначально чужеродного населения». В работе показано, что «форсирование и спешка в такой важной задаче, как проведение романизации в форме эллинизации местного населения в рамках римской культурной экспансии, приводили к крайне неблагоприятным последствиям», например, война с Парфией «стала возможной благодаря слишком поспешным действиям римских властей по проведению римской культурной экспансии».

Главным выводом статьи является то, что «эллинское содружество, объединяющее всех греков античного мира, должно было послужить именно той обновленной духовной скрепой Римского мира, охватывающей и население буферной зоны, которое только еще предстояло включить в состав империи».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кричевцев М.В. — Специальный трибунал на Мартинике: из истории французского колониального правосудия начала XIX в. // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.69135

EDN: VBGFJO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69135

Специальный трибунал на Мартинике: из истории французского колониального правосудия начала XIX в.

Кричевцев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук

доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

✉ cm.martellus@gmail.com

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.69135

EDN:

VBGFJO

Дата направления статьи в редакцию:

23-11-2023

Дата публикации:

30-11-2023

Аннотация: В центре внимания в данной статье находится специальный трибунал – особый судебный орган, учрежденный во французской колонии Мартиника в 1803 г. Он был создан для проведения уголовной репрессии в отношении черных рабов, обвиняемых в отравлениях, поджогах, краже лодок и пирога для совершения побега. Главной целью исследования является определение правовых основ организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам, существовавшим в метрополии с 1801 и 1802 гг. Вопрос о соотношении данных трибуналов в колонии и в метрополии представляется малоизученным в историографии. Предметом исследования в работе выступает эволюция специального трибунала в период французского правления на острове – от учреждения суда до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Для работы

над темой были привлечены документальные материалы Национальных архивов заморской Франции, опубликованные законодательные акты и акты министров Наполеоновской эпохи, акты администрации острова из «Кодекса Мартиники». В исследовании были применены метод конкретно-исторического анализа, сравнительно-правовой анализ юридических документов и структурно-функциональный анализ судебных органов. В результате исследования можно прийти к выводу об изменении компетенции специального трибунала Мартиники в сторону ее расширения на протяжении трех этапов в 1803–1809 гг. Из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания. К его ведению стали относиться опасные преступления государственного характера. Сравнение трибунала со специальными трибуналами, созданными в метрополии в 1801 и 1802 гг., не подтверждает полного заимствования судебного права от метрополии при организации колониального суда и свидетельствует в пользу оригинальности колониального правосудия. Однако сходные черты в составе данных органов и в порядке судебной процедуры позволяют говорить об общих тенденциях в развитии судебных систем во всей Французской империи, в метрополии и в колониях, выразившихся в создании органов чрезвычайной юстиции, альтернативных судам общей юрисдикции.

Ключевые слова:

Мартиника, колонии Франции, Консулат, Первая империя, рабство, специальный трибунал, чрезвычайное правосудие, отравление ядом, убийство, смертная казнь

Колониальное господство Франции в Вест-Индии на Антильских островах началось еще в XVII в. Одним из островов была Мартиника, которая до сих пор является французским заморским департаментом. В 1794 г., в разгар Великой революции остров был захвачен Англией, но в результате побед Наполеона при заключении Амьенского мира в 1802 г. снова возвращен Франции. Передача острова под французское крыло носила знаковый характер, так как супруга первого консула Французской республики креолка Жозефина Бонапарт была родом с Мартиники.

Основу плантационного хозяйства на Антильских островах, поставлявшего на экспорт сахар, кофе и др. продукты, традиционно составляло использование рабского труда. Понимая важность сохранения рентабельности данного производства, Наполеон восстановил рабство в вест-индских колониях Франции, отмененное якобинцами в 1794 г. Оно было поддержано и на Мартинике, где существовало в годы правления англичан. Возрождение рабовладения во французской Вест-Индии спровоцировало массовое движение негритянского населения за освобождение от власти колонизаторов и плантаторов-рабовладельцев. Его центром стал о. Сан-Доминго (Гаити), где повстанцам удалось создать собственное государство, независимое от Франции. На Мартинике же французская власть продолжала сохраняться до 1809 г., когда остров был снова захвачен англичанами. В условиях социальной нестабильности и постоянной внешней угрозы со стороны Великобритании колониальное руководство Мартиники вынуждено было использовать особые средства для подавления рабов, в том числе органы юстиции. Одним из инструментов репрессии стал специальный трибунал, учрежденный на острове в конце 1803 г.

История трибунала в период 1803–1809 гг. уже привлекала внимание исследователей. В

разное время о нем писали С. Даней, И. Деббаш, А. Никола, Л. Трани, А. А. Луи [\[15, p. 63, 124, 238, 239\]](#), [\[16, p. 174, 175\]](#), [\[23, p. 294, 296\]](#), [\[24\]](#), [\[19, p. 503, 504\]](#). В отличие от других исследований, которые дают лишь самые общие представления, сочинение Л. Трани о Мартинике Наполеоновского времени содержит развернутое описание специального трибунала и производства дел в отношении рабов [\[24, p. 270–276\]](#). Однако история суда в его изображении достаточно статична. Она не учитывает изменений в компетенции трибунала в период с 1803 по 1809 г., что составляет серьезный недостаток проведенного анализа. Как правило, авторы склоняются к определению специального трибунала на Мартинике как военного суда, наделенного чрезвычайной юрисдикцией. Однако они не ставят своей задачей сопоставление его со специальными трибуналами, созданными в метрополии в 1801–1802 гг. Лишь И. Деббаш (в 1963 г.) вскользь писал о влиянии права метрополии на формирование трибунала Мартиники [\[16, p. 175\]](#). Интерес для данной темы представляет и работа Б. Майяра о специальном трибунале на Гваделупе, другой колонии Франции в Вест-Индии. Он обратил внимание на сходство в организации специальных трибуналов Франции и Гваделупы. Как он пишет: «очевидно, нормативный текст (постановления о создании трибунала на Гваделупе от 3 февраля 1803 г. – М. К.) вдохновлен законом от 18 плювиоза IX г. (7 февраля 1801 г.), установившим специальные трибуналы в департаментах метрополии...» [\[20, p. 51\]](#). По аналогии можно усмотреть подобное и в праве Мартиники. Поскольку данный вопрос о заимствовании судебного института метрополии подробно не освещался в научных исследованиях, есть основание для его рассмотрения в предлагаемой статье. Обращение к теме трибунала Мартиники обусловлено также отсутствием специальных исследований в отечественной научной литературе. В целом же тема представляется интересной и перспективной для изучения связей колониального права с правом метрополии в рамках Французской империи, а также для понимания расовой политики во Франции Наполеоновской эпохи.

Главной целью исследования является определение правовых основ организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам метрополии. Для достижения указанной цели в статье предлагается рассмотреть основные нормативно-правовые акты 1803–1809 гг., связанные со специальным трибуналом колонии; определить состав суда и порядок производства дел в трибунале; выявить этапы в становлении его компетенции; провести сравнительный анализ со специальными трибуналами метрополии 1801 и 1802 гг. Предметом исследования в работе выступает эволюция специального трибунала в период французского правления на острове – от учреждения суда в 1803 г. до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Объектом изучения является судебное право, определявшее организацию и формы производства уголовных дел в специальном трибунале колонии и специальных трибуналах метрополии.

Для исследования были привлечены материалы Национальных архивов заморской Франции (Archives nationales d'outre-mer – ANOM), фотокопии рукописных и печатных документов (акты колониальной власти, решения специального трибунала Мартиники, материалы служебной переписки); опубликованные (аутентичные) акты законодательства и акты отдельных министров начала XIX в.; акты администрации острова, собранные в «Кодексе Мартиники» [\[13\]](#), [\[14\]](#). При работе над темой был применен метод конкретно-исторического анализа, проведены сравнительно-правовой анализ юридических документов и структурно-функциональный анализ судебных органов.

Для понимания особенностей колониального правосудия в отношении рабов следует

хотя бы в общих чертах обрисовать правовой статус раба. Восстановив в 1802 г. рабство в колониях Франции, Наполеон возобновил одновременно действие прежних норм, применявшихся к рабам на момент начала Революции в 1789 г. Соответственно в заморских владениях стали снова действовать положения Черного Кодекса (Code Noir) 1685 г. и последующих королевских нормативных актов. В праве Старого порядка раб рассматривался как «движимое имущество» хозяина, иными словами, как вещь, а не лицо в юридическом смысле [\[18, p. 9\]](#). Это напоминает рабство Древнего Рима с его известным положением «*servi res sunt*» («рабы суть вещи»). Однако в отличие от античного рабства рабы в колониях Франции были наделены определенными правами, которых не могло быть у «вещи» в полном смысле этого слова. В частности, право учитывало религиозные потребности раба, который имел право на крещение и приобщение к вере Христа. Оно также давало рабу право на создание семьи: раб мог вступить в законный брак и иметь детей. Правда, заключение брака требовало согласия хозяина, а родившееся потомство причислялось к его имуществу (а именно: к имуществу господина матери детей, если рабы принадлежали разным хозяевам, что признавалось и римским правом) (о сравнении рабского права Антильских о-вов с правом Рима см.: [\[21\]](#)).

Все произведенное трудом раба входило в собственность господина. В гражданско-правовой сфере раб был неспособен и лишен самостоятельной юридической ответственности. Иначе было в уголовно-правовой сфере. Здесь Черный Кодекс подчинял рабов отчасти действию общих уголовных законов наравне со свободными лицами. Как говорилось в арт. XXXII Кодекса, «рабы могут подвергаться уголовному преследованию без необходимости привлечения стороны их хозяина, за исключением случая соучастия: и названные рабы будут обвинены, судимы в первой инстанции обычными судьями и по апелляции в Верховном Совете по такому же следствию, с теми же формальностями, что и свободные лица» [\[18, p. 8\]](#). За совершенные рабами преступления суды могли назначать им наказания вплоть до смертной казни, но в этом последнем случае хозяину должна была быть выплачена денежная компенсация за утрату имущества [\[18, p. 8, 9\]](#). Черный Кодекс позволял хозяевам и самим применять расправу в отношении рабов: заковывать в цепи, бить розгами или веревками, но без использования пыток и отрезания членов под страхом конфискации рабов и уголовного преследования против господина [\[18, p. 9\]](#). Таким образом, французское право в определенной мере создавало условия для признания личности раба и предоставляло ей юридическую защиту от полного произвола господина. Оно допускало определенное вмешательство публичной власти в сферу отношений хозяина и раба при совершении последним уголовно-наказуемого деяния.

Важная особенность, отличавшая колониальное рабство – его ярко выраженный расовый характер. Античное рабство обычно не делало строгих различий между рабами разной расовой принадлежности, тогда как рабовладение Нового времени основывалось на представлении о неполноценности и неразвитости африканских народов, выступавших объектом эксплуатации белого человека. Идеи расового превосходства французов над черными были ясно выражены в циркуляре морского министра и колоний Дени Декре от 20 июля 1807 г., который максимально ограничил въезд черных и цветных людей обоого пола в метрополию (в соответствии со старым нормативным актом – королевской декларацией от 9 августа 1777 г.). Министр писал, что это наиболее приемлемое средство, «чтобы остановить проникновение во Францию африканской расы, политически недальновидное и скандальное смешение, которое могло из-за этого произойти во французской крови и другие серьезные неудобства, связанные с этой

иммиграцией» [\[10, f. 260\]](#). Другой циркуляр – высшего судьи и министра юстиции К.-А. Ренье от 18 нивоза XI года Республики (далее – г. Р.) (8 января 1803 г.) выражал «намерение правительства» не допускать заключения браков между белыми мужчинами и негритянками и между неграми и белыми женщинами [\[17, p. 449\]](#). Такая правовая идеология создавала во Французской колониальной империи режим расовой сегрегации. Он не был достаточно новым для Франции и опирался в основном на нормы Старого порядка, но был усугублен под воздействием эксцессов Гаитянской революции и враждебных действий черного населения на стороне Великобритании.

В рамках данного режима вполне закономерным стало введение особой юстиции для черных людей, лишенных свободы. Черный Кодекс Людовика XIV установил относительное равенство белых и черных перед уголовным правосудием, однако на Мартинике в начале XIX в. власти попытались уклониться от этого положения и создать особый репрессивный орган в виде специального трибунала.

Необходимость его учреждения на острове генерал-капитан Мартиники и адмирал Л.-Т. Вилларе де Жуайёз обосновал в письме к министру морского флота и колоний Д. Декре от 6 фримера XII г. Р. (28 ноября 1803 г.). Адмирал писал, что вынужден был прибегнуть к этой мере в связи с участвовавшими случаями отравлений, совершаемых неграми-рабами [\[3, f. 112\]](#). Трибунал должен был стать органом подавления негритянской преступности. Постановление о таком суде Вилларе издал 24 вандемьера XII г. Р. (17 октября 1803 г.) [\[4, f. 188-194\]](#), [\[13, p. 626-633\]](#). Акт содержал 37 артикулов и касался разных аспектов состава и компетенции трибунала, порядка ведения процессуальных действий и принятия судебных решений, устанавливал систему наказаний. Специальный трибунал рассматривался в акте как временное учреждение: его действие должно было прекратиться спустя год после заключения мира (очевидно, с Великобританией).

Состав трибунала включал в себя семь лиц: командира жандармерии (председателя на заседании суда), лейтенанта жандармерии, гражданского комиссара того квартала (округа на территории острова), в котором было совершено преступление, заместителя комиссара, одного именитого жителя (*habitant notable*), обладавшего собственностью в том же квартале, а также комиссара правительства и секретаря. Комиссар правительства и секретарь (по представлению высшего судьи Мартиники) назначались генерал-капитаном острова. При отсутствии гражданского комиссара квартала или его заместителя их могли заменить именитыми жителями того же квартала либо соседнего, но обязательно из числа капитанов Национальной гвардии. Такие жители могли быть назначены командиром жандармерии. Функции привратника при специальном трибунале следовало исполнять жандармам.

Круг уголовных дел, подлежавших ведению специального трибунала, определялся в арт. I и II Постановления. Там были обозначены три состава преступления: отравление, поджог, похищение лодок и пирог, совершаемые рабами, которые отныне изымались из ведения обычных судов. Арт. V уточнял, что данные преступления будут преследоваться по должности комиссаром правительства при специальном трибунале на основании обвинения, выдвинутого любым лицом, свободным или рабом.

Порядок досудебного расследования предполагал, что любое лицо, осведомленное о совершенном рабом преступлении должно было сообщить об этом гражданскому комиссару квартала или его заместителю. Комиссар квартала, известив комиссара правительства при специальном трибунале, должен был произвести арест подозреваемого. Последний должен был содержаться под надежной охраной в одном из

кварталов острова (Форт-де-Франс, Сен-Пьер или Трините). Далее комиссар правительства представлял свой акт обличения (*plainte*) командиру жандармерии, который должен был явиться на место для проведения следствия и созвать трибунал в установленный срок. Протокол с определением выявленных улик и результатов осмотра места в случае всех трех составов преступления должен был вести комиссар квартала или его заместитель. В случае отравления также необходимо было присутствие хирурга для обследования трупа жертвы и определения отравляющих веществ. При составлении протокола должны были присутствовать двое именитых лиц. Допрос подследственного следовало производить в течение 24 часов с момента представления обвинения со стороны комиссара правительства. Протокол допроса обязательно подписывался на каждом листе командиром жандармерии, секретарем и уже самим обвиняемым. Свидетели допрашивались под клятвой, отдельно и в отсутствие обвиняемого. Однако в случае возникновения противоречий в показаниях допускалось проведение очных ставок между свидетелями или свидетелем и обвиняемым. При наличии нескольких обвиняемых, возможно было проводить очные ставки также между ними или по отдельности каждого из них со свидетелем. Свидетель, давший ложные показания или изменивший первоначальные слова, подлежал судебному преследованию в обычном суде. По завершении досудебного следствия его материалы должны были быть переданы комиссару правительства. Свои заключения комиссар обязан был затем представить в письменном виде за печатью командиру жандармерии.

На заседание специального трибунала судьи, а также свидетели приглашались особыми письмами от лица комиссара правительства. В качестве свидетеля мог быть вызван раб, но в этом случае письмо адресовалось хозяину раба. Явка по письму и участие в работе трибунала являлись обязательными под угрозой штрафа. Члены суда, призванные в трибунал и не явившиеся без уважительных причин либо отказавшиеся подписать приговор, могли быть наказаны штрафом в 1000 ливров. Свидетели, отказавшиеся явиться по вызову – штрафом в 250 ливров (подлежали штрафу и хозяева рабов при несогласии прислать их в качестве свидетелей). На судебном заседании специального трибунала доклад по делу должен был делать лейтенант жандармерии, отдельные бумаги мог зачитывать секретарь трибунала. Секретарь также должен был сформулировать приговор суда, который обязаны были подписать все судьи вне зависимости от своего мнения по делу. Окончательное решение принималось судьями по большинству голосов (акт 1803 г. не уточнял, какое большинство имелось в виду). Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Его следовало сразу огласить подсудимому и немедленно привести в исполнение. Впрочем, по желанию командира жандармерии и комиссара правительства оно могло быть отложено на пять-шесть часов максимум, дабы провести экзекуцию в присутствии групп рабов (очевидно, в целях большего эффекта и устрашения). Требовалось, однако, придерживаться правила, по которому исполнение приговора не могло совершаться после захода солнца. Если приговор пришлось вынести слишком поздно, его следовало огласить подсудимому на следующее утро.

Арт. XXXIV и XXXV Постановления генерала-капитана содержали уголовные нормы, относившиеся к наказаниям, применяемым к рабам. Отравления и поджоги влекли за собой наказание в виде смертной казни. Попытка отравления или поджога при наличии явных действий и приготовлений наказывалась так же, смертью виновного. Однако в случае, если преступник внезапно и «под угрызениями совести» прекратил осуществление преступления, наказание могло быть смягчено решением специального трибунала. Похищение лодок и пирог с целью побега наказывалось смертной казнью для руководителей заговора, а для соучастников установлено наказание галерами

пожизненно. Неудавшаяся попытка совершения этого преступления могла быть наказана менее сурово: для организаторов – пожизненные галеры; для соучастников, по усмотрению трибунала – выставление у позорного столба, тюремное заключение или наказание кнутом. Поскольку раб представлял имущество хозяина, и вследствие присуждения к наказанию господин терял возможность его использования, акт 1803 г. предусматривал выплату денежного возмещения (art. XXXVI). Для этого перед исполнением наказания двое белых жителей (но не родственники хозяина) в присутствии комиссара правительства должны были произвести оценку раба и установить его стоимость. Цена затем должна быть оплачена господину из особой «кассы осужденных рабов» (la caisse des esclaves justiciés).

Последующие нормативные акты островных властей внесли определенные изменения в порядок работы и компетенцию специального трибунала. Так, уже в самом начале действия суда в 1803 г., когда рассматривалось дело об отравлениях на поселении Эйма (l'habitation Eyma), в Ламантене, комиссар правительства при специальном трибунале Деланд (Deslandes) обратился к высшему судье Лефесье Гранпрею с ремонстрацией. Комиссар выражал недовольство по поводу непомерных требований к исполнению формальностей при проведении допросов подозреваемых, необходимости очных ставок между рабами и проч., что могло привести к сильному замедлению процесса (число привлеченных к обвинению лиц могло превысить 25 чел.). Высший судья тогда выпустил свое постановление, согласованное с генералом-капитаном, от 9 брюмера XII г. Р. (1 ноября 1803 г.) [\[5, f. 198–199\]](#). В целях экономии времени решено было производить допросы и очные ставки между обвиняемыми и свидетелями сразу в присутствии всего созданного суда.

В дальнейшем была также значительно расширена юрисдикция трибунала. Постановление генерала-капитана от 24 плювиоза XII г. Р. (14 февраля 1804 г.), состоявшее только из двух артикулов, присвоило трибуналу право судить всех негров-рабов, обвиненных в совершении дезертирства к врагу, вербовке (l'embauchage), шпионаже, посадке на борт вражеских судов и возвращении на территорию колонии. Попытки совершения данных преступлений должны были наказываться так же, как исполненное преступление [\[6, f. 202, 202v\]](#).

В дальнейшем эффективная, с точки зрения генерала-капитана, практика работы специального трибунала привела к необходимости издания нового Постановления от 8 мессидора XIII г. Р. (27 июня 1805 г.), из девяти артикулов [\[14, p. 27–29\]](#). Оно носило системный характер и еще более расширило круг ведения трибунала. Постановление подтвердило подсудность трибуналу дел об отравлениях, поджогах и похищениях рабами лодок и пирог (art. I), а также частично дел, определенных в Постановлении 1804 г. – о дезертирстве к врагу, вербовке и шпионаже в пользу врага (art. VI). Другие артикулы содержали новые составы, которые ранее не подлежали юрисдикции данного суда. В частности, по арт. II к ведению специального трибунала был отнесен раб, участвовавший в мятежных сборищах или пытавшийся подстрекать себе подобных к восстанию, по арт. III – всякий беглый раб, взявший оружие. Указывалось также, что любое правонарушение (délit), совершенное беглым рабом, подлежало рассмотрению трибунала (art. IV). За все преступления, указанные в арт. II, III, VI, Постановление предусматривало смертную казнь (в том числе для беглого раба, схваченного с оружием в руках). Наказание смертью за дезертирство, вербовку и шпионаж могло быть заменено на другое, более мягкое, если было установлено, что раб был вовлечен в преступление силой. Что касается иных преступлений, в частности, совершенных рабом во время побега, специальный трибунал должен был определять наказания сообразно

совершенному нарушению. Серьезное значение имел артикул VIII, который подчинял юрисдикции специальных трибуналов свободных лиц из «цветных людей» (*individu de couleur libre*), обвиненных в совершении дезертирства, вербовки и шпионажа в пользу врага, либо только в попытке их совершения. Исключение составлял случай, когда цветной человек состоял на службе. В этом случае подобные преступления подлежали суду военного совета.

Наконец, еще одно Постановление генерала-капитана от 26 сентября 1806 г. (из двух артикулов) дополнило прежние нормы [\[14, p. 170, 171\]](#). Его появление было вызвано ростом беспорядков в группах рабов, занятых сельским трудом (в так наз. *ateliers*). В целях ужесточения дисциплины, было постановлено, что ведению специального трибунала будет подлежать «всякий сельский раб, обвиненный в мятеже против белого или в нанесении ему удара». Но одновременно была расширена и юрисдикция в отношении свободных людей: отныне ведению трибунала подлежал любой человек без места жительства и признания (*sans aveu*), незаметно появившийся в колонии и обвиняемый в шпионаже, переманивании к врагу или подстрекательстве к мятежу. При этом уточнялось, что цвет кожи обвиняемого значения не имел. Суд должен был применить к нему наказание в соответствии с законами, сообразно совершенному правонарушению. Как видно, данное Постановление 1806 г. привело к утрате специальным трибуналом его исключительно расовой специализации. В целом, опираясь на нормативно-правовые акты местной власти, историю этого суда в эпоху французского правления на Мартинике можно представить в виде трех основных периодов. В 1803–1805 гг. трибунал выступал эксклюзивным средством уголовной репрессии в отношении рабов. Далее в 1805–1806 гг. он являлся судом по тяжким преступлениям для всех черных и цветных людей, рабов и свободных. Затем в 1806–1809 гг. это был суд по тяжким преступлениям не только для черных и цветных людей, но и пришедших маргиналов из числа белого населения.

Практика работы специального трибунала показывает, что одним из самых распространенных преступлений, совершаемых рабами и подлежавших рассмотрению суда, было отравление. Яд был весьма доступным средством, которое рабы могли использовать для осуществления мести или в состоянии отчаяния. Преступники травили прежде всего других рабов или животных. Реже применяли отраву в отношении хозяев: среди негров в прошлом бытовало поверье, что африканские яды на белых действуют слабее [\[22, p. 141\]](#). Отравители могли покушаться в том числе на членов своей семьи. Например, по материалам дела 1807 г., командор поселения Ла Капот (господина Фортъе) Алексис подозревался в отравлении собственного сына «в момент злости»; раб-мулат господина Вальмона Базиль отравил дочь; негр Жан-Дени у господина Лейрица решил избавиться от жены и т. п. [\[9, f. 56, 56v\]](#) Любопытно отметить, что для изготовления яда преступники помимо растительных ингредиентов часто использовали останки трупов, извлеченных из могил на кладбище, могли даже приготовить «отвар» на их основе («*bouillon des cadavres*») [\[9, f. 55\]](#).

В приложении к публикации Сиднея Данея по истории Мартиники (1846) имеется документ за подписью королевского прокурора Гуэна (*Gouin*), появившийся уже после повторного захвата Мартиники англичанами [\[15, p. 419–427\]](#). Он показывает количество и содержание приговоров, вынесенных по делам об отравлениях с момента основания трибунала в 1803 и до 1811 г. (орган был сохранен английскими властями). Приведенный список позволяет судить об интенсивности работы суда и суровости использованных наказаний. Общее количество приговоров по делам об отравлениях за

период французского правления в 1803–1809 гг. составило 19. Из них два приговора вынесены в конце 1803 г. (трибунал учрежден в октябре этого года), два – в 1804, два – в 1805, один – в 1806, три – в 1807, восемь – в 1808, один – в январе 1809 г. Что касается наложенных наказаний, то вынесенные приговоры содержали наказание смертной казнью в отношении 58 лиц, наказания другими видами (среди них могли быть галеры, каторжные работы (*la chaîne*, «оковы»), изгнание, пожизненное тюремное заключение и депортация) – в отношении 26 лиц. Значительная часть рабов была также оставлена в подозрении за недоказанность вины. В некоторых случаях речь шла о массовых репрессиях. Например, 2 ноября 1807 г. был вынесен приговор в квартале Басс-Пуант, где 19 лиц были приговорены к смерти, а 9 к другому наказанию; 16 февраля 1808 г. – приговор в поселениях О’Мюллан и Лаграв, в Ламантене, где 11 чел. была назначена смертная казнь. Большинство же приговоров затрагивали судьбу одного или двух преступников [\[15, p. 420-425\]](#). Как видно из приведенных материалов, более интенсивно специальный трибунал рассматривал дела об отравлениях к концу французского господства на острове. Можно предположить, что усилению уголовной репрессии в указанный период могли способствовать возросшая угроза нападения со стороны англичан и их влияние на местное население.

Наиболее резонансным делом в юрисдикции специального трибунала стало дело 1806 г. о попытке убийства одной высокопоставленной особы – тещи императора Наполеона I. Мать императрицы Жозефины Роза-Клэр Таше де Ла Пажери (*Tascher de La Pagerie*) (1736–1807) продолжала жить на Мартинике, пользуясь почетом и уважением со стороны властей и местного населения. Есть также сведения, что и к своим рабам аристократка относилась достаточно милостиво. Тем не менее, она чуть не стала жертвой преступления, совершенного приближенной к ней рабыней (*métive* – метиской). По данным биографа Ж. Г. Абри, эта рабыня по имени Эмилия должна была получить свободу по завещанию госпожи [\[2, p. 20\]](#). Желая ускорить этот момент, рабыня пошла на совершение убийства: 3 июня 1806 г. она попыталась умертвить госпожу, подсыпав ей толченого стекла в тарелку с горохом. Во время трапезы мадам де Ла Пажери обнаружила опасность, так что трагедии не произошло. Началось расследование, продолжавшееся всего несколько дней в июне с соблюдением необходимых формальностей. Помимо Эмилии были арестованы и допрошены также служащие правительственного дворца негры Тереза и Жозеф, подозреваемые в соучастии. Для суда над ними был составлен специальный трибунал. В него вошли: командир эскадрона К. О. Л. Мотте (председатель трибунала), командующий жандармерией; С. де Крозан, комиссар-командир прихода Форт-де-Франс; Т. Р. Гарнье Ларош, заместитель комиссара прихода; Ж. Шампен, старший хирург военного и морского госпиталя Форт-де-Франс; К. Ф. Сен-Феликс, капитан жандармерии и докладчик по делу; П. Ф. Депаз, секретарь трибунала. Трибунал вынес приговор 9 июня 1806 г. По результатам проведенного следствия, очных ставок и судебных слушаний рабыня Эмилия была признана виновной в покушении на отравление и лишение жизни своей госпожи; негритянка Тереза была оставлена в подозрении, и в отношении нее следовало вести более широкое расследование; негр Жозеф был оправдан. Наказание виновной рабыне было определено в соответствии с арт. XXXIV Постановления от 24 плювиоза XII г. Р., который предписывал карать смертью не только совершенное путем отравления убийство, но и равным образом покушение на него, сопровождавшееся явными приготовлениями к преступному деянию. Эмилия была приговорена к сожжению заживо в самом видном месте города с последующим развеянием ее праха по ветру. Казнь должна была быть совершена в течение двадцати четырех часов с момента вынесения приговора [\[7, f. 210-212v\]](#), [\[8, f. 174-176v\]](#). Следует заметить, что во Французской метрополии в то время

использовался другой, более «гуманный» вид смертной казни – отсечение головы на гильотине, а для наказания военных – расстрел. Очевидно, что квалифицированная казнь в виде сожжения была предназначена для рабов в соответствии с традициями Старого порядка.

В целом в качестве специального трибунала на Мартинике предстает чрезвычайный суд, созывавшийся от случая к случаю и наделенный широкой карательной властью. Обратимся, однако, к опыту организации специальных трибуналов во Франции эпохи Консулата, чтобы понять, насколько колониальный суд походил или отличался от судов с таким же названием, которые были учреждены в метрополии в 1801 г.

Следует обратить внимание, что в акте о создании специального трибунала колонии 1803 г. не содержалось отсылок к закону об учреждении специальных трибуналов во Франции. Это сразу порождает сомнения в заимствовании института метрополии. Еще большие сомнения возникают при обращении к составу и компетенции указанных трибуналов Франции. В соответствии с Законом от 18 плювиоза IX г. Р. (7 февраля 1801 г.), в состав трибунала входило восемь судей: трое из местного уголовного трибунала департамента (председатель и двое судей); трое военных в чине не ниже капитана и двое штатских лиц, обладавших качествами, позволявшими быть судьей. Эти пять судей должны были назначаться первым консулом. Поскольку уголовные судьи из департаментских трибуналов по Конституции 1799 г. также назначались только первым консулом, по сути, весь состав специального трибунала определялся главой правительства. В качестве комиссара правительства и секретаря при этом трибунале должны были выступать соответствующие должностные лица уголовного трибунала в департаменте [\[11\]](#). Как видно из указанного списка, состав специального трибунала метрополии не совпадал с составом трибунала колонии (восемь судей против пяти). В трибунале колонии отсутствовали профессиональные судьи из местного уголовного суда, зато первенствующую роль играли представители жандармерии. Тем не менее, можно видеть нечто общее в смешанном составе трибуналов: в обоих случаях в одном суде должны были участвовать военные и штатские лица. Только в трибунале метрополии председателем являлось штатское лицо, а в трибунале колонии – военное (командир жандармерии). В дополнение к специальным трибуналам 1801 г. в метрополии была введена в следующем году вторая их разновидность (по Закону от 23 флореала X г. Р. (13 мая 1802 г.)). В состав такого специального трибунала входило уже шесть судей и только штатские: трое из уголовного департаментского трибунала (председатель и двое судей), еще трое из гражданского трибунала первой инстанции (председатель и двое судей). При необходимости они могли быть замещены своими заместителями [\[12\]](#). Состав данных специальных трибуналов еще более отличался от состава трибунала колонии.

В плане компетенции специальные трибуналы в метрополии, образованные в 1801 г., должны были рассматривать дела, различавшиеся по качеству обвиняемых лиц и по природе совершаемых преступлений. По качеству обвиняемых лиц ведению трибуналов подлежали дела только двух категорий: бродяг или «людей без признания» (*gens sans aveu*), совершивших преступление, и преступников, отбывавших мучительное наказание и совершивших преступление во время побега, а также сам факт бродяжничества (*vagabondage*) или побега осужденного преступника. Преступное деяние, совершенное обеими категориями, должно было быть таким, которое наказывалось мучительным или позорящим наказанием (т. е. должно быть достаточно опасным). По природе преступления и вне зависимости от качеств субъекта правонарушения круг ведения специальных трибуналов определялся довольно широко. К их юрисдикции относились: кражи на больших дорогах, насилия и другие отягчающие обстоятельства при

совершении правонарушения; кражи, совершенные в сельской местности и в деревенских жилищах и постройках со взломом, или с применением оружия, или группой лиц по меньшей мере из двух человек; поджоги; фальшивомонетничество; убийства, подготовленные «вооруженными толпами» (*attroupemens armés*); угрозы, бесчинства и насильственные действия против приобретателей национальных имуществ (из-за их приобретений); подстрекательство к дезертирству и мошеннические действия, совершенные вне армии и невоенными лицами с целью подкупа или совращения военных лиц, мобилизованных солдат (*réquisitionnaires*) или конскриптов; участие в мятежных собраниях, когда преступники были схвачены на месте собрания. Специальный трибунал был уполномочен расследовать также преднамеренные убийства, но совместно с обычным трибуналом. В случае, если помимо указанных преступлений в процессе разбирательства будут выявлены другие правонарушения, специальный трибунал обязан был судить и эти факты, какова бы ни была природа данных нарушений. В этом смысле судебная компетенция новых трибуналов носила неограниченный характер и могла распространяться на уголовные дела, подсудные другим судам [\[11\]](#).

Другие специальные трибуналы метрополии, учрежденные дополнительно в 1802 г., должны были вести дела по таким составам преступных деяний, как контрафакция или подделка государственных ценных бумаг, государственной печати, национального штампа (*timbre national*), пробирного клейма для золота и серебра, правительственных знаков, помещаемых на товарах; в целом – любого преступления по подделке публичного или частного документа или использованию заведомо фальшивых бумаг [\[12\]](#) (см. также: [\[1, с. 337–341\]](#)).

Сравнение компетенций судов в метрополии и специального трибунала в колонии показывает, что компетенция трибуналов метрополии была намного шире, чем колониального суда. По качеству обвиняемых лиц определенное пересечение компетенции можно констатировать лишь на последнем этапе развития специального трибунала на Мартинике в 1806–1809 гг., когда его ведению стали подлежать свободные лица без места жительства и признания. В том же, что касается рабов и свободных цветных людей, совпадений не было, и суд над такими лицами составлял оригинальную компетенцию колониального трибунала. По природе совершаемых преступлений можно видеть наличие сходных составов преступлений в судах метрополии и в специальном трибунале Мартиники, таких, как поджог, подстрекательство к дезертирству, участие в мятежных собраниях. Однако в ведение трибунала колонии входили такие специфические составы, как отравление, похищение лодок и пирог с целью совершения побега (но не убийство или кража как более общие составы), мятеж в отношении белого человека и нанесение ему удара. При этом большую часть составов преступлений, входивших в юрисдикцию специальных трибуналов метрополии по актам 1801 и 1802 гг., трибунал Мартиники не расследовал. Все это свидетельствует в пользу несомненной оригинальности колониального суда.

Вместе с тем можно видеть коренное сходство в природе данных судебных учреждений. Как и суды метрополии, специальный трибунал колонии действовал как чрезвычайный орган правосудия: по ускоренной процедуре, без обвинительного жюри для выдвижения обвинения и без малого жюри присяжных для вынесения вердикта о судьбе обвиняемого; без возможности обжалования приговора. Чрезвычайный характер данных судов подчеркивался также наполовину военным, наполовину штатским составом специальных трибуналов метрополии (1801 г.) и колонии.

Проведенное исследование показывает изменения в компетенции специального

трибунала Мартиники в сторону ее расширения – на протяжении трех этапов в 1803–1809 гг. Из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания. К его ведению стали относиться опасные преступления государственного характера. Не поддерживая идею полного заимствования данного института из судебного права метрополии, тем не менее, можно усмотреть в организации специальных трибуналов некоторые общие тенденции в развитии судебных систем Франции и ее колоний в начале XIX столетия. Они определялись, с одной стороны, военным характером Наполеоновской эпохи, требовавшим принятия чрезвычайных мер и усиления уголовной репрессии. С другой стороны, они провоцировались потребностями французского государства в разрешении социальных коллизий, когда уголовная юстиция использовалась для борьбы с бродяжничеством и бандитизмом на территории метрополии и для сдерживания протестного движения негров-рабов в колониях. Результатом стало создание альтернативного правосудия в виде специальных трибуналов. Они могли решать задачи уголовного производства более быстро и эффективно, чем это делали суды общей юрисдикции, хотя и в нарушение процессуальных прав, установленных в прежний революционный период.

Библиография

1. Кричевцев М. В. Специальные трибуналы в судебной системе эпохи Консулата: из истории военно-судебного права Франции XVII – начала XIX в. // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития. Сб. ст. по итогам IV Новосиб. междунар. юрид. форума. Новосибирск: НГУЭУ, 2023. Ч. 1. С. 334–348.
2. Abry J. G. Essai biographique sur Madame Tascher de La Pagerie... . P.: Mme v. Galpin et Guesnon, 1856. 24 p.
3. ANOM. COL C8 A 107 F 112
4. ANOM. COL C8 A 107 F 188
5. ANOM. COL C8 A 107 F 198
6. ANOM. COL C8 A 109 F 202
7. ANOM. COL C8 A 112 F 210
8. ANOM. COL C8 A 114 F 174
9. ANOM. COL C8 A 115 F 51
10. ANOM. COL C8 A 115 F 259
11. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an IX. T. 2. Bull. 68. № 527.
12. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an XI. T. 6. Bull. 190. № 1574.
13. Code de la Martinique. Nouv. éd., par M. Durand-Molard. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1811. T. 4. 916 p.
14. Code de la Martinique. Nouv. éd., continuée par M. Dufresne de St-Cergues. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1814. T. 5. 880 p.
15. Daney S. Histoire de la Martinique depuis la colonisation jusqu'en 1815. Fort-Royal: E. Ruelle, imprimeur, 1846. T.6. 434 p.
16. Debbasch Y. Opinion et droit: Le crime d'empoisonnement aux Iles pendant la période esclavagiste // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1963. T. 50, № 179, trimestre 2. P. 137-188.
17. Dictionnaire des arrêts modernes. Par M. Loiseau. P.: Aux Archives du droit français,

- Chez Clament frères, libraires-éditeurs, 1809. T. 2. 655 p.
18. Le Code Noir ou Edit du Roy, servant de reglement pour le Gouvernement & l'Administration de Justice & la Police des Isles Françaises de l'Amerique, & pour la Discipline & le Commerce des Negres & Esclaves dans ledit Pays. Donné à Versailles au mois de Mars 1685. P.: Chez C. Girard, 1735. 14 p.
 19. Louis A. A. Les libres de couleur en Martinique des origines à 1815. Thèse pour le doctorat en Histoire. L'Université des Antilles et de la Guyane, 2011. 790 p.
 20. Maillard B. Le tribunal spécial de la Guadeloupe et Dépendances, 1803–1806 // Annales historiques de la Révolution française. 2018/4, № 394. P. 51–78.
 21. Mignot, Dom A. Le droit romain et la servitude aux Antilles // Bulletin de la Société d'Histoire de la Guadeloupe. 2001. № 127–128. P. 25–46.
 22. Moitt B. Women and Slavery in the French Antilles, 1635-1848. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2001. 238 p.
 23. Nicolas A. Histoire de la Martinique. Des Arawaks à 1848. P.: L'Harmattan, 2016. T. 1. 418 p.
 24. Trani L. La Martinique napoléonienne 1802–1809. Entre ségrégation, esclavage et intégration. P.: Éditions SPM, 2014. 420 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Франции богата как на героические свершения, так и на трагические неудачи. Помимо богатого военного прошлого Франция являлась одной из крупнейших колониальных держав, одно время весьма удачно соперничавшая с признанной владычицей морей Великобританией. Однако и тут цепочка неудач привела к крушению первой колониальной французской империи, почти окончательно исчезнувшей в годы наполеоновских войн. А между тем Французская Гвиана, Гаити и ряд Антильских островов были в известной мере успешными колониальными проектами, в силу ряда причин не справившихся с социально-политическими трудностями конца XVIII в.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является эволюция специального трибунала в период французского правления на Мартинике. Хронологические рамки исследования охватывают период от учреждения суда в 1803 г. до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Автор ставит своими задачами «рассмотреть основные нормативно-правовые акты 1803–1809 гг., связанные со специальным трибуналом колонии; определить состав суда и порядок производства дел в трибунале; выявить этапы в становлении его компетенции; провести сравнительный анализ со специальными трибуналами метрополии 1801 и 1802 гг.»

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе также используется сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать правовые основы организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам метрополии. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входят свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов на французском и английском языках. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Национальных архивов заморской Франции, актов администрации острова, собранные в «Кодексе Мартиники» и т.д. Из используемых исследований отметим труды французских авторов А. Николя, Л. Трани и других специалистов. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как французской колониальной системой, в целом, так и правовой системой в колониях, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в условиях социальной нестабильности и постоянной внешней угрозы со стороны Великобритании колониальное руководство Мартиники вынуждено было использовать особые средства для подавления рабов, в том числе органы юстиции», среди них был и специальный трибунал. Автор подробно останавливается на правовом статусе раба во французских колониях, обстоятельства создания и изменения в компетенции специального трибунала Мартиники. В работе показано, что «из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания».

Главным выводом статьи является то, что специальный трибунал из органа репрессии исключительно для рабов «постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. — Классические теории национализма в контекстах истории миноритарных национализмов Великобритании: региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 59 - 75. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68857 EDN: WMXBKE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68857

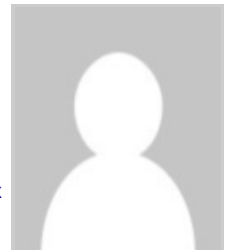
Классические теории национализма в контекстах истории миноритарных национализмов Великобритании: региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: 0000-0003-3819-3103

доктор исторических наук

Воронежский государственный университет; доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68857

EDN:

WMXBKE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2023

Аннотация: Цель представленного исследования – анализ возможности использования классических теорий национализма, предложенных в научной литературе, для анализа истории миноритарных национализмов в британской историографической ситуации. Автор в статье анализирует сложности интеграции и ассимиляции идеальных моделей Руритании и Мегаломании как воображаемых национализирующихся и модернизирующихся обществ, предложенных Э. Геллнером, а также периодизацию национализма Мирослава Хроха как «идеальные» интерпретационные модели в контекстах британской историографии. Предметом представленной статьи являются

классические модернистские теории национализма, объектом – возможности их применения в британских исторических исследованиях для изучения истории миноритарных национализмов. Предполагается, что процессы националистической модернизации и развития региональных национализмов, с одной стороны, воспринимаются через призму конструктивистского подхода. С другой стороны, автор полагает, что британский исторический материал характеризуется значительной степенью сопротивления и поэтому использование классических теорий национализма в контекстах консерватизма историографического воображения в Великобритании является дискуссионным. В статье проанализированы сложности интеграции истории региональных миноритарных национализмов и английского национализма в контексты социокультурного модернизма классических теорий национализма. Результаты исследования позволяют предположить, что для современной британской историографической ситуации одновременно характерен интерес к проблемам социальной истории региональных национализмов и значительный консерватизм, который проявляется в игнорировании классических теорий национализма, несмотря на эффективность их интерпретационных моделей.

Ключевые слова:

национализм, региональные национализмы, английский национализм, шотландский национализм, валлийский национализм, историография, ревизионизм, модернизм, социальная история, историческая память

Введение. Современная междисциплинарная историография национализма и относится к числу динамично развивающихся направлений в исторической науке. Историки, вовлеченные в изучение национализма, активно используют достижения политической истории, социальной истории, истории идей, интеллектуальной истории. Кроме этого исследования национализма создают возможности для междисциплинарного синтеза с политическими и социальными науками. Особое место среди современных европейских национализмов занимают национализмы Великобритании.

В сравнении с другими националистическими движениями в континентальной Европе, в частности, и в западном мире, в целом, история национализма в Великобритании изучена в меньшей степени, чему содействует целый ряд причин. Традиционно в исторической литературе наиболее активно изучались миноритарные национализмы, с первую очередь ирландский. Позднее в число объектов изучения вошли шотландский и валлийский национализмы. В этой ситуации в историографии, сфокусированной на изучении национализма на Британских островах, складываются диспропорции, связанные с тем, что миноритарные национализмы изучены в большей степени. Это допущение относится к истории и современному состоянию валлийского, ирландского и шотландского национализмов.

Вместе с тем, формально национализм фактического большинства, то есть английский, в исторической литературе нередко оказывался в тени своих более успешных региональных конкурентов, которые привлекали больше внимания со стороны исследовательского сообщества. Кроме этого изучения национализма на территории Великобритании сопряжено не только с собственно историографическими трудностями, связанными со сложившимися диспропорциями в выборе объектов изучения через призму политической и идеологической актуальности, но и с определенными затруднениями методологического характера.

Известно, что в середине XX века сложилась теоретическая историография, посвященная национализму. Усилиями таких ученых как Эрнест Геллнер, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум, Мирослав Хрох и других была предложена методология изучения национализма как универсального и всемирно-исторического явления. В рамках такой преимущественно модернистской и конструктивистской исторической академической традиции подчеркивалась универсальность национализма как фактора и источника социальной модернизации. Кроме этого, в модернистской историографии национализма институционализирована определенная тематическая непропорциональность, так как в научной литературе история националистических движений миноритарные группы и формально доминантных сообществ исследуется неравномерно. В этой ситуации особую актуальность в историографии приобретают вопросы, связанные с методологическими и теоретическими аспектами исследования истории национализма на территории Великобритании.

Цель и задачи. Поэтому целью автора в данной статье будет анализ возможностей, особенностей и перспектив использования того методологического инструментария, который был предложен в международной историографии национализма, сфокусированной преимущественно на изучении националистического опыта европейских или американских обществ и государств. В число задач автора входит 1) изучение возможностей применения и трансплантации классических интерпретаций истории возникновения и развития национализма, концептуализированных в рамках модернистской историографии, в которой успех националистических движений нередко связывался и объяснялся последствиями и результатами социальной и политической модернизации, 2) выявление междисциплинарных связей историографии национализма со смежными направлениями развития современной исторической науки, включая мемориальные исследования, новую социальную историю, историю идей и интеллектуальную историю, 3) анализ перспектив интеграции региональных британских сюжетов, связанных с историей валлийского, английского и шотландского национализмов в международную историографию национализма, что неизбежно предусматривает ассимиляцию конструктивистского инструментария в британской традиции изучения истории национализма.

Геллнеровская теория национализма в английских контекстах. Несмотря на то, что британская историческая наука имеет значительный опыт изучения как английского, так и миноритарных национализмов, социальные теории национализма, связанные с изучением процессов модернизации, оказали меньшее влияние на академический дискурс, чем подходы, возникшие в результате изучения собственно островного исторического и политического опыта. В первой половине 2010-х гг. британские историки подошли к осознанию того факта, что ситуация, при которой «политика "классов и распределения" была "нормальной", а "националистическая" политика – "ненормальной"» ^[1] не совсем адекватно отражала последствия развития миноритарных национализмов, что вынуждало исследователей пересматривать исследовательские приоритеты.

Проблемы методологического свойства были характерны и для региональных историографий, например – для валлийской, в рамках которой «децентрализация Уэльса не получила адекватного теоретизирования. После голосования за передачу полномочий Уэльса в 1997 г. многие ученые в Уэльсе приняли откровенно "праздничный", некритический взгляд на передачу полномочий как на радикальное изменение британского государства, принимая за чистую монету утверждение о том, что она была разработана для омоложения валлийской демократии» ^[2]. Такой подход

свидетельствует о постепенной трансформации академического дискурса в политический, что представляется особенно прискорбным на фоне уникального валлийского материала, который демонстрирует включенность национализма в контексты социальной истории, хотя эта дихотомия в исторической литературе практически не рассматривается через призму теорий национализма, склонных воспринимать последний в широких контекстах модернизации.

Исключением из ситуации столь негативной историографической динамики, вероятно, была Ирландия [3], история которой в британской историографии воспринималась как пространство для апробирования различных методов, что не исключало актуализации потенциала и социальной истории, которая, правда, ограничивалась концептуально концепциями «внутреннего колониализма» М. Хехтера [4] и «культурного национализма» Дж. Хатчинсона [5]. Поэтому, как полагает английский историк Дэвид МакКроун «при обсуждении "политики идентичности" в современной Британии вопросы этнической принадлежности и национальной идентичности редко встречаются в литературе, так как сама академическая риторика основана на концепциях этнической принадлежности, структурно примыкающих к "мультикультурализму", что делает словарь и риторику исследований национализма и национальной идентичности связанными с изучением конституционной политики и передачи власти» [6].

Подобный академический изоляционизм определяет основные векторы и траектории изучения национализма в историографии Британии, склонной игнорировать теоретические концепции, применяемые для анализа европейских национализмов несмотря на то, что часть из них в научный оборот была введена английскими исследователями. Более того, некоторые историки склонны «лингвистически» спорить с социокультурным модернизмом, который доминирует в международной историографии национализма, подчёркивая свое несогласие с последней уде на уровне названия собственных исследований [7]. Среди концепций, предложенных в рамках исследований национализма, особое место занимает дихотомия Руритания / Мегаломания, предложенная Э. Геллнером [8].

Согласно идеальной модели британского историка Руритания и Мегаломания исторически могли быть частью одного многосоставного общества и, хотя политические институты такого социума для Э. Геллнера имели второстепенное значение, не представляется возможным исключать, что речь могла идти о композитарной монархии. Подобно большинству подобных государственных образований уровни развития Руритании и Мегаломании существенно отличались. Мегаломания представляла собой наиболее развитую в следствие индустриализации и социальной модернизации часть государства в то время, как Руритания оставалась преимущественно аграрным регионом, населенным крестьянством, вынужденным мигрировать в более развитые мегаломанские города в условиях индустриализации.

Хелен Льюис, комментируя особенности британского пространства, указывает на противоречия логистики, так как «география является важным фактором. Сельский север Уэльса находится недалеко от Ливерпуля и, возможно, имеет лучшее транспортное сообщение с английским городом, чем столица Уэльса Кардифф на юге страны. Шотландия также имеет в своей структуре более сельский север, но она расположена посреди холодного Северного моря» [9]. Анализируя эти пространственные особенности социальной истории, М. Джонс выделяет ряд факторов, которые определили основные векторы ее развития.

Во-первых, в Уэльсе население сконцентрировано вдоль плоских прибрежных территорий, включая Кардифф, Суонси и Ньюпорт. Во-вторых, эти регионы стали центром промышленного развития. В-третьих, центральное высокогорное плато, в отличие от этих более развитых регионов, отличается преобладанием аграрного сектора, что «всегда затрудняло сообщение и транспорт внутри Уэльса». В-четвертых, в центре и на северо-востоке Уэльса «низкая плотность населения сыграла решающую роль в выживании языка». В-пятых, территориальные и, как следствие, относительно «изолированные» сообщества стали самодостаточными и даже замкнутыми, восприимчивыми к идеям самопомощи и независимости, поощряемыми неконформистской религией, очень сплоченными и четко отличающимися от других социальных единиц, таких как другие деревни или религиозные группы» [10].

Различия между Шотландией и Уэльсом как двумя композитами подобного государственного образования проявлялись и в идентичности: руританцы и мегаломанцы говорили на языках, которые принадлежали к различным группам. В такой ситуации отношения между различными группами сводились к сосуществованию в условиях интеграции миноритарных сообществ в имперские контексты, хотя степень успешности такой интеграции могла быть различной, что, например, проявилось в функционировании валлийского сообщества [11], которое несмотря на понижение статуса миноритарной группы оказалось в состоянии сохранить идентичность. Поэтому, анализируя историю развития региональных национализмов, во внимание следует принимать и разнотемпные социальные динамики, характерные для процессов националистической модернизации на региональном уровне.

В условиях сначала ускоренной капиталистической трансформации Англии, которая имела место после возникновения политической нации, лидерами развития региональных национализмов стали кельтские регионы. Поэтому французская исследовательница Франсуаза Орази полагает, что национализм в Великобритании не только усиливался, но и становился универсальным по мере развития кельтской политики [12]. Последняя фактически ограничивалась усилиями Лондона, направленными сначала на подавление региональных национализмов, а позднее – на диалог с ними.

Принимая во внимание не только лингвистические особенности миноритарных сообществ в британской истории, а также одновременное и параллельное сращивание факторов этничности и идентичности [13], политические и социально-экономические процессы содействовали национализации сообществ, наделяя принципы национализма не только качествами универсальности, но и характеристиками неизбежности. Трансплантируя эти допущения в контексты британской истории, во внимание следует принимать, что число таких композитов было больше двух. Комментируя особенности исторического процесса в Британии на региональном уровне, Джон М. МакКензи подчеркивает, что «каждая из четырех наций имела отдельные отношения с империей, и каждая идентичность развивалась и укреплялась, а не разрушалась имперским опытом» [14].

Развитие британской монархии вело к институционализации разных статусов композитов. Например, Шотландия фактически была вынуждена отказаться от собственной государственности, что привело к институционализации младшего партнерства в составе Великобритании [15]. Если в случае с Шотландией особенности региона были связаны с политическими институтами, то в Уэльсе изменения носили преимущественно социальный характер, будучи связанными с более медленными темпами модернизации [16]. Кроме этого, ряд социальных, но различных, конструкций на региональном уровне валлийских

сообществ сосуществовал в одном и том же социальном пространстве [\[17\]](#), которое стало политической сферой развертывания валлийского националистического проекта. В рамках исторически сложившейся иерархии композитов британской монархии Уэльс нередко оказывался в положении социального аутсайдера, что проявлялось в игнорировании культурных особенностей валлийского пространства ради реализации модернизационных проектов [\[18\]](#). В этой ситуации идентичность подвергалась принудительной травматизации, что находило отражение в исторической памяти и мемориальной культуре [\[19\]](#).

Две последние стали факторами перманентной актуализации социального уровня валлийского национализма на уровне местного активизма. Поэтому на региональном уровне «валлийцы вложили большую часть национальной памяти в травмы и ландшафты. Травма заключается во внешней силе колонизации языка и культуры, в то время как эксплуатация ландшафта посредством промышленности имеет элемент внутреннего соучастия, позволившего такому развитию событий произойти. Большая часть Уэльса встроена в ландшафт... впоследствии индустриализация, вырубка лесов, карьеры и водохранилища – все это способствует изменениям в национальной идентичности» [\[20\]](#). Этнические отличия подчеркивались и различными статусами языков: если мегаломанский доминировал в сфере политики, образования и судопроизводства, то руританский не мог с ним эффективно и успешно конкурировать, оставаясь совокупностью крестьянских, не кодифицированных, диалектов, применение которых было ограничено территориями компактного проживания их носителей.

Трансплантируя геллнеровские допущения в валлийские контексты, языковая проблема статуса и использования валлийского языка актуализирует не только различные социальные и культурные, но и фактически классовые статусы. Поэтому усиление валлийского национализма генерирует «новые источники классовых трений» [\[21\]](#). В контекстах британской социальной истории схема, предложенная Э. Геллнером, заметна в истории прогресса и усиления региональных национализмов, который фактически содействовали функционированию Великобритании как многосоставной монархии не только со множественными идентичностями [\[22\]](#), но и различными политическими институтами [\[23\]](#). Если концепция Э. Геллнера может быть признана применимой для изучения истории миноритарных национализмов, то английский материал, в отличие от валлийского или шотландского, отличается большим сопротивлением в случае его описания через призму геллнеровского подхода.

Поэтому в британской историографии в отношении английского национализма подчеркивается, что «английскость в европейских терминах отличается классом, а не этническим характером, что гарантировало очень надежную и стабильную идентичность» несмотря на то, что к концу XX века все же было признано наличие и развитие «более этнизированной формы идентичности» [\[24\]](#). Схема, предложенная Э. Геллнером, не исключает социальных перемен и культурных трансформаций. Она их, наоборот, предусматривает и связывает с параллельным развитием как мегаломанского, так и руританского национализма, политические скорости генезиса и развития которых были различны и зависели от стартовых условий модернизации, связанных с особенностями регионального развития Мегаломании и Руритании.

Если формально мегаломанский национализм был национализмом большинства, то руританский представлял собой миноритарный, регионально ограниченный национализм. Дальнейшие теоретические допущения Э. Геллнера, с одной стороны, связаны с

историческим опытом правого и левого авторитаризма, и, принимая во внимание отсутствие опыта как первого, так и второго в британской истории XX века, могут быть опущены как значимые только для континентальной Европы, но не для Британских островов. С другой, геллнеровская концепция национализма предусматривает наличие в обществе социальной и политической иерархии, связанной с тем, что формальное сообщество-большинство может фактически применять дискриминационные стратегии в отношении миноритарных групп.

Ассимиляция британского материала в современных исследованиях национализма показывает, что на статус большинства могут претендовать англичане, но особенностью ситуации является то, что трансформация английской идентичности в направлении политической и гражданской нации хронологически произошла позднее, чем аналогичные процессы имели место среди шотландцев и валлийцев как миноритарных групп. Поэтому историки начали анализировать «сдвиг в сторону английской идентичности, которую часто определяют как необходимую реакцию на растущую самоуверенность “других” национальных групп внутри Британии» [25] позднее, чем апробировали социальные теории национализма на истории миноритарных групп.

Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что если, например, валлийский национализм синтезировал ценности нации и принципы класса уже в первой половине XX века, то английский только к концу XX столетия был фактически поставлен перед выбором между собственно национальной идентичностью англичан как формального большинства и вызовами «класса, неравенства и изоляции» [26]. Поэтому исследования английского национализма, основанные на ассимиляции идей континентальной французской социологии с ее концептами «классовой траектории» [27] и «вторичных свойств классов» [28], формировали образ типичного сторонника английского национализма как «обиженного националиста» и «либерального космополита» [29].

В британской историографии признается сложность ситуации, которая сложилась с английским национализмом на фоне общего кризиса политических партий, так как последние не совсем успешно конкурируют с новыми вызовами, например – регионализмом. Если в отношении валлийского и шотландского национализмов признается, что они успешно прошли в своем развитии этап регионализма в 19 веке, то новый английский национализм на фоне кризиса традиционных партий, которые претендовали на актуализацию английской идентичности в политике, может существенно ослабить английский национализм, который и вовсе определяется как «зарождающийся» [30]. Более того, восприятие класса в английской историографии переплетено с развитием представлений о расе, что имеет место на фоне санкционированной «амнезии в отношении колониального прошлого и его последствий для постколониального настоящего» [31], что существенно влияет как на методологию исследований национализма, так и на тематику, которой они ограничены.

Кроме этого, следует признать и то, что изучение социальной истории [32] не стало стимулом для интеграции условно «классовых» сюжетов в тематику исследований национализма. Вместе с тем, трансплантация подхода Э. Геллнера в исследования, сфокусированные на изучении национализма в Великобритании, актуализирует дихотомию, связанную с различным восприятием английского, с одной стороны, и региональных (валлийского и шотландского) национализмов, с другой. Если вторые, воспринимаясь как миноритарные национализмы неравноправных групп, фактически легитимируются, то первый подвергается стигматизации, так как социальные

«прегрешения» Лондона перед кельтскими регионами с концепта «британскости» почти автоматически переносятся на «английские» нарративы [\[33\]](#), что актуализирует не только многосоставной характер Великобритании, но и ее социальные измерения, основанные на применении дискриминационных практик.

Теория М. Хроха в британских контекстах. Особое место в попытках концептуализации истории национализма занимает подход чешского историка М. Хроха, предложившего теоретические основания для периодизации националистических движений. Исторический национализм являлся фактором социальных перемен и трансформаций, так как «занимал центральное место в некоторых из величайших движений за свободу и справедливость с конца 18 века, таких как многие движения за самоопределение» [\[34\]](#). Мирослав Хрох стремился подобные абстрактные утверждения не только наполнить примерами, но и хронологически локализовать в контекстах социального, исторического, политического и культурного времени. Именно поэтому чешский историк предложил выделять три фазы в истории национализма.

Согласно его предположению, Стадия А характеризовалась преимущественно культурологическим национализмом и активностью националистов, направленной на изучение языка и культуры. Стадии А в валлийском случае предшествовали общие негативные стартовые условия. По мнению К. Дикмана, «периферийный статус Уэльса в сравнении с Англией сформировался в средние века. Неблагоприятные природные условия сдерживали прирост населения и развитие городов» [\[35\]](#). Анализируя развитие национализма на Британских островах, во внимание, вероятно, следует принимать мнение, высказанное Хансом Коном в 1940 г., когда он подчеркнул наличие различных скоростей социальных и политических изменений в европейской истории, полагая, что исторически Англия представляла собой периферийную и не очень развитую страну в сравнении с континентальной Европой [\[36\]](#).

Вместе с тем, дальнейшая социальная динамика вывела государство в число экономических лидеров, а упомянутые Х. Коном диспропорции были фактически институционализированы на региональном уровне, о чем в 19 и 20 вв. свидетельствовала динамика развития миноритарных национализмов, включая шотландский и валлийский, которая в исторической перспективе может быть определена как успешная [\[37\]](#). Поэтому Стадия В связана с деятельностью национальных активистов, которые последовательно борются за изменение статуса той группы, к которой они принадлежат, в направлении его повышения. В ряде случаев успехи национализма на этом этапе сочетались с поражениями социального и экономического уровня.

Например, в Уэльсе, где развитие национализма хронологически совпало с «улучшением транспортных связей с Англией, что привело к появлению новой промышленности в Уэльсе, создав тем самым систему регионального экономического неравенства, подчеркивающую для валлийцев, что их экономика была подчиненной, служащей потребностям преимущественно английского капитализма» [\[38\]](#), националистическая мобилизация и ее последствия носили не только этнический, но и социальный характер [\[39\]](#). Стадия С представляет собой период активной политической и социальной модернизации, в рамках которой общество обретает свои завершенные структуры, а национализм утрачивает исключительно интеллектуальный характер, превращаясь в массовое движение, целью которого становится создание национального государства.

В случае валлийского национализма роль лидеров становится важной и заметной именно на Стадии С, начало которой в Уэльсе, вероятно, следует датировать 1960-ми гг.

[40], что актуализирует замедленную динамику социальных и политических трансформаций, так как националисты и общество достигли компромисса относительно важности этнического национализма в 1960 – 1970-е гг. [41], то есть позже чем этничность была инструментализирована другими миноритарными национализмами. Вместе с тем, попытки институционализации этничности в рамках валлийского национализма имели место и ранее, но подобные стратегии в британской историографии изучаются преимущественно в рамках культуральной истории [42].

Подобная стройность концепции М. Хроха плохо ассимилирует британский материал. По мнению Тома Нэйрна, композиты британской многосоставной государственности к началу XX века «по крайней мере частично преодолели главный барьер процесса развития. В отличие от южной Ирландии, в течение 19 века они стали значительно индустриализированными, превратившись в важные субцентры викторианской капиталистической экономики, а вокруг их крупнейших городских центров – Белфаста, Кардиффа и Глазго – сформировались средний и рабочий классы, которые сознательно и бесспорно отдали свою основную политическую преданность имперскому государству» [43], а не региональным националистическим движениям, о чем писал М. Хрох, признавая национализм универсальным фактором развития.

К началу Стадии С в истории валлийского национализма Уэльс как регион подвергся определенным трансформациям, так как «процесс модернизации привел к выравниванию социальных различий и эрозии традиционной валлийской обыденной и высокой культуры» [44, s. 87]. Поэтому, националистические движения в регионах Великобритании, которые достигли этой стадии, следует определять как «национализм меньшинств», то есть «национализм политически подчиненных групп, стремящихся к государственности» [45]. Что касается национализма в Уэльсе, то процесс возникновения и консолидации местных экономических и социальных институтов был в значительной степени замедлен в силу того, что, по мнению С. Брукса, «Уэльс был неудачен в своей географии. В нем не было городских центров, и до индустриализации он представлял собой обедневшую горную местность в непосредственной близости от гораздо более богатой и доминирующей равнины. Это сохраняло этнические различия, но затрудняло сбор капитала для расширения и национального строительства. Многие представители валлийской буржуазии концентрировались в крупных городах Англии, таких как Ливерпуль и Манчестер, а не в Уэльсе» [46].

Тем не менее, такая формально негативная социальная динамика подверглась существенной политизации [47], что привело к инструментализации национализма и актуализации тех его функций, которые были направлены на решение конкретных задач, что и придало валлийскому национализму большую успешность в сравнении, например, с английским. Отдаление формально национальной буржуазии от исторической и этнической территории Уэльса существенно ослабляло ее влияние на формирующийся национализм, актуализируя замедленные темпы социальной модернизации. В подобном контексте валлийский национализм, по мнению некоторых историков, «отверг урбанизм, что может быть одной из причин его недостаточного развития. Большая часть “валлийского урбанизма” имела место в английских городах, в некоторой степени отрезав их от национальной территории» в то время, как «влияние новых городских поселений на угольных месторождения Уэльса» [48] было второстепенным фактором.

В такой ситуации, несмотря на одновременное укрепление валлийского национализма и валлийской национальной буржуазии эти процессы протекали в разных географических

пространствах. Несмотря на формальную логику подобной периодизации, ее реальная трансплантация в контексты британской истории представляется затруднительной, так как, по мнению Д. Мура [\[49\]](#), процессы национального строительства в Уэльсе развивались дискретно и, поэтому, для региона характерно одновременное и параллельное протекание различных процессов в рамках национальной модернизации. Таким образом, развитие национализма интегрируется в контексты социальной истории [\[50\]](#), что превращает национализм в фактор социальных изменений и трансформаций.

Если национализм в Шотландии и Уэльсе стал фактором социальных изменений уже в 19 веке, то в Англии эти процессы протекали более медленно. Социальная компонента английского национализма стала заметна только в 1980-е гг., когда М. Тэтчер обострила социальные проблемы, проводя политику разрушения профсоюзов [\[51\]](#), что вынудило рабочее движение мутировать в направлении национального. В рамках этих трех фаз, если мы переносим эту периодизацию в контексты валлийской социальной истории, вероятно, следует констатировать «две волны индустриализации, сначала медной, а позднее угольной и стальной, которые создали радикально-либеральное, а затем социал-демократическое общество» [\[52\]](#), социально укорененное на региональном уровне. Периодизация, которая носит в значительной степени абстрактный характер, будучи оторванной от европейского исторического контекста, в работах М. Хроха сопровождается попытками социологизации истории национализма.

Несмотря на явные тенденции к социологизации истории, которые стали следствием участия М. Хроха в развитии и поддержании чешской версии историографии, формально основанной на марксизме, социальные измерения процессов развития национализма оказываются фактически игнорируемыми. Последнее особенно интересно на фоне того, что такая социальная компонента в истории региональных национализмов в Великобритании в большей степени была интегрирована в историографию благодаря усилиям американского историка Майкла Хехтера, который показал важность таких факторов как «региональное экономическое неравенство» и «пространственное распространение индустриализации» [\[53, p. 130 – 132, 138 – 141\]](#) в социальном развитии, например, валлийского национализма.

Примечательно, что последняя основана на странной полемике с Э. Геллнером, так как покойный британский историк уже не в состоянии ответить на замечания своего оппонента. Во-первых, М. Хрох редуцирует генезис национализма до двух форм: в рамках государства и в условиях наличия неравноправного статуса миноритарной группы. Во-вторых, по мнению М. Хроха, концепции национализма Э. Геллнера и Б. Андерсона преувеличивают роль таких общественных и культурных практик как «воображение» и «изобретение». В-третьих, хотя М. Хрох и признает важность социальных трансформаций, он интерпретирует их иначе, чем Э. Геллнер, полагая, что «роль индустриализации невозможно переоценить. Эмпирические данные не подтверждают геллнерианскую теорию, согласно которой индустриализация была решающей предпосылкой зарождения "национализма". Связь в данном случае была более сложной.

Непосредственное воздействие индустриализации было довольно ограниченным, но опосредованно его влияние передавалось через социальную мобильность и укрепление социальной коммуникации» [\[54\]](#), которые несмотря на свои значительные культурные темпы, не всегда коррелировались с изменениями на уровне национальной идентичности, так как последняя консолидировалась в условиях доминирования

негативной социальной динамики. Несмотря на регулярное упоминание в данном тексте Англии, представляется затруднительным интегрировать исторический опыт английского национализма в ту интерпретационную модель, что была предложена М. Хрохом.

Такая ситуация стала следствием того, что история английского национализма изучалась вне европейского контекста, так как «Европа представляет собой особую проблему для англичан» [\[55\]](#). Это связано с тем, что, как полагает Р. Инглиш, английский национализм не только «может во многом отличаться от соседних национализмов», но фактически представляет собой «отсутствующий фактор» в силу того, что «большинство англичан по-прежнему полагает, что их английская идентичность может быть выражена в рамках британскости и британского государства, которые не требуют серьезного изменения или националистической мобилизации», свидетельствуя фактически о том, что. Англия «пережила возрождение культурной идентичности, но не национализма как такового» [\[56, p. 7\]](#).

Выводы. Для современной историографии Великобритании, сфокусированной на изучении английского, валлийского и шотландского национализмов как региональных в значительной степени характерен определенный изоляционизм. История этих национализмов интерпретируется почти исключительно в британской системе координат, что позволяет авторам игнорировать социальные, политические, культурные и экономические факторы, которые могли быть общими или близкими к аналогичными явлением на территории Европы. Изучение истории региональных национализмов в современной британской академической традиции, к сожалению, характеризуется значительными диспропорциями.

Поэтому анализ миноритарных национализмов может носить исключительно теоретический или излишне описательный характер, будучи сфокусированном на событийных уровнях их истории, что существенно влияет на качество историографии, посвященной истории национализма, превращая ее, как минимум, в периферийную, если не маргинальную, в сравнении с академическими исследованиями по истории национализма в Европе, для которых характерна значительная проработка социальных и экономических условий, а так же политических факторов модернизации и изменений, которые привели к институционализации наций как воображаемых сообществ, заменив традиционные системы лояльности, легитимности и идентичности.

Для терминологического аппарата, который используется в таких исследованиях, характерная ситуация неопределенности, двусмысленности или фронтирности, что связано с локализацией в истории модернизации опыта, с одной стороны, английского, а, с другой, шотландского и валлийского национализмов. Если два вторые в сравнении с первыми могут быть описаны как миноритарные, то формально «зонтичным» понятием для всех может стать дефиниция «региональные национализмы». Анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе.

Вместе с тем, такая исследовательская стратегия чревата редукцией истории национализмов до социальной истории в контекстах политической модернизации как фактора институционализации наций. Во внимание следует принимать и то, что, начиная с 1983 г., в историографии сложилась устойчивая традиция изучения именно европейских, американских или восточных национализмов через призму теорий, проанализированных в данной статье. Поэтому попытки их трансплантации в историографию региональных национализмов в Великобритании чреватy вторичностью выводов, намеренной интеграцией шотландских или валлийских сюжетов в более

широкие европейские контексты, что не только может стимулировать компаративные исследования, но и привести к игнорированию местных факторов как второстепенных в сравнении с общими тенденциями, которые были характерны для истории национализма в целом. Тем не менее, автор вынужден констатировать, что в современной междисциплинарной историографии национализма присутствуют явные диспропорции, связанные с разной степенью изученности истории региональных национализмов в Великобритании.

Кроме этого, те исследовательские тактики и стратегии, которые используются британскими историками, вероятно, стали следствием сознательного историографического выбора. Британская историография английского, валлийского и шотландского национализмов аномальна в плане актуализации регионального контекста и игнорировании опыта международного изучения национализма. Последнее вовсе не исключает возможности не ассимиляции достижений теоретической историографии национализма британскими историками, но позволяет подвергнуть ревизии тот канон, который сложился в их исследованиях, интегрировав истории английского, валлийского и шотландского национализмов в более широкие контексты междисциплинарности, предложенные в рамках социальной истории, конструируемой через призму модернизации.

Библиография

1. Condor S., Fenton S. Thinking across domains: Class, nation and racism in England and Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 385-393. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448016>
2. Evans D. Welsh devolution as passive revolution // *Capital and Class*. 2018. Vol. 42. No 3. P. 489-508. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309816817742343>
3. Murray P. Irish History as a Testing Ground for Sociological Theory: Hechter's Internal Colonialism and Hutchinson's Cultural Nationalism // *Irish Journal of Sociology*. 1994. Vol. 4. No 1. P. 128-159. DOI: <https://doi.org/10.1177/079160359400400107>
4. Hechter M. Internal Colonialism Revisited // *New Nationalisms of the Developed West* / eds. E.A. Tiryakian, R. Rogowski. L.: Allen and Unwin, 1985. P. 17-26.
5. Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. L.: Allen and Unwin, 1987.
6. McCrone D. Who do you say you are?: Making sense of national identities in modern Britain // *Ethnicities*. 2002. Vol. 2. No 3. P. 301-320. URL.: <https://doi.org/10.1177/14687968020020030201>
7. Condor S. Unimagined community? Some social psychological issues concerning English national identity // *Changing European Identities* / eds. G. Breakwell, E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 41-68.
8. Gellner E. Nations and nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
9. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
10. Jones M. Framing Welsh identity // *Textes et Contextes*. 2008. No 1. URL.: <https://preo.u-bourgogne.fr/textesetcontextes/index.php?id=109.halshs-00317835v2>
11. Jones A., Jones B. The Welsh World and the British Empire, c.1851–1939: An Exploration // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2003. Vol. 31. No 2. P. 57-81.
12. Orazi F. The Elusiveness of Nationalism // *Revue Française de Civilisation Britannique*.

2022. Vol. XXVII. No 2. URL.: <https://journals.openedition.org/rfcb/9353> DOI: <https://doi.org/10.4000/rfcb.9353>
13. Hastings A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
 14. MacKenzie J.M. Irish, Scottish, Welsh and English Worlds? A Four-Nation Approach to the History of the British Empire // *History Compass*. 2008. Vol. 6. No 5. P. 1244-1263. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2008.00543.x>
 15. Boulter S. Globalization and nationalism in England, Scotland and Wales // *Xavier Journal of Politics*. 2020. Vol. IX. P. 44-66.
 16. Jackson A. Why Did Wales Stay in the Union in the Early Twentieth Century? // *Reform and Its Complexities in Modern Britain: Essays Inspired by Sir Brian Harrison* / eds. B. Kinzer, M. Kramer, R. Trainor. Oxford: Oxford Academic Press, 2022. P. 248-280. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192863423.003.0012>
 17. Borland J., Fevre R., Denney D. Nationalism and Community in North West Wales // *The Sociological Review*. 1992. Vol. 40. No 1. P. 49-72. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1992.tb02945.x>
 18. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
 19. Griffiths H.M. Water under the bridge? Nature, memory and hydropolitics // *Cultural Geographies*. 2014. Vol. 21. No 3. P. 449-474. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474474013510109>
 20. Subbe C. 'Anghofiwch Dryweryn' – time to forget? // *Wales Arts Review*. 2022. August 31. URL.: <https://www.walesartsreview.org/anghofiwch-dryweryn-time-to-forget/>
 21. Williams C.H. When Nationalists Challenge: When Nationalists Rule // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 1985. Vol. 3. No 1. P. 27-48. DOI: <https://doi.org/10.1068/c030027>
 22. *A Union of Multiple Identities: The British Isles, c.1750–1850* / eds. L. Brockliss, D. Eastwood. Manchester: Manchester University Press, 1997.
 23. Clark J.C.D. English History's Forgotten Context: Scotland, Ireland, Wales // *The Historical Journal*. 1989. Vol. 32. No 1. P. 211-228.
 24. Aughey A. Englishness as class: A re-examination // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 394-408. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448018>
 25. Skey M. "Sod them, I'm English": The changing status of the 'majority' English in post-devolution Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 1. P. 106-125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796811419601>
 26. Mann R. Uneasy being English: The significance of class for English national sentiments // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 484 – 499. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448025>
 27. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge and Kegan Paul, 1984.
 28. Bourdieu P. Social space and symbolic power // *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. No 1. P. 15-25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>
 29. Fenton S. Resentment, class and social sentiments about the nation: The ethnic majority in England // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 465-483. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448023>
 30. Mycock A. The Party Politics of the 'New English Regionalism' // *Political Studies*

- Review. 2016. Vol. 14. No 3. P. 388-399. DOI:
<https://doi.org/10.1177/1478929916649618>
31. Tyler K. The English village, whiteness, coloniality and social class // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 427 – 444. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448020>
 32. Young J.D. *The Rousing of the Scottish Working Class*. L.: McGill – Queen's University Press, 1979.
 33. Shaw R., Richardson M.J. An Epic Tale of England: Atmospheric authentication of nationalist narratives // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2021. Vol. 40, No 2. P. 351-368. URL.:
<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02637758211065758> DOI:
<https://doi.org/10.1177/02637758211065758>
 34. Mylonas H., Tudor M. Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know // *Annual Review of Political Science*. 2021. Vol. 24. P. 109-132.
 35. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // *Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert* / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 85. S. 83-94.
 36. Kohn H. The Genesis and Character of English Nationalism // *Journal of the History of Ideas*. 1940. Vol. 1. No 1. P. 69 – 94. DOI: <https://doi.org/10.2307/2707011>
 37. Morgan K.O. Welsh Nationalism: The Historical Background // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6. No 1. P. 153-172. DOI:
<https://doi.org/10.1177/0022009471006001>
 38. Tudur D. Cymru'n Deffro: Michael D. Jones and the "national awakening" // *Studies on National Movements*. 2014. Vol. 2. No 1. URL.:
<https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85402/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85402>
 39. Studlar D.T. Comment: The Social Context of Welsh Nationalism // *Western Political Quarterly*. 1981. Vol. 34. No 2. P. 328-329. DOI:
<https://doi.org/10.1177/106591298103400211>
 40. Fowler C., Jones R. Fractured Intellectuals and the Nation: Cynog Dafis and Welsh Nationalism // *Contemporary Wales*. 2008. Vol. 21. No 1. P. 130-149.
 41. Jones R., Fowler C. National élites, national masses: oral history and the (re)production of the Welsh nation // *Social & Cultural Geography*. 2007. Vol. 8. No 3. P. 417-432. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649360701488872>
 42. Rhodes J. The Nation, the Festival, and Institutionalized Memory: Transoptic Landscapes of the Welsh National Eisteddfod // *GeoHumanities*. 2021. Vol. 7. No 2. P. 558-583. DOI: <https://doi.org/10.1080/2373566X.2021.1903812>
 43. Nairn T. The twilight of the British State // *New Left Review*. 1977. No 101-102. URL.:
<https://newleftreview.org/issues/i101/articles/tom-nairn-the-twilight-of-the-british-state>
 44. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // *Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert* / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 87. S. 83-94.
 45. Heath A., Smith S. Varieties of Nationalism in Scotland and England // *Anglo-Scottish Relations, from 1900 to Devolution and Beyond* / ed. W.L. Miller. L.: British Academy Press, 2005. P. 132-152. DOI: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263310.003.0009>
 46. Brooks S. How liberalism assimilates minorities. The failure to develop a Welsh national movement in the nineteenth century // *Studies on National Movements*. 2014. Vol. 2. No 1. URL.: <https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85404/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85404>
 47. Rawkins P.M. An Approach to the Political Sociology of the Welsh Nationalist

- Movement // Political Studies. 1979. Vol. 27. No 3. P. 440-457. DOI:
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1979.tb01214.x>
48. Morgan S. Nationalists and the problem of overcoming invisibility: Catalonia and Wales // Studies on National Movements. 2014. Vol. 2. No 1. URL.:
<https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85400/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85400>
49. Moore D. Writers in Wales: the poet and the public intellectual // Wales Arts Review. 2012. October 25. URL.: <https://www.walesartsreview.org/longform-the-poet-and-the-public-intellectual/>
50. Eley G. Nationalism and Social History // Social History. 1981. Vol. 6. No 1. P. 83-107.
51. O'Toole F. Disunited Kingdom. Will Nationalism Break Britain? // Foreign Affairs. 2023. March – April. URL.: <https://www.foreignaffairs.com/europe/disunited-kingdom-nationalism-break-britain-fintan-otoole>
52. Leeworthy D. Sourcing labour: writing Welsh political history // Wales Arts Review. 2018. November 28. URL.: <https://www.walesartsreview.org/sourcing-labour-writing-welsh-political-history/>
53. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536 – 1966. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 130-132, 138-141.
54. Hroch M. From national movement to the fully-formed nation // New Left Review. 1993. No 198. URL.: <https://newleftreview.org/issues/i198/articles/miroslav-hroch-from-national-movement-to-the-fully-formed-nation.pdf>
55. Kumar K. Britain, England and Europe: Cultures in Contraflow // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No 1. P. 5-23. DOI:
<https://doi.org/10.1177/1368431003006001001>
56. English R. Is there an English Nationalism? L.: Institute for Public Policy Research, 2011. P. 7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вторая половина XIX века оказалась ознаменована бурным ростом национализма, сначала в Европе, а затем и в Азии (те же младотурки), становлением национальных государств, что не могло не привести к крушению династийных государств (самый яркий пример «лоскутная монархия» Австро-Венгрия). Конец XX века, в свою очередь, обозначил как центробежные, так и центростремительные силы: в ряду последних не только Советский Союз, Чехословакия, Югославия, но и, что известно гораздо меньше, Великобритания. Напомним, что Соединенное королевство состоит и из таких свободолюбивых образований, как Шотландия и Уэльс, а английский национализм особенно наглядно проявляется и сегодня в Северной Ирландии. В этой связи представляется интересным обратиться к изучению различных националистических идей на территории Британских островов, которые чаще всего находятся в тени английского национализма.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма. Автор ставит своими задачами изучить возможностей применения и трансплантации классических

интерпретаций истории возникновения и развития национализма, концептуализированных в рамках модернистской историографии, в которой успех националистических движений нередко связывался и объяснялся последствиями и результатами социальной и политической модернизации, выявить междисциплинарных связей историографии национализма со смежными направлениями развития современной исторической науки, включая мемориальные исследования, новую социальную историю, историю идей и интеллектуальную историю, проанализировать перспектив интеграции региональных британских сюжетов, связанных с историей валлийского, английского и шотландского национализмов в международную историографию национализма, что неизбежно предусматривает ассимиляцию конструктивистского инструментария в британской традиции изучения истории национализма».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что сегодня «актуальность в историографии приобретают вопросы, связанные с методологическими и теоретическими аспектами исследования истории национализма на территории Великобритании».

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входят свыше 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований отметим прежде всего труды таких теоретиков, как Э. Геллнера, М. Хроха, Б. Андерсона, в центре внимания которых методология изучения национализма как универсального и всемирно-исторического явления. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как теориями национализма, в целом, так и изучением национализмов на Британских островах, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «формально национализм фактического большинства, то есть английский, в исторической литературе нередко оказывался в тени своих более успешных региональных конкурентов, которые привлекали больше внимания со стороны исследовательского сообщества». Более того, автор обращает внимание на то, что «история этих национализмов интерпретируется почти исключительно в британской системе координат, что позволяет авторам игнорировать социальные, политические, культурные и экономические факторы, которые могли быть общими или близкими к аналогичным явлением на территории Европы». В работе показано, что «анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе».

Главным выводом статьи является то, что «анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Беляев М.П., Элязян А.Ш. — Наследственное право в Великом княжестве Литовском // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 76 - 91. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.36751 EDN: XEGKNH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36751

Наследственное право в Великом княжестве Литовском

Беляев Михаил Петрович

ORCID: 0000-0002-5912-1048

кандидат исторических наук

доцент, кафедра юриспруденции, Российский университет кооперации

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30

✉ babek-han@mail.ru

Элязян Анна Шагеновна

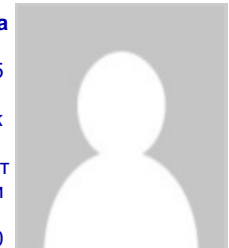
ORCID: 0000-0003-0708-7455

кандидат социологических наук

и. о. заведующей кафедры юриспруденции, доцент, кафедра юриспруденции, Российский университет кооперации

141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30

✉ elyazyan.77@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.36751

EDN:

XEGKNH

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2021

Аннотация: Предметом исследования являются развитие законодательства о наследовании имущества в Великом княжестве Литовском. Объектом исследования выступают наследственные правоотношения Великого княжества Литовского XV-XVI вв. Цель работы заключается в раскрытии эволюции наследственных правоотношений, выявлении их сущности и закономерностей развития. С позиций достижений современной историко-правовой науки проанализировать основные положения

наследственного права Великого княжества Литовского, отметить характерные особенности кодификационного процесса XVI в., проанализировать причины и выявить тенденции в эволюции институтов наследственного права. Для достижения цели использовались общенаучные и специальные методы исследования, в том числе диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный. Результатом работы явилось первое в современной российской историко-правовой науке исследование проблемы наследования имущества по законодательству Великого княжества Литовского. Выявлены особенности наследования по закону и по завещанию. Затронут ряд спорных в историко-правовой науке проблем (вено, выморочное имущество и др.). В научный оборот вводятся положения, характеризующие тенденции в развитии наследственных правоотношений в Великом княжестве Литовском. Сделан сравнительный анализ наследования имущества по мужской и по женской линии в Статутах Великого княжества Литовского. В ходе исследования выявлены основные черты и закономерности развития наследственного права Великого княжества Литовского, тем самым заполняется пробел в отечественной историко-правовой науке.

Ключевые слова:

наследственные правоотношения, вено, приданое, наследование по закону, наследование по завещанию, Статут, имущество, брак, сословие, шляхта

Предметом исследования является законодательство и обычное право Великого княжества Литовского, регулирующие наследственные правоотношения. Изучение истории, в том числе истории государства и права, стран постсоветского пространства представляет собой большой научный интерес. В центре внимания отечественных историков права находится в основном проблематика истории государства и права России и стран дальнего зарубежья. Настоящая статья базируется в основном на исследованиях современных белорусских и украинских историков права. Методика разработки темы настоящей работы включает в себя общенаучные и специальные методы исследования, в том числе диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный.

Переход совокупности имущественных прав в результате смерти человека к другим лицам называется наследством. В Древней Руси порядок наследования регулировался обычаями, которые в разных землях имели определенные особенности. Нормы обычного права действовали довольно долго, особенно по отношению к простому народу, например, право наследовать недвижимость после смерти отца младшим сыном или при отсутствии сыновей - дочерям и другие. Уже тогда различали наследство по закону и по завещанию. Письменные памятники древнерусского права (например, международный договор Полоцкого, Витебского, Смоленского княжеств с «Рижским и Готским берегом» 1229 г. и др.) также содержали и отдельные нормы наследственного права.

С XV в. в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) наблюдается тенденция увеличения роли законодательных и доктринальных источников права. При кодификации законодательства активно используется каноническое, церковное, римское, магдебургское право, которое вместе с обычным правом приобретает характер вспомогательных (субсидиарных) источников права.

Наследственное право развивалось как отдельный институт гражданского права под воздействием общих социально-экономических изменений в феодальном обществе,

непосредственно связано с формированием сословного деления общества. В связи с этим наследственные права представителей различных сословий имели определенные отличия. В общеземских грамотах прослеживается как постепенно оформляются основания, порядок и пределы наследования имущества формирующимся сословием шляхты [\[2, с. 4\]](#).

Наследование требует определенного кровного родства людей и тесно связано с брачно-семейными отношениями, влияние на которые оказывало духовенство. Непосредственными наследниками считаются лица, которые вместе с наследодателем образовали семью: дети, жена, родители. Семейное начало лежит в основе наследования собственности в римском праве, оно существовало и в обычном праве. По мере развития общественных отношений, чем слабее становились общинные, тем сильнее кровные узы. Первоначально право наследования принадлежало ограниченному кругу родственников, но позже круг наследников расширился [\[3, с. 70-71\]](#).

Порядок наследования имущества в достатутный период в ВКЛ регулировался обычным правом, которое в различных землях имело свои особенности. Из дошедших до нас писанных источников права мы видим, что наследниками первой очереди являлись сыновья. Замужние дочери, которые жили отдельно от родителей, в круг наследников не входили (свою часть они получали в качестве приданого, когда выходили замуж). Незамужние дочери наследодателя имели право на часть имущества, размер которого определялся обычаем либо завещанием родителей [\[2, с. 9-10\]](#).

Лица женского пола наследовали только при отсутствии потомков по мужской линии. При наличии мужчин они получали не долю в наследстве, а определенную часть имущества (вено) для обеспечения своего будущего положения. Постепенно этот порядок начинает терять свое значение. Имущество, закрепленное за дочерями, иногда указывается как наследственная доля. Исходя из традиций, теоретически наследственные права жены не признавались, но вдова могла получить от своего покойного мужа всю или часть собственности. Отец, выдавший дочь замуж, не только должен был предоставить ей приданое, но и потребовать от зятя закрепить за ней вено. Обычно в вено записывали вдвое большую сумму денег, которую женщина внесла в дом мужа, но не более трети всего имущества мужа (так называемый "вдовый стол"). Хотя закон предусматривал сохранение недвижимости в мужских руках, но делал исключение для вдовы, разрешая выдачу завещаний на пожизненное использование имущества вдовой. Как правило, родители не получали имущество своих детей. Только при отсутствии наследников в дальнейшем это стало возможным [\[3, с. 71-72\]](#) [\[9, с. 164\]](#).

Законодатель ВКЛ, стремясь установить общий правопорядок на всей территории государства, был вынужден учитывать обычаи при складывании общегосударственного писаного права. Городельский привилей 1413 г. гласил, что дети не могут быть лишены отцовского наследства, и в то же время закреплял принцип, согласно которому материнская собственность имеет статус. Эти положения впоследствии легли в основу статутного законодательства.

Институт наследования в ВКЛ был формализован параллельно с формированием сословия шляхты и фактически был её материальной поддержкой. Шляхтичами становились в основном по рождению и в результате дарования шляхетства. В этот период, особенно в конце XV-начале XVI вв., шляхта требовала законодательного закрепления распоряжения недвижимостью. Различное правовое положение феодальных землевладений («купленыны», «отчины», «держания») вызывало различия в

наследовании недвижимого имущества. Кроме того, необходимо было позаботиться о судьбе дочерей наследодателя [\[3, с. 72\]](#).

С XIV в. города ВКЛ начинают получать городское самоуправление на основе Магдебургского права. Сначала оно касалось только немецкого населения, а затем распространялось на всех горожан. Наследниками по Магдебургскому праву были и сыновья, и дочери умершего. Если законных наследников не было или они не приняли наследство в определенный срок, имущество считалось выморочным и тратилось на нужды монастырей и города. В частнособственнических городах две трети имущества в порядке наследования по закону переходило детям для обеспечения их повинностей в пользу владельца. В случае наследования по завещанию («тестament») необходимо было соблюдать некоторые формальности. Духовное завещание составлялось в письменной форме, подписывалось наследодателем и его поверенным (исполнителем воли завещателя) или священником. Затем, завещание надо было засвидетельствовать в судебных органах [\[7, с. 21\]](#).

Наряду с обычным и писаным правом на формирование института наследования оказывала влияние и судебная практика. Нередко именно судебное решение по конкретному делу являлось основанием для закрепления новой нормы права в законе.

Так, в январе 1509 г. в суд Великого князя и Панов-Рады обратились Адам Михайлович, Николай Буткевич и Ян Зычило с иском против вдовы пана Александра Монкгирдовича. Жены истцов приходились племянницами пану Александру. Так как прямых наследников не было, племянницы претендовали по боковой линии на наследство умершего. Однако пан Александр одно из своих имений подарил жене, а на втором записал ей вено. Таким образом, вдова единолично владела всем недвижимым имуществом умершего мужа, и, по словам истцов, распоряжалась им в ущерб интересам близких родственников. Великий князь и Паны-Рада, посчитав такое положение дел несправедливым, удовлетворили притязания истцов. При этом на основании данного решения была принята устава (постановление), которая гласила: «От сих часов хто бы коли хотел записати вено жоне своей на именьи своем, тогды мает записати вено жоне своей не на всем именьи, нижли только на третьей части именья своего всего, как отчизного, так выслужоного». Далее в уставе достаточно подробно регулировался порядок распоряжения вдовой венным имуществом, а также наследственные права детей на указанное имущество. Текст уставы был положен в основу артикула 1 раздела IV Статута 1529 г. [\[15, с. 89-90\]](#): "Вдова, оставшаяся на своём вдовьем, имеет от мужа вено и взрослых сыновей, должна остаться только при своём вено, а сыновья должны быть допущены ко всем родительским имениям и имуществу и должны нести земскую службу. Если же она не имеет от мужа своего вено, то должна получить во всём равную со своими взрослыми детьми долю в драгоценностях и движимом и недвижимом имуществе" [\[12, с. 228\]](#).

Ещё одно решение великокняжеского суда по конкретному делу оказало влияние на содержание Первого Статута ВКЛ. В феврале 1529 г. Великий князь и Паны-Рада рассматривали дело о разделе имений пана Литавора Хребтовича между его вдовой, пани Ядвигой и детьми. Пани Ядвига добивалась выделения равной с детьми доли при разделе земли умершего мужа. При этом она ссылалась на решение Великого князя и Панов-Рады, принятое в 1522 г. по делу пани Альжбеты, вдовы воеводы виленского Николая Николаевича Радзивилла, и просила «абыхмо ее таковым же правомъ судили, какъ есьмо и паней воеводиной виленської сказанье вчынили». Тогда в 1522 г. суд решил поделить все земли Николая Радзивилла на четыре равные доли для вдовы и трех

сыновей. Как следует из материалов дела 1529 г., тогда же, в 1522 г., была принята устава и ухвала земская, регулирующая наследственные права невенowanych вдов. В этом случае вдова получала равные доли с детьми. На основании данной уставки Великий князь удовлетворил требования пани Ядвиги Хребтович. Эта норма в последующем была закреплена в арт. 3 разд. IV Статута 1529 г. [\[15, с. 89-90\]](#): "Если бы какая женщина была замужем, имела с мужем детей, а муж не записал бы ей вено и умер, то она, оставшись вдовой, должна получить равную со своими детьми долю от имений и имущества и на этой своей доле должна остаться пожизненно, если бы хотела быть вдовой, а дети не должны отбирать у неё эту долю; а если бы она хотела выйти замуж, то должна свою долю оставить детям..." [\[12, с. 228-229\]](#)

В ВКЛ наследственное право оформилось как правовой институт в результате закрепления соответствующих норм в Статуте 1529 г. Наследованию в нём уделяется значительное внимание. Были обобщены ранее принятые областные и общеземские грамоты, прежде всего, великих князей Витовта, Казимира, Александра, а также обычное право и судебная практика. В Первом Статуте четко установлен порядок наследования шляхетской собственности: родительское имущество по общему правилу наследовали сыновья, а материнское - в равных долях сыновья и дочери. Наследниками по закону являлись дети, затем братья и сестры, а потом уже родители умершего. Статут установил правило, относительно которого детей нельзя было лишать имущества после смерти родителей, за исключением тех случаев, если они совершили государственную измену. Из общего правила были и другие исключения. Девушка, вышедшая замуж без согласия родителей, не только теряла право на приданое, но и лишалась права наследования материнской и отцовской собственности, даже если она была единственной дочерью (разд. VI, арт. 11). В случае оскорбления сыном отца, последний имел право лишить его права наследования с согласия властей. В этой ситуации, если у отца был один сын, тогда две части имущества переходили к родственникам, а третьей частью он мог распорядиться по собственному усмотрению. В аналогичных случаях и мать могла отстранить дочь от своей части наследства. Первый Статут не разрешал лишения права наследования через духовную запись [\[2, с. 12\]](#); [\[3, с. 72-73\]](#); [\[5, с. 10\]](#); [\[6, с. 375\]](#); [\[7, с. 19\]](#); [\[10, с. 477\]](#).

Девушка, вышедшая замуж «на чужой земле», лишалась права владеть недвижимостью, но полагавшаяся ей часть имущества оценивалась и передавалась ей в денежной сумме. Недвижимость перешла к другим детям или «тем, кому она близка» (разд. IV, арт. 9). Дети, совершившие убийство брата или сестры с целью завладения наследством, лишались права наследования и карались смертью (разд. VII, арт. 15). Права сыновей и дочерей на наследство в целом были разными, поскольку это касалось несения военной службы обладателя имени и, в частности, в разнице родительской и материнской собственности. Закон больше позаботился о сыновьях наследодателя. Дочери обычно получали имущество в качестве приданого. Статут определял право дочерей на 1/4 собственности, и даже если был один сын и много дочерей, все они имели право на одну и ту же 1/4 часть (разд. IV, арт. 7). В случае смерти одного из наследников его доля переходила к его братьям. Материнскую же собственность и «сестра между братьями равную долю имеет» (разд. IV, арт. 12). Наследники по завещанию могли получить не более 1/3 имущества (разд. I, арт. 15), но по закону требовалось получить разрешение от местной администрации (разд. I, арт. 17). Первый Статут также гарантировал мещанам право на завещание, что фактически уравнивало мещанина со шляхтичем [\[3, с. 73\]](#); [\[5, с. 11\]](#).

Закон регулировал права вдов в отношении наследственного имущества. В случае, если у нее не было детей, она могла «сидеть на третьей части, пока не выйдет замуж», а если она не вышла замуж, владеть имуществом до конца жизни. Две другие части имущества (а после её смерти и всё имущество) переходили к «близким мужа» (разд. IV, арт. 2). Это относилось к тем вдовам, у которых не было вено. Другой статус был у «почитаемых» вдов, где имущество мужа было материальной поддержкой приданого жены. В связи с тем, что приданое перешло в общую собственность семьи, возникала необходимость вернуть его в случае расторжения брака. Закон обязывал отца заботиться о безопасности дочери, записывая в ее пользу часть имущества ее мужа (разд. IV, арт. 8). Как правило, муж передавал жене в качестве вено не более 1/3 своего имущества. После смерти мужа «венованная» вдова имела право только «на вено проживать» (разд. IV, арт. 2) [\[3, с. 74\]](#).

Статут 1566 г. существенно дополнил и развил положения, касающиеся регламентации наследственного права, в связи с разрешением всем феодалам распоряжаться недвижимым имуществом. Он уточнил и дополнил нормы, регулирующие наследование материнского и отцовского имущества. При получении в наследство материнского имущества, как и по Статуту 1529 г., оно делилось поровну. Относительно отцовского наследства Статут 1566 г. внес некоторые дополнения. В частности, право наследования отцовского имущества имели только законные дети.

Под влиянием гуманистических идей во Второй Статут записали прогрессивную норму, согласно которой дети от нескольких браков получали равные права на родительское имущество [\[2, с. 12-13\]](#). При этом учитывался различный размер приданого, выплачиваемого матерям этих детей. В связи с этим сыновья делали между собой предварительный расчет, после чего делили наследство. В случае смерти одного из братьев часть наследства переходила к другим братьям. Дочери унаследовали родительскую собственность только в случае отсутствия сыновей [\[3, с. 74\]](#).

Статут 1566 г. не стал отстранять от прав на наследование недвижимостью тех девушек, которые вышли замуж за иностранцев. В законе содержатся только требования того, чтобы муж жил в княжестве в своём имении и за его обладание был обязан отбывать военную службу, невзирая даже на то, что жена ему этого имущества не записала. Статут 1566 г. полностью повторяет положения Первого Статута об утере права на получение наследства девушками, вышедшими замуж без согласия родителей, а случае их отсутствия - без согласия братьев или родственников и органов власти. Если девушка или вдова шляхетского происхождения выйдут замуж за человека из простого сословия, то они лишаются всего имущества, которое переходит к родственникам. Однако, получившие наследство должны такой женщине предоставить финансовую помощь. Кроме того, вдовы и девушки, которые вышли замуж за человека из простого сословия, теряют свое вено и лишаются всякой собственности. Если вдова выходит замуж во второй раз раньше, чем через шесть месяцев после смерти мужа, она также теряет вено (разд. V, арт. 12). Второй Статут регулировал также вопросы наследования имущества при отсутствии детей. В этом случае родительская собственность переходила «по мечу», т.е. ближайшим родственникам мужа, а материнская - «па кудзелі» - родственникам жены (разд. III, арт. 13, 14) [\[3, с. 75\]](#); [\[10, с. 477-478\]](#).

Статут 1566 г. впервые выделил завещания в специальный раздел «О тестаментях», хотя аспекты этого правового института регламентируются и в других разделах. Если не было наследников по закону и по завещанию, имущество признавалось выморочным и переходило в государственную казну. Такая норма в ВКЛ была введена впервые [\[7, с. 19-](#)

[201](#).

Во Втором Статуте наиболее полно были изложены нормы, касающиеся недостойных наследников. В арт. 7 раздела VIII «О тестаментх» были указаны основания лишения наследства законных наследников их родителями:

- если сын поднимал руку на отца или насильно забирал у него имение;
- дети совершили посягательство на жизнь отца или причинили ему «значну кривду»;
- дети обвиняли родителей в совершении преступлений из злости или ненависти, а не общественного блага;
- дети отказались поручиться за родителей, когда те находились в тюрьме или не захотели взять на поруки;
- дочь вела распутный образ жизни, до 25 лет не вышла замуж, несмотря на то, что родители желали выдать ее замуж и давали ей приданое;
- дети отказались ухаживать за лишившимися рассудка больными родителями;
- дети отказались выкупить родителей из плена;
- дети исповедовали еретическое вероучение и не хотят возвращаться в лоно христианской религии [\[4, с. 63, 65\]](#), [\[13, с. 353-354\]](#).

Лишение сыновей права наследования могло быть сделано в присутствии представителя власти. Последний должен выслушать сделанное заявление, проверить его основание и затем записать в соответствующую книгу [\[10, с. 479\]](#): "Однако по этой причине отец не может даже завещанием лишить сына ни одного записанного ему имущества раньше, чем те причины, или какую из них, перед правительством объявит и в книги запишет" [\[13, с. 354\]](#). Эти положения Статута 1566 г. оказали влияние на особенности регулирования наследования в некоторых губерниях в соответствии со Сводом законов Российской империи 1842 г. [\[4, с. 65\]](#);

Согласно Второго Статута наследственные права мещан, проживавших в городах, не наделенных Магдебургским правом, ограничивались. В отличие от шляхты, мещане этих городов могли свободно завещать лишь треть движимого имущества, а две трети переходили детям. Если же мещанин был бездетен, то эта часть переходила феодалу. Движимым имуществом мещан в основном были орудия труда. Законодатель, руководствуясь экономическими интересами государства, пытался стабилизировать хозяйственную сферу, в результате чего формировались целые династии ремесленников и др. Если у них не было детей, то все равно эти две трети имущества оставались землевладельцу. В великокняжеских городах имущество мещанина, который умер и не оставил наследников, переходило государству. Целью такого ограничения была забота великого князя о надлежащем отправлении повинностей непривилегированных сословий, к которым относились мещане. Следовательно, можно утверждать, что наследственные права мещан по Второму Статуту существенно ограничиваются, что свидетельствует о доминирующей роли шляхты в государстве [\[5, с. 11-12\]](#).

В Статуте 1588 г. вопросы наследственного права получили более полное урегулирование. В ВКЛ наследование по закону наступало при отсутствии завещания и в соответствии с определенной очередностью круга родственников. В первую очередь

наследниками являлись дети, братья, сестры, затем родители умершего лица, а потом уже иные кровные родственники. О наследовании в боковых линиях, закон говорил довольно таки неопределенно, называя их «потомства и щадки» (разд. III, арт. 7). При наличии сыновей дочери получали только четверть стоимости имущества, независимо от их количества. Имущество матери они унаследовали в равных долях со своими братьями. Жена после смерти мужа получала не более трети его имущества в пожизненное владение. Наследниками же считались дети или родственники мужа по мужской линии («по мечу»). Приданое жены в случае ее смерти, если не было детей, возвращалось в её семью (разд. V, арт. 19). Ограничения прав женщин наследовать имущества своих мужей, а также ограничения возможности лишить детей наследства были связаны с феодальной обязанностью нести военную службу и выставлять определенное количество воинов (разд. III, арт. 17) [\[2, с. 14\]](#); [\[3, с. 75\]](#). Однако, как отмечает российский исследователь Т. И. Пелипенко, вдовы "обязаны были выставлять на службу определенное количество слуг, обмундирования и лошадей" [\[9, с. 170\]](#). Если наследодатель умер «без потомков, близких щадков и наследников своих», имущество становилось выморочным и переходило к великому князю. Таким образом, Статут 1588 г. унифицировал порядок наследования выморочного имущества в общегосударственном масштабе [\[2, с. 14\]](#).

Третий Статут впервые регламентирует порядок наследования совместно нажитого в браке имущества, если супруги до этого не имели никакого имущества. «Тогда, со всем имуществом, жена будет иметь остальное». Если у них не было детей, такое имущество полностью переходило пережившему супругу. Если у них были дети, им переходило 2/3 имущества, а вдове - 1/3. После смерти бездетных супругов имущество переходило по наследству их родственникам в равных долях (разд. V, арт. 21) [\[2, с. 14\]](#); [\[3, с. 76\]](#).

Раздел VIII Статута 1588 г. регулирует вопросы наследования по завещанию: кто имеет право завещать недвижимость, как составляется завещательная запись, кто должен присутствовать, в каких случаях завещание считается незаконным и т. д. Особое внимание обращалось на действительность воли завещателя и его дееспособность в момент составления завещания. Главное - это подлинность завещания наследодателя и его дееспособность на момент составления завещания. В этой связи самым важным условием достоверности завещательных записей было требование соблюдения определенной формы. Начало завещания (призыв Св. Троицы и др.) указывает на то, что право наследования в своем историческом развитии находилось под влиянием церкви. Необходимость установления подлинности завещания вызывала гораздо более высокие формальные требования к ним, чем к другим сделкам. Поэтому законодатель придаёт большую важность нотариальной форме, хотя признает и домашнюю форму завещаний, требующую присутствия свидетелей. Закон устанавливает правила, которые направлены на предотвращение подделки завещания, например, предупреждает о недопустимости внесения поправок, приписок, подчисток и прочего. Завещание, не соответствующее необходимым условиям, могло быть обжаловано в суде. Наследодатель мог в любой момент составить новое завещание, которое тоже нужно было оформить должным образом. Никакие его обещания о неизменности составленного завещания не имели юридической силы. В случае, когда наследодатель написал несколько завещаний, определялось время их изготовления и последнее признавалось действительным. Только наследники по закону могли оспаривать завещания [\[2, с. 13-14\]](#); [\[3, с. 76-77\]](#).

Закон специально оговаривал, кто не имел права завещать имущество: несовершеннолетние, лица, лишившиеся свободы по решению суда, монахи, попавшие в

плен, челядь дворная, душевнобольные (они могли завещать свое имущество только после выздоровления), высланные и лишенные чести. Две последние категории не могли также приобретать имущество по завещанию. Находившиеся в плену и челядь дворная могли приобретать имущество по завещанию только после получения личной свободы. Закон позволял свободным и несвободным простым людям оставлять после себя завещание только на третью часть своего имущества. Остальные две трети при любых условиях переходили в наследство детям (обязательная доля). Имущество, которое оставалось после смерти бездетных людей считалось выморочным. Оно переходило частями в собственность феодалу (если умерший был крепостным) или общине (если умерший был свободным человеком). В Третьем Статуте в интересах нектоликов была устранена «ересь» как основание для лишения наследства [\[1, с. 85\]](#); [\[8, с. 14\]](#); [\[11, с. 130\]](#); [\[14, с. 193\]](#).

Свобода составления завещаний в первую очередь касалась движимого имущества. Статут 1588 г. предусматривал возможность свободно завещать также купленную недвижимость, не входившую в родовое имение. Обязательным условием при составлении завещания считалось присутствие священника или свидетелей, которые заслуживали доверия. Статут закрепил и некоторые ограничения относительно распоряжения недвижимым семейным имуществом, а также относительно совместно нажитого в браке имущества (р. V, арт. 2, 21 и др.). Шляхтич был вправе завещать посторонним лицам не более трети отцовских и материнских имений, а остальная часть должна была перейти в собственность детей или других законных наследников. Исключение из этого правила делалось в случае, если имущество завещалось великому князю. Ограничение права феодала завещать все имущество посторонним, минуя его законных наследников, противоречило их праву свободно распоряжаться недвижимостью. Под давлением развития товарно-денежных отношений законодатель был вынужден позволить шляхте более свободно участвовать в различных денежных операциях и в то же время стремился сохранить правовую основу феодального землевладения. Закон говорит о том, каким образом оформлялась завещательная запись, кто должен был при этом присутствовать, перечисляет основания признания завещания недействительным и т.д. В Статуте регламентируются случаи экстренного составления завещаний [\[2, с. 13\]](#); [\[8, с. 14\]](#); [\[14, с. 194\]](#).

На протяжении XVI в. наблюдается тенденция уравнивания статуса всех видов землевладений, формируется институт собственности, что нашло наиболее полное отражение в Статуте 1588 г. Наследственное право по этому Статуту приобретает такие характерные черты как развитость и прогрессивность. Благодаря новейшим достижениям европейской правовой науки и судебной практике ВКЛ институт наследования по закону совершенствуется и приобретает все большую теоретическую регламентацию. Процесс развития наследственных правоотношений по закону идет по пути расширения индивидуальных правомочий субъектов наследственного права (особенно это касается шляхты), унификации порядка наследования недвижимого имущества [\[2, с. 14-15\]](#).

По мнению ряда белорусских учёных (Голубева Л. Л., Довнар Т. И. и др.), в течении XVI в. в ВКЛ «формируется буржуазный институт собственности, что нашло наиболее полное отражение в Статуте 1588 г.» [\[2, с. 14\]](#) Применительно к наследственным отношениям, с этим положением нельзя согласиться. ВКЛ являлась феодальным государством. По форме правления это была сословно-представительная монархия. У каждого сословия были свои права, обязанности и привилегии. Буржуазное право предполагает формальное равенство. Наследственные права шляхты, мещан и крестьян были

различны. Поэтому говорить о буржуазных правовых институтах нет оснований.

Формирование института феодальной собственности и включение недвижимости в товарооборот стало основанием для дальнейшего развития наследственных правоотношений, что нашло отражение в Статутах ВКЛ. В Статуте 1588 г. наследственное право выступает уже определенной подотраслью гражданского права с более полной и детальной регламентацией всех аспектов наследственных правоотношений, с регламентацией прав и обязанностей субъектов права, с четкой регламентацией вопросов наследования имущества по закону и по завещанию, с особой защищенностью наследственных прав женщин, с выделением так называемого совместно нажитого в браке имущества супругов [\[2, с. 15-17\]](#).

Итак, в развитии наследственного права в ВКЛ можно выделить несколько тенденций. Во-первых, это расширение круга наследников. Если в достатутный период наследниками были в основном только дети, то Третий Статут выделяет уже четыре очереди наследников. Во-вторых, это ограниченные наследственные права женщин, которые тем не менее, всё более расширялись в основном за счёт отмены ряда ограничений. Например, были отменены ограничения в сфере наследования для женщин, вышедших замуж за иностранцев. В-третьих, наследственное право ВКЛ носило сословный характер и было тесно связано с условным феодальным землевладением. Говоря об актуальности рассматриваемого вопроса, следует отметить, что изучение наследственного права ВКЛ может послужить улучшению отечественного гражданского законодательства. Особый интерес в связи с этим имеют правовые нормы касающиеся "недостойных наследников". Ряд положений можно позаимствовать, например, о лишении права на наследство в связи с совершением аморальных проступков.

Бібліографія

1. Бардах Ю. Литовские Статуты – памятники права периода эпохи Возрождения // Культурные связи Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 71-93.
2. Голубева Л. Л. Наследование имущества по законодательству Великого княжества Литовского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2000. 21 с.
3. Доўнар Т. І. Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV-XVI стст. Мінск: БДУ, 1997. 85 с.
4. Заика Ю. А. Устранение от наследования по Статуту Великого Княжества Литовского 1566 года // Статут Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1566 г.: да 450-годдзя выдання: матэрыялы круглага стала, 1 красавіка 2016 г., г. Мінск. Мінск: БДУ, 2016. С. 62-66.
5. Ковшар А.Д. Спадкове право міщан за першим і другим Литовськими Статутами 1529 і 1566 рр. // Сучасні тенденції в юридичній науці України. Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції (м. Київ, 29-30 червня 2017 року). Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2017. С. 10-12.
6. Ларичев Я. Ю. Наследственное право - институт гражданского права Великого княжества Литовского // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Материалы конференции. Ч. 3. Редколлегия: В.Г. Сафонов [и др.]. Минск: БГУ, 2018. С. 374-377.
7. Ливак М. М. Становлення інституту спадкування за заповітом у феодальному українському суспільстві // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2014. № 2. С. 13-23.

8. Майкут Х. В. Цивільне право на українських землях за Литовськими статутами: історико-правове дослідження: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Львів, 2009. 20 с.
9. Пелипенко Т. И. Положение шляхтянок в семье и обществе Великого княжества Литовского в XVI веке: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 203 с.
10. Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Издательство АН СССР, 1961. 815 с.
11. Пыско А.І. Спадчыннае права Беларусі ў XVI ст. // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця): Сб. прац, 10 чэрвеня 2009 г., Мінск. Мінск: БДУ, 2009. С. 129-131.
12. Статути Великого князівства Литовського: У 3-х т. Т. 1: Статут Великого князівства Литовського 1529 року / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. Одеса: Юридична література, 2002. 464 с.
13. Статути Великого князівства Литовського: У 3 т. Т. 2: Статут Великого князівства Литовського 1566 року / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. Одеса: Юридична література, 2003. 560 с.
14. Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 270 с.
15. Яцкевич И. Г. Роль судебных решений Великого князя и Панов-Рады в процессе правообразования в Великом Княжестве Литовском в первой половине XVI в. // Проблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18–19 сак. 2011 г. Мінск: БДУ, 2011. С. 89-91.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования интересный и посвящен вопросам наследственного права «...в Великом княжестве Литовском». Методология исследования – ряд методов, правильно используемых автором: исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, анализ и синтез, логика и др. Методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли историко-юридические методы. Выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности. Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений и обоснована автором во введении к статье и выражается в следующем: «Изучение истории, в том числе истории государства и права, стран постсоветского пространства представляет собой большой научный интерес» и далее «С XV в. в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) наблюдается тенденция увеличения роли законодательных и доктринальных источников права». Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. Научная новизна предложенной статьи вызывает сомнений и не обоснована в исследовании автора. Многие положения, да и выводы заимствованы из работ оппонентов. Стиль, структура, содержание заслуживают особого внимания. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические

исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с вопросами наследственного права «...в Великом княжестве Литовском». Исследование имеет не все необходимые структурные элементы: присутствует актуальность, постановка проблемы, цели и задачи, предмет, методология, отсутствуют научная новизна и выводы (авторские). Стиль работы хороший, она легко читается и носит исследовательский характер. Содержание в полной мере отражает существо статьи. Автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели своего исследования. Он логично подводит читателя к существующей проблеме. Он акцентирует внимание читателя на предмете статьи. Он показывает, опираясь на исследования оппонентов, что в Литве «Наследственное право развивалось как отдельный институт гражданского права под воздействием общих социально-экономических изменений в феодальном обществе, непосредственно связано с формированием сословного деления общества [2, с. 4]» и приводит положение дел в рассматриваемой сфере. Автор при постановке проблемы отмечает, что «Настоящая статья базируется в основном на исследованиях современных белорусских и украинских историков права», «Первоначально право наследования принадлежало ограниченному кругу родственников, но позже круг наследников расширился [3, с. 70-71]». Хотя в работе заявляется, что «Предметом исследования является законодательство Великого княжества Литовского, регулирующее наследственные правоотношения» (обращение к законодательству только опосредованное, через оппонентов). Переходя к анализу истории достатутного периода, исследуемого в статье, автор показывает, используя работы оппонентов, что «Порядок наследования имущества в достатутный период в ВКЛ регулировался обычным правом, которое в различных землях имело свои особенности», и делает вывод «Лица женского пола наследовали только при отсутствии потомков по мужской линии. При наличии мужчин они получали не долю в наследстве, а определенную часть имущества (вено) для обеспечения своего будущего положения... Как правило, родители не получали имущество своих детей». Далее автором рассматривается история статутного периода (с примерами): «...Институт наследования в ВКЛ был формализован параллельно с формированием сословия шляхты и фактически был её материальной поддержкой», а «С XIV в. города ВКЛ начинают получать городское самоуправление на основе Магдебургского права», «В этот период, особенно в конце XV-начале XVI вв., шляхта требовала законодательного закрепления распоряжения недвижимостью», «Наследниками по Магдебургскому праву были и сыновья, и дочери умершего» и «Наряду с обычным и писаным правом на формирование института наследования оказывала влияние и судебная практика. Нередко именно судебное решение по конкретному делу являлось основанием для закрепления новой нормы права в законе... Текст устavy был положен в основу артикула 1 раздела IV Статута 1529 г.... Эта норма в последующем была закреплена в арт. 3 разд. IV Статута 1529 г. [11, с. 89-90]». Однако автор не приводит ссылку на сам источник - Статут 1529 г., а только на слова оппонента. При этом автор не изучает первоисточники, а только работы оппонентов, что не совсем характерно для исторических исследований. Он приводит обширные цитаты без кавычек из работы [11, с. 89-90]. Например, «Так, в январе 1509 г. в суд Великого князя и Панов-Рады обратились Адам Михайлович...» и «В феврале 1529 г. Великий князь и Паны-Рада рассматривали дело о разделе имений...», что вообще недопустимо. Автор отмечает «В ВКЛ наследственное право оформилось как правовой институт в результате закрепления соответствующих норм в Статуте 1529 г. Наследованию в нём уделяется значительное внимание». Переходя к анализу Статута 1529 г. автор также подробно останавливается на исследуемых в статье положениях, опираясь на исследования оппонентов: «Первый Статут не разрешал лишения права наследования через духовную запись [2, с. 12]; [3, с. 72-73]; [5, с. 10]; [6, с. 19]; [8, с. 477]», «Первый Статут также гарантировал мещанам право на завещание, что

фактически уравнивало мещанина со шляхтичем [3, с. 73]; [5, с. 11]», хотя положения «Наследники по завещанию могли получить не более 1/3 имущества (разд. I, арт. 15), но по закону требовалось получить разрешение от местной администрации (разд. I, арт. 17)» уже были отмечены в работе Ларичева Я. Ю. (не приведенной в списке литературы) и приведены дословно в данной работе. Автор показывает, используя работы оппонентов, что «...во Второй Статут записали прогрессивную норму, согласно которой дети от нескольких браков получали равные права на родительское имущество [2, с. 12-13]» (1566г.), приводя примеры, «Дочери унаследовали родительскую собственность только в случае отсутствия сыновей [3, с. 74]», и делает вывод: «Если не было наследников по закону и по завещанию, имущество признавалось выморочным и переходило в государственную казну». Далее автор рассматривается отдельно раздел Статута 1566г. с анализом работ оппонентов: «В арт. 7 раздела VIII «О тестаментх» были указаны основания лишения наследства», но приводится перечень оснований из работы 4 без кавычек, практически слово в слово. Далее автор отмечает, что «Согласно Второго Статута наследственные права мещан, проживавших в городах, не наделенных Магдебургским правом, ограничивались», «Следовательно, можно утверждать, что наследственные права мещан по Второму Статуту существенно ограничиваются, что свидетельствует о доминирующей роли шляхты в государстве [5, с. 11-12]». Переходя к анализу другого Статута 1588г. автор раскрывает его положения «...вопросы наследственного права получили более полное урегулирование. В ВКЛ наследование по закону наступало при отсутствии завещания и в соответствии с определенной очередностью круга родственников», где также подробно останавливается на исследуемых в статье положениях, исследованиях оппонентов. Автор показывает, используя работы оппонентов, что «Статут 1588 г. унифицировал порядок наследования выморочного имущества в общегосударственном масштабе [2, с. 14]; [3, с. 75]», «Третий Статут впервые регламентирует порядок наследования совместно нажитого в браке имущества, если супруги до этого не имели никакого имущества», «...законодатель придаёт большую важность нотариальной форме, хотя признает и домашнюю форму завещаний, требующую присутствия свидетелей», «Только наследники по закону могли оспаривать завещания [2, с. 13-14]; [3, с. 76-77]» и «В Третьем Статуте в интересах не католиков была устранена «ересь» как основание для лишения наследства [1, с. 85]; [7, с. 14]; [9, с. 130]; [10, с. 193]», «Процесс развития наследственных правоотношений по закону идет по пути расширения индивидуальных правомочий субъектов наследственного права (особенно это касается шляхты), унификации порядка наследования недвижимого имущества [2, с. 14-15]». Далее автором отмечается, что «Наследственные права шляхты, мещан и крестьян были различны. Поэтому говорить о буржуазных правовых институтах нет оснований», что сделано в ряде работ оппонентов. В заключение автор подводит итог: «Формирование института феодальной собственности и включение недвижимости в товарооборот стало основанием для дальнейшего развития наследственных правоотношений, что нашло отражение в Статутах ВКЛ» и далее «В Статуте 1588 г. наследственное право выступает уже определенной подотраслью гражданского права с более полной и детальной регламентацией всех аспектов наследственных правоотношений, ... [2, с. 15-17].». Как нам кажется, приведены конкретные, но не дающие для практики и теории выводы. Тем более они в основном не авторские, а оппонентов. Необходимо констатировать, что журнал, в который представлена статья является научным, и автор направил в издательство статью, соответствующую определенным требованиям, предъявляемым к научным публикациям, в частности для научной полемики он обращается к текстам научных работ оппонентов. Библиография достаточная и содержит научные исследования, как советских, так и зарубежных авторов, есть ссылки на Статуты, к которым автор обращается, но сами

Статуты не исследуются. Необходимо отметить использование автором определенного количества литературы на иностранных языках, что особенно важно в контексте цели исследования. Труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы. Это позволяет автору правильно определить проблемы и поставить их на обсуждение. Он, исследовав их, раскрывает предмет статьи. Автор продемонстрировал хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но не привнес своей статьей определенную научную новизну. Апелляция к оппонентам в связи с вышесказанным присутствует. К замечаниям можно отнести использование ссылок без кавычек (дословное приведение текста как оппонентов, так и других авторов). Автором используется материал других исследователей, но не первоисточников, что в работах исторического характера желательно, а в некоторых случаях просто необходимо. Выводы – работа требует доработки, после этого интерес читательской аудитории будет присутствовать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Наследственное право в Великом княжестве Литовском».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам законодательства, которое действовало применительно к наследственным отношениям, в Великом княжестве Литовском. Автором с исторического аспекта изучается законодательство того периода, сопоставляется с наследственным правом различных исторических периодов. Как указано в самой статье, «Предметом исследования является законодательство и обычное право Великого княжества Литовского, регулирующее наследственные правоотношения». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего исторические материалы, среди которых правовые акты и решения суда того времени. Также анализу подвергалась доктрина, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о наследственном праве в Великом княжестве Литовском. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. Как указано в самой статье, «Методика разработки темы настоящей работы включает в себя общенаучные и специальные методы исследования, в том числе диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики и правовых актов того времени.

В частности, отметим следующие выводы автора: «Так, в январе 1509 г. в суд Великого князя и Панов-Рады обратились Адам Михайлович, Николай Буткевич и Ян Зычило с

иском против вдовы пана Александра Монкгирдовича. Жены истцов приходились племянницами пану Александру. Так как прямых наследников не было, племянницы претендовали по боковой линии на наследство умершего. Однако пан Александр одно из своих имений подарил жене, а на втором записал ей вено. Таким образом, вдова единолично владела всем недвижимым имуществом умершего мужа, и, по словам истцов, распоряжалась им в ущерб интересам близких родственников. Великий князь и Паны-Рада, посчитав такое положение дел несправедливым, удовлетворили притязания истцов. При этом на основании данного решения была принята устава (постановление), которая гласила: «От сих часов хто бы коли хотел записати вено жоне своей на именьи своем, тогды мает записати вено жоне своей не на всем именьи, нижи только на третьей части именья своего всего, как отчизного, так выслужоного»». Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема наследственного права разного времени может быть полезна для понимания тенденций в развитии норм о наследовании, истоков современного наследственного права. Сложно спорить с автором в том, что «Изучение истории, в том числе истории государства и права, стран постсоветского пространства представляет собой большой научный интерес. В центре внимания отечественных историков права находится в основном проблематика истории государства и права России и стран дальнего зарубежья».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«в развитии наследственного права в ВКЛ можно выделить несколько тенденций. Во-первых, это расширение круга наследников. Если в достатутный период наследниками были в основном только дети, то Третий Статут выделяет уже четыре очереди наследников. Во-вторых, это ограниченные наследственные права женщин, которые тем не менее, всё более расширялись в основном за счёт отмены ряда ограничений. Например, были отменены ограничения в сфере наследования для женщин, вышедших замуж за иностранцев. В-третьих, наследственное право ВКЛ носило сословный характер и было тесно связано с условным феодальным землевладением. Говоря об актуальности рассматриваемого вопроса, следует отметить, что изучение наследственного права ВКЛ может послужить улучшению отечественного гражданского законодательства. Особый интерес в связи с этим имеют правовые нормы касающиеся "недостойных наследников". Ряд положений можно позаимствовать, например, о лишении права на наследство в связи с совершением аморальных проступков».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены оригинальные обобщения правовых актов и судебных решений того времени, что может быть интересно специалистам по истории наследственного права разных стран.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с историей наследственного права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и других стран (Бардах Ю., Голубева Л.Л., Доўнар Т.І., Пелипенко Т.И., Юхо Я.А., Яцкевич И.Г. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам истории развития наследственного права в разных странах.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Гришин А.В. — Централизация библиотечной сети в Пензенской области (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 92 - 99. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68789 EDN: YANRJC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68789

Централизация библиотечной сети в Пензенской области (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.)

Гришин Антон Валерьевич

ORCID: 0000-0001-7979-1228

аспирант, кафедра "История и философия", Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

440028, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28

✉ uhbifyfynjy@rambler.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68789

EDN:

YANRJC

Дата направления статьи в редакцию:

23-10-2023

Аннотация: Предмет исследования – процесс централизации сети государственных массовых библиотек в Пензенской области. Исследование проведено на основе анализа и обобщения документов Государственного архива Пензенской области (фонд управления культуры Пензенского облисполкома) с использованием принципов историзма и научной объективности и системности. Автор дает краткий обзор отечественной (советской и постсоветской) и зарубежной историографии по проблеме исследования. Особое внимание уделяется подготовительной работе к централизации библиотечной системы в области, в частности ознакомлению с данной практикой в других регионах; взаимодействию и поддержке местных советско-партийных органов; полученным результатам от реорганизации сети. Научная новизна состоит в том, что впервые предпринято исследование формирования централизованных библиотечных систем в Пензенском регионе. Во второй половине 1970-х гг. в области государственные массовые библиотеки начинают объединять в единую библиотечную структуру – централизованную библиотечную систему, которая функционировала на основе единого

административного и методического руководства, общего штата, централизации процессов формирования и обращения фондов, их профилирования и возможности взаимоиспользования. Проводя централизацию библиотек, власти рассчитывали усилить политическую пропаганду через книгу, расширить функции библиотечных учреждений в информационном и справочном поле обслуживания граждан и предоставлении им более разнообразных услуг, устранить параллелизм в их деятельности, усовершенствовать модель управления и использования выделявшихся средств, содействовать лучшему внедрению и оптимизации библиотечных процессов. Эффективность от централизации библиотек снижалась от доминировавшей тогда установки, что ее следует проводить без дополнительных финансовых вложений.

Ключевые слова:

СССР, культура, Министерство культуры РСФСР, культпросветучреждение, библиотечное дело, библиотека, централизация, централизованная библиотечная система, книжный фонд, Пензенская область

В 1970-е гг. в СССР была проведена централизация сети государственных массовых библиотек (Государственная межведомственная библиотечная комиссия (ГМБК) при Министерстве культуры СССР, «Положение о централизации государственных массовых библиотек» 1975 г.), т. е. объединение ранее самостоятельных библиотечных учреждений в единую систему с общим книжным фондом и штатом работников, единым административным и хозяйственным руководством, централизованным комплектованием и обработкой литературы, выделением центральных библиотек и реорганизацией всех других в ее филиалы.

«Новый этап библиотечного строительства» – централизация сети массовых библиотек дала импульс разработке различных аспектов централизации, принципов единой системы библиотечного обслуживания населения, рационального размещения библиотечных ресурсов [\[1-8\]](#). В постсоветский период происходит пересмотр целей и хода централизации библиотечной сети массовых библиотек [\[9-10\]](#). Например, М. Н. Глазков расценивает данное решение, как стремление к возвращению к «подлинному ленинизму» и «революционным идеалам» путем административной реорганизации без увеличения финансирования [\[11, с. 117-118\]](#).

Развитие библиотечного дела в СССР привлекало интерес зарубежных исследователей. Так, Э. Кнутсен (США) считает, что советские библиотеки были подконтрольны государству и обязывались придерживаться принципа партийности в своей работе по пропаганде коммунистической идеологии [\[12, с. 716\]](#). Британский историк С. Ловелл, американский исследователь П. Холландер указывали на большое значение чтения в советском социуме, в том числе как предпочтительной форме отдыха [\[13; 14, с. 200-201\]](#).

В Пензенской области ключевым звеном библиотечной сети были учреждения Министерства культуры. В середине 1970-х гг. основное внимание областного управления культуры было сосредоточено на выполнении мероприятий, связанных с выполнением постановления бюро ОК КПСС «О мерах по улучшению культпросветработы и развитию народного творчества» от 3 июня 1974 г., постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», решения исполкома облсовета № 610 от 31 декабря 1974 г. «О

мерах по выполнению постановления СМ РСФСР от 22 ноября 1974 г. № 605 ²⁰ о повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании и научно-техническом прогрессе²¹» [\[15, л. 203; 16, л. 171\]](#).

С 1974 г. в регионе началась подготовка к переходу библиотек области на централизованную систему обслуживания. Изучению опыта работы централизованной системы библиотек городского типа был посвящен выезд в г. Липецк заведующего методическим отделом областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова и заведующей библиотекой № 1 г. Кузнецка [\[17, л. 248\]](#). Заведующие Лунинской и Бедно-Демьяновской районными библиотеками были участниками Всероссийского семинара-практикума по организации централизованного обслуживания населения сельской местности на базе Харабалинской районной библиотеки Астраханской области.

В 1975 г. на централизованную систему обслуживания были переведены библиотеки г. Кузнецка, Лунинского и Бедно-Демьяновского районов [\[18, л. 51\]](#). В связи с этим в информации «Съезду – вдохновенный труд (Работа библиотек области в 1975 г. и навстречу 25 съезду КПСС)» директор областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова Н. М. Полетаева подчеркнула, что «эта, бесспорно, прогрессивная форма обслуживания населения книгой на первых порах нуждалась в пристальном внимании и поддержке со стороны советских и партийных органов на местах», необходимо было укрепление материальной базы головных центральных объединенных библиотек – расширение производственных площадей, техническое оснащение и т. д. Однако, если в г. Кузнецке и Лунино было достигнуто полное взаимопонимание с райкомами КПСС и райисполкомами, то Бедно-Демьяновский райисполком «остался глух к нашим просьбам, хотя именно Бедно-Демьяновская районная библиотека нуждается более других в помощи (тесное помещение, плохое оборудование)» [\[19, л. 41-42\]](#). В «Справке о состоянии работы по коммунистическому воспитанию в районных библиотеках Пензенской области» (1975 г.) отмечалось, что упорядочение библиотечной сети не всегда велось продуманно. В Иссинском районе, например, центральные усадьбы совхозов остались без библиотек.

Библиотеки области переводились на централизованную систему планомерно. В 1978 г. в области действовало 19 централизованных систем в 16 районах, в т. ч. 3 городских, что составило примерно 63% от всей системы государственных библиотек. Данные ЦС, особенно Бедно-Демьяновская, Каменская, Лунинская, Тамалинская, Сердобская, Кузнецкая (городская), накопили значительный опыт организации работы при централизации – организации управления, методического руководства, создание единого фонда, справочного аппарата. Наиболее эффективной являлась работа Бедно-Демьяновской ЦС в деле комплексной пропаганды литературы по всем отраслям знаний, оперативном донесении передового опыта до потребителя – сельского специалиста. Опыт работы данной системы был описан и распространен. Практика Сердобской ЦБС по организации помощи специалистам и труженикам сельского хозяйства в уборке урожая также одобрен на коллегии управления культуры в сентябре 1978 г. и рекомендован для распространения [\[20, л. 4\]](#). В 1979 г. в регионе функционировали 23 централизованные системы – 3 городских и 20 сельские, что составило 73% от всей системы государственных библиотек [\[21, л. 20\]](#). ЦБС находились в ведении местных отделов культуры.

11–16 декабря 1978 г. в г. Пензу и область выезжала бригада Министерства культуры РСФСР в составе старшего научного сотрудника ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина М. И.

Губановой, главного библиотекаря Государственной республиканской юношеской библиотеки им. 50-летия ВЛКСМ Ю. В. Исаева, главного библиотекаря Государственной республиканской детской библиотеки А. М. Лушельской, заведующей отделом обработки Государственной республиканской детской библиотеки Е. П. Девятовой. В справке по результатам проверки было указано, что план перехода на централизацию государственных массовых библиотек, утвержденный коллегией управления культуры, в целом выполнялся, до 1980 г. предполагалось завершить централизацию оставшихся 11 районов, в регионе внедрялась совместная централизация массовых и детских библиотек, за исключением областного центра. Однако, вопрос обслуживания библиотечными детского населения нуждался в доработке. Так, несмотря на то, что в г. Пензе была организована самостоятельная ЦБС из 8 детских библиотек, обслуживавшая детей, библиотеки ЦБС для взрослых продолжали обслуживать 6 тыс. читателей-детей, не обеспечивая их специализированного обслуживания. В Кузнецкой ЦБС из 12 тыс. учащихся 1–8 классов в микрорайоне двух детских библиотек (детского отдела и детского филиала № 2) проживало 4 тыс. учащихся. В результате более 5 тыс. школьников являлись читателями библиотек-филиалов для взрослых (в филиалах № 4 и № 5 – более 1000 ребят). Но ни в одном из 6 филиалов, обслуживавших детей, не были созданы для этого необходимые условия. В справке по материалам командировки сотрудников ГРДБ РСФСР отмечалось, что «централизация сети библиотек, предпринятая как прогрессивная форма обслуживания населения, не дала пока желаемых результатов» [\[19, л. 127\]](#).

В постановлении коллегии управления культуры Пензенского облисполкома от 24 апреля 1979 г. о работе централизованных библиотечных систем Городищенского и Колышлейского районов отмечались недостатки в их деятельности, свойственные и другим местным ЦБС: отсутствие центрального сводного каталога, отражавшего фонд всех филиалов, и тематико-типологического плана комплектования, что обуславливало безграмотное комплектование филиалов системы; нет четкого распределения обязанностей работников центральной библиотеки и т. п. Из негативных моментов перевода на централизованную систему библиотек также подчеркивалось сокращение штатов работников детских отделов в Бедно-Демьяновском, Лунинском, Городищенском, Колышлейском (в них осталось по 2 работника) и Пензенском районах (осталось 3 работника), и это было явно недостаточно, «чтобы на высоком уровне обслуживать читателей и осуществлять методическое руководство по отношению к сельским и школьным библиотекам» [\[19, л. 131-132\]](#).

Постепенно недостатки устранялись. В справке облуправления культуры за 1979 г. подчеркивалось, что, в целом, новая централизованная система обслуживания оправдывала себя. В Земетчинской, Каменской, Тамалинской ЦС фонды переведены на новую безинвентарную систему учета, что позволило повысить производительность труда работников центральной библиотеки. Хорошо зарекомендовала себя введенная в целях улучшения руководства культурно-просветительными учреждениями области, глубокого, всестороннего изучения содержания их работы и оказания более конкретной материальной и практической помощи со стороны облуправления культуры, его методических центров, учреждений искусства, учебных заведений культуры, отделов культуры, в соответствии с приказом по управлению культуры Пензенского облисполкома № 88-а от 9 августа 1976 г. система инспектирования и оказания помощи районным библиотекам не реже двух раз в год. Для усиления качественной стороны методической помощи городским, детским и сельским библиотекам со стороны методических центров приказом по управлению культуры Пензенского облисполкома № 122 от 26 октября 1976 г. был установлен методический день работы районных, взрослых и детских центральных

городских библиотек в городских, детских и сельских библиотеках области – четверг. На собрании актива управления культуры облисполкома от 2 февраля 1980 г. директор районной централизованной библиотечной системы Пензенского района Л. П. Бровкина указала на преимущества централизации: улучшение состав книжного фонд, учет экономического профиля хозяйств при комплектовании фондов, сокращение дублирования [\[22, л. 30-31\]](#).

В 1980 г. в области практически завершилась централизация библиотечного дела: действовала 31 система: 3 – городских, 27 – районных, 1 – профсоюзная; в 1981 г. – 32 системы: 3 – городских, 28 – районных, 1 – профсоюзная. В некоторых ЦБС успешно функционировали Советы при директоре и производственные совещания. Работа библиотек в 1981 г. проходила под девизом «Работать эффективно и качественно!». Завершившаяся централизация библиотечного дела способствовала совершенствованию обслуживания населения книгой. С января 1980 г. библиотеки области начали переход на новые формы учета библиотечно-библиографической классификации; в 1981–1982 гг. были перешифрованы все фонды и реклассифицированы каталоги, создавались сводные каталоги на весь фонд библиотек района. Однако они не были обеспечены необходимой техникой, каталожными и полочными разделениями, карточками для учетных каталогов и пр.

Таким образом, проводившаяся во второй половине – начале 1980-х гг. централизация государственных массовых библиотек в целях улучшения их организационно-методического управления, оптимизации штатов, повышения эффективности их деятельности. В результате, формирование общего библиотечного фонда повышало в целом качество предоставлявшихся библиотечных услуг. Кроме того, была отлажена система оказания научно-методической помощи учреждениям культуры через центральные библиотеки. Концентрация в центральной библиотеке однотипных процессов за счет введения специализации на местах высвободила время для прямой работы с читателями, позволила продуктивнее применять практику дифференцированного подхода.

Библиография

1. Пашин А. И. Деятельность библиотек на уровень новых задач. М.: Советская Россия, 1976.
2. Проблемы рационального размещения и использования библиотечных ресурсов в стране: сборник научных трудов / гл. ред. Н. С. Карташов. М.: ГБЛ, 1984.
3. Серов В. В. Новый этап библиотечного строительства в СССР. М.: Книга, 1975.
4. Серов В. В. Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе: вопросы теории и практики. М.: Книга, 1981.
5. Централизация библиотечного дела: итоги и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / науч. ред. В. В. Скворцов. М.: МГИК, 1982.
6. Централизация библиотечной сети: Пути совершенствования информационно-библиографической работы в централизованной библиотечной системе: сборник научных трудов / науч. ред. В. В. Серов. М.: ГБЛ, 1978.
7. Централизация библиотечной сети: итоги и проблемы: сборник научных трудов / ред. В. Г. Гукова. М.: б. и., 1984.
8. Централизация сети государственных массовых библиотек: сборник статей / под ред. В. В. Серова. М.: Книга, 1973.
9. Глазков М. Н. Государственная политика централизации массовой библиотечной

- сети в СССР 1974–1982 годов // Вестник МГУКИ. 2020. № 3 (95). С. 172–178.
10. Мазурицкий А. М. К столетию Декрета «О централизации библиотечного дела» // Библиотечная история: современное состояние и перспективы изучения / науч. ред. Н. В. Лопатина. М.: МГИК, 2021. С. 74–86.
11. Глазков М. Н. Разработка и первый этап реализации политики централизации массовых библиотек в СССР (1964 год – апрель 1974 года) // Вестник МГУКИ. 2019. № 4. С. 116–127.
12. Knutson E. New Realities: Libraries in Post-Soviet Russia // Library trends. Libraries in Times of War, Revolution, and Social Change, edited by W. B. Rayward and Ch. Jenkins. 2007. Vol. 55. № 3. P. 716–729.
13. Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. L.: St. Martin's press, 2000.
14. Холландер П. Досуг: единство развлечений и цели // Будущее советского общества. Вып. 2 / под ред. А. Кассофа. М.: Прогресс, 1970. С. 192–283.
15. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 512.
16. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 738.
17. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 627.
18. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 583.
19. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 600.
20. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 716.
21. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 739.
22. ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 751

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в российском обществе наблюдается повышенный интерес к библиотекам, которые на наших глазах превратились в по-настоящему культурные и досуговые центры, где читатели не просто приходят за книгами, но и участвуют в различных активностях. Более того, происходит активное преобразование и таких признанных мировым сообществом библиотек, как Российская государственная библиотека. В то же время заметим, что еще Советский Союз был самой читающей страной в мире, в связи с чем представляется важным обратиться к историческому опыту формирования библиотечной системы СССР.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является централизация библиотечной сети в Пензенской области (вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг.). Автор ставит своими задачами проанализировать процесс подготовки к переходу библиотек области на централизованную систему обслуживания, раскрыть недостатки в деятельности централизованных библиотечных систем, определить итоги перехода к централизации библиотечного дела.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к

воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать процесс централизация сети государственных массовых библиотек на примере Пензенской области. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Государственного архива Пензенской области. Из используемых исследований укажем на труды А.И. Пашина, А.М. Мазурицкого, М.Н. Глазкова, в центре внимания которых различные аспекты деятельности библиотек в советский период. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как библиотечным делом, в целом, так и процессом централизации библиотечной сети, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что 1970-е гг. в СССР была проведена централизация сети государственных массовых библиотек, «т. е. объединение ранее самостоятельных библиотечных учреждений в единую систему с общим книжным фондом и штатом работников, единым административным и хозяйственным руководством, централизованным комплектованием и обработкой литературы, выделением центральных библиотек и реорганизацией всех других в ее филиалы». В работе показано, что несмотря на планомерность перехода к централизации библиотечной сети были и такие недостатки, как «отсутствие центрального сводного каталога, отражавшего фонд всех филиалов, и тематико-типологического плана комплектования, что обуславливало безграмотное комплектование филиалов системы; нет четкого распределения обязанностей работников центральной библиотеки». Фактически, как отмечает автор рецензируемой статьи, в 1980 г. в Пензенской области «практически завершилась централизация библиотечного дела: действовала 31 система: 3 – городских, 27 – районных, 1 – профсоюзная».

Главным выводом статьи является то, что «концентрация в центральной библиотеке однотипных процессов за счет введения специализации на местах высвободила время для прямой работы с читателями, позволила продуктивнее применять практику дифференцированного подхода».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания, касающиеся стилистики: так, например, в заключении автор пишет: «проводившаяся во второй половине – начале 1980-х гг. централизация государственных массовых библиотек в целях улучшения их организационно-методического управления, оптимизации штатов, повышения эффективности их деятельности».

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Федотова Д.Ю. — Состав и структура населения Тюменского округа (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 100 - 111. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68795 EDN: YCUYGP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68795

Состав и структура населения Тюменского округа (по материалам Всесоюзной переписи 1926 г.)

Федотова Дарья Юрьевна

ORCID: 0000-0002-9832-8914

кандидат филологических наук

научный сотрудник, ТХНС УрО РАН

626152, Россия, Тюменская Область область, г. Тобольск, ул. Ак. Ю. Осипова, 15, каб. 3

✉ dashulya-23@bk.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68795

EDN:

YCUYGP

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2023

Аннотация: В данной работе проанализированы социально-демографические процессы, происходившие с населением Тюменского округа в первое десятилетие советской власти, зафиксированные материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г. Объектом исследования стало население Тюменского округа. Предмет исследования – состав и структура населения указанного округа. Материалы переписи дают наглядное представление о составе населения, характеристике населения по возрасту и полу, урбанизационных процессах, содержат данные о грамотности и основных занятиях граждан. Итоги переписи показали, что предшествующий период революционных потрясений и Гражданской войны привели к изменениям численности населения и социально-профессионального состава населения Тюменского округа. Методологической базой исследования стали принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Используются как общенаучные, так и традиционные для исторических исследований методы: системный, историко-сравнительный, проблемно-исторический. Кроме традиционных исторических методов, в работе был

использован метод статистического анализа, который позволяет провести оценку количественных показателей для выявления уровня урбанизированности населения и динамики происходивших изменений в половозрастном, социальном, профессиональном составе. Актуальность исследования определяется тем, что данные демографической статистики отдельных территорий позволяют изучить особенности в численности и социальном составе населения, а также исследовать их влияние на характер социально-экономического развития как отдельной территории, так и региона в целом.

Ключевые слова:

Перепись населения, демография, Тюменский округ, село, город, статистика, грамотность, урбанизация, Уральская область, этнический состав

Введение

Первые попытки изучения демографического развития Сибири были предприняты уже во второй половине XIX в. Ю. А. Гагемейстером и Е. Н. Анучиным [\[1, 2\]](#). Их работы носили в основном практический характер и преследовали в основном административно-управленческие цели.

В 1914 был издан фундаментальный труд «Азиатская Россия», в котором была представлена динамика численности населения Сибирского региона за 1897–1911 [\[3\]](#).

Серьезным толчком для дальнейших демографических исследований в Сибири послужила Первая Всеобщая перепись 1897 г. В начале XX в. наиболее важным событием в этом плане стала Всесоюзная перепись 1926 г. Во второй половине 1920-х – 1930-е гг. в Сибири работала целая группа талантливых статистиков: А. И. Петров, И. А. Якушев, А. Р. Шнейдер и др. [\[4, 5, 6\]](#).

Изучению демографических процессов Западной Сибири посвящены многочисленные труды современных исследователей А.А. Бурматова, В.А. Скубневского, Ю. М. Гончарова, В. А. Зверева, З. А. Тычинских, Д. А. Алисова и др. [\[7, 8, 9, 10, 11\]](#).

Одной из наиболее значимых работ, характеризующих демографические процессы в западносибирском обществе в конце XIX–XX вв., является монография В. А. Исупова. В книге впервые рассматриваются демографические изменения населения Сибири XX века как единый многогранный процесс его развития [\[12\]](#).

Вместе с тем, следует отметить, что существует необходимость в изучении ситуации в конкретных округах для выявления особенностей их развития. Данные демографической статистики отдельных территорий позволяют изучить особенности в численности и социальном составе населения, а также исследовать их влияние на социально-экономическое развитие региона как определенной территории, так и региона в целом. Актуальность данного исследования определяется тем, что вопрос о составе и структуре населения Тюменского округа по материалам переписи 1926 г. в исторической науке прежде не рассматривался.

Объект исследования - население Тюменского округа. Предмет исследования - состав и структура населения Тюменского округа.

Цель данной статьи – проанализировать социально-демографическую ситуацию в

Тюменском округе, зафиксированную материалами Всероссийской переписи 1926 г. Материалы переписи дают представление о составе населения, характеристике населения по возрасту и полу, урбанизационных процессах, содержат данные о грамотности и основных занятиях граждан.

Методологической базой исследования стали принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Используются как общенаучные, так и традиционные для исторических исследований методы: системный, историко-сравнительный, проблемно-исторический. Кроме традиционных исторических методов, в работе был использован метод статистического анализа, который позволяет провести оценку количественных показателей для выявления уровня урбанизированности населения и динамики происходивших изменений в половозрастном, социальном, профессиональном составе.

Источниковой базой работы стали материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и Всесоюзной переписи населения 1926 года.

Основная часть

Всесоюзная переписи населения 1926 г. проводилась, начиная с 17 декабря методом опроса и длилась 14 дней в сельской местности и 7 дней в городах. Руководили переписью статисты-демографы В. Г. Михайловский и О. А. Квиткин. В ходе первой Всесоюзной переписи населения 1926 года впервые учитывалось все наличное население страны, а в городах собирались сведения о постоянном населении. Программа переписи включала 14 пунктов с подпунктами: пол, возраст, национальность, родной язык, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, брачное состояние, грамотность, физические недостатки, психическое здоровье, положение в занятии и отрасль труда, продолжительность безработицы и прежнее занятие (только для безработных), источник средств существования (только для тех, кто не имеет занятия). Кроме того, в семейной карте отмечался состав семьи, продолжительность брака и условия жилья. Тем самым перепись отличалась детальностью разработки и полнотой полученных данных о семьях и социальном составе населения. Материалы переписи опубликованы в 56 томах в 1928–1933 годах. Положенные в основу переписи 1926 г. методологические принципы во многом использовались во всех последующих переписях СССР (1937, 1939, 1959, 1970, 1979 гг.).

В 1920-е годы происходили серьезные изменения в административно-территориальном делении страны. Постановлением ВЦИК 3 и 12 ноября 1923 г. была образована Уральская область РСФСР, в которую вошел Тюменский округ. Численность населения Уральской области составила 6 786 339 чел.

Тюменский округ был образован из территории Тюменского уезда, Ялуторовского уезда (без Мокроусовской волости), части территории Тобольского уезда Тюменской губернии и 6 волостей Камышловского уезда Екатеринбургской губернии [\[13, с. 65\]](#).

Согласно материалам переписи 1926 г. совокупное население 13 районов Тюменского округа (Ермулинский, Иевлевский, Исетский, Липчинский, Нижнетавдинский, Новозаимский, Покровский, Суерский, Талицкий, Тюменский, Шатровский, Юргинский, Ялуторовский) составляло 504 900 чел. По Тюменскому округу по материалам переписи 1926 г. насчитывалось 1321 сельское поселение.

Таблица 1

Население Тюменского и Ялуторовского округа Тобольской губернии по материалам переписи 1897 г.

Округ Тобольской губернии	Городское	Сельское		
		Мужчины	Женщины	Всего
Тюменский	29706	60154	61677	121831
Ялуторовский	3335	91360	98736	190096
Итого	33041	151514	160413	311927

Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения 1897 года...Вып.1 ...С. 24

Городское и сельское население Тюменского округа по переписи 1926 г.

Таблица 2

	Городское		Сельское	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Жители	31565	35792	205541	232002
%	6.1%	7.2%	40.8	45.9
Итого	13.3%		86.7	

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года...Т. 4. С. 228

При сравнении данных в табл.1 и 2 мы видим, что городское население Тюменского округа медленно, но устойчиво увеличивает свою численность.

На момент переписи 1897 г. Тюменский и Ялуторовский округа были отдельными административными единицами. Перепись 1897 г. показывает в этих двух округах наличие 9 % городского населения и 91 % сельского. Когда по материалам переписи 1926 г. мы видим, что это соотношение меняется в сторону увеличения городского населения до 13.3 %. Итоги переписи отразили усиление притока населения в город. Скипина И.В. отмечает, что такое положение характерно не на всех территориях Уральской области. Например, в соседнем Тобольском округе население г. Тобольска по данным предыдущей переписи 1987 г. по сравнению с данными переписи 1926 г. уменьшился. Так, если в 1897 г. в городе проживало 20 425 чел., то по результатам переписи 1926 г. население уменьшилось на 2071 чел. и составило 18 354 г. Эти явления были связаны с тем, что в Тобольске в отличие от Тюмени не было крупной заводской промышленности [\[14, с. 81\]](#).

Постоянное население шести городских поселений округа составляло 67 357 чел., это 13.3% от всей численности жителей, 86.7 % (437 543 чел.) проживало в сельской местности. В соседнем Тобольском округе наблюдается похожая картина: городское население составляло не более 11% от всего округа.

Многие населенные пункты Сибири городскими считались лишь условно. Всего в Тюменском округе было шесть городских поселений, зафиксированных переписью 1926 г. (Ертарский завод, Петровский завод, Талицкий завод, Пеклевская, г. Ялуторовск). Из них самым большим городским поселением в округе являлся г. Тюмень, в котором проживало 50 340 чел., это составило 75% от всего населения городских поселений. По данным переписи 1987 г. население Тюмени составляло на период конца XIX в. 29 544 чел. Мы видим, что население г. Тюмени значительно выросло на целых 58% по сравнению с данными переписи 1987 г. [\[15, с. 12\]](#). Всероссийская перепись 1926 г.

показала, что в середине 1920-х большинство сибиряков проживало в сельской местности. По ее данным сельское население Западной Сибири формировало основную часть жителей - 88.1%. естественному приросту населения.

Русское население составляло абсолютное большинство во всем населении страны: по народности 77 760 т. человек или 52.9%. Согласно материалам переписи 1926 г., русское население составляло самую многочисленную группу Тюменского округа - 91%; второй группой по количеству 5.7% - татары; 0.8% - зыряне, 0.4 % - чуваша, прочие 2.1%; на территории округа проживали относительно небольшие группы белорусов, евреев, чехов, поляков, болгар и т.д. Таким образом перепись зафиксировала преобладание русского населения как во всей стране, Западной Сибири так и в Тюменском округе [\[16, с. 5\]](#).

Одной из важнейших социально-демографических характеристик является группировка населения по возрасту и полу.

Перепись 1926 г. содержит достоверные сведения не только о численности, но и о половозрастном составе населения.

Таблица 3

Половозрастной состав населения Тюменского округа по данным переписи 1926 г.

Возраст (лет)	Мужчины	Мужчины В % к итогу	Женщины	Женщины В % к итогу	Общая численность	Общая численность В % к итогу
0-4	38525	16.2	38651	14.4	77176	15.2
5-9	25538	10.7	26524	9.9	52062	10.3
10-14	28478	12.0	28792	10.7	57270	11.3
15-19	28073	11.8	29874	11.1	57947	11.4
20-24	18892	7.9	24109	9.0	43001	8.5
25-29	17163	7.2	22536	8.4	39699	7.8
30-34	13090	5.5	16079	6	29169	5.7
35-39	12704	5.3	15238	5.6	27942	5.5
40-44	10748	4.5	12165	4.5	22949	4.5
45-49	10419	4.3	11461	4.2	21880	4.3
50-54	7759	3.2	9721	3.6	17480	3.4
55-59	6291	2.6	8431	3.1	14722	2.9
60 и старше	18986	8.0	23883	8.9	42869	8.4
Возраст неизвестен	404	0.1	330	0.1	734	0.1
Итого	237106	100.0	267794	100.0	504900	100.0

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года...Т. 4. С. 224

Данные Таблицы 3. показывают, что население Тюменского округа было достаточно молодым. Доля детей, подростков и молодежи (до 29 лет) составила в 1926 г. около 50 % жителей округа. Удельный вес лиц старше 60 лет не превышал 8 %. На долю тех же возрастных групп во всей Западной Сибири приходилось около 69 % жителей региона. Удельный вес лиц старше 60 лет по Сибири составил 6.6 % [\[17, с. 224\]](#).

По Материалам переписи 1926 существенно заметно, что численность женщин превосходила численность мужчин в общем по всем возрастным группам почти на половину и составляет 48%.

Половозрастная структура, зафиксированная переписью, четко отражала последствия, связанные с периодом революции и Гражданской войны. Именно поэтому самая большая разница прослеживалась в двух возрастных группах 20-24 (5217 чел.) и 25-29 (5373 чел.) лет. В данных возрастных группах на 1000 мужчин приходилось 1330 - 1300 женщин. В среднем по всему округу на 1000 мужчин приходилось 1130 женщин.

Перепись дает представление и о социальной структуре населения. Социально-профессиональный состав населения Тюменского округа напрямую был связан с занятиями населения. Во всех 13 районах основным занятием было сельское хозяйство. В округе были развиты овчино-шубные, пимокатные, шорные, кожевенные кустарные промыслы, которые напрямую связаны с сельским хозяйством. Другие с обработкой дерева, к ним относились: производство деревянной посуды, тележный, санный и др. Основными видами крупной промышленности были мукомольная, кожевенная, писчебумажная и деревообрабатывающая. Самым развитым в промышленном отношении считался Тюменский район. Там находилась Успенская писчебумажная фабрика Тюменского промкомбината. Город Тюмень имел крупное экономическое значение, в цензовой и мелкой промышленности было занято свыше 3 600 чел. В городе имелся чугуно-литейный, механический, спиртово-водочный, овчино-шубный заводы а также пимокатная, спичечная фабрики, судоремонтные мастерские и т.д. [\[18, с.10\]](#).

Декретом ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», вступившим в силу 12 ноября 1917 года после Октябрьской революции все сословия в РСФСР были ликвидированы. Общество стало делиться на социальные группы по сферам деятельности.

Социальный состав населения страны по переписи 1926 года делится на группы рабочих, служащих, лиц свободных профессий, хозяев с наемными рабочими, работающих хозяев с членами семьи и членами артели, хозяев одиночек, члены семьи, помогающие в занятии, лица, не имеющие занятий, безработные и военнослужащие.

Таблица 4

Социально- профессиональный состав населения Тюменского округа

по данным переписи 1926 г.

Социальная группа	Человек			В %		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1. Рабочие	23578	21379	44957	35.0	4.8	8.9
В том числе:	8937	3411	12348	13.2	0.7	2.4
- фабрично-заводской промышленности	265	49	314	0.3	0.01	0.001
- в строительстве	7330	2822	10152	10.8	0.6	2.0
- на транспорте						
2. Служащие	18479	9413	27892	27.4	2.1	5.5

3. Лица свободных профессий	271	747	1018	0.4	0.1	0.2
4. Хозяева с наемными рабочими	626	9139	9765	0.9	2.0	1.9
В том числе:	481	8407	8888	0.7	1.9	1.7
- в сельском хозяйстве	319	298	617	0.4	0.06	0.1
- кустарно- ремесленной промышленности	171	7	178	0.2	0.001	0.03
- в торговле						
5. Хозяева, работающие с членами семьи и члены артели	4341	206361	210702	6.4	47.1	41.3
В том числе:	2170	204061	206231	3.2	46.6	40.8
- в сельском хозяйстве						
6. Хозяева-одиночки	7050	25009	32059	10.4	5.7	6.3
7. Члены семьи, помогающие в занятии	2328	162971	165299	3.4	37.2	32.7
В том числе:	1899	161838	163737	2.8	36.9	32.4
- в сельском хозяйстве						
8. Лица, не указавшие и не имеющие занятий	6192	2376	8568	9.1	0.5	1.6
9. Безработные	3731	713	4444	5.5	0.1	0.8
10. Военнослужащие	181	15	196	0.2	0.003	0.03
11. Всего	67357	437543	504900	100.0	100.0	100.0

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года...Т. 23. С.2-3

Самой крупной социальной группой в Тюменском округе, как показывает таблица 4, являлись хозяева и члены артелей, работающие с членами семьи. Совокупное количество членов крестьянских семейных хозяйств насчитывало 376001 чел. это 74% населения всего округа. Самостоятельные производители-крестьяне, не нанимавшие работников, а обходившиеся работниками из своей семьи были основой социального состава Тюменского округа.

Следующей многочисленной социальной группой, согласно переписи 1926 г. были рабочие. Их прослойка составила 35 % городского населения и 4.8 % сельского. Больше их количество прослеживалось в фабрично-заводской промышленности и транспорте.

В. А. Исупов проанализировал социальный состав населения всей Западной Сибири и выявил количественное преобладание тех же социальных групп, что и в Тюменском округе. Доля самой крупной социальной групп в Сибири по переписи населения в

период нэпа являлись хозяева и члены артелей, работающие с членами семьи составила 42,6 % от всего населения. Рабочие Западной Сибири, которые согласно переписи занимали второе место, составили 32 % в городе. Они работали в основном в фабрично-заводской промышленности. [\[14, с. 59-60\]](#).

Третье место по Тюменскому округу заняла группа хозяев-одиночек

и составила 6.3 % населения Тюменского округа. Группа хозяев-одиночки состояла из кустарей и ремесленников, осуществлявшими промысел своим личным трудом, без чьей-либо помощи. В эту категорию входили и мелкие торговцы, занимавшиеся единолично торговлей, производимой с рук или с небольших лотков, из корзин, мешков, ведер, кувшинов, то есть занимавшихся ручной торговлей [\[19, с. 59-60\]](#).

По материалам Всероссийской переписи 1926 г. к категории служащих относилось население, задействованное в сельском хозяйстве, в фабрично-заводской, кустарно-ремесленной промышленности, строительстве, железнодорожном транспорте, учреждениях и составило 5.5 %.

Хозяева с наемными рабочими составили 1.9 %. Удельный вес этой группы в городах составил приблизительно 0.9 %, в сельской местности 1 %. В сельском хозяйстве выявляется относительно высокий вес этой группы в связи с тем, что основная масса хозяев сосредоточилась в аграрном секторе, они применяли наемный труд батраков.

К категории лица свободных профессий организаторы переписи относили интеллигентного труда: вольнопрактикующие врачи, инженеры, учителя, художники, литераторы, те специальности, которых не затронул процесс огосударствления занятий. Они составили 0.2 % населения Тюменского округа.

Лица, не указавшие и не имеющие занятий в том числе и группа безработных и военнотружеников составили в общем 2.4 %.

Важным показателем уровня развития государства является грамотность граждан. Перепись показала и существенные изменения в культурно-образовательном аспекте. Всесоюзная перепись населения 1926 г. должна была подвести первые объективные итоги грандиозной работы по реализации Декрета СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В соответствии с данным нормативно-правовым актом, все население республики в возрасте от 8-ми до 50-ти лет, не умевшее читать и писать, обязано было обучаться [\[20, с. 210\]](#).

Перепись 1926 г. выявила, что уровень образования в Тюменском округе оказался достаточно низким 31% от всего населения округа (21 % мужчины и 10 % женщины). Среди мужчин грамотных было больше, чем среди женщин. Так, численность грамотных в Тюменском округе составила 66% мужчин (105047 чел.) и 44% женщин (53617 чел.) от всех жителей округа. Перепись свидетельствовала о том, что наибольшее число грамотных людей составляли молодые люди 15-30 лет. - 40% от всего населения.

В сельской местности население было менее грамотным. Среди сельского населения в группе школьного возраста 8-9 и 10-14 лет грамотность составила 34% и 42% от всего числа этих возрастов. В городах эти возрастные группы показали больший показатель уровня грамотности. В Тюмени - 70.3% и 95%, в остальных поселениях городского типа 40.2% и 72.6%.

Относительно не высокие показатели грамотности были обусловлены подавляющим

преобладанием сельского населения, а также преобладанием более высокого уровня грамотности у групп младших возрастов.

Заключение

Материалы Всероссийской переписи 1926 г. являются важнейшим источником по изучению социальной структуры Тюменском округа середины 1920-х годов. Большинство жителей проживало в сельской местности и составило 86.7 % (437 543 чел.) от всего населения округа. Тем не менее при этом по сравнению с материалами предыдущей Всероссийской переписи 1987 г. городское население увеличилось на 4.3 %.

При анализе материалов переписи сделаны выводы о том, что население Тюменского округа было достаточно молодым. Доля детей, подростков и молодежи (до 29 лет) составила в 1926 г. около 50 % жителей округа. Удельный вес лиц старше 60 лет не превышал 8 %. Численность женщин преобладает над мужичком полом на 48 %. Самая большая разница прослеживалась в двух возрастных группах 20-24 (5217 чел.) и 25-29 (5373 чел.) лет, что позволяет сделать выводы, что половозрастная структура наглядно отразила последствия предыдущих социально-политических катаклизмов.

Перепись дала представление также о социальной структуре населения. Самой крупной социальной группой в Тюменском округе перепись зафиксировала хозяев и членов артелей, работающих с членами семьи. На втором месте выделилась прослойка рабочих и составила 35 % городского населения и 4.8 % сельского.

Перепись свидетельствовала о том, что наибольшее число грамотных людей составляли молодые люди 15-30 лет. - 40% от всего населения. Численность грамотных в Тюменском округе составила 66% мужчин (105047 чел.) и 44% женщин (53617 чел.) от всех жителей округа. В сельской местности население было менее грамотным.

Таким образом Всероссийская перепись населения позволяет увидеть изменения общественной структуры в сравнении с дореволюционным временем. По полноте и разнообразию изданные материалы переписи 1926 г. не имеют аналогов за весь период существования СССР и дают объективное представление о социально-демографическом составе и профессионально-отраслевой дифференциации советского общества середины 1920-х годов.

Библиография

1. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшие его императорские величества повелению, при Сибирском комитете. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1854. Часть 2. 745 с.
2. Анучин Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов: материалы для уголовной статистики России / соч. д. чл. Е. Н. Анучина. С. Петербург: Тип. Майкова, 1873. – [2], IV, 246 с.
3. Азиатская Россия / Изд. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия.-СПб.: Т-во А.Ф. Маркс. Том I: Люди и порядки за Уралом. 1914. 576 с.
4. Петров А.П. Перепись городского населения Сибири. 1926 г. // Советская Азия. 1927. № 3.
5. Якушев И.А. Районированная Сибирь в цифрах: по переписи 1926 г. и современным данным // Вольная Сибирь. № 11. Прага, 1930.

6. Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края / Бюро краеведения при Среднесибирском отделе Русского географического общества. Красноярск, 1928.
7. Бурматов А.А. Социально-демографическая ситуация в Западной Сибири в годы новой экономической политики (1921–1929 годы) // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 181–191.
8. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
9. Зверев В.А. Демография Тобольской губернии в позднеимперский период: первый шаг от традиции к модерну // Исторический курьер. 2023. № 4 (30). С. 167–180.
10. Тычинских З. А. Татарское население Западной Сибири во второй половине XIX – первой трети XX веков: историко-демографическая характеристика // Научный диалог. 2021. № 1. С. 411–425.
11. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): монография. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 336 с.
12. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.
13. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В. П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с.
14. Скипина И.В. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. как источник о численности и социальном составе населения (на материалах Тобольского округа Уральской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. №7. Ч. 2. 2015. С. 79–83.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; Под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1897–1905. 30 с.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 6. 390 с.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. 4. М.: ЦСУ СССР, 1928. 423 с.
18. Список населенных пунктов Уральской области Т. 14: Тюменский округ. – 1928. 114 с.
19. Жиромская В. Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 168 с.
20. Культурное строительство в РСФСР, 1917–1927 гг. / Главархив РСФСР, ЦГА РСФСР. М.: Советская Россия, 1983. Т. 1. Ч. 1: Документы и материалы 1917–1920. 464 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем известны слова М.В. Ломоносова о том, что «богатство России прирастать будет Сибирью и Северным океаном». И действительно, лесные и водные ресурсы, полезные ископаемые и другие дары природы столь широко представлены на необъятных

сибирских пространствах, что служит временами и предметом зависти различных геополитических игроков. Значение Азиатской части России сегодня возрастает и в связи с постепенной трансформацией системы международных отношений, выражающейся в переходе от монополярного мира к многополярному, и вследствие все большего увеличения экономического значения Азиатско-Тихоокеанского региона. Вместе с тем приходится констатировать слабую населенность Сибири: собственно, все население Азиатской России не превышает $\frac{1}{4}$ населения Российской Федерации.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является состав и структура населения Тюменского округа в 1926 г. Автор ставит своими задачами раскрыть состав населения, проанализировать характеристику населения по возрасту и полу, показать урбанизационные процессы в регионе в рассматриваемый период.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать социально-демографическую ситуацию в Тюменском округе, зафиксированную материалами Всероссийской переписи 1926 г.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего Всесоюзной переписью населения 1926 г., а также другими статистическими данными различных временных периодов. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Ю.М. Гончарова и В.А. Скубневского, В.А. Зверева, З.А. Тычинских, в центре внимания которых различные аспекты демографической ситуации в Сибири. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Сибирским регионом, в целом, так и его демографией, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что перепись населения 1926 г. «отличалась детальностью разработки и полнотой полученных данных о семьях и социальном составе населения». В работе показано, что «русское население составляло самую многочисленную группу Тюменского округа - 91%; второй группой по количеству 5.7% - татары; 0.8% - зыряне, 0.4 % - чуваш». Примечательно, что «самой крупной социальной группой в Тюменском округе перепись зафиксировала хозяев и членов артелей, работающих с членами семьи», на втором месте была прослойка рабочих и составила 35 % городского населения и 4.8 % сельского. Работа насыщена фактологическим материалом, при этом автор показывает изменения «общественной структуры в сравнении с дореволюционным временем».

Главным выводом статьи является то, что «по полноте и разнообразию изданные материалы переписи 1926 г. не имеют аналогов за весь период существования СССР и

дают объективное представление о социально-демографическом составе и профессионально-отраслевой дифференциации советского общества середины 1920-х годов».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 4 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Лохова И.В. — Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 112 - 123. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.43589 EDN: YUMHWU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43589

Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков

Лохова Ирина Витальевна

ORCID: 0000-0001-8043-579X

кандидат исторических наук

доцент кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова

362025, Россия, республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

✉ iv.lokhova@nosu.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.43589

EDN:

YUMHWU

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2023

Аннотация: Применив основные научные методы исторического исследования и проведя анализ источников и литературы, выполнен обзор причин ранних колониальных захватов Португалии, которые в отличие от колониальной экспансии Англии и Голландии, не были вызваны непосредственными потребностями ее экономического развития. В статье предпринята попытка понять специфические особенности португальского колониализма и исторические условия, в которых он формировался. Колониальная экспансия осуществлялась в интересах и под руководством фидалгу (дворян), следовательно, колоссальные средства, поступающие из колоний, шли не на развитие производства, а на укрепление феодальной организации общества. Особое внимание уделяется открытию морского пути в Индию 1498 г., так как именно после этого Португалия становится ведущей мировой державой, контролирующей важнейшие торговые пути связывавшие Европу и Азию. Новизна исследования видится в том, что рассматриваемая тема стала прологом глобализации и создания единого мирового

рынка, и, именно, Португалия стояла у истоков этого процесса, заложив основы западноевропейской экспансии на Восток. Португалия смогла построить империю, контролирующую огромные территории, располагающиеся в бассейне Индийского океана, но не смогла удержать пальму первенства, обнаружив ограниченность материальных и людских ресурсов. Изучение процесса экспансии Португалии, приводит к выводу, о том, что существовало несколько причин повлиявших на феномен португальского колониализма: субъективные внутренние и объективные внешние. Некоторые из этих причин мы постарались осветить в статье.

Ключевые слова:

колониальная экспансия, колониализм, Португалия, Индия, Африка, Запад, Восток, глобализация, капитализм, эксплуатация

Введение. В свете происходящих событий и поручений президента Российской Федерации представляется целесообразным обратиться к истории колониализма (Перечень поручений по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России. 11.12.2022. Пр-2372, п.6 б.). Актуальность, на наш взгляд, объясняется тем, что с пространства одной из цивилизаций, которая получила на определенном этапе доминирование, начинается мировая экспансия и эта мировая экспансия получила выражение в таких явлениях как колониализм, расизм, глобализация. Первый этап глобализации, связанный с Великой греческой колонизацией, имел место в VIII-VI вв. до н.э. и протекал путем культурного и товарного обмена. Второй этап процесса глобализации связан с Великими географическими открытиями^[32], хотя этот термин весьма условный, т.к. тот, кто их совершал, не ставил конкретной цели что-то открывать. Цель была достаточно примитивна и касалась в основном поиска новых ресурсов, драгоценных металлов и рабов. Изначально все путешествия были ориентированы только на прибыль, поиск новых торговых путей и торговлю. И португальцы не были исключением. Португальская колониальная империя, состоявшая из заморских колоний и территорий, управляемых из метрополии, являлась одной из тех империй в мировой истории, которые смогли просуществовать достаточно длительный период. Осада и взятие Сеуты – это только первый шаг, после которого португальские исследователи совершили путешествия по всему миру и открыли множество островов и архипелагов. Все это привело к образованию обширной колониальной державы, результатами которой Португалия не воспользовалась в полной мере, и уже в середине XVII века значительно отставала в экономическом плане от мировых держав той эпохи.

Актуальность данной темы определяется тем, что в новом, атлантическом экономическом пространстве закладывались предпосылки гегемонии Запада над Востоком и совершались первые шаги на пути к глобализации. На раннем этапе колониальной экспансии была установлена монополия европейцев на океанские торговые пути и созданы огромные колониальные империи. Основание колоний способствовало накоплению потенциала экономического развития и дальнейшей экспансии на Восток. Именно Португалия первой начала осваивать новые территории и одна из последних дала независимость своим колониям^[22].

Решению вопроса о том, являлось ли такое длительное и специфичное существование португальской колониальной системы объективной обусловленностью или в ее основе лежала историческая инерция, способствует научный анализ исследуемой проблемы.

Целью данной статьи является выявление особенностей процесса португальской колониальной экспансии в Америке, Африке и на Востоке, а также раскрытие причины поражения Португалии в борьбе с новыми колониальными державами – Нидерландами и Великобританией. На наш взгляд, достижение поставленной цели возможно с применением всестороннего анализа предпосылок установления монополии европейцев (португальцев) на океанских торговых путях, способов и средств реализации экспансии европейцев, в частности португальцев, и последствий, которые она имела для процесса глобализации.

В целом история португальской колонизации связана со значительными трудностями ввиду скудности данных на русском языке. Обозначенный круг проблем не может осветить всю многогранность данного вопроса, но работа отнюдь не претендует на всеобъемлющую полноту. Вместе с тем мы постарались осветить причины и предпосылки португальской экспансии, определить историческое значение путешествия Васко да Гамы в Индию, раскрыть принцип португальской колониальной системы, ее основные характеристики, и особенности ее функционирования. Особое внимание в статье уделяется причинам потери Португалией своего господства и превращения из мощной колониальной державы во второстепенную, уступающую лидирующие позиции Англии и Нидерландам.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют сборники архивных документов, хроники, сообщения. Для анализа процесса исследования африканского побережья португальцами, использовались сообщения ранних португальских хронистов, а в частности Гомиша Зурары^[28]. Хроника рассказывает о португальских открытиях первой половины XV в., и на наш взгляд, представляет из себя весьма ценный источник, так как автор являлся современником, а иногда и очевидцем описываемых событий.

Булла «Inter caetera» папы Александра VI и соглашение, заключенное в Тордесильяссе, положили начало колониальной политики европейских стран, заявив о полной европейской гегемонии в мире^[2; 3]. Ни одна европейская страна впоследствии не останется в стороне от территориального раздела мира. Тордесильянский договор реализовал цивилизационную миссию мировых держав, воплотив их мировоззренческие ценности в действия, которые были направлены на политическую, экономическую и культурную зависимость не европейских стран.

Одним из источников изучения первой экспедиции Васко да Гама, является документ^[5], содержащий сведения о подготовке экспедиций, о продвижении вдоль африканского побережья на пути в Индию, о жизни офицеров и матросов на корабле. Весьма любопытным является письмо, которое хоть и является фальшивкой, но, тем не менее, хорошо передает географические представления людей XV-XVI вв.^[11]

Вместе с источниками в ходе изучения данного вопроса было проанализировано ряд трудов^[6; 15; 16; и т.д.] и коллективных работ^[8; 14]. В основу исследования данной темы положены труды известного африканиста и востоковеда А.М. Хазанова^[19-22], в которых он подробно и поэтапно раскрывает генезис и эволюцию португальской колониальной империи.

Книга португальского профессора Ж. Сарайва^[17], переведенная впервые на русский язык в 2007 г., научно-популярно излагает историю маленькой пиренейской страны, занимающей огромное место в вопросах изучения эпохи великих географических открытий и глобализации.

В монографии К. Кунина^[13] подробно рассматривается жизнь и деятельность открывателя морского пути в Индию, описываются все исторические процессы, происходившие в Португалии, которые влияли на становление личности Васко да Гамы.

В работах Р. Хеннига^[24] и И.П., В.И. Магидовичей^[14] дается характеристика основных этапов исследования берегов Южной Америки, Восточной Африки и островов Индонезии. Авторы уделяют должное внимание поискам португальских мореплавателей пути на Восток вдоль западного побережья Африки, используя ценный историко-географический материал.

Книга немецкого историка Т. Бютнера^[7] – это научно-популярное описание истории народов Африки. Автор знакомит читателя с историческим развитием африканских народов в доколониальную эпоху и с последствиями территориального разделения континента между капиталистическими державами.

Исключительно научный подход к проблеме демонстрирует В.А.Зарин^[10]. Сравнительная типология позднего феодализма и сопоставление уровней технико-экономического развития Запада и Востока позволяют автору объяснить, причину успешной колониальной политики Западной Европы в могущественных странах Востока; определить роль политических структур и идеологии в обеспечении технического прогресса различных обществ.

Помимо перечисленных монографий и коллективных работ при изучении данного вопроса были использованы материалы периодических изданий^[11; 31-33].

Используя сравнительно-исторический метод в исследовании и, проведя причинно-следственный анализ, мы пришли к следующим результатам изложенным ниже.

Анализ. Португальская империя возникает в 15 веке и уже в начале 16 века ее базы раскинуты по всему земному шару: в Северной и Южной Америке, Африке и различных регионах Азии и Океании^[30]. После Реконкисты, которая завершилась для Португалии в 1250 году, ее моряки начинают исследовать побережье Африки и архипелаги Атлантики в 1415-1419 гг., используя последние достижения в области навигации, картографии и морских технологий. Первые шаги португальцев вдоль африканского побережья связаны с именем принца Энрике, который начиная с 1415 г., организовывал экспедиции вдоль западного побережья Африки. Хронист Азурара перечислил причины побудившие инфанта на это: во-первых, стремление открыть новые территории; во-вторых, получить прибыль от торговли с ними; в-третьих, выяснить предел влияния арабов в данном регионе; в-четвертых, найти союзников-христиан в борьбе с мусульманами, так как пятая и самая важная, по мнению Азурары причина, распространение христианской веры^[28, p. 27-30].

Становление Португальской колониальной империи происходит в начале эпохи великих географических открытий. На самом деле колонизация – сложнейшее явление всемирного масштаба, уходящее корнями еще в античные времена и означавшее поселения, созданные переселенцами из другой страны. Затем это понятие эволюционирует и приобретает несколько оттенков. Выделяют следующие разновидности колонизации в зависимости от конкретных целей колонизаторов: поселенческий, эксплуататорский, плантационный, суррогатный и внутренний^[31]. Колониальная политика Португалии носила эксплуататорский характер, так как маленькая метрополия не в состоянии была обеспечить огромнейшие территории колоний переселенцами и

плантаторами. Захватнический характер процесс колонизации получает в капиталистическую эпоху, и связано с историческими переменами, происходившими в конце XV – начале XVI веков не только в Европе, но и на Востоке.

В экономическом плане в XV веке во всей Западной Европе феодальная система уже находилась в полном упадке, исчерпав базовый ресурс Средневековья^[25], и над Европой повисла угроза экономического кризиса. Необходимость поиска путей решения данной проблемы ставило перед западноевропейской цивилизацией новые задачи, а именно поиска морских путей на Восток не через Средиземное море и источник ресурсов для развития капиталистических отношений. Эти обстоятельства выдвинули народы Европы на передний край истории, поставив их «во главе прогрессивного пути развития мирового исторического процесса»^[26, с. 202]. Причины поиска новых морских путей на Восток возникли в результате тюркских завоеваний в Аравии и Малой Азии, захвативших в 1453 г. Константинополь, традиционные пути из Европы в Индию через Восточное средиземноморье оказались трудно доступными и европейская торговля перемещается на запад через Атлантический океан.

Европейская колониальная экспансия в XV – XVI вв. была не только результатом экономического развития, но и реакцией на нехватку необходимых для выживания естественных ресурсов. Если абстрагироваться от формационных критериев и попытаться сопоставить европейские и азиатские общества по уровню экономического и технического развития, то Европа в период от крушения Римской империи до начала XIII в. может быть отнесена к отсталой периферии евразийского региона. Если мы проанализируем торговлю между Востоком и Западом, то выясним, что драгоценные металлы, золото и серебро, уходили на Восток, взамен предметов роскоши, таких, как: пряности, ладан, ценные породы дерева, благовонья, драгоценные камни и т.д. Западная Европа постоянно оказывалась в должниках у арабских торговцев, так как восточные товары, доходя до европейцев, через посредников, уже оказывались во много раз дороже. Понимая такое несоответствие, европейцы стремились как можно быстрее наладить непосредственную торговлю с Востоком^[16, с. 20].

К началу XVI в., по мнению К. Чиполлы, Европа стала наиболее развитым регионом мира^[28, р. 94]. Растет количество крупных городов, которые впоследствии становятся промышленными и торговыми центрами. Высокого уровня достигли товарно-денежные отношения, увеличился спрос на рабочую силу, на драгоценные металлы, что в свою очередь повлияло на стремление стран Западной Европы активизировать поиски новых земель.

Переломными для политического и экономического строя европейских государств оказались XVI-XVII вв., когда происходило подавление сословных учреждений, самоуправления городов и становление абсолютных монархий, а абсолютизм содействовал дальнейшей политической и экономической консолидации государства, росту промышленности, торговли и мореплавания.

В попытке выделить перспективные направления исследования колониализма, хотелось бы обратиться к истокам этого процесса и рассмотреть подробно, как он протекал в Португалии. Первыми на путь колониальной экспансии вступили страны, обладавшие значительным мореходным опытом, но не самые развитые в экономическом плане государства – это Португалия и Испания. Колониальные системы Португалии и других европейских стран утверждались насильственным путем и имели дело с разными по экономическому и политическому развитию обществами, как на Востоке и в Америке, так

и в Африке и Австралии.

Итак, переходя непосредственно к изучению нашего вопроса, начнем с того, что завершение территориального складывания Португальского королевства можно датировать серединой XIII века, когда эти территории оказываются отвоеванными у арабов, вследствие Реконкисты и победы в 1212 году в битве при Лас-Навас-де-Толоса. Конец XIII-начало XIV вв. – это период появления Португалии, как самостоятельного королевства сравнительно раннее определение границ которого, способствовало тенденции к централизации государства и осознанию португальцами себя единой общностью [\[14, с. 358\]](#).

Отдаленность Португалии от сложных международных конфликтов, дало возможность направить все силы на консолидацию своего государства. Во-первых, географическое положение способствовало развитию мореплавания [\[21, с. 26\]](#). Во-вторых, в период реконкисты сформировался отдельный класс дворян «фидальгу», для которых война с «неверными», была не только единственным достойным занятием, но и «богоугодным, святым делом» [\[13, с. 6\]](#). После завершения Реконкисты дружины фидальгу оказались не востребованы, их доходы резко сократились и возростала потребность в поисках новых источников обогащения, которые они надеялись найти в неизведанных землях за океаном.

Попытки отыскать морской путь, в Индию огибая африканский континент, предпринимаются с начала XV века Энрике Мореплавателем, а затем и Бартоломеу Диашем. Но достигнуть берегов Индии удалось лишь в 1498 году в результате очередной экспедиции возглавляемой Васко да Гамой.

Васко да Гама – крупнейший мореплаватель эпохи географических открытий, символ становления Португальской империи. Казалось бы, о великом навигаторе должно быть известно все. О нем написаны работы на всех европейских языках. Подробно изучен маршрут его экспедиции, выявлены многие документы, уточнены названия всех географических пунктов, куда заходили его корабли. И, тем не менее, о жизни великого мореплавателя до сих пор многое не известно. Биография Васко да Гамы с самого начала полна туманностей и загадок. Дата его рождения неизвестна. Можно лишь предполагать, что он родился в Синише – приморском городке в 100 км южнее Лиссабона, между 1460 и 1469 гг. Не подлежит сомнению, однако, что он принадлежал к довольно знатному роду, так как все современные ему хронисты, такие как Дамиан де Гоши и Жуан де Барруш, упоминали о его титуле «дворянина (фидальгу) королевского двора» [\[20, с. 4\]](#). Однако его семья не входила в число самых знатных и влиятельных или самых богатых фамилий Португалии.

Первое вполне достоверное свидетельство о жизни да Гамы относится к 1492 году, когда король Португалии Жуан II дал Васко да Гаме ответственное поручение, приказав конфисковать товары, находившиеся на французских кораблях, стоявших на рейде Лиссабона, в ответ на захват груженной золотом португальской каравеллы, возвращавшейся из Гвинеи французскими пиратами [\[20, с. 5\]](#). Хронист Гарсия де Резенди пишет: «И отправил он затем с великой поспешностью, дав необходимые инструкции и большие полномочия, Васко да Гаму, фидальгу своего двора, который позже стал графом Видигуэйра и адмиралом Индий» [\[20, с. 5\]](#). Васко да Гама успешно выполнил это поручение и некоторые историки из-за отсутствия других документальных данных, увидели в этом эпизоде доказательство опыта и заслуг, объясняющих более поздний выбор Васко да Гамы в качестве командующего флотом в 1479 году.

На наш взгляд, эта версия не представляется убедительной, так как Васко да Гама просто-напросто осуществил одну из многочисленных конфискационных акций, которые были тогда очень частыми. Знаменитый португальский хронист Жуан де Барруш так характеризовал великого мореплавателя: «Васко да Гама был человеком среднего роста, довольно плотного сложения, с рыцарской внешностью. Он храбро решался на подвиги, отдавал суровые приказы, часто неоправданные и нагонявшие страх. Он был вынослив в трудах, жестоко наказывал виновных во имя справедливости»^[20, с. 7].

Тем не менее, специально для экспедиции Васко да Гамы в Индию были построены три корабля: флагманский «Сан-Габриэл», капитан – сам командующий флотилией Васко да Гама; «Сан-Рафаэл», капитан – брат командующего Паулу да Гама; «Берриу», капитан – Николау Коэлью, и вспомогательное судно с запасами продовольствия и воды^[5]. Флотилия имела артиллерию и большое количество боеприпасов, суда были хорошо оснащены навигационными устройствами. 8 июля 1497 года она вышла из Лиссабона, а к концу декабря 1497 года корабли оказались в местах, где не бывал еще ни один европеец.

Берег Индии показался 17 мая, но с его достижением, задачи экспедиции не были решены, так как еще предстояло установить торговые отношения с местными жителями, чему противились арабские купцы, не желавшие уступать свои монопольные позиции в посреднической торговле^[5]. Установить прочные торговые и дипломатические отношения с саморином Каликута, Васко да Гама не смог из-за враждебности торговцев-арабов. Совершенно другие взаимоотношения установились с туземным населением, которое охотно шло на контакт с командой^[5]. Однако это меньше того, что рассчитывали получить португальцы. 29 августа 1498 года, после трехмесячной стоянки, не заключив никакого соглашения с саморином, флотилия Васко да Гамы покинула Каликут.

Обратный путь в Португалию был не легким, а для короны экспедиция Гамы оказалась весьма прибыльной^[11]. Результаты высадки Васко да Гамы в Каликуте и последующих экспедиций португальцев в южных морях Тихого океана были весьма значительными. Во-первых, на запад переместились центры международной торговли, а вслед за этим и центры европейской цивилизации. Во-вторых, открытие пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды подорвало экономическое господство Востока над Западом, что способствовало постепенному ослаблению Востока.

После открытия португальцами пути в Индию вокруг Африки в течение первых десятилетий XVI в. была создана цепь фортов и факторий на африканском и азиатском побережье. Характер колониального хозяйства португальцев, заключался в том, что деятельность португальского торгового капитала ограничивается сначала рамками африканского материка. Значение основанных в Конго, Анголе, Бенгуэле, Занзибаре, Мозамбике, Мелинде колоний определяется изобилующими здесь золотоносными россыпями. За 1493-1520 гг. португальцами вывезено из Африки 84 тысяч кг золота. Способы получения металла: грабеж, вымогательство, дани и принудительный сбыт.

Ужасающие условия труда на рудниках, о которых повествуют имеющиеся источники, вели к тому, что значительная часть занятых на горных работах просто погибала. Приводимая ниже выдержка воссоздает действительную и наглядную картину того периода: «Работа шла на прииске следующим образом. Сначала строился большой дом для послов, наблюдавших за разработкой и отбиравших часть, принадлежащую королю. Затем каждые четыре-пять негров рыли углубление в виде колодца (его называли вход) и копали его на тридцать сажень вглубь, иногда больше, иногда меньше. После того

как почти 20 тыс. колодцев одинаковой глубины были готовы, начинали выбирать породу по горизонтали таким образом, чтобы все они соединились. Иногда обрушивался весь верхний слой земли, когда внизу находилось 30-40 тыс. негров, к необычайной радости и удовольствию остальных, потому что, согласно примете, это было признаком наличия большого количества золота. Хуже всего то, что этот признак всегда подтверждался... Людей столько, что за сутки они выбирали всю обрушившуюся породу... Находили мертвых, но не тела, а кости, раздавленные настолько, как будто они 100 лет в земле пролежали...»[\[15, с. 36-37\]](#).

Аршин негодного сукна сбывался туземцам за 4 золотых, лучшего – за 15 золотых. Лошадь продавалась за 40-50 золотых[\[27, с. 24\]](#). Другой важный вид африканского экспорта – рабы; для получения их организуются целые компании по охоте на людей. Лиссабон становится в это время центром работорговли; на его рынках продается ежедневно 12 тыс. невольников.

Главное значение для Португалии имели ее колонии в Индии: они – основа ее мирового могущества и гегемонии на европейском рынке в XVI в. Характерным для португальской колониальной политики являлось стремление удержать за собой лишь некоторые важные в стратегическом отношении пункты и гавани, служащие узловыми центрами торговых путей, не завоевывая обширных территорий. Объясняется это тем, что объектом колониальной экспансии португальцев служила густонаселенная страна, которая уже в средние века имела оживленные торговые сношения с итальянскими купеческими республиками, вследствие чего военное завоевание ее было трудным. Основными опорными пунктами португальского владычества в Индии являлись Каликут, Гоа и Кочин на Малабарском берегу, Коломбо на острове Цейлоне, Диу на Комбайском берегу, Сингапур на Малакке и ряд пунктов Явы, Целебса, Молуккских островов и даже Китая, где португальцы в 1585 г. приобрели остров Макао.

Таким образом, в течение только полувека португальцам удалось основать фактории на громадной территории от Мадейры и до Японии. В руках португальцев оказываются все нити колониальной торговли с Ост-Индией. Так, из Гоа и Каликут они вывозят перец, из Каннора – имбирь, из Диу – индиго, опий, шелковые и хлопчатобумажные ткани, из Дамана – рис, из Цейлона – корицу и рубины, из Малакки, Зондских и Молуккских островов – амбру, камфору, мускатный орех, сандаловое дерево, из Ормуза – жемчуг. Сношения с Китаем и Японией дают им чай и фарфор. Предметами ввоза в Индию служат шерстяные ткани, шляпы, оружие, жемчуг, сухие фрукты, соленая рыба, вино и масло.

Эксплуатация колоний португальцами организовывалась следующим образом: ежегодно торговый флот, сопровождаемый военной эскадрой, привозил португальских купцов в Индию, где они, уплатив 30% со стоимости товаров (за пользование судами), приобретали право торговать любыми предметами за исключением перца, монополизированного правительством. Торговые договоры, заключаемые с туземными князьями, обязывали последних продавать колониальные товары одним лишь португальцам. Самим португальским купцам разрешалось торговать только с метрополией: коммерческие же сношения Индии с другими странами (Китаем, Японией, Ормузом) находились в руках правительства. Во главе всех колоний стоял вице-король, облеченный полнотой военной и гражданской власти и обязанный представлять правительству отчет о своей деятельности. С сокращением срока пребывания в должности отдельных вице-королей этот институт превращается в простой источник обогащения и приводит к таким злоупотреблениям, что становится необходимым учредить Государственный совет, имеющий целью ограничения компетенции

наместника [13, с. 237]. Судебные функции отправлялись судами под председательством губернатора; финансами ведал генерал-интендант, следящий также за снабжением войск и погрузкой кораблей; во главе мелких городов Индии стояли младшие интенданты; морские силы подчинялись адмиралу; духовная иерархия образовывалась из архиепископа, шести епископов и различных духовных орденов; повсеместно вводилась инквизиция: власть ее распространялась даже на вице-короля. Государственные доходы складывались из таможенных налогов, монополии на пряности и из даней покоренных князей.

Вся система управления была приспособлена к одной основной цели получения максимального дохода. Однако поток драгоценных металлов, который начал с первых десятилетий XVI века притекать в Западную Европу, со второй половины XVI века привел к «революции цен». Драгоценные металлы сильно упали в цене, а цены на все товары поднялись в несколько раз.

Результаты. Первые последствия ввоза золота и серебра начали ощущаться в Европе в 30-40-х годах XVI в. Сначала в Испании и Португалии, а затем и в других странах начинает происходить небывалое для европейского человека того времени повышение цен [25].

Революция цен имела большие социальные последствия в Европе. В результате ее выиграли новые торгово-промышленные классы, а также крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне, связанные с рынком. В самой же Португалии это не повлекло за собой существенных социальных сдвигов. Здесь власть светских и духовных феодалов всегда была чрезвычайно сильна, а торговая прослойка никогда не играла сколько-нибудь значительной роли в жизни страны. Торговая буржуазия, которая уже начала формироваться в других европейских странах, в Португалии еще не существовала, а колониальная политика носила ярко выраженный феодальный характер, что не содействовало развитию производительных сил метрополии. Огромная колониальная империя источала силы небольшой метрополии [3, 92-93]. Вследствие этого, Португалия вынуждена была уступить свои позиции на Востоке более передовым капиталистическим странам.

Поражение Португалии в борьбе с новыми колониальными державами было результатом ее отсталого феодального строя и неразвитости капитализма. Она не смогла воспользоваться своим монопольным положением на мировых торговых путях. Колониальные захваты не стимулировали развитие капитализма. К концу XVI века Португалия переживает экономический кризис, а в XVII век Португалия вступает экономически отсталой страной и не может соперничать с развитыми европейскими странами, появившимися на мировой арене.

Библиография

1. Из «письма» космографа Тосканелли Фернандо Мартинесу, придворному короля Альфонса V Португальского (15 июня 1474 г.) // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада / https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1460-1480/Paolo_Toskanelli/brief_martines_15_06_1474.phtml?id=6068 (дата обращения: 14.01.2023)
2. Булла «Inter caetera» от 13 марта 1456 г. // Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга 1: Исторические документы. М., 2000.
3. Булла «Inter caetera» № 2. 4 мая 1493 г. // Хроники открытия Америки. Новая

- Испания. Книга 1: Исторические документы. М., 2000.
4. Тордесильяский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира (7 июня 1494 г.) // Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга 1: Исторические документы. М., 2000.
 5. Первая поездка в Индию (1497-1499 гг.) (Записки неизвестного о первой экспедиции Васко да Гамы.) // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада / https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Portugal/XV/1480-1500/Otrkryt_India/text.phtml (дата обращения: 14.01.2023)
 6. Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950. 648 с.
 7. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981. 253 с.
 8. Варьяш О. И., Черных А.П. Португалия: дороги истории. М., 1990. 140 с.
 9. Голант В. Планету открывали сообща. М., 1973. 312 с.
 10. Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV-XIX вв. М., 1991. 261 с.
 11. Иванов Н. А. Упадок Востока и установление мировой гегемонии Западной Европы // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада / <https://www.vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.phtml?ysclid=lcsprmh2w191848578> (дата обращения: 14.01.2023)
 12. История Латинской Америки: доколумбова эпоха – 70-е гг. XIX в. М., 1991. 518 с.
 13. Кунин К. Васко да Гама. М., 1938. 360 с.
 14. Магидович В. И., Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 2003. 447 с.
 15. Ногейра да Кошта А. Золото Мономотапы и португальские торговцы. М., 1984. 64 с.
 16. Пешель О. История эпохи открытий Оскара Пешеля. М., 1884. 483 с. / <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006691855?page=12&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 10.01.2023)
 17. Сарайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь Мир, 2007. 366 с.
 18. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX века). М.-Л.: Наука, 1965. 435 с.
 19. Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV-XVI вв.). М., 2003. 320 с.
 20. Хазанов А. М. Тайна Васко да Гамы. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 152 с.
 21. Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость XVI-XVIII вв. М., 1976. 320 с.
 22. Хазанов А. М. Португальская колониальная империя, 1415-1974. М.: Вече, 2014. 381 с.
 23. Харт Г. Морской путь в Индию: Рассказ о плаваниях и подвигах португал. мореходов, а также о жизни и времени дон-Алфонсу Васко да Гамы, адмирала вице-короля Индии и графа Видигейры. М.: Географгиз, 1959. 349 с.
 24. Хеннинг Р. Неведомые земли. В 4-х томах. Т. 4. М., 1963.
 25. Цыгульский В. Ф. Диалектика истории человечества. В 110 кн. Кн. 14. Пермь, 2016. / <http://lib.knigi-x.ru/23istoriya/> (дата обращения: 17.12.2022)
 26. Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М.: Наука, 1985. 300 с.
 27. Щеголев П. П. Очерки истории Западной Европы в XVI-XVII вв. Л., 1938. 492 с.
 28. Azurara G. The Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea. / First Done into English by C. R. Beazley. London, 1896. Vol. 1. 127 p.

29. Cipolla C. Between History and Economics: An Introduction to Economic History. Oxford: Blackwell, 1991. 256 p.
30. Brockey L. M. Portuguese Colonial Cities in the Early Modern World. Routledge, 2016. P. 15
31. Longley R. What Is Colonialism? Definition and Examples. // ThoughtCo, Dec. 6, 2021. / <https://www.thoughtco.com/colonialism-definition-and-examples-5112779> (дата обращения: 11.01.2023)
32. Pfister U. Globalization. // European History Online (EGO). Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2012-06-06. / <http://www.ieg-ego.eu/pfisteru-2012-en> URN: urn:nbn:de:0159-2012060507 (дата обращения: 11.01.2023)
33. Stuchtey B. Colonialism and Imperialism, 1450–1950. // European History Online (EGO). Institute of European History (IEG), Mainz 2011-01-24. / <http://www.ieg-ego.eu/stuchteyb-2010-en> URN: urn:nbn:de:0159-20101025319 (дата обращения: 11.01.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вторая половина ушедшего XX в. оказалась ознаменована крушением колониальных империй, прежде всего Британской и Французской. Если в одних случаях провозглашение независимости от метрополии происходило мирным путем, то в других было связано с военными конфликтами. Потеря отдельных колоний привела к глубоким коллективным травмам, как это видно на примере французского Алжира. В то же время дольше всего просуществовала колониальная империя Португалии. Находившаяся на окраине Европы маленькая страна уже в позднем средневековье стала родиной тех мореплавателей, которые не только достигли Индии кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды и открыли Бразилию, но и стали основоположниками передового для той эпохи мореплавательного искусства. Каким образом столь небольшая страна добилась таких успехов? Ответ на вопрос представляет важность и в современных условиях неокOLONиализма и глобализации.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является португальская колониальная экспансия XV–XVI вв. Автор ставит своими задачами рассмотреть причины и предпосылки португальской экспансии, проанализировать историческое значение путешествия Васко да Гамы в Индию, показать принцип португальской колониальной системы, определить причины потери ведущих позиций Португалии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать «особенности процесса португальской колониальной экспансии в Америке, Африке и на Востоке», а также причины поражения Португалии в борьбе за колонии Нидерландами и Великобританией. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Из

привлекаемых автором источников отметим такие важные документы, как булла «Inter caetera» папы Александра VI и Тордесильясское соглашение, а также записки об экспедиции Васко да Гамы и т.д. Из используемых исследований укажем прежде всего на труды известного отечественного африканиста и востоковеда А.М. Хазанова, а также ряда зарубежных авторов, которые раскрывают различные аспекты формирования португальской колониальной империи. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как колониализмом, в целом, так и португальской колониальной империей, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что изучении история португальской колонизации связано «со значительными трудностями ввиду скудности данных на русском языке». Говоря о причинах успеха Португалии в эпоху Великих географических открытий, автор обращает внимание на ее «отдаленность от сложных международных конфликтов». В то же время, как справедливо отмечает автор, «колониальные захваты не стимулировали развитие капитализма», что привело к экономическому кризису в стране.

Главным выводом статьи является то, что «поражение Португалии в борьбе с новыми колониальными державами было результатом ее отсталого феодального строя и неразвитости капитализма».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, автору следовало бы показать особый португальский колониальный этос, который помимо внешнеполитических факторов, привел к столь длительному существованию португальской колониальной империи, в ряде случаев автор тяготеет к описательности и т.д.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Колпаков П.А. — Обеспечение санитарных норм жандармской железнодорожной полицией Российской империи в конце XIX-начале XX вв. // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 124 - 134. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68887 EDN: YKFWUO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68887

Обеспечение санитарных норм жандармской железнодорожной полицией Российской империи в конце XIX-начале XX вв.

Колпаков Петр Александрович

ORCID: 0000-0002-1600-9937

кандидат исторических наук

старший преподаватель, кафедра истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1kolpakov1@rambler.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68887

EDN:

YKFWUO

Дата направления статьи в редакцию:

05-11-2023

Аннотация: Статья посвящена реконструкции исторического опыта участия чинов жандармской полиции в обеспечении санитарного порядка на железных дорогах Российской империи. Целью данной статьи является исследование мер по недопущению распространения опасных инфекционных заболеваний, принимавшихся железнодорожной жандармерией, как во взаимодействии с медико-санитарными службами, так и самостоятельно. Объектом исследования является исторический опыт служебной деятельности жандармской железнодорожной полиции Российской империи. Предметом – роль жандармов в обеспечении санитарных норм на железных дорогах. Теоретической базой исследования, наряду с опубликованными материалами, послужили делопроизводственные документы (циркуляры штаба Корпуса жандармов, распоряжения начальников отделений и управлений, рапорты о проведенных мероприятиях) жандармской железнодорожной полиции, находящиеся на хранении в

Государственном архиве Российской Федерации. Наряду с общенаучными методами анализа, синтеза, индукции, дедукции и конкретизации автором были использованы историко-системный и историко-генетический методы исследования. Новизна исследования заключается, во-первых, во введении в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов по истории железнодорожной жандармерии, во-вторых, в систематизации научного знания относительно участия транспортной полиции в противодействии эпидемическим угрозам, опасность которых на рубеже XIX и XX столетий в Российской империи характеризовалась чрезвычайной остротой. Сделан вывод о том, что чины жандармской железнодорожной полиции выполняли значимую роль в обеспечении санитарных норм посредством обходов вверенных участков, содействия врачам в ветеринарных осмотрах скота и партий мяса, инспекторских проверок помещений для содержания военнопленных, не допустив возникновения на железных дорогах вспышек эпидемий, которые бы создали угрозу для здоровья и жизни населения в глобальном масштабе.

Ключевые слова:

железная дорога, жандарм, транспортная полиция, санитарный надзор, санитарные правила, эпидемия, эпизоотия, холера, карантин, ветеринарный осмотр

Исторический контекст проблемы обеспечения санитарных норм на железных дорогах России

Проблемы защиты здоровья и жизни населения исторически являлись одним из ключевых государственных приоритетов. Такое положение вещей было характерно для Российской империи в рассматриваемый в настоящей статье период.

Общая смертность в России в конце XIX века составляла в среднем 35,5 на 1000 человек населения. Одной из важных причин высокой смертности было широкое распространение острозаразных болезней. Постоянно свирепствовали эпидемии холеры, сыпного и брюшного тифов, дизентерии, оспы, детских инфекций, малярии, гриппа. Распространение инфекционных болезней было буквально народным бедствием, приносившим неисчислимый урон здоровью и благосостоянию народа [\[1, с. 215-216\]](#).

Особенно тяжелый ущерб наносила России холера. По официальным данным Медицинского департамента Министерства внутренних дел, в течение XIX в. в России было выявлено 4 837 236 больных холерой, и умерли от нее 1 984 049 человек. За время эпидемии 1892–1895 гг. заболело 801 614 и умерло 381 100 человек [\[2, с. 67\]](#).

В условиях эпидемии обострялась потребность в полицейской охране порядка. Это определялось не только необходимостью принятия карантинных мер, но и усмирения буйств и самосуда над виновными в распространении смертельной болезни. Эпидемия холеры 90-ых годов XIX в. была полна трагическими событиями. Н.С. Лесков писал: «Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что делать. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народ думал, что надо убить врачей. Следует добавить, что народ не только так «думал», но он пробовал и приводить это в действие. Несколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы делу, были сами убиты» [\[3, с. 24\]](#).

Запятой холеру стали называть после опубликования в 1884 г. немецким бактериологом

Р. Кохом отчета о результатах экспедиции, в ходе которой исследовалось распространение холеры в Индии. В рамках этой научной работы ученый описал свойства бактерии, имевшей форму запятой. Ей было дано название *Komtabacillus cholere* (от лат. comma – запятая) [\[4, с. 24\]](#).

В XIX столетии железнодорожный транспорт внес значительные изменения в жизнь человека. Возможность преодолевать по «чугунке» огромные расстояния сильно изменила восприятие времени и пространства. В России в течение XIX в. железнодорожный транспорт прошел путь от сомнительной диковинки, целесообразность вложения средств в которую ставилась под сомнение многими представителями политической элиты, до локомотива экономики, объединившего хозяйственные центры в целостную систему и обеспечившего заказами смежные отрасли. Вокруг железных дорог складывалось особое социальное окружение, для которого были характерны многолюдность и поверхностность контактов пассажиров. Вокзалы, станционные буфеты и вагоны в этих условиях являлись благоприятной для распространения инфекционных заболеваний средой.

Проблема организации санитарно-медицинской службы на железных дорогах впервые серьезно обозначилась в ходе строительства «чугунки» между Санкт-Петербургом и Москвой. Однако связана она была не с защитой жизни и здоровья пассажиров, а с недопущением распространения заразных болезней среди трудившихся в тяжелых условиях рабочих и оказанием им первой помощи в случае получения травм. Медицинское обслуживание на строительстве железной дороги между двумя столицами осуществлялось в десяти открытых в 1843 г. «балаганах»-лазаретах [\[5, с. 159\]](#). Примечательно, что в ходе этой знаковой для отечественного железнодорожного транспорта стройки был получен первый опыт организации несения службы жандармами в пределах стальных магистралей [\[6, с. 80–87\]](#).

В процессе развития в санитарной службе на железных дорогах Российской империи выделились два основных направления: врачебно-санитарный и ветеринарно-санитарный надзор [\[7, с. 362\]](#). В 1906 г. Комитетом Управления железных дорог России был учрежден Институт санитарных врачей [\[8, с. 127\]](#).

Особое внимание в системе санитарно-эпидемиологического контроля на железных дорогах отводилось надзору за буфетами. Высокие требования предъявлялись к качеству продуктов и соблюдению чистоты в местах питания пассажиров уставом Российских железных дорог: «Все съестные предметы, кушанья и напитки должны быть свежие, лучшего качества и надлежащим образом приготовленные... Прислуга должна быть в достаточном количестве, иметь приличную одежду и быть предупредительною». Однако практика нередко значительно расходилась с требованиями, и указанные предписания часто не соблюдались [\[8, с. 128\]](#).

К осуществлению контроля за соблюдением санитарных норм привлекалась железнодорожная жандармерия. Вменение в обязанность транспортной полиции функций, связанных с санитарным надзором, определялось опасностью быстрого распространения инфекционных заболеваний по охваченной железнодорожной сетью территории империи.

Роль жандармской железнодорожной полиции в борьбе с холерной эпидемией в конце XIX–начале XXв.

Важным направлением служебной деятельности чинов железнодорожной жандармерии

являлся обход вверенного участка «чугунки». Обследование станции позволяло обнаружить оставшиеся без присмотра грузы, которые могли стать объектом преступного внимания «лихих людей». Посещение жилых построек на прилегавшей к железной дороге территории – укрываемых рабочими преступников. На вокзале жандарм мог застичь врасплох книготорговца, тайно распространявшего революционную литературу. Осуществление обхода имело значение и в отношении обеспечения санитарной безопасности. Например, железнодорожным полицейским предписывалось весной во время таяния снега для «достижения возможно большей чистоты и исправности в содержании станционных зданий, дворов, ретиральных мест» обращать серьезное внимание на установление железнодорожными служащими надлежащего надзора, в первую очередь, обязательно «не упускать из виду колодцы <...> нет ли около них каких-либо отбросов, грязного снега от схода которого может произойти загрязнение воды» [\[9, л. 21\]](#). Востребованность такой меры определялась критической значимостью недопущения возникновения очага эпидемии. Через употребление зараженной воды при питье, умывании, купании и мытье посуды происходило заражение холерой.

Необходимо отметить, что борьба с заразными болезнями в пределах железных дорог не ограничивалась обходами вверенных участков чинами жандармской полиции. В конце XIX – начале XX века борьба с опасными инфекциями в основном велась медико-полицейскими мерами, которые детально определяли действия жандармов, направлявшиеся на предупреждение и локализацию эпидемий. Своевременное выявление заболевших, их изоляция и передача в медицинские учреждения, отслеживание оперативной обстановки и обеспечение правопорядка при проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий находились в ведении жандармской железнодорожной полиции [\[10, с. 192\]](#).

В соответствии с высочайше утвержденными 11 августа 1903 г. «Правилами о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри империи» о выявленных фактах заболеваний холерой и чумой местные власти уведомляли министра внутренних дел. Для предупреждения и борьбы с эпидемиями на стальных магистралях создавались железнодорожные санитарно-исполнительные комиссии [\[7, с. 383\]](#). Для участия в выработке комиссиями необходимых мер в их состав включался представитель жандармской железнодорожной полиции [\[7, с. 397\]](#).

В условиях распространения смертельной болезни власти могли устанавливать карантин на отдельных территориях. Параграф 27 утвержденных 19 августа 1903 г. председателем высочайше учрежденной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой А.П. Ольденбургским «Правил для санитарно-исполнительных комиссий о мерах по предупреждению и борьбе с холерой и чумой» предоставлял губернским санитарно-исполнительным комиссиям право установки оцеплений отдельных домов и хуторов, а в случаях крайней необходимости – деревень. Однако, как обеспечение правопорядка в целом, так и санитарный надзор в пределах железных дорог обладал существенными особенностями. Изоляция и прекращение движения по отдельно взятому участку «чугунки» могли парализовать движение пассажиров и грузов на значительном расстоянии. Вследствие чего параграфом 29 упомянутых правил устанавливалось, что территории железных дорог в пределах полосы отчуждения должны были оставаться вне оцепления [\[7, с. 394-395\]](#).

Если в случае применения карантинного оцепления задача местной полиции сводилась к

недопущению проникновения за пределы определенной властями территории возможных носителей заболеваний (отметим, что далеко не всегда эта задача решалась эффективно), то железнодорожные жандармы выполняли противоположную миссию: необходимо было как можно скорее удалять зараженных с «чугунки», чтобы не допустить распространения болезни. В сложных ситуациях железнодорожные больницы могли исчерпать возможность принимать больных, что требовало принятия незамедлительных мер губернскими властями, на которые ложилось бремя разгрузки железных дорог от инфицированных. Так, например, в отношении Медицинского департамента МВД от 15 июня 1892 г., направленном за подписью статс-секретаря ведомства (в будущем министра – с 1889 по 1895 гг.) И.Н. Дурново в адрес московского губернатора, указывалось, что при значительном числе заболевших холерой на железных дорогах имевшихся при станциях помещений для изолирования может оказаться недостаточным. В связи с данным обстоятельством городским больницам, располагавшимся вблизи станций, надлежало без промедления принимать больных холерой, доставлявшихся по распоряжению железнодорожного начальства [\[11, л. 45\]](#).

Для повышения эффективности санитарных мер железнодорожные жандармы были наделены правом привлечения к ответственности нарушителей «установленных в надлежащем порядке для борьбы с холерною эпидемией правил и постановлений» в административном порядке. Комитет министров положением от 10 июля 1892 г. разрешил начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог определять виновным наказания «не свыше определенного статьей 102 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», то есть арестовывать на не превышавший месяц срок или взыскивать денежные средства в сумме до ста рублей [\[12, л. 138\]](#). Роль жандармской железнодорожной полиции в противодействии эпидемической угрозе не ограничивалась содействием специальным медико-санитарным службам. Железнодорожная жандармерия, имевшая обширные полномочия для выявления и пресечения нарушений, а также наделенная возможностью применения правовых санкций, могла действовать самостоятельно, если этого требовали обстоятельства распространения опасной болезни.

Делопроизводственная переписка жандармских полицейских управлений железных дорог содержит результаты проверок соблюдения санитарных норм на вверенных участках, осуществлявшихся жандармскими унтер-офицерами по указаниям командиров отделений. Жандармские чины удостоверялись в наличии помещений для изоляции заболевших холерой; обследовании врачами жилых построек, находившихся вблизи железнодорожной инфраструктуры.

Примером обобщения результатов такой проверки является рапорт унтер-офицера Нижегородского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог, исследовавшего санитарное состояние на участке станции Денисово 13 января 1911 г. согласно приказу по отделению от 17 октября 1910 г.:

«1) На станции нет помещения на случай заболевания пассажира холерой, для этого необходимо бы иметь санитарный вагон, куда было бы можно поместить больного, желательно бы иметь под руками и одного из служащих, подготовленного при врачебном кабинете санитарному делу, для ухода за больными до прибытия врача, так как навряд ли на станции найдется такой самостоятельный человек для ухода за больным. Врачебная помощь может быть только станции Вязники.

2) В поездах, хотя и имеются фельдшер, кондуктор, но желательно бы, чтобы был назначен для сопровождения поездов врач, который тут же мог определить

заболевание, и тут же подать помощь.

3) Наблюдение за квартирами и служащими – необходимо раза два в месяц проводить осмотр участковым врачом в особенности занятых службой пути. Хотя и бывают врачебные объезды, но это делается с поездами так, что поезда на линии у каждого здания не останавливаются, отчего и остаются недосмотренными как здания, а также и служащие службы пути.

4) Пассажиров, следовавших из зараженной местности необходимо отводить в вагоны в хвосте поезда и изолировать от посторонних пассажиров и дать кондуктору, фельдшеру для наблюдения, если не будет для этого назначен врач, для более успешного сообщения о следовании пассажиров из местности, зараженной холерой, записывать их адреса на месте посадки или далее на продолжительных пунктах пересадки, и сообщать прямо в тот полицейский и врачебный пункт, куда следует пассажир.

<...>

13) Грузы, следовавшие из заразной местности, подвергать врачебному осмотру <...>.

14) Служащим предупредить, как себя вести при заболевании кого-либо холерой из окружающих.

15) Служащие относятся к врачебной помощи с доверием, некоторые из служащих в прошлом году привили прививку против холеры, но в деревнях по обыкновению уповают на Бога.

16) Крыс пока не предвидится, а насекомые, как-то тараканы и клопы преимущественно водятся в зданиях, занимаемых службой пути, в будках и казармах. Для уничтожения всех насекомых и крыс имеются средства в Аптеках.

17) Очистить по необходимости от разного мусора ямы, постоянно наполняемые водой около бани и пакгауза, где и производится стирка белья.». [\[9, л. 1-3 об.\]](#).

Участие железнодорожных жандармов в ветеринарном надзоре

На рубеже XIX и XX вв. железнодорожное строительство стало локомотивом, двигавшим отечественную экономику. «Чугунка» обеспечивала большими заказами сопутствующие отрасли, открывала новые возможности для грузоперевозок и, в частности, для снабжения городов продовольствием. Как нередко бывает, преимуществам новшеств сопутствуют угрозы их применения. Портившиеся в условиях неправильного хранения при транспортировке продукты, в особенности, перевозившееся по железным дорогам мясо сельскохозяйственных животных, становились причиной распространения опасных заболеваний в случае их употребления в пищу населением.

Предупреждение этой угрозы требовало принятия со стороны властей мер по организации надзора. Так, например, 30 июля 1910 г. московский губернатор В.Ф. Джунковский в связи с участвовавшими случаями поступления на московские рынки из провинциальных городов несвежего мяса, потребление которого представляло опасность для жизни и здоровья, приказал учредить на станциях его ветеринарно-санитарный осмотр. Командировавшиеся врачи снабжались специальными удостоверениями, с которыми им надлежало обращаться за содействием в осуществлении санитарного контроля к железнодорожным жандармам. Кроме того, в распоряжение каждого врача назначался один околоточный надзиратель [\[7, с. 381\]](#).

Также совместно с железнодорожной жандармской полицией ветеринары, назначенные для осмотра перевозившегося по «чугунке» гуртового скота, осуществляли контроль перемещения сельскохозяйственных животных в целях предупреждения эпизоотий – распространения среди них инфекционных болезней. [\[7, с. 418\]](#). Содействие жандармов было необходимо для установления мест, где находились представлявшие интерес в санитарно-ветеринарном отношении грузы, а также, в случае необходимости, – для принуждения нарушителей санитарных норм к исполнению карантинных ограничений передвижения скота, изъятия и уничтожения партий испортившегося мяса. Очевидно, что такие меры причиняли убытки владельцам грузов и противоречили их коммерческим интересам, что могло стать причиной сопротивления.

Надзор за перевозками тел умерших

Особое внимание жандармская полиция обращала на транспортировку железнодорожным транспортом тел умерших. Имели место случаи, когда перемещение покойника становилось причиной возмущения общественного порядка. 26 марта 1907 г. штаб корпуса жандармов направил в адрес жандармских полицейских управлений железных дорог циркулярное распоряжение, согласно которому в случае направления с вверенной станции гробов с телами умерших надлежало телеграфировать жандармскому чину на станцию назначения, а последнему – передавать сведения местной общей полиции. Распоряжение было вызвано прецедентом, связанным с необеспечением общественной безопасности в условиях скопления обывателей на станции: «Недавно в один из больших городов по железной дороге прибыло для погребения тело скончавшегося видного политического деятеля. На вокзале для встречи тела и сопровождения на кладбище прибыло много лиц, в числе коих были и лица высокопоставленные. Местная общая полиция, не предуведомленная чинами жандармской полиции, не приняла своевременно предупредительных мер для ограждения порядка при движении процессии по улицам» [\[7, с. 414-415\]](#).

Вопрос передачи тел умерших в дороге пассажиров имел непосредственное отношение к обеспечению защиты здоровья и жизни населения. Умершие в пути передавались на ближайшей станции жандармскому унтер-офицеру, о чем последний выдавал коменданту поезда свидетельство на бланке о приеме тела и организовывал сопровождение покойника для погребения [\[10, с. 190\]](#). Неукоснительного соблюдения указанного порядка относительно перемещения тел умерших от холеры требовали от подчиненных начальники жандармских полицейских управлений железных дорог. Согласно циркуляру Московского жандармского полицейского управления железных дорог от 24 июля 1892 г. № 1872 начальникам отделений надлежало «беспрепятственно принимать от агентов железных дорог умерших от холеры и передавать таковых общей полиции для погребения на точном основании циркулярного распоряжения Министерства внутренних дел от 18 Марта 1875 года за № 25, при чем передача трупов должна производиться железными дорогами не иначе, как по предварительной дезинфекции, согласно установленным Медицинским советом правилам и в плотно сколоченных гробах» [\[11, л. 43\]](#).

Контроль санитарного состояния помещений для содержания военнопленных

В годы Первой мировой войны железнодорожная жандармерия наряду с полицейскими функциями приняла на себя бремя выполнения многообразных задач, связанных с противодействием деструктивной активности противника в пределах стальных магистралей. Жандармы содействовали контрразведывательным отделениям военного

ведомства в выявлении и розыске германских, австрийских и турецких агентов [\[13, с. 510-524\]](#). На железных дорогах использовался труд военнопленных. Офицеров и нижних чинов вражеских армий необходимо было не только охранять, но и организовывать их быт, создавая условия для сохранения здоровья. Железнодорожной жандармерией осуществлялось инспектирование мест размещения военнопленных.

Так, например, 24 ноября 1915 г. начальник Смоленского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог подполковник Клефнер проверил санитарное состояние барака, в районе Риги-Орловской железной дороги и доложил вышестоящему начальству, что военнопленные «почти все совершенно опаршивели, часть болеет и до того отошали и буквально голодают из-за недостаточного денежного отпуска на их содержание (по 25 коп. в день на человека), что возможна вспышка среди них голодного тифа, что крайне небезопасно для окружающего их железнодорожного населения.». Жандармским начальством в связи с выявленными нарушениями санитарного порядка было дано указание чинам Витебского отделения, на участке ответственности которого находился вышеуказанный барак, где содержались военнопленные, проверить его. Острота вопроса содержания военнопленных не позволяла жандармам ограничиться актом с критикой принятых мер. Необходимо было «на месте выяснить все условия быта военнопленных и тотчас же совместно с надлежащими агентами дороги принять самые энергичные меры к прекращению найденных санитарных не порядков» [\[14, л. 21-21 об.\]](#).

По указанию жандармского начальника была сформирована комиссия. В ее состав вошли чины железнодорожного правления, транспортной полиции, санитарной службы: начальник службы пути инженер К. А. Бортлевич, начальник Витебского жандармского отделения полковник В.И. Смирницкий, санитарный врач А. А. Соколов, начальник 8-го участка пути инженер А. Д. Городский и врач 10-го участка С. И. Штейнер.

Было установлено, что сотня военнопленных (мадьяры и германцы) размещалась в новом бараке, построенном для надобностей врачебно-наблюдательного пункта. Ими занималась половина помещения площадью 36 квадратных сажень при высоте пять аршин. Нары были устроены в два яруса. Постельные принадлежности отсутствовали, однако для изготовления матов пленным выдали солому и шпагат. Воздух в бараке при осмотре был чистым, – для вентиляции в окнах имелись форточки. В целом помещение члены комиссии оценили помещение как «...светлое, сухое и достаточно отопленное». Кухня размещалась в отдельной комнате, свободной от жилья, где имелись два котла, один – для варки пищи, другой – для кипячения воды.

Для устранения были отмечены недостатки: «В котле для кипячения воды устроить кран. Устроить кадку с краном и кружкой для остуживания и хранения кипяченой воды – вместимостью до 10 ведер. Поставить 5 переносных умывальников. Для освещения достроить висячие лампы приблизительно по одной на каждую комнату» [\[14, л. 26\]](#). Невозможно обойти вниманием ошутимое расхождение в результатах проверок барака, проведенных подполковником Кефнером и комиссией, обнаружившей значительно меньшее количество недостатков, характер которых, к тому же, не возбуждал опасений по поводу вспышки заразных болезней. Сомнительно, что комиссия могла пойти на прямое искажение сведений, принимая во внимание вероятность перепроверки ее работы в таком случае. Однако с учетом включения в ее состав членов железнодорожного правления с полномочиями распоряжаться материальными ресурсами, имелись возможности для устранения проявлений грубых санитарных нарушений в целях избегания их включения в акт.

Выводы

Опасность распространения смертельных эпидемий в условиях интенсивного железнодорожного пассажиропотока определила необходимость привлечения к надзору за санитарным порядком в пределах «чугунки» жандармерии. Чины жандармской железнодорожной полиции выполняли значимую роль в выявлении нарушений, которые могли бы повлечь возникновение очага эпидемии. Важным направлением служебной деятельности железнодорожных жандармов являлся обход вверенного участка стальных магистралей и обследование инфраструктуры на предмет обнаружения отступлений от установленных санитарных правил. Снабжение городов продовольствием, в частности, мясом по железным дорогам обусловило вменение в обязанность железнодорожной полиции содействовать врачам в проведении санитарных осмотров, при необходимости принуждать нарушителей к выполнению решений об изъятии скота, уничтожении партий мяса.

В годы Первой мировой войны жандармы осуществляли инспектирование помещений, предназначенных для содержания военнопленных, задействованных на ремонтных и строительных работах в пределах железных дорог.

Железнодорожная жандармерия выполняла многообразные функции общей и политической полиции, содействовала военному ведомству в выполнении контрразведывательных задач в пределах стальных магистралей. Однако глубина социально-политического кризиса, обрушившего Российскую империю в 1917 г., не позволила жандармам достичь главной цели – сохранить государственность и монархию. Вместе с этим, отсутствие прецедентов возникновения на железных дорогах вспышек эпидемий, которые бы создали угрозу для здоровья и жизни населения в глобальном масштабе, позволяет сделать вывод о том, что направление санитарного надзора в пределах вмененной ответственности реализовывалось железнодорожной полицией достаточно эффективно.

Библиография

1. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы. 1960. 397 с.
2. Ганин В.С. Исторический взгляд на эволюцию холерной инфекции // Клио. 2010. № 3(50). С. 74–80.
3. По следам минувших эпидемий / К. Н. Токаревич, Т. И. Грекова. – Ленинград: Лениздат, 1986. 156 с.
4. Мамедов М. К., Кадырова А. А. К 160-ти летию открытия холерного вибриона. Холера и ее возбудители – успехи в изучении за полтора столетия // Биомедицина. 2014. № 1. С. 23–27.
5. Тритенко Е. А. Проблемы санитарной службы на железнодорожном транспорте // Евразийский союз ученых. 2015. № 8-2 (17). С. 158–161.
6. Колпаков П. А. Об организации графом П. А. Клейнмихелем полицейского надзора за строительством Санкт-Петербурго-Московской железной дороги // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 3-2. С. 80–87.
7. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. По жандармско-полицейской части / составил полковник Тимофеев. – Спб.: Типография Министерства внутренних дел, 1912. 1195 с.
8. Шупикова А. О. Становление системы санитарно-эпидемиологического надзора на Сибирской железной дороге в начале XX века // Вестник Омского университета.

2014. № 3. С. 127–131.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 59. Оп. 1. Д. 704.
10. Петрыкин Н. Н. Жандармская железнодорожная полиция в условиях противодействия эпидемиям на территории Курской губернии (1893–1914 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 188. С. 187–194.
11. ГАРФ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 473.
12. ГАРФ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4.
13. Колпаков П. А., Арсланов Р. А. Деятельность жандармской полиции Российской империи на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 510–524.
14. ГАРФ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 162.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современной России пристальное внимание государства и общества направлено на развитие системы здравоохранения, тем более на фоне в общем-то еще не завершившейся пандемии ковида. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечает: «Планы по развитию здравоохранения в стране у нас большие и, несмотря на те сложности, которые нам пытаются создать извне, мы не только их все реализуем, а, более того, у нас есть все возможности реализовать эти планы досрочно, с опережением графика, в том числе по наиболее чувствительным направлениям, таким, как развитие первичного звена здравоохранения». В этой связи представляется важным обратиться к изучению исторического опыта формирования системы здравоохранения, в том числе на транспорте.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является обеспечение санитарных норм жандармской железнодорожной полицией Российской империи. Автор ставит своими задачами показать исторический контекст проблемы обеспечения санитарных норм на железных дорогах России, проанализировать роль жандармской железнодорожной полиции в борьбе с холерной эпидемией в конце XIX–начале XX в., рассмотреть участие железнодорожных жандармов в ветеринарном надзоре и т.д.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта».

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать систему санитарно-эпидемиологического контроля на железных дорогах Российской империи в пореформенный период. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входят свыше 14 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего

материалами из фондов Государственного архива Российской Федерации. Из используемых исследований отметим труды Е.А. Тритенко, Н.Н. Петрыкина, П.А. Колпакова и Р.А. Арсланова, в центре внимания которых находятся различные аспекты деятельности санитарной службы на железнодорожном транспорте. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей здравоохранения в России, в целом, так и санитарно-эпидемиологическим контролем на железных дорогах. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «вменение в обязанность транспортной полиции функций, связанных с санитарным надзором, определялось опасностью быстрого распространения инфекционных заболеваний по охваченной железнодорожной сетью территории империи». Автор обращает внимание на то, что «снабжение городов продовольствием, в частности, мясом по железным дорогам обусловило вменение в обязанность железнодорожной полиции содействовать врачам в проведении санитарных осмотров, при необходимости принуждать нарушителей к выполнению решений об изъятии скота, уничтожении партий мяса». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «железнодорожная жандармерия выполняла многообразные функции общей и политической полиции, содействовала военному ведомству в выполнении контрразведывательных задач в пределах стальных магистралей».

Главным выводом статьи является то, что «отсутствие прецедентов возникновения на железных дорогах вспышек эпидемий, которые бы создали угрозу для здоровья и жизни населения в глобальном масштабе, позволяет сделать вывод о том, что направление санитарного надзора в пределах вмененной ответственности реализовывалось железнодорожной полицией достаточно эффективно».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Филимонова К.Н. — Историко-мемориальная деятельность Россотрудничества за рубежом: результаты, проблемы, перспективы // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 135 - 142. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.39284 EDN: YFIKBZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39284

Историко-мемориальная деятельность Россотрудничества за рубежом: результаты, проблемы, перспективы

Филимонова Ксения Николаевна

ORCID: 0000-0001-7602-1412

аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов (РУДН)

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ fili-ksu@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие - памятники истории и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.39284

EDN:

YFIKBZ

Дата направления статьи в редакцию:

29-11-2022

Аннотация: Предметом исследования является историко-мемориальная деятельность за рубежом федерального агентства Россотрудничество как одного из инструментов дипломатии наследия Российской Федерации. В статье рассматривается работа Агентства за период 2010-2022 гг. в области сохранения и поддержания гражданских захоронений и памятных мест, которые связаны с именами наших соотечественников – российских и советских военных и государственных деятелей, деятелей культуры и науки. Одной из целей мемориальной политики является консолидация российских соотечественников за рубежом, содействие сохранению их национальной идентичности и связей с родиной. В исследовании используются системный подход, позволяющий проанализировать проблему с разных точек зрения: исторической, культурологической и правовой, а также методы анализа и синтеза. Следует отметить, что в условиях сложной геополитической обстановки Россотрудничеством была проведена значительная работа по поиску, инвентаризации, сохранению и поддержанию мест погребения, представляющих историко-мемориальное значение для России, и популяризации исторической памяти о выдающихся российских соотечественниках за рубежом. Однако,

данное направление деятельности требует дополнительных средств и усилий, в частности: поиска новых источников финансирования крупных реставрационных работ, совершенствования механизмов поддержания в надлежащем состоянии захоронений, более тщательной проработки мероприятий по популяризации памяти о «русском зарубежье» и активного взаимодействия с российским и международным экспертным сообществом, некоммерческими организациями и объединениями соотечественников за рубежом.

Ключевые слова:

гуманитарная политика, дипломатия наследия, историко-культурное наследие, историко-мемориальная деятельность, историческая память, место погребения, мягкая сила, Россия, Россотрудничество, соотечественники

Автор выражает благодарность и глубокую признательность научному руководителю, д.и.н., профессору М.Н. Мосейкиной, и федеральному агентству Россотрудничество за ценные советы и замечания при работе над данной статьей.

Историко-культурное наследие всегда являлось важным инструментом внешней политики России, способствующим формированию и укреплению положительного образа страны в мире и содействующим пониманию её исторического развития, роли и места в мировой истории. Поэтому сохранение памяти об историческом наследии наших соотечественников за рубежом становится приоритетной задачей государства в контексте распространения «культуры отмены» всего русского в политике некоторых государств и сноса советских памятников, посвящённых событиям Второй мировой войны.

Вопросы культурной дипломатии и использования исторического наследия и мест памяти как ресурса «мягкой силы» во внешней политике государств рассматривались как зарубежными (П. Нора [\[1\]](#), Дж. Най [\[2\]](#), А. Ассман [\[3, 4\]](#), Х. Риус Ульдемолинс [\[5\]](#) и др.), так и российскими исследователями (О. С. Поршнева [\[6\]](#), В. Ф. Ершов [\[7\]](#), Д. А. Звягина [\[8\]](#), М. М. Лебедева [\[9\]](#) и др.).

Предметом данного исследования является историко-мемориальная деятельность за рубежом Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) как одного из инструментов дипломатии наследия России. В своем исследовании автор использовал системный подход, анализируя проблему с разных точек зрения: исторической, культурологической и правовой, а также методов анализа и синтеза.

Культурно-гуманитарная дипломатия, которая «проявляется в зарубежном информационном, социокультурном пространстве через деятельность информационно-культурных центров и других родственных институций за границей», играет важную роль «в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры» [\[10, с. 66\]](#).

О необходимости развития международного сотрудничества в области сохранения, реставрации и охраны культурных ценностей говорится в утвержденной Указом Президента РФ от 05.09.2022 г. № 611 Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. В контексте текущего геополитического момента в ней ставится

задача сохранения участия России в системе европейского культурного взаимодействия и расширения культурных связей со странами Содружества Независимых Государств, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Латинской Америки.

Применительно к истории международного сотрудничества в области гуманитарных связей в современной историографии используется понятие «дипломатии наследия», которую Т. Винтер характеризует как «набор процессов, в результате которых культурное и природное прошлое, разделяемое между странами и между государствами, становится предметом обмена, сотрудничества и форм совместного управления» [\[11, с. 1007\]](#).

Важной частью деятельности Россотрудничества является историко-мемориальная деятельность за рубежом. На территории современных зарубежных государств располагается большое количество захоронений и памятных мест, которые связаны с именами наших соотечественников – российских и советских военных и государственных деятелей, деятелей культуры и науки. С 2010 г. Агентство осуществляет работы по поддержанию и сохранению за рубежом мемориальных кладбищ, отдельных участков на общих кладбищах и индивидуальных могил и других видов захоронений, за исключением мест погребения, отнесенных к категории воинских, и новых захоронений.

В своей деятельности по Агентство руководствуется серией нормативных правовых актов, среди них: Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» и утверждённое им положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству; постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2010 г. № 379 «Об утверждении Правил организации работы по поддержанию и сохранению находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение»; Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 г. № 1948-р «Об утверждении перечня находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение»; приказ Россотрудничества от 02.06.2014 г. № 0098-пр «О Порядке организации и проведения работы по поддержанию и сохранению находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение» и др.

Россотрудничество и его представительства за рубежом (Русские дома) совместно с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР) на регулярной основе производит актуализацию перечня находящихся там мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение. Основными критериями отбора являются: историческая значимость вклада захороненных лиц в науку, культуру, искусство, духовную жизнь России и государств нахождения мест погребения, в укрепление двусторонних отношений.

Для поиска и определения таких мест захоронения Россотрудничество и его загранпредставительства взаимодействуют с волонтерскими и молодежными организациями, ассоциациями соотечественников за рубежом, а также с российским и международным экспертным сообществом, в том числе с Министерством культуры Российской Федерации, Федеральным архивным агентством (Росархив), Институтом российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН), Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

После последней актуализации в 2020 г. правительственный Перечень насчитывает более 90 захоронений, которые располагаются на территории 14 государств (Болгарии, Германии, Греции, Египта, Италии, Македонии, Марокко, Нидерландов, Польши, Сербии, Туниса, Турции, Чехии и Франции). Следует отметить, что в Перечень включены не только отдельные захоронения, но и целые «русские» участки кладбищ. Так русский сектор городского кладбища г. Сен-Женевьев-де-Буа (Франция) насчитывает более 5, 5 тыс. русских могил, где покоятся известные персоналии (в их числе: артист балета Рудольф Нуриев, писатель Иван Бунин и кинорежиссер Андрей Тарковский). Существует также единый комплекс историко-мемориальных памятников «Русский некрополь» на территории Нового кладбища в г. Белграде (Сербия), на котором захоронены представители первой и второй волн эмиграции.

С целью сохранения данных мест погребения Русские дома за рубежом организуют работы по установке и ремонту надгробий, реставрационные работы, производят оплату услуг по подготовке исходно-разрешительной и сметной документации, технического задания с соблюдением требований законодательства страны нахождения мест погребения, а также по содержанию мест погребения в надлежащем состоянии, включая аренду земли.

Так, в период 2013-2016 гг. представительством Россотрудничества в Германии совместно с обществом «Берлин 09», обществом «Abert Herrmann & Söhne GmbH» и Немецко-культурным обществом Баден-Бадена были проведены восстановительные работы на могилах архитектора Н.В. Султанова, М. Георгиевского, М.П. Позена, князя Шаховского на русском православном кладбище г. Висбадена, могиле князя И.С. Васильчикова на кладбище г. Баден-Баден, могилах В.Д. Набокова, Н.П. Богданова-Бельского, М.О. Эйзенштейна, А.В. Кривошеина на русском православном кладбище в Берлине. В июле 2014 г. завершились реставрационно-восстановительные работы захоронений комплекса «Русский некрополь» на Новом кладбище в Белграде, которые проходили в несколько этапов при поддержке ОАО «Газпром нефть» и специально созданной некоммерческой организации «Фонд поддержания, восстановления и сохранения комплекса историко-мемориальных памятников "Русский некрополь в г. Белград"». В январе 2021 г. подошла к концу реставрация памятники на могилах художника К. Брюллову и княжны М. Оболенской на католическом историческом кладбище «Тестацхо» в Риме.

Финансирование работ по поддержанию захоронений в надлежащем состоянии в основном происходит за счёт средств, получаемых Русскими домами от разрешённых видов деятельности. С 2019 г. стало возможным получение бюджетных ассигнований на организацию работ по восстановлению и сохранению гражданских захоронений за рубежом (постановление Правительства Российской Федерации от 7 июня 2019 г. № 739 «О внесении изменений в Правила организации работы по поддержанию и сохранению находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение»). Следует отметить, что ограниченность собственных ресурсов представительств Россотрудничества и сложность процедуры получения средств из федерального бюджета России затрудняют проведение крупномасштабных восстановительных работ, в которых нуждается ряд захоронений. Представительствами Россотрудничества в основном проводятся мероприятия по поддержанию захоронений, включая чистку надгробий, частичную реставрацию надписи на стелах, уборку мусора и озеленение.

Крупные реставрационные работы захоронений и «русских» некрополей за рубежом в единичных случаях производятся за счет привлеченных фондами средств. Так, в 2008 г.

при содействии Международного общественного фонда содействия духовно-нравственному возрождению современного общества «Фонд апостола Андрея Первозванного» был восстановлен мемориал 342 россиянам, умершим в 1921 г. во время пребывания армии генерала П.Н. Врангеля на полуострове Галлиполи в Турции. В свою очередь, Фонд наследия русского зарубежья в 2021 г. оплатил долги по аренде и содержанию 37 могил на «русском» некрополе Нового кладбища Белграда, а в 2022 г. профинансировал проведение работ по ремонту захоронения министра иностранных дел Российской империи (1906-1910) А.П. Извольского и художников М.Ф. Ларионова и Н.С. Гончаровой во Франции. Однако, такое взаимодействие Россотрудничества и партнёрских организаций носит несистемный характер.

Кроме того, Россотрудничество и его представительства уделяют внимание мерам по популяризации российского историко-мемориального наследия за рубежом, сохранению исторической памяти о подвигах наших великих соотечественников, в том числе через создание мемориальных маршрутов, организацию работы с экспертным сообществом, поддержку и сохранению русского языка за рубежом.

Одной из целей мемориальной политики Россотрудничества является консолидация российских соотечественников за рубежом, содействие сохранению их национальной идентичности и связей с родиной. Так, в целях сохранения и поддержания в надлежащем состоянии других русских захоронений на кладбище «Тестаччо» в Италии в 2015 г. впервые был активно задействован потенциал волонёрского движения. Важное историко-патриотическое и воспитательное значение имеет вовлечение в практическую работу по сохранению российского историко-мемориального наследия молодежного объединения «РИМ».

За последние годы Россотрудничеством была проведена большая работа по поиску, инвентаризации, сохранению мест погребения, представляющих историко-мемориальное значение для России и популяризации исторической памяти о российских соотечественниках за рубежом. Вместе с тем, следует признать, что данное направление деятельности Россотрудничества требует дополнительных средств и усилий.

Во-первых, важен системный подход к вопросу включения новых мест погребения в Перечень. Целесообразным является создание экспертных советов на базе Агентства и Русских домов с участием представителей Министерства иностранных дел Российской Федерации, посольств и консульств, специалистов-историков и искусствоведов, которые могли бы оценить вклад захороненных в разных странах наших соотечественников; после чего на регулярной основе проводить отбор захоронений.

Во-вторых, требует проработки вопрос механизмов финансирования крупных реставрационно-восстановительных работ. Для проведения такого типа мероприятий оптимальным является применение инструментов государственно-частного партнёрства с опорой на лучшие практики, реализованные как на территории России (например, в Калужской, Московской, Тульской областях), так и за рубежом. При таком сотрудничестве государство выполняет административные и контролирующие функции, а частный партнёр – исполнительские [\[12, с. 137\]](#). В этой связи важно разработать механизмы взаимодействия с фондами и партнёрскими организациями, в частности с Фондом наследия русского зарубежья и Фондом апостола Андрея Первозванного, чтобы развивать сотрудничество на системной основе.

В-третьих, необходима разработка протоколов действий для представительств Агентства, гарантирующих сохранность захоронений после завершения комплексной реставрации и

учитывающих нормы законодательства стран нахождения мест погребения.

Наконец, важно совершенствовать инструменты популяризации исторической памяти о русском зарубежье, для чего разрабатывать культурно-образовательные программы (в офлайн- и онлайн-форматах) совместно с научным сообществом как для местных жителей, так и для соотечественников разных возрастов.

Библиография

1. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 328 с. (Новая петербургская библиотека: Коллекция «Память века»).
2. Най Дж. Будущее власти. Москва: АСТ, 2014.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
5. Zamorano M. M., Rius Ulldemolins J. ¿La diplomacia cultural, una política de Estado? Articulación y descoordinación intergubernamental en la acción cultural exterior del Estado español // Revista d'Estudis Autonòmics i Federals. 2016. No. 24. Pp. 115–154. doi: 10.2436/20.8080.01.11.
6. Поршнева О. С. Политика памяти в России: Первая мировая война в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. №2. С. 216–235. doi: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235.
7. Ершов В. Ф., Гаджиева Х. К. Русский мир в Испании и диалог культур (1991–2015 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. №1. С. 92–108. doi: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108.
8. Звягина Д. А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11–2. С. 94–98.
9. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3. С.212–223. doi: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
10. Мосейкина М. Н. Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 4. С. 66–75.
11. Winter T. Heritage Diplomacy // International Journal of Heritage Studies. 2015. № 21 (10). Pp. 997–1015. doi: 10.1080/13527258.2015.1041412.
12. Русинова Н. С. Государственно-частное партнерство в сфере сохранения и развития памятников культурного наследия // Фотинские чтения – 2021 (весеннее собрание): материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во УИР ИЖГТУ имени М.Т. Калашникова, 2021. – 212 с. С. 134–139.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Историко-мемориальная деятельность Россотрудничества за рубежом: результаты,

проблемы, перспективы

Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор разъяснил выбор темы исследования и обозначил её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, но указан предмет исследования («Предметом данного исследования является историко-мемориальная деятельность за рубежом Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) как одного из инструментов дипломатии наследия России»), методы, использованные автором.

Автор обозначил результаты анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор выразил благодарность научному руководителю и федеральному агентству Россотрудничество за помощь, указал на причину выбора темы исследования, обозначил её актуальность и результаты анализа историографии проблемы.

В основной части статьи автор пояснил читателю, что «о необходимости развития международного сотрудничества в области сохранения, реставрации и охраны культурных ценностей говорится в утвержденной Указом Президента РФ от 05.09.2022 г. № 611 Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» т.д., что «важной частью деятельности Россотрудничества является историко-мемориальная деятельность за рубежом» т.д. Автор перечислил ключевые нормативные акты, регулирующие деятельность Агентства, сообщил, что «Россотрудничество и его представительства за рубежом (Русские дома) совместно с Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР) на регулярной основе производит актуализацию перечня находящихся там мест погребения, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение» т.д.

Затем автор сообщил, что «для поиска и определения таких мест захоронения Россотрудничество и его загранпредставительства взаимодействуют с волонтерскими и молодежными организациями, ассоциациями соотечественников за рубежом, а также с российским и международным экспертным сообществом» т.д., и что «после последней актуализации в 2020 г. правительственный Перечень насчитывает более 90 захоронений, которые располагаются на территории 14 государств» т.д., перечислил направления специальной деятельности, привёл её примеры. Автор пояснил, что «финансирование работ по поддержанию захоронений в надлежащем состоянии в основном происходит за счёт средств, получаемых Русскими домами от разрешённых видов деятельности» т.д., что «крупные реставрационные работы захоронений и «русских» некрополей за рубежом в единичных случаях производятся за счет привлеченных фондами средств» т.д.

В завершение основной части статьи автор заявил, что «Россотрудничество и его представительства уделяют внимание мерам по популяризации российского историко-мемориального наследия за рубежом, сохранению исторической памяти о подвигах наших великих соотечественников» т.д., и что «одной из целей мемориальной политики Россотрудничества является консолидация российских соотечественников за рубежом, содействие сохранению их национальной идентичности и связей с родиной» т.д.

Почему автор ограничил свои усилия исследованием деятельности Агентства «по поддержанию и сохранению за рубежом мемориальных кладбищ, отдельных участков на общих кладбищах и индивидуальных могил и других видов захоронений», осталось неясно.

В статье встречаются незначительные описки, как-то: «инвентаризации сохранению».

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования лишь отчасти.

В заключительных абзацах статьи автор констатировал, что Россотрудничеством «проведена большая работа по поиску, инвентаризации сохранению мест погребения, представляющих историко-мемориальное значение» т.д., указав на то, что «важен системный подход к вопросу включения новых мест погребения в Перечень», «целесообразным является создание экспертных советов на базе Агентства и Русских домов с участием представителей Министерства иностранных дел Российской Федерации, посольств и консульств, специалистов-историков и искусствоведов» т.д., что «требуется проработки вопрос механизмов финансирования крупных реставрационно-восстановительных работ» т.д., «важно разработать механизмы взаимодействия с фондами и партнёрскими организациями» т.д., что «необходима разработка протоколов действий для представительств Агентства, гарантирующих сохранность захоронений после завершения комплексной реставрации и учитывающих нормы законодательства стран нахождения мест погребения».

Автор резюмировал, что «важно совершенствовать инструменты популяризации исторической памяти о русском зарубежье, для чего разрабатывать культурно-образовательные программы (в офлайн- и онлайн-форматах) совместно с научным сообществом» т.д.

Заключительные абзацы статьи, на взгляд рецензента, не проясняют цель исследования.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хазов В.К. — Факторы социализации детей на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг. // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 143 - 156. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.44000 EDN: XURBIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44000

Факторы социализации детей на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.

Хазов Владимир Константинович

ORCID: 0000-0001-7194-738X

кандидат философских наук

доцент Высшей школы общественных наук, Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого

195251, Россия, СПб, область, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, оф. 198283

✉ via1698@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.44000

EDN:

XURBIS

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2023

Аннотация: автор выявляет и анализирует факторы социализации детей на оккупированных территориях Ленинградской области в период с 1941 по 1944 гг. В статье отмечается, что социализация, как сложный и многогранный процесс может быть исследована как через свои результаты (например, прямое описание практик выживания, усвоенных конкретных тактик поведения и пр., которые, как правило фиксируют официальные документы, так и в документах личного происхождения), так и через анализ нарративов о субъективных переживаниях, связанных с индивидуальным восприятием процесса социализации. Фактически, история детства может быть представлена как расширенная история социализации детей. Автор делает вывод, что социализация, осуществляющаяся на оккупированных территориях, обладает рядом специфических характеристик. К ним относятся прежде всего неустойчивость этого процесса, его фрагментарность, противоречивость его результатов. Причина этого – главные факторы её – неизбежный в подобных условиях конфликт между стремлением к

выживанию и стремлением к сохранению свободы и достоинства человека и разрушению традиционных для данного сообщества социальных связей. При этом, главным фактором сохранения довоенных установок социализации являлась семья. Выводы данной работы могут быть использованы как для расширения проблемного поля исследований истории повседневности, так и для углубления историко-антропологического понимания войны как явления.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Ленинградская область, оккупация, социализация, повседневность, дети, воспитание, голод, страх, трудовая повинность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>.

Исследование выполнено за счет гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022

Введение

По вполне понятным причинам, советские граждане, оказавшиеся на оккупированных территориях, не могли внести свой вклад в Победу. Их жизнь и быт, как правило, были далеки от героизма, а основной проблемой, которую они вынуждены были решить была проблема выживания. И тем не менее страдания и боль пережитые этими людьми это не просто некие внешние обрамления великих событий Великой войны, а сама их суть. Эти страдания, страх и боль столь же важны для понимания общей картины Великой Отечественной войны, как и славная история борьбы и побед. Важно это уже хотя бы потому, что история оккупации Ленинградской области наглядно показывает, к каким страшным последствиям привело бы поражение СССР в той войне. Последнее обстоятельство требует изучения битвы за Ленинград не только в узком (связанном с изучением собственно блокады Ленинграда), но и в максимально широком, общесоюзном контексте, что буквально невозможно без подробного и системного изучения жизни советского населения оккупированных территориях.

Детская повседневность в условиях оккупации – весьма специфическое под-направление истории повседневности. Ребенок, оставшийся на советской территории, переживал ужас бомбежек, голод и страх. Ребенок, оказавшийся в оккупации, переживал все то же самое, но находился в условиях дополнительной эмоциональной и социальной депривации, которые усиливали его страдания многократно. В воспоминаниях тех, кому выпала нелегкая судьба оказаться под оккупацией часто отмечаются переживания своего тогдашнего состояния переживания как «непонимание», «растерянность», часто описывается чувство беспомощности, упоминается чувство подавленности.

Действия нацистов причинили много боли и страданий нашей Родине. При этом, если факты разрушений (в том числе и преднамеренные разрушения культурных объектов) и насилия над советскими гражданами зафиксированы целым рядом документов и довольно хорошо изучены, то вопрос о том, какой разрушительный заряд оставила после себя оккупация в душах советских детей все еще нуждается в системном изучении.

В советское время, в силу ряда причин политического, идеологического и, даже,

историко-методологического характера, исследования «негероических» аспектов битвы за Ленинград почти не проводились. Советских историков больше интересовал факты героического сопротивления нацизму. И хотя в их работах присутствовали темы, которые сейчас можно отнести к сфере компетенции историка повседневности (быт ленинградцев в годы блокады, будни партизанских отрядов и т.д.) тем не менее все эти аспекты изучались в основном как фон военного или трудового подвига [\[25, 30\]](#). В этом же ключе исследовался и быт детей на оккупированных территориях [\[5\]](#).

Собственно, изучение истории военной повседневности Великой Отечественной войны начинается с первой половины 2000-х гг. В 2002 году выходит труд известного санкт-петербургского исследователя, профессора Н.А. Ломагина «Неизвестная блокада», в котором 5-ая глава посвящена повседневной жизни на оккупированных территориях [\[16\]](#). Важный вклад Н.А. Ломагина в дело изучение повседневности заключается в открытии взаимосвязи между представлениями жителей города, его защитников и жителей оккупированных территорий друг о друге (представлений не редко малодостоверных и часто основанных на слухах) Затем, уже в 2010-ые гг. это направление станет одним из самых быстроразвивающихся и перспективных направлений отечественной исторической мысли. Важный вклад в развитие его внес профессор В.Л. Пянкевич, исследовавший коммуникативные практики в блокадном Ленинграде и мир повседневных переживаний ленинградцев в 1941-1944 гг. [\[20, 21\]](#).

Примерно в это же время оформляется и история военного детства. Публикуется обширный труд профессора Б.Н. Ковалева «Повседневная жизнь населения России в период оккупации», объемная 16-ая глава которого («Скоро сам узнаешь в школе») посвящена именно детской повседневности в условиях оккупации. Появляются и работы, посвященные осмыслению методологии истории детства как такового [\[6\]](#)

Собственно, изучение детской социализации на оккупированных территориях давно сложившееся поднаправление истории детской военной повседневности. Оно, в свою очередь, представлено двумя группами исследователей. Первая группа концентрирует свои усилия вокруг изучения повседневных практик (прежде всего практик выживания). К этой группе относятся труды Е.Е. Красноженовой, изучавшей практики выживания детей на оккупированных территориях [\[9, 10, 11\]](#), М.В. Рыбловой, изучавшей военное детство как сложное историко-культурное явление [\[23\]](#), Е.В. Архиповой, исследовавшей практики выживания детей в прифронтовой зоне [\[1\]](#), М.С. Носовой, чьи работы посвящены детским практикам в глубоко тыловых районах [\[19\]](#), и др. Для ученых, составляющих эту группу, само содержание повседневной жизни детей выступает в качестве маркера-индикатора процесса социализации. Изучая практики, в которые дети были активно включены, данная группа исследователей фактически реализует понимание социализации как, прежде всего, бессознательного процесса (не столько усвоение декларируемых социокультурных норм, сколько копирование комплекса реально осуществляемых и/или нормализуемых взрослыми действий).

Вторая группа исследователей анализирует участие детей в социально-экономической деятельности взрослых и/или социально-экономическую и политико-правовую деятельность взрослых направленную на детей. Подходы, объединяющие исследователей этой группы, реализуют представление о социализации как о сознательном и институционализированном процессе, в целом близком или тождественном процессу воспитания. Такая позиция, например, характерна для работ Е.Ф. Кринко [\[13, 14\]](#). В числе исследователей, чьи работы были отнесены нами во второй

группе стоит отметить труды Е.М. Буряка и М.В. Свистова [\[3\]](#).

К этой же группе могут быть отнесены и исследования, направленные на изучение участия детей и подростков в партизанском и подпольном движении и освещающие различные аспекты советско-немцкого идеологического противостояния за влияние на души и умы детей на оккупированных территориях [\[15, 17\]](#). В связи с этим стоит упомянуть работу Н.А. Малышевой, посвященную связи процесса социализации и идеологического противостояния на советской территории [\[18\]](#).

Два названных нами выше подхода отражают два аспекта процесса социализации. Во-первых, социализация включает в себя «активный компонент», представляющий собой сознательный процесс передачи норм и установок. Во-вторых, в нем присутствует «пассивный» компонент – т.е. результат бессознательного усвоения фактически актуальных, иногда прямо не декларируемых представлений. Именно поэтому использование сочетания данных анализа официальных архивных документов (фиксирующих первый компонент социализации) и анализа документов личного происхождения (фиксирующих второй компонент) позволяет, по нашему мнению, создать максимально полное представление о данном процессе.

Однако изучение как системы воспитания и идеологической обработки (когда мы говорим об оккупированных территориях), так и практик выживания как индикатора социализации позволяет увидеть только часть процесса. Целью нашей работы является выявление базовых факторов, то есть, ключевой системы условий социализации детей и подростков на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941-1944 гг. Как мы постараемся показать ниже, такой подход позволит понять многие особенности (текстологические и содержательные) воспоминаний «детей оккупации».

Социально-политические условия социализации детей на оккупированных территориях

Во время войны дети находятся в самом уязвимом социально-экономическом и социально-психологическом положении. Их знание о мире только формируется, а навыки (социальные, производственные) или отсутствуют вовсе или весьма несовершенны. Именно поэтому ребенок нуждается в заботе и опеке взрослого. Одной из важнейших составных частей такой заботы о ребенке является обеспечение его полноценной социализации, т.е. подготовка к взрослой жизни, формирование ребенка как достойного члена общества. Однако именно этот процесс оказывается в условиях оккупации максимально затрудненным и искаженным. Что бы оценить степень «ненормальности» социализации в условиях оккупации достаточно задаться вопросом: эффективным и приемлемым членом какого общества должен стать ребенок? Должен ли он получить навыки, которые помогут его интеграции в то общество, к которому он принадлежал до войны (и могло ли то общество остаться тем же, что и до войны) или должен усвоить навыки, способные обеспечить ему место в обществе, формируемом оккупантами?

Уже этот вопрос наглядно демонстрирует суть проблемы процесса социализации в условиях оккупации – её двойственность. При этом, проблема эта обретает еще большее значение, если мы учтем, что в задачи оккупационной администрации входит не только эксплуатация захваченных территорий, но и проведение комплекса мер морально-психологического и политико-идеологического характера, которые позволили бы повысить управляемость местного населения. Для этого им навязывается система норм и ценностей соответствующая целям и задачам оккупантов. Трансформации подвергается

практически все стороны жизни и быта местного населения, включая досуг [\[7\]](#).

В рамках данной работы нет необходимости останавливаться подробно на рассмотрении процесса социализации детей, родившихся на территории Ленинградской области после начала оккупации (они в силу возраста не столкнулись с полномасштабным разрушительным идеологическим воздействием). Однако очень важно учитывать, что все советские дети, которые на момент начала войны были старше 4-5 лет оказались в «раздвоенном мире». Одна составляющая этого мира – довоенный опыт, вторая – опыт, формируемый непосредственно оккупантами.

Прежде всего, необходимо отметить, что повседневная жизнь советских граждан (и взрослых и детей) в оккупации проходила в тяжелейших бытовых условиях, которые были следствием продолжавшейся войны. Дневники и воспоминания изобилуют описанием того как люди вынуждены были жить в сараях после того как их выселяли из их домов оккупанты. Неоднократны упоминания сожжения как отдельных домов, так и целых деревень. Один из многочисленных примеров такого отношения к советским гражданам описан в воспоминаниях Т. Ф. Ступаковой (Хохловой), 1931 г. р., жительницы д. Пелково (ныне Лужский район Ленинградской области) [\[4, с.297\]](#). Пик этих акций приходится на вторую половину 1943 – начало 1944 гг.

Советским гражданам приходилось сталкиваться с постоянными актами насилия по отношению к ним со стороны оккупационных властей (включая обстрелы во время боев, бомбардировки и целенаправленные акты устрашения и акции карателей). Порожденные этим постоянный страх, неуверенность в завтрашнем дне, нагнетаемое оккупантами чувство взаимной подозрительности и тотального недоверия – все это создавало искаженные образцы поведения, которые, вольно или невольно, осознано или нет перенимали дети.

Но с подобными трудностями сталкивались как дети оккупированных территорий, так и дети тыла. Хотя страх и боль утраты – крайне сильные эмоции, не они определяли социализацию детей в условиях оккупации. Значительно более важным (в рамках изучаемого нами процесса) стал фактор раздвоенности детского сознания. Прежде всего эта «расколотись» сознания формировалась непониманием ряда процессов. Так, например, в воспоминаниях мы читаем: «Да еще в районе действовали лжепартизаны, от которых жителям не было спасения. Они занимались грабежом и насилием. Их было трудно опознать, так как внешне они не отличались от настоящих партизан» [\[4, с.399\]](#). Однако мы можем только догадываться, как эти люди воспринимались детским сознанием непосредственно во время тех страшных событий.

Усугубляла раздвоенность сознания советских детей и немецкая пропаганда. Представляемая им информация обладала усиленным действием в условиях дефицита информации с той стороны фронта. Н.А. Ломагин выделяет в своей работе три главных направления немецкого информационного воздействия:

1. 1. Ленинград скоро падет;
2. 2. немецкая армия хорошо обращается с военнопленными;
3. 3. Германия уже фактически выиграла войну [\[16\]](#).

Разновидностью пропагандистской деятельности на оккупированных территориях стоит считать и деятельность по организации образовательного процесса. Немцы реорганизовали всю систему обучения (был пересмотрен не только список

преподаваемых дисциплин, но и их содержание и объем). Оккупационные власти открыли (а точнее перезапустили их работу) так называемые «народные» начальные школы. Н.А. Ломагин отмечает, что большинство из этих учебных учреждений было призвано давать только самые азы начальных знаний и в первую очередь призваны были обеспечить подконтрольность советских детей, а также их лояльность новой немецкой власти [\[16\]](#).

Следствием всего перечисленного выше становится переосмысление многих привычных социальных явлений. Прежде всего это касается труда и всего того, что было с ним связано. Все трудоспособное население возрастом от 14 и до 65 лет на захваченных нацистами территориях привлекалось к обязательным работам (чаще всего это были сельскохозяйственные работы, однако местное население привлекалось и для работы на захваченных советских и вновь открытых немецких предприятиях, а также на строительстве укреплений для немецкой армии, и т. п.). В ряде случаев, как отмечает Е.В. Сидорова к трудовой повинности могли привлекаться и те, кому еще не исполнилось 14 лет [\[24\]](#). Работать всем, в том числе и юным работникам приходилось по 12-14 часов в сутки.

Устройство на работу осуществлялось посредством бирж труда. Для определения на работы вводились рабочие паспорта [\[26\]](#), имевшие силу только при наличии удостоверения личности. Биржи труда назначали населению «рабочие отношения» (фактически распоряжения-наряды на выполнение тех или иных работ). По выполнении полученного объема работ (рабочих отношений) работник должен был немедленно явиться на биржу труда для получения новых.

Однако эффективность пропаганды ослаблялась действиями самих оккупантами – неоднократное наблюдение местными жителями положения советских пленных прямо опровергает второй пункт немецкой пропаганды. Более того, те страдания, которые приходилось переживать нашим согражданам на оккупированных территориях подсказывало им, что в обещаниях врага вообще нет и не может быть правды.

Немцы угоняли крупный и мелкий рогатый скот, забирали у местных жителей кур, масло, мед, овощи и фрукты. Грабеж и разрушение основ хозяйственной деятельности вызванные войной, привели к голоду на временно занятых врагом территориях Ленобласти. Первой же «оккупационной весной» людям приходится «расширять свой рацион», используя в пищу щавель, лебеду, крапиву, подорожник и прочие дикорастущие растения.

Психологический фон социализации детей в условиях оккупации

Первым фактором, значительно повлиявшим на процесс социализации всех советских детей вне зависимости от региона и условий их проживания, стало начало войны (не путать с началом оккупации). Это событие связывается с острым переживанием социальной дезориентации. Об этом упоминают многие информаторы, в частности, Николай Иванович Петров (1923 г.р.), сын крестьянина, житель деревни Борщево (сейчас территория Лужского района Ленинградской области). Воспоминания зафиксированы в августе 2002 г. Респондент вспоминает: «когда пришли домой уже после обеда, приходим – а радио было по деревне тогда проведено – вдруг радио там говорит, что война началась (так в тексте – В.Х.). Потом вдруг наехали какие-то люди. Народу нагнали со всех деревень на лошадях. Надо, говорят, копать укрепления. Какие укрепления? Фронт еще непонятно где» [\[2, 250\]](#).

При этом, начало войны прочно ассоциировалось у детей не с чувством страха. В силу их низкой информированности и малого жизненного опыта стоит скорее говорить о чувстве тревоги, один из респондентов упоминает «чувство взволнованности» – эти переживания скорее были «отзвуками» эмоций взрослых. Взрослые подбадривали детей и сами себя, уверяя, что война ненадолго, скоро кончится полной победой СССР и «немец получит». Тем не менее, дети замечали подавленность и шок взрослых: «Дядя Леня ни с того ни с сего стал гладить меня по голове своей пудовой ладонью. Отец вполголоса о чем-то разговаривал с присмирившими мужиками. Лица у всех были серые, осунувшиеся» [\[4, с. 617\]](#).

В эпизоде из воспоминаний Александры Ивановны Савиной (Николаевой), 1928 г.р., из крестьян села Марево мы видим описание попытки эвакуироваться. В годы войны её село входило в состав Ленинградской, сейчас данная территория относится к Новгородской области. Воспоминания зафиксированы в июне 2004 г. Респондент отмечает, что отступающие через их деревню красноармейцы рекомендовали её родителям как можно скорее эвакуироваться. Однако сделать это не удалось. Пытаясь перебраться через брод, семья попала под перекрёстный обстрел. Респондент не указывает почему именно было решено вернуться, но отмечает, что после пребывания в лесу (длительность не указана) рядом с переправой такое решение все же было принято. Семья вернулась обратно и в итоге оказалась в оккупации: «А когда в лесу вырыли окопы, укоренились (несколько дней всего прошло), тогда к нам снаряды начали летать: и наши, и немецкие. И тогда мы выехали на большую дорогу, на Троицу, туда, и приехали домой. Вот и вся наша эвакуация» [\[2, с. 244\]](#). Упоминают респонденты и сожжение советских деревень («А тогда мы проехали к сгоревший Жеребуд (там партизаны были, и поэтому деревню сожгли дотла» [\[2, с. 247\]](#).

У респондентов прослеживается четкая ассоциация между войной и переходом детей к взрослой трудовой жизни. Так, Роман Петрович Синельников (1929 г.р.), живший на момент начала Войны в деревне Жеребуд (ныне Лужский район Ленинградской области), из крестьян (воспоминания фиксировались в августе 2004) вспоминает: «Потом приехал кто-то (почтальон, наверное) и объявил, что началась война. Тут сразу всех мужиков забрали, а пацаны остались. Вот мы и работали» [\[2, с. 250\]](#).

Отмечается в воспоминаниях и подлинная радость освобождения: «Потом слышим: в Мерево канонада, и наши разговаривают...» [\[2, 247\]](#). Последнее можно прямо сравнить с содержанием послевоенных расследований [\[28, 29\]](#).

Очень многое в данной системе воспоминаний объясняет описание принудительного труда советских граждан. Он упоминается вскользь, скорее, как внешнее для мира респондента явление: «потом белорусов привезли сюда (это уже в 43-м). Просто молодежь в качестве рабочей силы. Они эту дорогу строили. И наши строили» [\[2, с. 241\]](#). Этот эпизод оказывается важной иллюстрацией официальных данных [\[27\]](#).

Борьба за выживание была связана с необходимостью делать страшный выбор – выполнять бесчеловечные приказы оккупационной администрации или создать опасность для жизни своих близких. Трагическую историю сохранила память уже упомянутого нами Николая Ивановича Петрова. Воспоминания зафиксированы в августе 2002 г. Респондент вспоминает: «И вот мы там сидели как-то, и вдруг кто-то пришел. Сперва и не поняли: какой-то мужик зашел туда, а потом кто-то говорит: "Чужой пришел". Подошли, посмотрели: "Ты чего? Откуда ты?" А ему нехорошо. Смотрим: кровь течет.

Откуда взялся такой мужик? Он говорит: "Я шел, шел и случайно на вашу деревню набрел. Меня расстреливали [немцы], а я очнулся ночью живой и пошел"» [\[2, с. 273\]](#). Далее респондент делает важное замечание: «Не партизаны, нет, а просто на дороге где схватят без документов» [\[2, с. 273\]](#).

При этом респондент фиксирует трагическую и неоднозначную ситуацию, ярко высвечивающую двойственность положения и двойственность самоопределения, в которых пребывало мирное население на оккупированных территориях. Родственник респондента в итоге отдает сбежавшего из-под расстрела немецким властям (в его доме на постое находились два немца, и попытка как-либо помочь беглецу, спасшемуся от расстрела, неминуемо стала бы причиной расправы над его собственной семьей). Раненый был расстрелян, а сам упомянутый респондентом мужчина (в тексте он называется «дядя Ваня») был осужден уже после войны за сотрудничество с оккупантами.

Опыт другого респондента рисует картину схожую с описанной выше. Иван Константинович Сергеев, 1925 г.р., уроженец д. Марино вспоминает: «А комендант этот был знаком с одной девкой с Сырца (2 км к ВЮВ) – такая Шураха – молодая, красивая такая была. И она с ним погуливала». «И вот как-то подъезжают они вместе на этих санках к "Красному уголку", она осталась сидеть в санках, часовой открыл, комендант заходит, встал вот так на порог, смотрит... Ну, думаю, п...-ц мне. А он говорит строго так: "Иди домой". Ну, что? Я мимо него прохожу. Часовой на улице стоит. Ну, думаю, сейчас в затылок... Нет. Так и ушел...» [\[2, с. 235\]](#). И далее: «А потом эту Шураху (ведь все, считай, девки гуляли с немцами) а вот только ее почему-то [после войны] забрали и дали десять лет. Вот она в Воркуте отсидела десять лет, вернулась сюда, больная, и умерла» [\[2, с. 235\]](#).

Искаженность восприятия проявлялась в ряде оценок. Например, те из немцев, которые не причиняли вреда непосредственно респондентам и их близким, описываются как «хорошие чужие». «Немцы разные были. Был у нас один [охранник] — он нам помогал, чем мог, разговаривал с нами доброжелательно, расспрашивал о нашей жизни (он по-русски понимал). А потом его стали отправлять на фронт. Он к нам пришел и говорит: «Другой вместо меня придет, вы с ним ни о чем не разговаривайте, а то донесет, и вас могут расстрелять» [\[2, с. 241\]](#).

И.К. Сергеев описывает и другую ситуацию. Его вызвали в комендатуру и приказали идти с немецкими подводами. После его отказа комендант приказал отправить молодого человека в подвал комендатуры, служившей военно-полевой тюрьмой. Далее респондент вспоминает: «И там я отсидел 16 суток. Мне дров приносили — там круглая печка была, я ее истоплю, а если хороший часовой попадется, так мне еще и покурить даст. Я попрошу, он штыком стекло приподнимет и мне закуренную сигарету передает. Вот такие были немцы, всякие были» [\[2, с. 235\]](#).

Однако в целом оккупация прочно ассоциируется в сознаниях респондентов с голодом: «В августе пришли немцы. Мы оказались в прифронтовой полосе, без всяких средств к существованию. К октябрю у нас не осталось никакой еды...» [\[4, с. 156\]](#). Голод усугублялся бесчеловечным обращением оккупантов с мирным населением. Например, в воспоминаниях встречается упоминание о безжалостной экзекуции карателями всей семьи за неспособность малолетних детей справиться с назначенной работой по починке дороги [\[4, с. 146.\]](#).

На фоне подобных зверств, поскольку, как мы отмечали выше, насилие по отношению к мирному населению со стороны оккупантов не ослабевало, а наоборот усиливалось по мере интенсификации действий РККА Ленинградской области, дети с оккупированных территорий, проявляли все большую неприязнь к врагам, а вслед за этим и готовность бороться с ним и помогать партизанам. Как правило, для этого выбирались пассивные способы борьбы: сбор сведений, мелкий саботаж, помощь партизанам и их семьям и пр.

Так, Анна Николаевна Петрова (Герасимова) 1929 г.р. из крестьян деревни Борщево, Ленинградская область (воспоминания фиксировались в 2002 г.) рассказывает следующее: «Мы знали, что у нашего соседа — трехлетнего Коли — отец цыган. Да не просто цыган, а красный командир. Поэтому мы его всегда прятали, когда немцы появлялись. Лично я прятала: помогала забраться в русскую печку и заставляла все чугунами (были у нас для этого специальные ухваты)» [\[2, 320\]](#).

В некотором смысле, поражает легкость пересечения границ между социальными статусами: «... и вот мальчишки туда (в партизаны – В.Х.) ушли, а нас, девчонок, тогда не взяли, нас взяли только в конце 43-го года. Тоже пришел [парень] (он дружил с моей подружкой, соседкой) и позвал в партизаны. Вот и пошли мы с подружкой и ребята, которые помоложе...» [\[2, с. 242\]](#).

Но самое важное, что партизаны также воспринимались как неоднородная группа. Особое расположение получали те партизаны, которые были земляками жителей той или иной деревни, таких охотнее принимали, прятали, им охотнее помогали: «А партизаны придут, посидят, потреплются — свои ведь ребята были: с Выбора (2 км. к В), с Сырца — заодно и перекусят».

Выводы

В текстах воспоминаний всплывают аспекты частной жизни, имеющие значимость для индивида (именно тут проявляется фундаментальная дихотомия частного восприятия и общественной оценки – то, что было ценно и значимо для индивида в конкретных условиях – могло не получать официального общественного (и тем более правового) санкционирования). Изучение текстов воспоминаний позволяют выявить фундаментальные факторы социализации детей на оккупированных территориях. При этом данные такого рода не были да и не могли быть зафиксированы в официальных документах.

Анализируя воспоминания, мы явственно видим амбивалентность процесса социализации в описываемых нами экстремальных условиях. С одной стороны, происходит адаптация ребенка к жесткой и безжалостной реальности. С другой стороны, в сознании детей формируется своего рода альтернативный набор ценностных ориентиров. Тексты воспоминаний "детей оккупации" фиксируют мучительный выбор между стремлением выжить и стремлением сохраниться как личность.

В отличие от блокадного Ленинграда, где голод был доминирующим фактором существования, на оккупированных территориях Ленинградской области он ощущался не так остро. Дети на этих территориях вынуждены были не столько бороться за свое физическое выживание (хотя и это было насущной потребностью), сколько адаптировать свою жизнь к новым, враждебным социальным условиям. Особо стоит отметить, что у них было время и силы для осмысления собственного положения и жизненного опыта.

В силу этого картина мира ребенка в условиях оккупации как бы раскалывается или точнее фрагментируется. С одной стороны, человек остается носителем ценностей и

установок, вынесенных из мирной жизни, а с другой, вынужден адаптироваться и принимать навязываемые ему оккупантами, чуждые ему образцы поведения. Кроме того, оккупация для мирного населения всегда связана с потерей (полной или частичной) прежнего устойчивого социального статуса (маргинализацией).

Неопределенность статуса детей и подростков, регулярное наблюдение за попытками старших сделать выбор между сохранением «верности» своим родственникам, друзьям и землякам (тем, кто составляет непосредственное социальное окружение) и сохранением лояльности родному государству, необходимость выстраивать свою жизнь в соответствии с требованиями чужой власти - все это приводило к жесточайшим внутренним конфликтам. Именно эти конфликты в свою очередь и стали фундаментом социализации маленьких жителей Ленобласти, определив её специфику.

Библиография

1. Архипова, Е. В. Сталинградцы в Белой Калитве: практики выживания детей // Значение сражений 1941-1945 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3-6 июня 2015 г.). 2015. С. 192-199.
2. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области (воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий) / сост. А. В. Виноградов, А. Плейжер. - СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2005.
3. Буряк, Е.М., Свистова, Н.В. Организация системы функционирования детских домов и специальных учреждений в городе Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. №4. С. 28-35.
4. За блокадным кольцом: сборник воспоминаний жителей Ленинградской области времен германской оккупации, 1941-1944 гг. / Автор-сост. Иванова И.А. - СПб.: Вести, 2007.
5. Караваев, В.В. В бою и труде: подростки в Великой Отечественной войне. - М.: Молодая гвардия, 1982.
6. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период оккупации. - М.: Молодая гвардия, 2011.
7. Ковалёв, Б.Н. Досуг как форма пропаганды на оккупированной нацистами территории России (1941-1944) // РСМ. 2016. №2 (91). С. 169-179.
8. Кодан, С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования 2014 №3. Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. свободный. Заглавие с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 08.08.2022).
9. Красноженова, Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации северо-запада России (1941-1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №4 (69). С. 51-57. DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057
10. Красноженова, Е. Е. Детские учреждения Ленинградской области в условиях оккупации: 1941-1944 ГГ. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. №1 (74). С. 22-27.
11. Красноженова, Е.Е. Оккупанты и дети: 1941-1944 гг. (на материалах северо-запада России) // Ученые записки НовГУ. 2022. №4 (43). С. 428-433.
12. Крившенко, Л.П., Юркина Л. В., Борзов О. А. Понятие социализация как путь выхода из методологического кризиса педагогической науки // Общество:

- социология, психология, педагогика. 2020. №5. С. 148-152.
13. Кринко, Е. Ф. Детство военных лет (1941-1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. №4. С. 34-54.
14. Кринко, Е.Ф. Человек на войне: что о нем пишут исследователи и что он сам рассказывает о себе // Новое прошлое. 2020. №4. С. 8-24.
15. Кудинов В.А. Детское движение по обе стороны фронта// Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. №1. С. 160-165.
16. Ломагин, Н.А. Неизвестная блокада. - СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002.
17. Малхасян, Н.В. Опыт трудового воспитания и профессионального обучения школьников в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С. 26-27.
18. Малышева, Н.А. Влияние идеологического фактора на социализацию детей в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. №16-3. С. 239-249.
19. Носова, М.С. Особенности детства в тыловом Сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. №2. С. 58-61.
20. Пянкевич, В.Л. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда.- СПб.: Владимир Даль, 2014.
21. Пянкевич, В.Л. Власть и рынок в блокадном Ленинграде. Российская история. 2017. №6. С. 52-66.
22. Ромашова, М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20). С. 172-178.
23. Рыблова, М.А. Территория детства в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №4 (28). С. 37-50.
24. Сидорова, Е.А. Трудовые повинности населения на оккупированной территории ленинградской области, 1941-1944 гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. №21. С. 50-53.
25. Смирнов, В. И. Подвиг советского крестьянства. Деятельность Калинин. парт. организации в колхоз. деревне в годы Великой Отеч. Войны. М.: Московский рабочий, 1976.
26. Центральный государственный Архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. Р-3355. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-10.
27. Центральный Государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-992л. Оп.3. Д. 44. Л. 7.
28. ЦГАИПД СПб Ф. Р-489л. Оп. 3. Д. 44. Л.5.
29. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 81. Л. 3-6.
30. Юденков, А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.). – М.: Мысль, 1971.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Близится восьмидесятилетний юбилей победы в Великой Отечественной войне, одной из самых масштабных событий в истории нашей страны. В событиях 1941-1945 гг. поистине воедино слились драматическое и героическое, а битва за Москву, Сталинград, блокада Ленинграда вошли золотыми страницами в военную историю нашей родины. Трагическая повседневность военных лет уже не одно десятилетие привлекает внимание литераторов, публицистов, профессиональных историков. В то же время отдельные события военных лет, несмотря на определенную изученность, имеют отдельные «белые пятна», ликвидация которых возможна только с помощью опоры на архивные материалы. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является социализация детей на оккупированной территории Ленинградской области в 1941-1944 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать изучение детской социализации на оккупированных территориях, рассмотреть социально-политические условия социализации детей на оккупированных территориях, показать психологический фон социализации детей в условиях оккупации. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта».

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать социализацию детей и подростков на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941-1944 гг. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Центрального государственного Архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга, а также опубликованными воспоминаниями. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Б.Н. Ковалева, Е.Е. Красноженова, Е.Ф. Кринко, Н.А. Малышевой, в центре внимания которых различные аспекты детства военных лет. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Великой Отечественной войны, в целом, так и повседневностью военных лет, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в советское время, в силу ряда причин политического, идеологического и, даже, историко-методологического характера, исследования «не героических» аспектов битвы за Ленинград почти не проводились». В работе показано, что «изучение текстов воспоминаний позволяют выявить

фундаментальные факторы социализации детей на оккупированных территориях». Автор обращает внимание на «амбивалентность процесса социализации в описываемых нами экстремальных условиях»: фактически «перед нами мучительный конфликт между стремлением выжить и стремлением сохраниться как личность».

Главным выводом статьи является то, что в условиях оккупации «с одной стороны, человек остается носителем ценностей и установок, вынесенных из мирной жизни, а с другой вынужден адаптироваться и принимать навязываемые ему оккупантами образцы поведения».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в рамках различных спецкурсов.

К статье есть замечания, прежде всего касающиеся стилистики: необходимо вычитать текст, устранив многочисленные опечатки. Так, в тексте у автора значится: «Перед нами мучительный конфликт между стремление выжить и стремлением сохраниться как личность», «В отличии от блокадного Ленинграда, где голод был абсолютным и превалирующим фактором существования, дети на оккупированных территориях Ленинградской области не столько вынуждены были радикально адаптировать свою жизнь к новым, враждебным социальным условиям», «с одной стороны, «дети оккупации» не испытывали не были вынуждены подчинить всю свою жизнь борьбе с голодом и смертью».

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Факторы социализации детей на оккупированной территории Ленинградской области в 1941–1944 гг.»

Предмет исследования – факторы социализации детей Ленинградской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны.

Методология исследования базируется на принципах системности, научной объективности и историзма. Применялись комплексный, историко-системный, проблемно-хронологический и др. методы.

Актуальность исследования обусловлена тем, как пишет автор статьи «негероические темы периода войны» в силу целого ряда объективных и субъективных причин не рассматривались и не изучались историками, которых в основном «интересовали факты героического сопротивления нацизму». Автор пишет, что «Быт жизни людей на оккупированной территории изучались как фон военного и трудового подвига, в этом же ключе исследовался и быт детей на оккупированных территориях». Война принесла неисчислимые страдания советским людям, оказавшимся на оккупированной территории, и если, пишет автор, «факты разрушений (в том числе и преднамеренные разрушения культурных объектов) и насилия над советскими гражданами зафиксированы целым рядом документов и довольно хорошо изучены, то вопрос о том, какой разрушительный заряд оставила после себя оккупация в душах советских детей все еще нуждается в системном изучении». Актуальность этой темы обусловлена тем, что изучение жизни детей на оккупированной территории, проблемы их социализации должны показать, важность победы нашей страны над фашизмом и более полного и системного изучения

истории Великой Отечественной войны.

Научная новизна работы обусловлена постановкой проблемы и задач исследования. Новизна статьи заключается также в том, что данная статья фактически первая работа, в которой исследуются факторы социализации в условиях оккупации и практики выживания.

Автор пишет, что целью работы «является выявление базовых факторов, то есть, ключевой системы условий социализации детей и подростков на оккупированных территориях Ленинградской области в 1941-1944 гг.».

Стиль, структура, содержание. Стиль работы научный, также в работе есть элементы описательности, без чего показать жизнь в условиях оккупации было бы невозможно. Структура работы направлена на достижение цели работы и ее задач. Работа состоит из введения, двух разделов: Социально-политические условия социализации детей на оккупированных территориях; Психологический фон социализации детей в условиях оккупации и выводов. Во введении автор показывает актуальность темы, показывает какие вопросы были приоритетны при изучении темы Великой Отечественной войны в советский и постсоветский период. Отмечает, что вопросы военной повседневности, жизни людей на оккупированной территории стали разрабатываться в начале 2000-х годов. Автор подчеркивает, что «в это же время оформляется и история военного детства» и отмечает, что изучение детской социализации на оккупированных территориях давно сложившееся поднаправление истории детской военной повседневности». Это направление представлено двумя группами исследователей. «Первая группа концентрирует свои усилия вокруг изучения повседневных практик (прежде всего практик выживания)», а «вторая группа исследователей анализирует участие детей в социально-экономической деятельности взрослых и/или социально-экономическую и политико-правовую деятельность взрослых направленную на детей». Содержание разделов полностью отражено в названиях. Автор приводит выдержки из воспоминаний респондентов, которые показывают все сложность и неоднозначность жизни на оккупированной территории, страх, любопытство детей, искаженность восприятия реальности и т.д. Выводы исследователя объективны и вытекают из проделанной работы.

Библиография работы достаточно обширна и содержит 30 источников: это материалы из архивов, работы, посвященные теме исследования и смежным темам, в их числе работы Е.Е. Красноженовой, Е.Ф. Кринко и др.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Разинков С.Л. — Поведенческие практики как маркер социокультурного портрета учащихся государственных трудовых резервов СССР (1940-50-е гг.) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 157 - 173.
DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68880 EDN: ZBHEZD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68880

Поведенческие практики как маркер социокультурного портрета учащихся государственных трудовых резервов СССР (1940-50-е гг.)

Разинков Сергей Львович

ORCID: 0000-0002-0018-7931

кандидат исторических наук

доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета; доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Российского государственного профессионально-педагогического университета

620012, Россия, Свердловская Обл. область, г. Екатеринбург, ул. Машностроителей, 11, ауд. 509

✉ sergerazinkov@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68880

EDN:

ZBHEZD

Дата направления статьи в редакцию:

04-11-2023

Аннотация: Создание в 1940 г. государственных трудовых резервов СССР сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, которая до настоящего времени остается практически не изученной. Цель статьи – определить структуру и состав поведенческих практик, как элемента официального и неформального портрета учащихся государственных трудовых резервов. Методологической базой исследования выступали система социальных действий Т. Парсонса, концепции вариативности повседневных практик А. Людтке и дихотомии «норма/аномалия» в советской повседневности Н.Б. Лебиной. В работе применялся синтез макро- и микроподходов исторического исследования, направленных на выявление поведенческих практик индивида, выделенных на основе анализа различных источников: правовых актов, распорядительных и других официальных

делопроизводственных документов, эго-документов. Результаты исследования являются: 1) идентификация и классификация поведенческих практик учащихся исходя из структуры социального действия (на единичные акты, процедуры и стратегии поведения), по содержанию деятельности, частоте применения и отношению к общественным институтам; 2) разработка и описание структурно-функциональной модели поведенческой практики, содержащей функций контроля и коррекции (на примере практики непосещения занятий учащимися); 3) выявление и обоснование особенностей поведенческих практик с точки зрения маркеров социокультурного портрета учащихся трудовых резервов (взаимосвязанность, динамичность, зависимость от типа учебного заведения). Результаты исследования могут использоваться при исследовании повседневности и социокультурного портрета учащейся молодежи в советский период.

Ключевые слова:

трудовые резервы, социокультурный портрет, поведенческие практики, функциональная модель, непосещение занятий, профессионально-техническое образование, Свердловская область, ремесленные училища, школы ФЗО, субкультура учащихся

1. Введение = Introduction

Создание государственных трудовых резервов СССР (1940–1958 гг.) сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, представители которой зачастую различались по своему социальному облику, культурно-бытовому укладу, жизненному опыту, личностным представлениям и целям. Подростки из колхозов и освобожденные от наказания молодые заключенные, городская молодежь и переброшенные из других регионов страны призывники вынуждены были длительно совместно существовать в относительно замкнутом мире. Объединенные полувоенной системой в учебные группы, они вступали в сложную систему коллективных и межличностных коммуникаций, формируя субкультуру, многие элементы которой были далеки от «парадного» портрета учащегося, то есть официального образа, который задавала система государственных трудовых резервов. Реальные условия жизни в учебных заведениях сформировали иной, «непарадный» образ учащегося, включающий те черты, которые обеспечивали выживание, отражали многообразие жизненных проблем, запросов, требований.

Основу реконструкции портрета учащихся системы государственных трудовых резервов составляет выделение маркеров субкультуры в оптике парадности и непарадности. К таким маркерам относятся и поведенческие практики, которые (наряду с социально-демографическими характеристиками, культурными ценностями и внешним обликом учащихся) позволяют представить демографический, психологический и социокультурный облик учащихся [\[3, с. 67–69\]](#).

Под поведенческими практиками на данном этапе исследования мы понимаем относительно устойчивые модели (паттерны) поведения индивидов и социальных групп, как правило, многократно воспроизводимые ими в типичных жизненных ситуациях. Многообразие жизненных ситуаций обуславливает широту и, в некоторой степени, дуалистичность проявления поведенческих практик, которые, являясь разновидностью социальных практик, могут быть коллективными и индивидуальными; преимущественно повседневными, институциональными, устойчивыми до хабиутализации, но также незаурядными, протестными и вариативными; вовлекающими актора в качестве субъекта или объекта.

В современной историографии сформировалось понимание важности проблемы обращения к субкультуре и социокультурным характеристикам (включая поведенческие практики) будущих молодых рабочих, однако применительно к системе государственных трудовых резервов эта проблема остается не решенной – практически отсутствуют специальные исторические исследования по ней.

Цель статьи – определить структуру и состав поведенческих практик, как элемента официального и неформального портрета учащихся государственных трудовых резервов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Концептуальной основой анализа поведенческих практик учащихся учебных заведений государственных трудовых резервов могут выступать система социальных действий Толкотта Парсонса (Talcott Parsons) и работы Альфа Людке (Alf Lüdtke) по истории повседневных практик рабочих Германии. Так, Т. Парсонс рассматривал генетической единицей социального действия поведенческий акт, структуру которого составляют: 1) актор (индивид или коллектив, являющийся субъектом или объектом действия); 2) цель (желательное для актора состояние после совершения действия); 3) ситуация, включающая средства достижения результата, объективные условия и нормативный стандарт выбора образцов поведения [\[8, с. 94-95, 138-139\]](#). Поведенческие практики учащихся могут рассматриваться и в контексте повседневных практик, которые А. Людке определял как поведение, посредством которого действующие лица (акторы) чувственно-практическим образом осваиваются с условиями своей жизни (выживания), демонстрируя в рамках «силового поля» социальных связей многогранный, редко однозначный профиль поведения и эмоций, т.к. «возможности выбора не являются всегда заранее заданными и потому принципиально ограниченными» [\[5, с. 58-63\]](#).

Применительно к реконструкции портрета учащихся системы государственных трудовых резервов на основе идентификации поведенческих практик по шкале перехода от «парадности» к «непарадности» представляет интерес дихотомия «норма/аномалия», использованная Н.Б. Лебиной в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности [\[4, с. 7-10\]](#).

В конкретно-исторических исследованиях изучение поведенческих практик персон и социальных групп зачастую основано на описании *ad hoc*, относящимся к ограниченным историческим периодам, процессам и социальным группам, однако некоторые из описанных практик могут быть использованы и при анализе поведения учащихся трудовых резервов. Например, О.С. Нагорная отмечает ряд особенностей поведенческих практик русских военнопленных Первой мировой войны в Германии: влияние на поведение «шока приема»; направленность практик на пассивное / активное приспособление и скрытое / открытое сопротивление лагерному режиму; различие стратегий поведения в зависимости от локализации места трудовой деятельности (промышленное предприятие или сельская команда), времени пленения (организационный хаос и жестокое обращение на начальной стадии развития лагерной системы и отлаженный механизм в более поздний период) и статуса (рядовые или офицеры) военнопленных; трактовка практик употребления алкоголя и курения, как форму бегства от действительности [\[7, с. 237-252\]](#).

Вопросам социальных практик учащихся трудовых резервов посвящен лишь ограниченный круг научных работ. Например, британский исследователь О. Кучеренко, рассматривая государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской

тоталитарной системы, приводит примеры некоторых поведенческих практик учащихся, в первую очередь, связанных с пассивным или открытым сопротивлением: «поскольку государственный террор препятствовал эффективным социальным действиям и запрещал любые формы открытого протеста, реакции подростков были различными: не сумев добиться каких-либо существенных изменений в их положении с помощью институциональных средств, некоторые стали деморализованными и апатичными, в то время как другие «дезертировали», убежав из своих школ» [\[11, p. 394\]](#).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Классификация поведенческих практик

Исходя из структуры социального действия применительно к данному исследованию нами выделены несколько видов поведенческих практик – акты, процедуры и стратегии поведения, характеристики которых представлены в Табл.1.

Таблица 1

Виды поведенческих практик

	Время	Цель актора	Ситуация
Единичный акт	Осуществляется в течение непродолжительного временного периода (от нескольких минут до дней)	Конкретна, детерминирована ситуацией, зачастую предварительно не сформулирована	Выбор средств ограничен, условия элементарны, нормативный стандарт выбора зачастую дихотомичен
Процедура	Совокупность нескольких циклично повторяющихся аналогичных актов средней временной продолжительности (от нескольких дней до месяцев)	Конкретна, связана с типичной жизненной ситуацией или является промежуточной задачей в стратегии	Условия стереотипны (иногда до рутинизации и даже хабиутализации деятельности), стандарты выбора допускают вариацию действий акторов
Стратегия	Как правило, требует длительного временного периода (от нескольких месяцев)	Глобальна по масштабам, имеет комплексный характер, включает в себя последовательность частных целей	Развивается в обстановке неопределенности под влиянием действий многих акторов, характеризуется разнообразием условий и вариативностью средств

Единичный акт поведения представляет собой мельчайшую единицу конкретной системы социальных действий, при которой индивидуальный актор взаимодействует с ситуацией. Зачастую единичные акты поведения составляют процедуры и стратегии поведения, но также могут представлять собой спорадические действия, в том числе не предусмотренные действующими правилами, нормами или культурными стандартами. Например, зам. директора по политчасти школы ФЗО №3 (г. Дегтярск) Шарипова в декабре 1941 г. упоминала следующий случай: «Сидит в столовой мальчик эвакуированный, ему подали обед. Подходит мальчик из местных ребят к нему, берет его за шиворот и отбросил, а сам сел обедать, говоря, что он работал, а ты – два месяца бездельничал и не имеешь права в первую очередь обедать» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 35, д. 299, л. 93].

Для поведенческих процедур, несмотря на их типичность, повторяемость и детерминированность нормативными стандартами, характерна вариативность действий – то, что А. Людтке применительно к промышленным рабочим назвал термином *Eigensinn* (дословно – «упрямство», «своенравие»), а С.В. Журавлев трактует, как отстаивание работником определенной автономии на рабочем месте, форму «вынужденной» адаптации к процессам труда в условиях отсутствия абсолютной зависимости от начальства [\[2, с. 20-21\]](#).

Под стратегиями поведения мы понимаем определенную последовательность мыслительных и поведенческих действий, направленных на достижение основных, базовых целей по освоению персоны с условиями своей жизни или выживанию. Эти стратегии могут быть направлены, как на приспособление к существующим условиям (например, на достижение успеха в учебе, труде, спорте) или избавление от создавшейся ситуации (например, посредством «дезертирства», организации побега из учебного заведения). Последнее прослеживается, в том числе, в эго-документах – так, например, в письме учащегося РУ № 4 (г. Нижний Тагил) Серебрякова, перлюстрированном военной цензурой НКГБ СССР в 1943 г., содержится указание на возможные способы избавления от невыносимых условий жизни и труда в училище: «Кормят нас гнилой картошкой и капустой. В общежитии холодно. Обуви не дают, на завод хожу чуть ли не босиком. Ноги все в болячках и нарывах, как ночь, так и реву. Все равно убегу, если не убегу, то сам себя прикончу, только жить здесь не буду» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 51, л. 87].

Разнообразные поведенческие практики учащихся, примеры которых приведены в табл. 2, отражены в правилах внутреннего распорядка учебных заведений, распорядительных документах Главного (ГУТР) и Свердловского областного управления трудовых резервов, а также в стенограммах совещаний директоров, зам. директоров по политчасти училищ и школ ФЗО.

Таблица 2

Примеры поведенческих практик в учебных заведениях государственных трудовых резервов

Поведенческие практики		по частоте применения	
		повседневные	неповседневные
	Теоретическое обучение	приготовление уроков в течение 1,5-2 часов в день	индивидуальные обязательства учащегося по учебе (например, учиться

Образовательные			только на «отлично»)
	практическое обучение (в учебных мастерских / на заводе)	поверка группы, инструктаж перед началом занятия	самостоятельное обслуживание агрегата, участка работы; фронтовые бригады, движение тысячников
	идеологическое воспитание	проведение политинформации; читки газетных статей в общежитии	участие в демонстрациях в праздничные даты; вступление в комсомол
	военно-физкультурная подготовка	строевая подготовка	спортивные соревнования
Бытовые	совместное проживание в общежитии	содержание в чистоте кроватей и тумбочек в комнате	организация учащимися комендантского поста на этажах
	питание	трехразовое питание учащихся с равномерными промежутками в течение дня; уборка за собой посуды после еды	общественный контроль учащихся за «закладкой продуктов в котел» на кухне
	одежда и внешний вид	чистка одежды и обуви каждое утро	выполнение парадных фотографий; ношение значков, дорогих часов, украшений
	сон и отдых	15-30-минутная прогулка на свежем воздухе перед отходом ко сну	недостаток сна из-за переработки (практики не покидать рабочее место, пока не будет выполнена норма) или плохих бытовых условий
	личная гигиена	ежедневно мыть утром и вечером руки, лицо, шею; чистить зубы	для посещения уборной вне здания в ночное время учащиеся пошили общественный халат из старого одеяла
	здоровье и болезнь	утренняя физическая зарядка	действия по борьбе с курением
	художественная		участие в

Досуговые	самостоятельность, кружковая деятельность	регулярное посещение кружков	организации концерта или выставки
	развлечения; индивидуальные увлечения в свободное время	чтение художественной литературы и газет	поход в кино, театр
Коммуникативные	с другими учащимися	помощь товарищу, оказавшемуся в трудной ситуации	товарищеский суд
	с преподавателями, мастерами, руководителями учебного заведения	называть всех работников училища по имени и отчеству и всегда на «Вы»	установление неформальных, дружеских отношений
	с родителями и родственниками		посещение учащегося родителями и родственниками по субботам или предпраздничным дням
	с «внешним миром»	быть вежливым со всеми; уступать место в общественном транспорте	помощь семьям военнослужащих по хозяйству, уход за ранеными в госпитале

Таблица 2. Продолжение

Поведенческие практики		по отношению к общественным институтам	
		неформальные	неповседневные
Образовательные	Теоретическое обучение	приготовление уроков в течение 1,5-2 часов в день	индивидуальные обязательства учащегося по учебе (например, учиться только на «отлично»)
	практическое обучение (в учебных мастерских / на заводе)	проверка группы, инструктаж перед началом занятия	самостоятельное обслуживание агрегата, участка работы; фронтовые бригады, движение тыщачников
	идеологическое воспитание	проведение политинформации; читки газетных статей в общежитии	участие в демонстрациях в праздничные даты; вступление в комсомол
	военно-		

	физкультурная подготовка	строевая подготовка	спортивные соревнования
Бытовые	совместное проживание в общежитии	содержание в чистоте кроватей и тумбочек в комнате	организация учащимися комендантского поста на этажах
	питание	трехразовое питание учащихся с равномерными промежутками в течение дня; уборка за собой посуды после еды	общественный контроль учащихся за «закладкой продуктов в котел» на кухне
	одежда и внешний вид	чистка одежды и обуви каждое утро	выполнение парадных фотографий; ношение значков, дорогих часов, украшений
	сон и отдых	15-30-минутная прогулка на свежем воздухе перед отходом ко сну	недостаток сна из-за переработки (практики не покидать рабочее место, пока не будет выполнена норма) или плохих бытовых условий
	личная гигиена	ежедневно мыть утром и вечером руки, лицо, шею; чистить зубы	для посещения уборной вне здания в ночное время учащиеся пошили общественный халат из старого одеяла
	здоровье и болезнь	утренняя физическая зарядка	действия по борьбе с курением
Досуговые	художественная самодеятельность, кружковая деятельность	регулярное посещение кружков	участие в организации концерта или выставки
	развлечения; индивидуальные увлечения в свободное время	чтение художественной литературы и газет	поход в кино, театр
	с другими учащимися	помощь товарищу, оказавшемуся в трудной ситуации	товарищеский суд
	с преподавателями, мастерами, руководителями	называть всех работников училища по имени и отчеству	установление неформальных, дружеских

Коммуникативные	учебного заведения	и всегда на «Вы»	отношений посещения учащегося родителями и родственниками по субботам или предпраздничным дням
	с родителями и родственниками	с «внешним миром»	быть вежливым со всеми; уступать место в общественном транспорте
			помощь семьям военнослужащих по хозяйству, уход за ранеными в госпитале

Несмотря на разнообразие, вариативность, ситуативность и, во многих случаях, стихийность [\[10, с. 581-590\]](#) социальных практик вообще и поведенческих практик учащихся, в частности, нам представляется возможным и необходимым для дальнейшего исследования разработать унифицированную структуру поведенческой практики (не с точки зрения психологии деятельности, а исходя из возможностей реконструкции «парадного» и «непарадного» портрета учащихся на основе содержания доступных исторических источников).

3.2. Структурно-функциональная модель поведенческой практики учащихся трудовых резервов

Формализация структуры поведенческих практик возможна посредством создания модели, направленной на выделение составляющих их базовых функций и взаимосвязей между ними. Для функционального моделирования традиционно применяется графическая нотация IDEF0, в которой функции системы и взаимосвязи между ними представлены, соответственно блоками и интерфейсными дугами. Каждая сторона функционального блока имеет стандартное значение, однозначно определяющее роль примыкающей к ней дуги: вход (слева), содержит множество материальных объектов или информационных потоков, которые преобразуются функцией в выходы (справа) посредством механизмов (снизу), отражающих оборудование и персонал, и при наличии управления (сверху), представляющего собой ограничительную и предписывающую информацию, регламентирующую деятельность системы [см. подробнее: 6].

Системой государственных трудовых резервов, естественно, культивировались поведенческие практики, являющиеся неотъемлемой частью «парадного портрета» учащегося, в том числе обязанность посещать занятия и серьезно относиться к учебе. Так, в правилах внутреннего распорядка учебных заведений отмечалось, что учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО обязаны «упорно и настойчиво учиться, чтобы стать квалифицированными и культурными рабочими и принести как можно больше пользы своей Советской Родине». При этом все учащиеся «обязаны явиться к месту учебно-производственных занятий в учебные мастерские и аудитории за 15 минут до начала занятий» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 20, л. 1].

Однако в официальных документах трудовых резервов 1940-50-х гг. зачастую упоминается об отступлении учащихся от этих требований – распространенной практике прогулов учебных занятий. Например, начальник Свердловского областного управления государственных трудовых резервов А.Ф. Путинцев в докладе на совещании директоров школ ФЗО отмечал, что «на 2 января [1941 г.] из полного состава 8400 чел. по школам

ФЗО мы имеем на занятиях всего 6642 чел., свыше полутора тысяч ребят на занятиях не присутствовали. Спрашивается, где были эти 20% нашего контингента?» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 2, л. 3].

Рассмотрим структуру поведенческой практики учащихся, связанной с непосещением занятий. На первом этапе функциональная модель формируется в виде контекстной диаграммы, в которой определяются основные выходные и входные параметры, но остается неизвестным внутреннее устройство системы (см. рис. 1)

Рис. 1. Функциональная модель поведенческой практики прогулов занятий учащимися (контекстная диаграмма)

Входы поведенческой практики отражают полимотивированность любого социального поступка, к которому персону побуждают целый комплекс индивидуальных, групповых и социальных мотивов, в которые «непременно включается этика» [9, с. 181-182]. Прогоулы занятий учащимися учебных заведений трудовых резервов, как свидетельствуют делопроизводственные и эго-документы, также были обусловлены несколькими факторами, например: 1) недовольством «выбором» будущей профессии («...учащихся разбили по профессиям. С этого момента начала проявляться среди учащихся недисциплинированность... Они говорят, зачем учиться, когда эту специальность можно иметь, не тратя времени на учебу» [ГАСО, ф. Р-2033. оп. 1, д. 1, л. 11, 12 об.]); 2) необеспеченностью спецодеждой и обувью («учеба не блещет хорошими показателями. Многое зависит от обуви. Плохая обувь – ребята не хотят идти на работу, каждого обеспечить не можем» [ГАСО, ф. Р-2033. оп. 1, д. 1, л. 11]); 3) неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями («в общежитии холодно, света нет, постирать и помыться негде... смены белья нет, средств тоже нет. Жизнь хуже, чем у первобытных людей» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 51, л. 87]); 4) физическими и психологическими особенностями («[некоторые учащиеся] не могут работать, потому что слишком слабы по физическому развитию... один раз сходили в шахту, посмотрели, когда перфоратор весит

25 кгр, его надо держать на высоте 1,5 метра, а они его поднять не могут» [ГАСО, ф. Р-2033. оп. 1, д. 2, л. 31]); 5) слабым надзором и контролем («в школе ФЗО № 9 Уралмаша мало уделяют внимания учащимся, ... они предоставлены сами себе» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 201, л. 162]); и т.д.

Среди управляющих воздействий, определяющих условия и ограничения реализации функции, упомянем то, что исследователи называют групповым опытом преодоления жизненных неурядиц [1, с. 213] или «силой примера» [10, с. 560], т.е. в нашем случае – коллективный опыт и традиции группы учащихся, не подпадающие под действие механизмов формального контроля. О подобных коллективных действиях учеников по прогулам занятий упоминается, например, в письме мастеров Красноуральской школы ФЗО №1, направленном в газету «Труд»: «Учащиеся систематически не посещают п[роизводственное] о[бучение]. Как они выражаются «бастуем». Так гр[уппа] м[асте]ра Закирова не выходила в начале февраля [1955 г.] 7 дней и перед этим 3 дня. А журналы заполнены. Без потерь...» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 383, л. 127].

3.3. Реализация функций контроля и коррекции на примере практики непосещения занятий

В основной диаграмме модели поведенческой практики (рис. 2) особое внимание уделяется функциям контроля и коррекции.

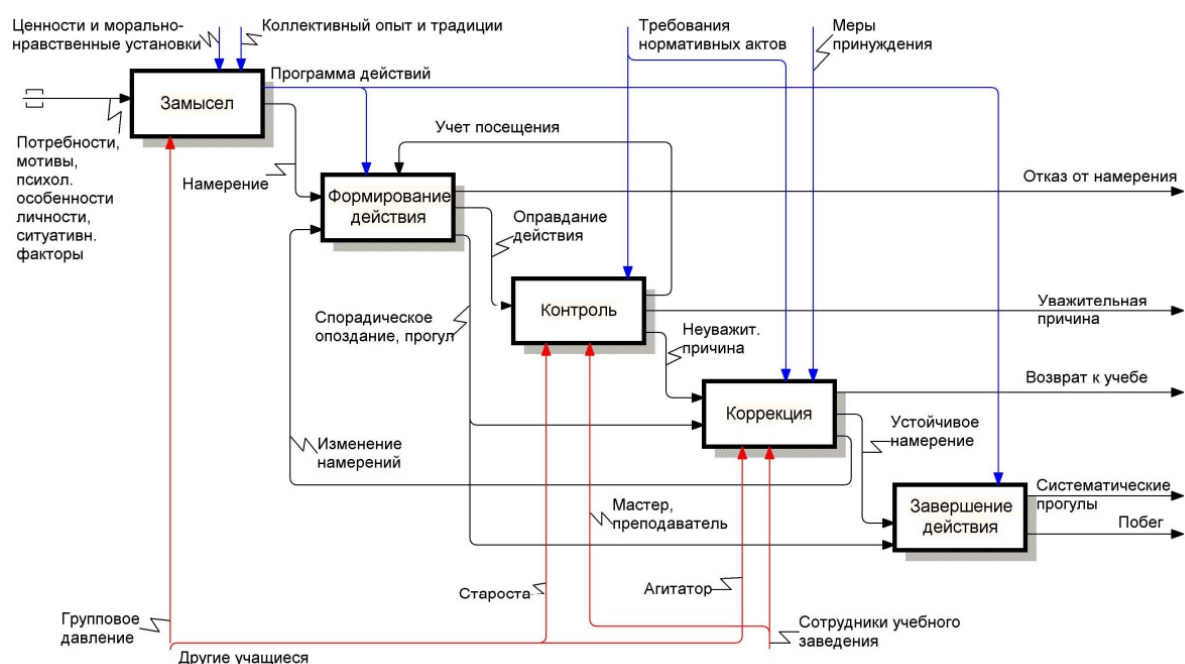

Рис. 2. Функциональная модель поведенческой практики прогулов занятий учащимися (декомпозиция на диаграмме первого уровня)

Функция **контроля** поведенческой практики со стороны учебного заведения направлена на подкрепление позитивных практик, предупреждение потенциально возможных отклонений от них, а также выявления и учета совершенных учащимися нарушений дисциплины и правил внутреннего распорядка. В случае с посещением учебных занятий и производственной практики основным механизмом контроля выступают классные журналы учебных групп, в которых мастера и преподаватели вели «учет посещаемости учащихся по урокам и текущую оценку успеваемости» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 20, л. 20]. Функция контроля осуществлялась также посредством оценки за поведение учащегося, введенной в учебных заведениях трудовых резервов именно «в целях укрепления дисциплины»: балл «5» ставился «за безупречное поведение учащегося и

строжайшее выполнение им правил внутреннего распорядка» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 86, л. 120].

В попытке обойти механизмы контроля учащиеся стремились оправдать допущенные ими единичные случаи нарушения дисциплины (опоздания и прогулы занятий) уважительными или объективными причинами: отсутствием необходимой одежды и обуви, задержкой с получением питания в столовой, заболеванием и т.д. Например, в информационных сведениях (политдонесении) Мурманского областного управления трудовых резервов в 1949 г. отмечалось, что «во всех школах десятки учащихся симулируют болезнь и не выходят на производственное обучение... Симулируя болезнь, некоторые учащиеся... требуют врача для осмотра состояния здоровья. Когда был проведен осмотр и они были признаны совершенно здоровыми, эти учащиеся заявили, что «врачи ничего не понимают» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 237, л. 43].

Функция **коррекции** поведенческой практики предполагает действия, предпринятые учебным заведением для устранения обнаруженных несоответствий в поведении учащихся. В делопроизводственной документации трудовых резервов упоминается действий, связанных с коррекцией прогулов.

1. Беседы с прогульщиками – от индивидуальных, которые проводили с нарушителем другие учащиеся (старосты и агитаторы) или работники учебных заведений (воспитатель, мастер производственного обучения, преподаватель, зам. директора по политической части и т.д.), до фронтальных, со всеми учениками для повышения их мотивации к учебе. Последние касались, преимущественно профессиональной ориентации – например, в упомянутом выше докладе А. Ф. Путинцева отмечалось: «...надо прямо сказать, что некоторые ребята могут еще мириться с недостатками теми или другими, но[,] если нет ясной перспективы в вопросе производственного обучения, конечно[,] тут уже дело последнее. Вот почему в самом начале важно показать ребятам их перспективы роста, показать профиль их специальности поскольку они сегодня еще занимаются элементами, они не видят всей специальности в целом... рассказать ребятам о клепальщиках, которые представляли себе – вот дыра, заклепанная, вот и долби целый век. Когда ему показали, что он является участником мирового строительства – Дворца Советов^[1] у него стало совершенно другое отношение к делу... Надо прежде всего заинтересовать ребят своей специальностью, заставить полюбить свою специальность. Если мы достигли такого положения, то это уже будет сделано наполовину в отношении закрепления...» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 2, л. 12].

Однако, подобные мотивационные беседы не всегда были действенны – например, в декабре 1940 г. Серовском РУ № 5 «пришлось вести разъяснительную работу и беседу с отдельными учащимися», не посещающими занятий по причине недовольства профессией, однако, несмотря на то, что беседу проводили квалифицированные рабочие и иллюстрировали ее «фактами, взятыми из практики», полноценного результата это не принесло и «среди учащихся настроение о том, что они не хотят учиться по отдельным профессиям, остается до сего времени» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 1, л. 11].

2. Вовлечение учащихся в организованные образовательные, воспитательные и развлекательные мероприятия. В справке Госплана СССР «О причинах отсева учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ» отмечалось, что подавляющее большинство (80%) учащихся, самовольно покинувших учебные заведения трудовых резервов Свердловской области в октябре 1943 – феврале 1944 гг., совершили побег в течение первого месяца обучения^[2] [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 93, л. 127]. По нашему мнению, эти данные свидетельствуют о том, что поведенческие практики, связанные с

нарушением дисциплины (не только побеги, но и прогулы занятий) проявлялись преимущественно на начальном этапе обучения, во многом являлись следствием «шока приема» и были связаны, в первую очередь, с недостаточной адаптацией учащихся к новым для них реалиям учебного заведения.

В качестве механизма коррекции подобного неформального поведения в учебных заведениях трудовых резервов активно применялись институциональные досуговые практики, направленные на охват учащихся многочисленными и разнообразными воспитательными, культурно-развлекательными и пропагандистскими мероприятиями, активное включение в художественную самодеятельность, военно-физкультурную работу и спорт, техническое творчество, и т.д. Например, в приказе ГУТР от 04.05.1944 в еженедельный день отдыха учащихся рекомендовалось «проводить коллективное посещение учащимися музеев, выставок, просмотр кинокартин, организовать специальные утренники с показом художественной самодеятельности самих учащихся, проводить встречи учащихся с заслуженными деятелями науки и искусства, участниками Великой Отечественной войны, героями Социалистического труда, знатными людьми страны, стахановцами производства, устраивать специальные гуляния в парках и садах с проведением игр и развлечений, массовые выходы учащихся за город, в лес, на реку, организуя сбор ягод, грибов, рыбную ловлю, охоту и т.п.» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 88, л. 71].

3. Товарищеский суд в составе трех «лучших и дисциплинированных учащихся-отличников» на открытом заседании мог рассматривать дела о недобросовестном отношении к учебно-производственной дисциплине и выражать публичное общественное осуждение проступка учащегося в форме товарищеского предупреждения или порицания, в том числе с сообщением родителем и правлению колхоза [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 13, л. 21-22 об].

4. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 28.12.1940 директора учебных заведений могли не позднее чем на следующий день после установления фактов систематического и грубого нарушения школьной дисциплины, повлекших исключение учащегося из училища (школы), передавать материалы об этих фактах в прокуратуру для заключения нарушителя по приговору суда в трудовую колонию сроком до одного года [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 1, д. 14, л. 1].

Однако, уголовное наказание за грубое нарушение школьной дисциплины на основании указа 28.12.1940 применялось лишь в исключительных случаях – механизмом коррекции поведения выступала угроза его применения. Как отмечал А. Ф. Путинцев в докладе на совещании директоров школ ФЗО в январе 1941 г.: «...сейчас указ от 28 [декабря 1940 г.] дает возможность [с] такого рода неисправимыми элементами, испорченной частью ребят бороться репрессивными мерами. Но я должен подчеркнуть, что эта мера является крайней, к которой надо прибегать в исключительных случаях, когда ничего другого не помогает. Надо каждому ученику разъяснить, что за нарушение школьной дисциплины или за самовольный уход из школы он будет привлечен к судебной ответственности... это не просто, что он будет направлен в суд и все, а что это является большим позорным пятном [–] быть привлеченным советским судом. Надо сделать так, чтобы весь коллектив учащихся принимал участие в рассмотрении этого вопроса и надо добиться такого положения, чтобы к этим мерам, как мерам крайним[,] не прибегать» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 1, д. 1, л. 9].

Помимо приведенных выше примеров институциональных инструментов коррекции указанной поведенческой практики в учебных заведениях трудовых резервов активно

применялись и неформальные механизмы, которые, во многих случаях, позволяли оперативно решить проблему непосещения занятий, но рассматривались системой управления как грубые «антипедагогические извращения» воспитательной работы.

5. Лишение ученика питания за опоздание или пропуск занятий без уважительной причины неоднократно упоминается в распорядительных документах государственных трудовых резервов 1940-50-х гг. в качестве отрицательного явления, с которым необходимо бороться. Например, в докладной записке о проверке РУ № 1 г. Омска после жалобы учащихся (1948 г.) отмечалось, что «в училище установлен порядок выдачи талонов на питание опоздавшим на уроке [только] после объяснения причин опоздания в учебной части и не включения мастерами групп в заявку на питание учащихся[,] не вышедших на работу[,] до выяснения причин невыхода на работу», т.е. «оставление учащихся без питания превращено в наказание» [ГАРФ, ф. Р-9507, оп. 5, д. 201, л. 29].

6. Рукоприкладство и избиение нарушителей дисциплины отдельными работниками учебных заведений и зависимыми от них учениками. Например, в приказе по Свердловскому областному управлению трудовых резервов от 02.06.1943 приводился факт систематического «применения физической силы по отношению к учащимся» в Верхне-Салдинской школе ФЗО № 5, где «была создана, так называемая группа «актива» во главе с учащимся [, помощником мастера производственного обучения] Ивановым, которая избивала провинившихся в чем-либо других учеников. Избиение учащихся происходило с ведома и по заданию директора школы» [ГАСО, ф. Р-2033, оп. 3, д. 4, л. 54].

4. Заключение = Conclusions

Поведенческие практики являются одним из ключевых показателей, позволяющих реконструировать социокультурный облик учащихся государственных трудовых резервов по шкале перехода от «парадности» к «непарадности».

Классификация разнообразных поведенческих практик учащихся по нескольким основаниям (структуре действия, содержанию деятельности, частоте применения и отношению к общественным институтам), а также разработка унифицированной функциональной модели позволили выявить ряд особенностей поведенческих практик учащихся государственных трудовых резервов.

Во-первых, тесная связь многих поведенческих практик учащихся между собой, таким образом, что они представляли собой взаимосвязанную систему. Так, например, практики прогулов занятий зачастую переходили в практику побегов и находились в тесной взаимозависимости с институциональными досуговыми практиками.

Во-вторых, динамическое изменение факторов, выступающих в качестве условий (входов) реализации поведенческой практики на различных этапах существования системы государственных трудовых резервов: (предвоенный период / период Великой Отечественной войны / послевоенный период / первая половина 1950-х гг.). Так, применительно к практике прогулов занятий (при сохранении многообразия мотивов учащихся) ведущими являлись различные факторы: недовольство профессией и необеспеченность спецодеждой (в 1940 – начале 1941 гг.); ужасающие условия жизни и труда (1941-1946 гг.); недостаточная воспитательная работа (1950-е гг.).

В-третьих, поведенческие практики учащихся (особенно – неформальные, связанные с «непарадным» портретом) существенно варьировались в зависимости от типа учебного

заведения (которыми в 1940-е гг. являлись железнодорожные училища, ремесленные училища и школа ФЗО) и от обстановки в конкретном учебном заведении.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940-1950-е гг.)»)

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-9507 (Учреждения по руководству профессионально-техническим образованием в СССР)
2. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р-2033 (Свердловское областное управление профессионально-технического образования)
3. ЦДООСО — *Центр документации общественных организаций Свердловской области* Ф. 4. (Свердловский областной комитет КПСС)

[1] Речь идет об учащихся Верхне-Салдинской школы ФЗО №5 при заводе «Уралстальмост», которые участвовали в производстве металлоконструкций для строительства в Москве грандиозного Дворца Советов (проект не был осуществлен).

[2] 6% учащихся, совершивших побег, сделали это в течение второго месяца пребывания в учебных заведениях Свердловской области, 4% – в третий месяц, а остальные 10% – после трех месяцев обучения

Библиография

1. Давыдов Д. В. Практики поведения «новой женщины» в условиях массового голода начала 1920-х годов / Д. В. Давыдов, О. В. Козлова // *Историческая этнология*. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 213-220.
2. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной науки. // Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти – Москва : РОССПЭН; ГИИМ, 2010. – С. 3-27.
3. Ларионова М. Б. Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся Государственных трудовых резервов СССР / М. Б. Ларионова, Т. А. Заглодина, С. Л. Разинков // *Профессиональное образование и рынок труда*. – 2023. – № 2. – С. 65-80. – DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004
4. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 488 с. – ISBN 978-5-4448-0385-1
5. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. Москва : РОССПЭН; ГИИМ, 2010. – 271 с. – ISBN 978-5-8243-1405-2
6. Марка Д. SADT. Методология структурного анализа и проектирования / Д. Марка, К. МакГоуэн. – Москва : МетаТехнология, 1993. – 240 с. ISBN 5-7395-0007-9
7. Нагорная О. С. Другой военный опыт: русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914-1922) / О. С. Нагорная. — Москва : Новый хронограф, 2010 – 440 с. – ISBN 978-5-94881-105-5
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. – 2-е изд. – Москва : Академический проект, 2002. – 880 с. – ISBN 5-8291-0237-4

9. Серебрякова Е. Г. Социокультурная идентичность советских нонконформистов 1960-70-х годов : диссертация ... доктора культурологии / Е. Г. Серебрякова – Воронеж, 2020. – 510 с.
10. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX - начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – Москва : РОССПЭН, 2008 – 679 с. – ISBN 978-5-8243-1006-1
11. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II // The Russian Review. – 2012. – No 71. – Pp. 391-412.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью "Поведенческие практики как маркер социокультурного портрета учащихся государственных трудовых резервов СССР (1940-50-е гг.)"

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования. Базирована на принципах объективности, научности, системности. В работе использованы такие конкретные методы исторического исследования: сравнительный, системный и др. Следует также отметить, что автор при написании работы придерживался принципов междисциплинарного подхода пользовался достижениями социологии, антропологии и психологии.

анализ Автор при написании работы придерживался междисциплинарного подхода и применял методы истории, социологии, антропологии и т.д. Автор отмечает, что "для анализа поведенческих практик учащихся учебных заведений государственных трудовых резервов могут выступать система социальных действий Толкотта Парсонса" и работы Альфа Людтке (Alf Lüdtkke) по истории повседневных практик рабочих Германии". А для "реконструкции портрета учащихся системы государственных трудовых резервов на основе идентификации поведенческих практик по шкале перехода от «парадности» к «непарадности» ... применил методический подход Н.Б. Лебиной, использованный при изучении советской повседневности". Он также отмечает, что при изучении поведенческих практик учащихся можно обратить внимание на работу О.С. Нагорной, мнение О.С. Нагорная, посвященной русским военнопленным в Германии в годы первой мировой войны, в которой она исследует ряд их поведенческих практик.

Актуальность. Актуальность темы определяется тем, что в настоящее время проблема подготовки рабочих кадров является одной из важных задач, т.к. нехватка рабочих кадров для промышленных предприятий, строительных организаций, сельскохозяйственного производства становится насущной проблемой. Актуализировалась и проблема воспитания молодежи, ее нравственных и моральных качеств, ее поведенческих практик. Определенная часть общества ностальгирует по советскому прошлому, отмечая ее достижения в деле подготовки рабочих кадров и воспитания молодежи. В этой связи изучения опыта прошлого, выявление позитивных и негативных моментов представляется важным и назревшим. Автор пишет, что целью работы является "определить структуру и состав поведенческих практик, как элемента официального и неформального портрета учащихся государственных трудовых резервов."

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также определяется тем, что данная статья фактически является первой статьей, в которой исследуются социальные практики учащихся трудовых резервов. Автор статьи отмечает, что "в современной историографии сформировалось понимание важности проблемы обращения к субкультуре и социокультурным характеристикам (включая поведенческие практики) будущих молодых рабочих, однако применительно к системе государственных трудовых резервов эта проблема остается не решенной – практически отсутствуют специальные исторические исследования по ней". Работа построена на широком комплексе источников, в том числе на документах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

Стиль статьи научный, есть также элементы описательности. Структура работы направлена на достижение цели статьи и задач. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В заключении работы автор делает обоснованные выводы. В тексте статьи представлены 2 таблицы, которые дадут читателю более полно и глубоко понять текст.

Библиография работы достаточна для изучения исследуемой темы и состоит из 11 работ по теме, в том числе и работ по методологии изучения повседневности (это работы Л.Б.Лебиной, А.Людтке и др.).

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам проведена на уровне собранной информации и проделанной работы по теме исследования. Библиографию работы также можно рассматривать как апелляцию к оппонентам, которые могут найти в ней ответы на интересующие их вопросы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему, имеет признаки новизны и будет интересна специалистам и всем интересующимся поведенческими практиками учащейся молодежи государственных трудовых резервов и их социально-культурным обликом.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пилипак М.А. — Историко-культурное наследие украинцев Республики Башкортостан: по данным фондов Юматовского этнографического музея // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 174 - 184. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.69094 EDN: ZGRDBI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69094

Историко-культурное наследие украинцев Республики Башкортостан: по данным фондов Юматовского этнографического музея

Пилипак Максим Анатольевич

ORCID: 0000-0003-0087-5889

кандидат исторических наук

Старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан

450008, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15

✉ pilipakma@isi-rb.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.69094

EDN:

ZGRDBI

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2023

Аннотация: Предметом данного исследования являются экспонаты основного фонда музейной коллекции Юматовского этнографического музея Уфимского района Республики Башкортостан, связанные с традиционной культурой украинцев. Объектом исследования выступает традиционная материальная культура украинцев в условиях полиэтнической среды. Цель исследования заключается в изучении историко-культурного наследия украинцев Республики Башкортостан, их взаимодействия с представителями тюркских, финноволжских, а также других славянских народов. В предложенной публикации представлен анализ традиционных предметов, выступающих важной составляющей идентичности и характеристики этноса. Рассмотрены орудия труда и приспособления для выполнения определенных видов работ; предметы интерьера и быта, кухонная утварь; образцы декоративно-прикладного искусства и материалы для их производства; одежда и обувь. Временные рамки использования их в обиходе

обозначены концом XIX – серединой XX века. Показан ареал распространения экспонатов. Исходя из предмета и объекта исследования, в качестве методологической базы выступили общенаучные и специальные методы. Основой исследования послужили сравнительно-исторический метод и метод типологизации. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые принята попытка анализа музейной коллекции, с целью изучения историко-культурного наследия – украинцев, одного из славянских народов Республики Башкортостан. Основным выводом проведенного исследования является то, что и в условиях многонациональной среды украинцы продолжают сохранять свою культуру. Особым вкладом автора в исследование темы выступает введение в научный оборот новых сведений по традиционной материальной культуре украинцев региона. В ходе исследования уточнены данные о количестве украинских экспонатов, ареал их происхождения. Произведена классификация единиц сбережения. Выявлена закономерность в периодизации бытования музейных предметов. Полученные автором результаты, могут быть использованы в различных видах и формах научно-исследовательской работы и культурно-просветительской деятельности, в частности: при подготовке кандидатских и докторских диссертаций, обобщающих трудов по истории, этнографии и культуре народов, населяющих Республику Башкортостан; оформлении тематических выставок в сельских, районных и республиканских музеях.

Ключевые слова:

Республика Башкортостан, Юматовский этнографический музей, украинцы, переселенцы, экспонаты, традиции, материальная культура, региональные особенности, ткачество, вышивка

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИСИ АН РБ

Современный этнокультурный образ Башкортостана формировался на протяжении длительного исторического периода. Основные анклавы расселения большинства народов, исследуемого региона, сложились к первой четверти прошлого века. Однако, и на современном этапе, условия социальных реалий определяют динамичность этнокультурных процессов, ведущую роль в которых играет многонациональность республики.

Для основательного изучения историко-культурного наследия народов, населяющих Республику Башкортостан, необходимо познание всех видов их духовной и материальной культур. В исследовании последней ведущая роль отводится материалам музейных коллекций, и, в частности, этнографическим предметам, выступающим важной составляющей характеристики этноса и определения его идентичности.

В данной публикации представлены результаты анализа основного фонда музейной коллекции Юматовского этнографического музея Уфимского района Республики Башкортостан (полное название учреждения – Муниципальное бюджетное учреждение «Юматовский этнографический музей муниципального района Уфимский район Республики Башкортостан»). Отдельное внимание уделено предметам, связанным с представителями славянских этносов, а именно – украинцами, постоянно проживающими в пределах исследуемой территории с 40-х гг. XVIII в. [\[1\]](#).

Библиографический список, посвященный изучению украинцев края, насчитывает более 500 единиц. Наиболее известными являются труды историков и этнологов – Бабенко В.Я.

[2.], Черниенко Д.А. [3;4], фольклористов [5] – Карпухин И.Е. [6], Галиева Ф.Г. [7] и диалектологов [8-10].

Также ряд публикаций, посвященных данной проблематике, подготовлено автором [11; 12].

Однако специальных исследований, посвященных изучению историко-культурного наследия украинцев Республики Башкортостан, по материалам музейных коллекций ранее не проводились.

Идея создания музея в с. Юматово, как частной музейной коллекции, принадлежит супругам Зыряновым – Сергею Алексеевичу и Наталье Сергеевне. Экспонируемые фотографии свидетельствуют о том, что его строительство было начато в августе 1972 г. [13]. Стоит отметить, что работы по формированию отдельных экспозиций, в частности «Прядение и ткачество», проводились еще в 1970 г. [14] и, соответственно, можем предположить, что экспедиционные выезды для поиска экспонатов проводились еще раньше. Новое здание музея было открыто для посетителей в 1975 г., до этого времени все собранные ранее экспонаты хранились в небольшом помещении.

Современный Юматовский этнографический музей насчитывает 14 разделов экспозиции, которые репрезентуют сведения о культуре и быте тюркских (башкиры, татары, чуваша), финноволжских (марийцы, удмурты, мордва) и славянских (русские, белорусы, украинцы) народов, населяющих Республику Башкортостан. На постоянном хранении в музее находятся более 7 тысяч экспонатов [15] из них – 4872 представлены в открытом доступе. Данное количество единиц хранения рассмотрено нами при подготовке публикации.

География предметов музейной коллекции достаточно широка и представлена не только населенными пунктами районов Башкортостана, но и рядом регионов Российской Федерации.

При этом, по результатам проведенного анализа выявлено, что основная часть экспонатов, связанных с украинским населением, переданы из населенных пунктов Чишминского и Уфимского районов, что непосредственно связано с близостью к самому музею и соответственно, более частыми экспедициями в целях наполнения основных экспозиций. По данным переписи населения 1920 г. и переписи хозяйств 1925 г. в Чишминском районе украинцы проживали в 41 населенном пункте, а в Уфимском – в 21 [16]. Максимальная численность украинцев в обозначенных районах зафиксирована в 1939 г. и составила – 7144 чел. в Чишминском и 3392 чел. – в Уфимском районах [17, с. 60].

Вполне закономерно, что за столь длительное проживание украинцев, в пределах исследуемой территории, образцы их традиционной материальной культуры нашли свое отражение и в коллекции музея с. Юматово. При определении их национальной принадлежности учитывались следующие факторы: во-первых – бытование в селах, основанных переселенцами с Украины и зафиксированных в письменных источниках [16] как украинские; во-вторых: дарителями выступали люди с украинскими фамилиями. Таким образом выявлено 306 предметов. Кроме этого еще 41 экспонат отнесен нами в число условно украинских, поскольку по стилю оформления (покрой, орнаменты, цветовая гамма вышивки и пр.) напоминают таковые. В данный перечень вошли

предметы не из украинских населенных пунктов Алкино [\[18\]](#), Уфа [\[19, 20\]](#), Юматово [\[21-25\]](#), при этом часть дарителей носят украинские фамилии. Другая часть – не являются украинцами и экспонаты бытовали ранее в Чишмах [\[26, 27\]](#), Туймазах [\[28\]](#), Юматово [\[29-31\]](#), Русский Юрмаш [\[32\]](#), Беркадак [\[33-35\]](#). В группу условно украинских также зачислены экспонаты, которые переданы в музей дарителями с украинскими фамилиями, однако территория их бытования неизвестна. Всего таких предметов 6 [\[36-41\]](#). Сюда же отнесены 17 предметов место бытования и даритель которых неизвестны.

Для уточнения данных по национальному составу рассматриваемых поселений, привлекались также материалы Национального архива Республики Башкортостан. В частности, перепроверялись сведения о наличии фамилий дарителей в перечне жителей населенного пункта и национальность хозяина домовладения [\[42\]](#).

Таким образом, все 347 экспонатов основного фонда музея классифицированы нами в следующие группы:

- орудия труда и приспособления для выполнения определенных видов работ (47);
- предметы интерьера и быта, кухонная утварь (33);
- образцы декоративно-прикладного искусства и материалы для их производства (153);
- одежда и обувь (114).

Стоит отметить, что в работе мы не рассматривали современные экспонаты, даже если они были представлены из украинских деревень [\[43\]](#).

Рисунок 1. Ареал распространения украинских экспонатов Юматовского этнографического музея

На рисунке 1 представлен ареал распространения и количество предметов, переданных в Юматовский этнографический музей, из украинских (и не только – см. условно украинские) населенных пунктов. Наибольшее их число происходит из села Черниговка Чишминского района. Данный факт является неслучайным, поскольку именно здесь родилась сооснователь музея – Н.С. Зырянова (в девичестве – Хаенок) [\[44, Л. 12\]](#).

Отметим, что Черниговка была основана в 1904 г. украинскими переселенцами из Борознянского уезда Черниговской губернии [\[45\]](#).

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ предметов, их времени изготовления и бытования, выявлена следующая закономерность: более старыми экспонатами – относящимися к концу XIX и первым годам XX в., относятся орудия труда их элементы, приспособления для выполнения определенных видов работ, а также – предметы интерьера и быта, кухонная утварь. К этим же временным рамкам можно отнести одежду. Большинство образцов декоративно-прикладного искусства, за исключением нескольких, датируются более поздним периодом создания – начиная с 1905 г.

Данный факт свидетельствует о том, что переселенцы, переезжая на новые территории, привозили с собой только предметы первой необходимости, а традиционными ремеслами (ткачество, вышивка) начали заниматься лишь после освоения земли и обустройства основного хозяйства. Однако наибольшее количество музейных экспонатов – 153 относятся именно к категории декоративно-прикладного искусства. Это связано, в первую очередь, с отношением к ним, как предметам, имеющим символическое значение, во-вторых – использованием их в обрядах семейного и календарного циклов, и в-третьих – передачи от поколения к поколению, как семейной реликвии.

Так, к самым старым экспонатам, бытовавшим в Черниговке, можно отнести полотенце 1820 г. [\[46\]](#), приспособление для сматывания нитей – мотовило 1896 г. [\[47\]](#), глиняный горшок в форме кувшина 1898 г. [\[48\]](#). Можно предположить, что они были привезены первыми переселенцами с территории Украины.

В ходе проведенного анализа отмечено, что в качестве дарителей выступали близкие родственники Н.С. Зыряновой – Хаенок Е.С. (7 предметов), Хаенок А.Г. (4) и односельчане. Так, наибольшее количество предметов передано представителями рода Пешко (18) и, судя по разным отчествам дарителей и времени бытования экспонатов, – разными поколениями этой семьи. Также, достаточно много музейных экземпляров подарили Чуева А.З (14), Бебко М.С. (9), Лапах А.И. (7), Дабков В.Ф. (5); Копертех М.Т. (5) и др.

На сегодняшний день сложно определить все ли они принадлежали конкретным семьям или же собирались для музея среди других односельцев. Однако учитывая тот факт, что каждая семья обеспечивала себя одеждой и другими необходимыми предметами интерьера, то возможно предположить, что в фонде музея хранятся целые семейные коллекции.

Отдельное внимание стоит уделить экспонатам из исчезнувшей деревни Беркадак, основанной в начале XIX в. [\[49\]](#). Ее название является нехарактерным для славянской топонимики, однако в связи с бытованием в ней предметов, связанных с украинской культурой, вызвала у нас интерес. Отметим, что на современном этапе исследования существует населенный пункт под названием Новый Беркадак [\[50\]](#), однако, в отличие от первого – второй был основан как хутор лишь спустя столетие.

По материалам полевых записей уточнена информация о том, что первые украинцы-переселенцы основались недалеко от Беркадака и новое поселение получило свое название в честь территории их происхождения – Черниговской губернии. В советский период Беркадак вошел в состав Черниговки, а в памяти здешних жителей сохранился местный топоним – Старый Беркадак [\[51\]](#). Данную информацию подтверждает, и карта 1912 г. на которой нанесены оба населенные пункты, находящиеся неподалеку друг от друга. То-есть, в этом случае бытование украинского экспоната в д. Беркадак можно

объяснить территориальной близостью с Черниговкой. Помимо этого, не стоит исключать и изменение постоянного места жительства, а также – наличие межэтнических браков между жителями данных поселений. Этот факт, по нашему мнению, является основополагающим в случае и с другими селами, где украинцы не проживали вообще (Русский Юрмаш) [\[52\]](#) или составляли незначительный процент от общего числа населения, однако предметы, имеющие отношение к украинской культуре, в них бытовали. К примеру, в с. Юматово по данным переписи населения 1917 г. зафиксировано всего три домовладения украинцев [\[53, л. 8,15; 54, л. 8\]](#).

Интересным, с научной точки зрения, является определение территорий происхождения переселенцев, что позволит обозначить ареалы распространения их культуры в Башкортостане. Идентифицировать регион выходцев-украинцев можно и по особому виду искусства, стиль исполнения которого характерен лишь определенному этнографическому району Украины. Ярким примером тому выступают хранящиеся в Юматовском этнографическом музее красно-белые тканые кролевецкие рушники (полотенца), получившие свое название по месту их производства – г. Кролевец современной Сумской области. Помимо традиционной цветовой гаммы, рушникам свойственны геометрический орнамент и его симметричность по горизонтали и вертикали. География их бытования в исследуемом регионе представлена сс. Боголюбовка [\[55\]](#), Михайловка [\[56\]](#) Чишминского и Юматово [\[57\]](#) Уфимского районов. Также одна из единиц хранения, соответствующая указанным свойствам кролевецкой ткацкой мануфактуры, отнесена нами в категорию условно украинских в связи с отсутствием информации о месте ее происхождения и дарителе [\[58\]](#).

Особое внимание стоит обратить на период создания рассматриваемых рушников. Так один из них относится к 1899 г., то есть вероятно был привезен с Украины, а второй – датируется 1916 г. и выполнен с соблюдением традиционной техники и стиля уже за пределами материковой территории. Наличие их в других украинских селах Чишминского района подтверждают наши материалы экспедиционных выездов 2022 г. В частности, Левченко М.И. поведала о бытовании «королевских» рушников у ее бабушки и дедушки в исчезнувшей д. Березняк [\[59\]](#). Также, как семейную реликвию, часть кролевецкого рушника, хранит жительница д. Кахновка – Куриляк (Козловская) Л.Н. [\[60\]](#).

Отметим, что помимо рушников, в коллекции музея зафиксировано наличие тканых платков, бытовавших ранее в д. Черниговка, [\[61-64\]](#) и Михайловка [\[65; 66\]](#), выполненных в стиле характерном для кролевецкого.

Из деревни Боголюбовка, Чишминского района, в коллекцию Юматовского музея передано 53 предмета. Среди них особый интерес вызвали образцы декоративно-прикладного искусства с авторскими надписями. К примеру, на полотенце, представленном Пурик Г.Т. нитями серого и красного цветов вышита надпись на украинском языке «МОЯ РОБОТА» [\[67\]](#). Помимо надписи, интересным является сочетание растительного и зооморфного орнаментов.

Отдельного внимания заслуживает традиционная одежда украинцев, которая помимо прямого своего назначения – отражает особенности повседневности, празднично-обрядового бытия и социального статуса человека. Как и на территории Украины, среди украинцев Башкортостана традиционный женский костюм включал нательную (рубашка), поясную (юбка и фартук), нагрудную (безрукавка) и верхнюю (свита, кофух) одежду. В качестве головного убора использовали платки.

Мужчины носили рубашки, штаны, безрукавки, свиты, кожухи и тулупы, а на голове – шляпы, картузы и шапки.

По материалам музейной коллекции можно выделить повседневную и праздничную одежду, кроме того – несколько экспонатов относятся к разряду обрядовой. Первый из них – венок [68], традиционный головной убор незамужней девушки, а второй – чепец [69], головной убор замужней женщины.

Таким образом, в ходе выполненного исследования представлен анализ предметов, репрезентирующих сведения об украинской культуре региона. Выполнена классификация рассматриваемых экспонатов, обозначена география их бытования. Выявлена закономерность в периодизации бытования музейных предметов, связанных с первоочередностью и необходимостью их использования в обиходе и хозяйстве. На примере кролевецких рушников прослеживаются региональные особенности традиционного ткачества.

Библиография

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д.4. – Л. 8 об.
2. Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992.
3. Черниенко Д.А. Украинистика Южного Приуралья: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013.
4. Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района / общ. ред. В.Я. Бабенко. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГУ им. М.А. Шолохова, 2012.
5. Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия / Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия» ; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Саитов (ответственный редактор) [и др.]; перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». Уфа : Башкирская энциклопедия, 2020.
6. Карпухин И.Е. Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана (по наблюдениям и записям 1950–1990 гг.) // Украина – Башкортостан: связь времен. Уфа: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2001. С. 92-110.
7. Украинский фольклор в Башкортостане : фольклорный сборник / Состав., автор вступ. ст. и коммент. Ф. Г. Галиева. – Уфа : Башк. энцикл., 2020.
8. Кобиринка Г. С., Ткачук М. Н. Украинские говоры в этнокультурном и этноязыковом пространстве Башкортостана // VII Кирилло-Мефодиевские чтения. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГУ им. М.А. Шолохова, 2013. С. 173-181.
9. Кобиринка Г. С., Ткачук М. М. У мовному діалозі Агідель і Дніпра // Jahrbuch der IV. Internationalen virtuellen Konferenz der Ukrainistik. "Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht". München– Berlin, 2014. P. 79-90.
10. Ткачук М. М. Українські говірки Башкортостану: Золотоношка і Степанівка. К.: Національна академія наук України; Інститут української мови, 2020.
11. Пилипак М.А. Традиционная культура славян в полиэтничной среде Республики Башкортостан: на примере украинцев деревни Гавриловка Федоровского района // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2023. Том 47. № 2. С. 89-96.
12. Пилипак М.А. Село Кахновка Чишминского района: к вопросу изучения историко-культурного наследия украинцев Башкортостана // V Международный молодежный научный форум. Уфа: АН РБ, 2023. С. 95-100.

13. Фото «Супруги Зыряновы со строителями (заложен фундамент здания)», август 1972 г. // Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации (далее – ГКМФРФ) URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21163188>.
14. Фото «Н.С. и С.А. Зыряновы за оформлением экспозиции «Прядение и ткачество», 1970 г. // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21162601>
15. Юматовский этнографический музей муниципального района Уфимский район Республики Башкортостан URL: <https://yumat-myzei.bash.muzkult.ru/>
16. Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002.
17. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Ч. I / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016.
18. Лоток // ГКМФРФ) URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22889896>.
19. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35198323>.
20. Вышивка «Девушка с голубями» // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19656280>.
21. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35307729>.
22. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33359374>.
23. Дерюга // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33250834>.
24. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31741689>.
25. Платье // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35977902>.
26. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35200110>.
27. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199862>.
28. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199908>.
29. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199233>.
30. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33359130>.
31. Рушник // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31064624>.
32. Лапти // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33604166>.
33. Платье // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35917096>.
34. Платье // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35215258>.
35. Рубаха // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128342>.
36. Берда // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18637499>.
37. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35146865>.
38. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27910310>.
39. Фартук // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31588694>.
40. Пояс // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27889735>.
41. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19657542>.
42. Материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи населения 1917 года по территории Республики Башкортостан URL: <https://basharchive.ru/census/1917/>.
43. Шапка // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20310875>.
44. Материалы поземельной переписи 1917 года по: с. Черниговка, Уфимский уезд, Караякуповская волость. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5105. Л. 1-114 об.
45. Черниговка, село в Чишминском районе URL: <http://bashenc.online/ru/articles/75146>.
46. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35089950>.
47. Мотовило // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38333661>.

48. Глиняный горшок в форме кувшина // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22968083>.
49. Старый Беркадак, село в Чишминском р-не URL: <https://bashenc.online/ru/articles/106768/>.
50. Новый Беркадак, село в Чишминском р-не URL: <https://bashenc.online/ru/articles/106768/>.
51. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Ломонос С.В. 1965 г.р., жителя с. Черниговка Чишминского района Республики Башкортостан, ноябрь 2023 г.
52. Материалы поземельной переписи 1917 года по: с. Новый Юрмаш, Уфимский уезд, Ногаевская волость. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5154. Л. 1-175 об.
53. Материалы поземельной переписи 1917 года по: поселок при станции Юматово, Уфимский уезд, Осоргинская волость. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5311. Л. 1-17 об.
54. Материалы поземельной переписи 1917 года по: с. Юматово (станция), Уфимский уезд, Осоргинская волость. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5329. Л. 1-15 об.
55. Полотенце (рушник) // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35198628>.
56. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33455732>.
57. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31741689>.
58. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35201774>.
59. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Левченко (Савенко) М.И. 1936 г.р. жительницы с. Кахновка Чишминского района Республики Башкортостан. Июль 2022.
60. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Куриляк (Козловской) Л.Н. 1967 г.р. жительницы с. Кахновка Чишминского района Республики Башкортостан. Июль 2022.
61. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127960>.
62. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16450501>.
63. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35201719>.
64. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128017>.
65. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127819>.
66. Платок // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128130>.
67. Полотенце // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199346>.
68. Венок на голову // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35093157>.
69. Чепец // ГКМФРФ URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127731>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Историко-культурное наследие украинцев Республики Башкортостан: по данным фондов Юматовского этнографического музея»

Предмет исследования музейные формы историко-культурного наследия украинцев Республики Башкортостан в Юматовском этнографическом музее.

Методология исследования. Методология исследования включает системный,

сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность исследования. Этнический состав Башкортостана формировался на протяжении длительного периода времени. Украинцы компактно проживают на территории Башкортостана с 40-х гг. XVIII в. В настоящее время возрос интерес к историко-культурному наследию народов региона (к предметам традиционной культуры), которые сохранились в музейных коллекциях. Автор пишет, что «материалы музейных коллекций, и особенно этнографических предметов, выступают важной составляющей характеристики этноса, определения его идентичности».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна обусловлена тем, что до настоящего времени не было работ, посвященных историко-культурного наследия украинцев Республики Башкортостан, по материалам музейных коллекций, данная статья ставит цель восполнить этот пробел.

Стиль, структура, содержание. Стиль работы научный, с элементами описательности. Структура работы в целом логично выстроена и направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор дает информацию о времени появления украинцев в изучаемом регионе, выделяет ареалы их пребывания и их численность по данным 1939 года. Отмечает исследователей, которые занимались изучением культуры и быта, фольклора и т.д. украинских поселенцев в Республике Башкортостан. Затем он переходит к истории создания Юматовского музея, который был создан в 1970-ые годы как частный музей. В настоящее время музей является бюджетным учреждением (его официальное название Муниципальное бюджетное учреждение «Юматовский этнографический музей муниципального района Уфимский район Республики Башкортостан»). Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. Автор раскрывает, как в музее определяли какие предметы являются украинские и какие факторы влияли на их классификацию по национальному признаку (населенный пункт, фамилия дарителя экспоната и т.д.). Среди экспонатов основного фонда 347 экспонатов являются украинскими. По классификации автора «они отнесены в следующие группы: орудия труда и приспособления для выполнения определенных видов работ (47); предметы интерьера и быта, кухонная утварь (33); образцы декоративно-прикладного искусства и материалы для их производства (153); одежда и обувь (114). Музейные экспонаты, отмечает автор статьи, «дают возможность определить территорию происхождения украинских переселенцев» и обозначить ареалы распространения их культуры в Башкортостане. «Идентифицировать регион выходцев-украинцев можно и по особому виду искусства, стиль исполнения которого характерен лишь определенному этнографическому району Украины. Ярким примером тому выступают хранящиеся в Юматовском этнографическом музее красно-белые тканые кролевецкие рушники (полотенца), получившие свое название по месту их производства – г. Кролевец современной Сумской области». В завершении статьи автор пишет: «в ходе выполненного исследования представлен анализ предметов, «репрезентирующих сведения об украинской культуре» региона. Выполнена классификация рассматриваемых экспонатов, обозначена география их бытования. Выявлена закономерность в периодизации бытования музейных предметов, связанных с первоочередностью и необходимостью их использования в обиходе и хозяйстве. На примере кролевецких рушников прослеживаются региональные особенности традиционного ткачества».

Библиография работы разнообразна, в ней представлены ссылки на 69 источников (51 из них это музейные экспонаты, материалы поземельной переписи и личные полевые материалы автора статьи). Библиография оформлена по требованиям журнала.

Апелляция к оппонентам представлена в собранном в ходе работы над статьей информации.

Статья будет интересна специалистам, студентам, аспирантам, всем кто интересуется национально-культурным достоянием полиэтнической Республики Башкортостан.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Великоцкая (Мозгунова) Н.Г. — Отношение вселенских патриархов к низложению патриарха Никона // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 185 - 192. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68915 EDN: ZOBADM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68915

Отношение вселенских патриархов к низложению патриарха Никона

Великоцкая (Мозгунова) Наталья Геннадьевна

лектор, Культурно-просветительский центр во имя святителя Иоанна Златоуста

101000, Россия, г. Москва, пер. Малый Златоустовский, 5

✉ fevroniya87@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68915

EDN:

ZOBADM

Дата направления статьи в редакцию:

08-11-2023

Аннотация: В результате внешнеполитического курса России во второй половине XVII в., который сводился к признанию за ней миссии освободительницы христианских народов и к идее создания вселенской православной церкви, патриарх Русской православной церкви Никон оказался в положении одного из лидеров восточнохристианского мира. Объектом данного исследования стал один из вопросов взаимоотношений России с православным Востоком – отношение греческих иерархов к конфликту царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Предметом исследования данной статьи является позиция греческого духовенства в вопросе обвинений, выдвинутых царем Алексеем Михайловичем против патриарха Никона, участие греков как в ходе попытки примирения сторон, а затем – в низложении Никона, так и в его последующей реабилитации. Целью данной статьи является исследование вопроса о роли греческого духовенства в судьбе патриарха, о причинах неоднократного изменения их позиции по вопросу о Никоне. Автором статьи используется историко-системный метод научного исследования – изучение и критический анализ совокупности комплекса опубликованных и неопубликованных документов Российского

государственного архива древних актов (РГАДА). Основное внимание в ходе работы уделяется анализу комплекса архивных материалов, связанных именно с «делом Никона». Научная новизна работы заключается в том, что использование указанных методов позволили автору уточнить ряд вопросов, связанных с «делом» Никона и касающихся деятельности представителей православного Востока, их роли в политической и духовной жизни России. Приведенные факты исследования дают возможность сделать вывод о закономерности противоречивой позиции греческого духовенства в «деле» патриарха Никона, объясняющейся, в первую очередь, их политической и экономической зависимостью от России.

Ключевые слова:

вселенские патриархи, дело патриарха Никона, Церковный Собор, низложение патриарха, разрешительные грамоты, царь Алексей Михайлович, православный Восток, соборный приговор, греческие архиереи, Сношения с Грецией

К середине XVII века Россия оставалась единственно независимой православной державой, проводящей активную внешнюю политику. Одним из ее важнейших направлений являлось осуществление миссии освободительницы христианских народов, находящихся под властью османских завоевателей, в создание вселенской православной церкви. При решении своих материальных и политических проблем восточные патриархи обращались за помощью к русским царям. Согласно грамотам греческих иерархов, государь Алексей Михайлович есть «столп твердый и утверждение вере и помощник в бедах и прибежище нам и освобождение» [\[1, с. 179-181\]](#), [\[2, оп. 1, 1654, № 21, ч. III, л. 52-53\]](#), [\[3, с. 179-198\]](#).

Патриарх Никон полностью разделял взгляды царя Алексея Михайловича, убежденного в своей миссии главы всего православного мира, обязанного оказывать всестороннюю поддержку православной церкви во всем мире, используя все ресурсы: политику и дипломатию, финансы и армию. Отношение Никона к «греческому благочестию», к неоспоримости авторитета восточных иерархов как хранителей православной истины были известны и на православном Востоке. Активная позиция главы Русской православной церкви Никона в реализации этой идеи способствовала росту его авторитета и влияния во всем православном мире.

Документы фонда РГАДА «Сношения России с Грецией» отражают личные контакты греческого духовенства с патриархом Никоном, свидетельствующие о его роли в окружении царя и об отношении к нему представителей Восточной церкви [\[2, оп. 1-4\]](#). Согласно приведенным фактам, представители греческого духовенства неоднократно обращались напрямую с челобитными лично к Никону – «великому государю святителю патриарху», не сомневаясь в его помощи и содействии [\[2, оп. 1, 1658 г., д. 3, л. 26-27\]](#).

Во второй половине XVII в. объективные исторические процессы в условиях становления абсолютизма изменили положения церкви в российском обществе. Неизбежное вмешательство государства в церковные дела стало причиной конфликта царя и патриарха, последовательно отстаивавшего правовую и экономическую самостоятельность церкви. 10 июля 1658 г. Никон сообщил Алексею Михайловичу об оставлении им кафедры [\[4, оп. 1, д. 140а, ч. 1, л. 181\]](#). По инициативе царя был собран в 1660 г. Поместный собор, осудивший Никона за принятое решение, запретив его

пробывание в столице, подвергнув его изоляции [\[4, оп. 1, д. 140, ч. 1, л. 156а-165\]](#), [\[5, 72 \(№ 20\)\]](#).

Среди иерархов православного Востока, несмотря на их крайне бедственное положение, политическую и материальную зависимость от России, не было единства в отношении к опале Никона. По мнению историка Н.Ф. Каптерева, многие из них, а это были образованные богословы, сочувствовали теократическим воззрениям Никона, отдавая должное его личным достоинствам и тому вкладу, который он внес в укрепление православия, и вовсе не желали его осуждения [\[1, ч. 1, с.179-181\]](#). Об отношении вселенских иерархов к Никону можно судить по их реакции на события, предшествующие созыву Собора 1666 г., низложившего Никона.

Согласно опубликованным документам «дела Никона», вопрос о приглашении восточных патриархов на суд был официально определен царем Алексеем Михайловичем в 1662 г. Так, 21 декабря он издал указ о приготовлении к собору по «делу Никона» [\[6, ч. 1, с. 242-246\]](#). 26 декабря царь подписал грамоты к восточным патриархам, содержание которых – двадцать пять вопросов, связанных с «делом Никона» [\[6, ч. 2, с. 561-578\]](#). Составляли грамоты и переводили их на греческий язык помощники царя – греки иеродьякон Мелетий и Газский митрополит Паисий Лигарид – личные враги опального Никона. Их личности и деятельности посвящена обширная литература [\[7, с. 270\]](#), [\[8, с. 165-168\]](#). В начале 1663 г. грамоты к восточным патриархам с приглашением приехать в Москву на суд по «делу Никона» были отправлены с греком иеродиакон Мелетием [\[4, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 69\]](#).

Важным документом, отражающим взгляды Никона на причины его конфликта с царем, на взаимоотношения с иерархами Восточной церкви, стали грамоты вселенским патриархам, которые он пытался отправить на Восток. Грамоты Никона были перехвачены властью и послужили очередным обвинением на Соборе 1666 г. [\[4, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 69\]](#).

Следует отметить, что патриархи Константинопольский Дионисий и Иерусалимский Нектарий неоднократно пытались примирить царя и патриарха и не спешили оказать содействие в осуждении Никона [\[6, ч. 1, с. 650-653, 655-657\]](#). Не смотря на то, что они письменно и подтвердили право государя на избрание нового главы Русской церкви, к весне 1664 г. стало известно, что никто из них не согласился ехать в Москву. В своей грамоте Алексею Михайловичу от 20 марта 1664 г. иерусалимский патриарх Нектарий высоко оценивал деятельность Никона. По его мнению, благодаря патриаршей политике Никона русская церковь сохранила «стройность и следование древним правилам» [\[7, т. 2, с. 298\]](#). Но действия Нектария и его архидиакона Досифея не смогли изменить сложившуюся ситуацию: московское правительство добивалось окончательного осуждения Никона. Решение Московского собора было уже предreshено царем Алексеем Михайловичем, мнение восточного духовенства было необходимо лишь для придания богословской легитимности.

Опубликованная исследователем С. К. Севастьяновой переписка Никона с греками, дает возможность проследить деятельность его сторонников [\[9, с. 571-638\]](#). Одним из преданных сторонников Никона был митрополит Иконийский Афанасий, прибывший в Москву 23 апреля 1664 г. При встрече с царем он передал ему просьбу патриарха Константинопольского Дионисия о необходимости примирении «великого государя» с

Никоном. Через месяц после приезда Афанасия вернулся в Россию и царский посланник Мелетий Грек с грамотами восточных архиереев, содержащих ответы о власти царской и патриаршей и разрешение Собору «поставить московского патриарха». Митрополит Иконийский Афанасий заявил, что подписи на греческих грамотах, привезенных царским посланником Мелетием Греком, ненастоящие. Он вновь просил царя примириться с Никоном. Позже, в ходе следствия, выяснилось, что привезенные письма и подписи на грамотах добыты Мелетием разными, в том числе и очень сомнительными способами, но с прямого или косвенного согласия глав Восточной церкви [\[4, оп. 1, д. 140, ч.7\],\[10, с. 571-583\]](#). После того как была определена неверность показаний митрополита Афанасия, он был арестован и сослан летом 1665 г. в Симонов монастырь. Находясь в ссылке, митрополит Афанасий написал Никону в 1665 г. несколько писем. Опубликованная переписка между ними дает представление о попытках русского правительства любой ценой получить грамоты восточных иерархов с осуждением Никона, об отношении к нему большинства греческого духовенства, о роли греков – личных врагов опального патриарха: Мелетия и Паисия Лигарида в подготовке Собора 1666-1667 г. [\[9, с. 84-135\]](#).

Другой попыткой примирения царя и Никона стали действия посла патриарха Иерусалимского Нектария и архидиакона Досифея Саввы Дмитриева [\[9, с. 584-609\]](#). Он привез 2 января 1665 г. в Москву два письма: одно – для Алексея Михайловича, второе – для Никона [\[4, оп. 1, д. 140, ч. 7, л. 27а\]](#). Содержание перевода грамоты и устные замечания Саввы сводились к попытке оправдания Никона и к сомнению в правильности его осуждения. Так, согласно утверждению Саввы, Иерусалимский патриарх говорил, будто кроме Никона на патриаршем престоле никому быть нельзя и поэтому отказался ехать в Москву на Собор [\[4, оп. 1, д. 140, ч. 7, л. 18, 19\]](#).

Все это противоречило содержанию ранее полученных грамот глав Восточных церквей и вызвало явное недовольство царя, определив участь грамотоносца: он был допрошен, взят под стражу и отправлен в заключение, где находился до 1666 г. В это время, несмотря на строгий надзор, он смог поддерживать контакты с Никоном. Опубликованная переписка между ними отражает неоднозначное отношение греческого духовенства к событиям, предшествовавшим Московскому собору 1666 г. [\[9, с. 584-589\]](#).

Авторитет опального Никона на Востоке был столь велик, что даже уговоры и обещания материальных вознаграждений не заставили патриархов Константинопольского и Иерусалимского приехать для суда в Москву. В конце 1666 г. после уговоров и обещаний милостыни патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий, прибыли в Москву. Таким образом, необходимые условия для придания богословской легитимности Собору 1666-1667 гг. уже внешне были соблюдены: личное участие двух восточных патриархов, их утверждение, что они с согласия патриархов Константинопольского и Иерусалимского имеют право судить Никона от лица всех восточных патриархов.

Обратимся к официальному документу – к Соборной грамоте, определившей условия встречи восточных архиереев, едущих через Астрахань в Москву [\[5, № 44, с. 247-249\]](#). Они прибыли в Астрахань 23 июля 1666 г., где им был оказан торжественный прием. Патриарха Паисия Александрийского и Макария Антиохийского встречали представители русской церковной иерархии – личные враги Никона: митрополит Новгородский Питирим, митрополит Крутицкий Павел, архиепископ Рязанский Иларион, архимандрит Чудовского монастыря Иоаким. Именно они стали наиболее активными участниками обвинения Никона. Согласно списку Соборной грамоты, при встрече Восточных архиереев они

строго следовали данным инструкциям царя Алексея Михайловича – быть осторожными, если возникнет вопрос о «деле Никона»: «всем бы быть опасну и бережну» [\[5, № 44, с. 249\]](#). Документы Дворцовых разрядов отражают факт: от приезда и до отъезда вселенских патриархов их всюду сопровождали только доверенные лица царя – приставы [\[11, т. 3, стб. 654, 661, 663, 834, 837\]](#). То есть, были созданы все условия для получения нужного монарху решения Собора – осуждение и низложение патриарха.

Как свидетельствуют документы «дела Никона», все греческие архиереи, присутствующие на Соборе 1666 г. согласились с обвинительным ему приговором. Среди них был и митрополит Иконийский Афанасий, который до этого «с жаром стоял за Никона», и в этом факте проявилась противоречивость позиции греческого духовенства – сторонников опального патриарха. 12 декабря 1666 г. на очередном заседании был зачитан соборный приговор сначала по-гречески, а затем – по-русски. Вселенские патриархи объявили, что Никон лишен патриаршества и будет отправлен на покаяние в Ферапонтов монастырь [\[5, № 123, с. 438-451\]](#).

По мнению Н. Ф. Каптерева, большинство греков относилось с величайшим сочувствием и вовсе не желало его осуждения. Это подтверждается и решением патриарха Константинопольского Парфения лишить Паисия и Макария их патриарших кафедр за то, что они поехали в Москву, чтобы судить Никона [\[1, с. 179-181\]](#).

Когда, согласно решению Собора 1666 г., Никон был сослан в Ферапонтов монастырь, греческие иерархи предпринимали неоднократные попытки помочь ему, пытались благотворно повлиять на его судьбу.

Архивные документы «дела Никона» отражают возможность наличия связи низложенного патриарха, находящегося в ссылке, с его сторонниками – греками. Так, 4 декабря 1668 г. архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф, заявил, что Никон ждет нового собора, организованного по требованию Константинопольского патриарха. При этом Иосиф утверждал, что копию грамоты Никон лично показывал ему [\[4, оп. 1, д. 140а, ч. 1, л. 124-128, 129-147а.\]](#).

Весной 1668 г. патриарх Константинопольский Парфений очередной раз обратился с просьбой к «великому государю» Алексею Михайловичу о помиловании Никона [\[12, с. 191, 192\]](#). Документы «дела Никона» позволяют проследить участие и патриарха Иерусалимского Досифея как в ходе подготовки суда, так и в период ссылки опального патриарха. Досифей, ученик и приемник патриарха Нектария, вступивший на патриаршую кафедру 23 января 1669 г., был одним из самых деятельных сторонников Никона на православном Востоке. Он, являясь известным ученым и богословом XVII в., знатоком церковной истории и права, оставался активным сторонником примирения царя с Никоном и возвращения последнего на патриаршую кафедру [\[10, с. 278-281\]](#). Согласно исследованию Н. Ф. Каптерева, именно Досифей неоднократно советовал царю Алексею Михайловичу помиловать Никона [\[1, с. 219\]](#).

Царь Федор Алексеевич смог выполнить предсмертное завещание своего отца, который не только просил прощения у Никона – «великого господина святейшего», «иерарха и блаженного пастыря», но и выражал желание, чтобы тому был возвращен патриарший сан [\[7, т. 2, с. 362-363\]](#). По мнению исследователей, когда в 1681 г. Федор Алексеевич отправил грамоты к вселенским патриархам с личной просьбой о «разрешении и прощении» Никону, о возвращении ему отнятого патриаршего сана, то именно Досифей

был «главным устройтелем этого дела» [\[7, т. 2, с. 362-363\]](#). Согласно проведенным исследованиям архивных документов, разрешительные грамоты вселенских патриархов были доставлены дьяком П. Возницыным в Москву в 1682 г., т.е. после смерти Никона [\[13, с. 108-128\]](#).

Таким образом, рассмотренные факты, свидетельствующие о позиции греческих иерархов в конфликте Никона с царем, позволяют сделать следующие выводы. Часть высшего греческого духовенства сочувствовала опальному, а потом – низложенному патриарху Никону, считая его осуждение несправедливым, но при этом открыто не демонстрируя свою позицию. Как было отмечено ранее, обвинительный приговор Никону подписали все присутствующие на Соборе 1666 г. греческие архиереи. Приведенные факты исследования позволяют сделать вывод о закономерности противоречивости позиции греческого духовенства в «деле патриарха Никона», объясняющейся их политической и экономической зависимостью от России.

При этом отметим, что деятельность патриарха Никона и его взаимоотношения с царем и православным Востоком неоднократно вызвали интерес и понимание у исследователей – представителей других христианских конфессий. Так, в трудах профессоров Оксфордского университета, историков-богословов В. Пальмера и А. Стэнли дается высокая оценка действий Никона как защитника прав Церкви и интересов всего христианского мира [\[14\],\[15\]](#).

Библиография

1. Каптерев Н. Ф. Сношение Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. – СПб., 1895.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 52. Оп. 1–4.
3. Чеснокова Н. П. Идея византийского наследия в России середины XVII в. // Пятые чтения памяти профессора Н.Ф. Каптерева. М., 2007. С. 179–198.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 27. – Оп. 1. Д. 140, 140а.
5. Дело о патриархе Никоне / Издание Археографической комиссии по документам Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897. – 511 с.
6. Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона: В 2 ч. СПб., 1882. Ч. 1. – 270 с.; СПб., 1884. Ч. 2. – 1124 с.
7. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. – Сергиев Посад, 1912. Т. 2. – 375 с.
8. Фонкич Б. Л. Мелетий Грек // Россия и христианский Восток. М. 1997. С. 165–168.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования является изучение отношения вселенских патриархов к низложению патриарха Никона и выявление особенностей этого процесса, определение изменений позиций некоторых патриархов, а также причин и факторов низложения Никона.

Методология исследования базируется на принципах научности, системности, объективности, историзма. В работе использован историко-хронологический, историко-

сравнительный и др. методы.

Актуальность темы статьи определяется возрождением религии в нашей стране, возрастанием роли Русской православной церкви в духовной и общественной жизни общества, ростом ее авторитета на международной арене и сложных взаимоотношениях с православными общинами соседних государств, а также взаимоотношением светской и церковной власти в условиях серьезных трансформационных изменений, протекающих в нашей стране в последние десятилетия. Актуальность также обусловлена тем, что церковная реформа Никона в российской исторической науке трактовалась неоднозначно и эта трактовка была обусловлена политическими причинами. В настоящее время в российской науке особое внимание уделяется изучению истории XVII деятельности царя Алексея Михайловича в рамках объективного рассмотрения истории Российского государства и ее роли в международном ключе. Автор статьи пишет, что «в XVII века Россия оставалась единственно независимой православной державой, проводящей активную внешнюю политику. Одним из ее важнейших направлений являлось осуществление миссии освободительницы христианских народов, находящихся под властью османских завоевателей, в создание вселенской православной церкви». В настоящее время в других исторических условиях Россия также с миссией защиты и поддержки народов от неокOLONиализма. Актуальность темы не вызывает сомнения.

Научная новизна определяется постановкой цели и задач исследования. Научная новизна определяется тем, что тема отношения вселенских патриархов к низложению патриарха Никона изучена недостаточно. И по сути это первая статья, в которой данная тема стала предметом специального и всестороннего рассмотрения.

Стиль статьи в целом научный, есть элементы описательности, что делает статью доступной для читателя. Язык статьи ясный, текст читается легко. Структура работы нацелена в целом на достижение цели и задач исследования. Текст статьи логически выстроен и последовательно изложен. В начале статьи автор дает небольшой краткую историческую характеристику роли России в православном мире, о взглядах царя Алексея на миссию России по отношению к православным странам, пишет о том, что православный мир рассматривал Россию и царя Алексея Михайловича как защитника и оплота веры. Автор показывает, что патриарх Никон также обладал высоким авторитетом в православном мире, архивные документы показывают, отмечает автор статьи, что «представители греческого духовенства неоднократно обращались напрямую с челобитными лично к Никону – «великому государю святителю патриарху», не сомневаясь в его помощи и содействии». Анализируя причины конфликта между церковью и государством, автор отмечает, что «Во второй половине XVII в. объективные исторические процессы в условиях становления абсолютизма изменили положения церкви в российском обществе. Неизбежное вмешательство государства в церковные дела стало причиной конфликта царя и патриарха, последовательно отстаивавшего правовую и экономическую самостоятельность церкви».

В статье автор приводит интересные факты об отношении вселенских патриархов к опале патриарха Никона, что «несмотря на их крайне бедственное положение, политическую и материальную зависимость от России, не было единства в отношении к опале Никона». Автор статьи анализирует какими мерами и способами действовала власть, чтобы получить поддержку от иерархов православного Востока, чтобы они приехали на суд против Никона в Москву. Никон также обращался за поддержкой к архимандритам, писал им письма. После решения Собора 1666 г., когда Никон был сослан в Ферапонтов монастырь, «греческие иерархи предпринимали неоднократные попытки помочь ему, пытаясь благотворно повлиять на его судьбу» и обращались к царю с просьбой помиловать Никона. Автор отмечает, что «часть высшего греческого духовенства сочувствовала опальному, а потом – низложенному патриарху Никону, считая его

осуждение несправедливым, но при этом открыто не демонстрируя свою позицию». В конце статьи автор приводит объективные выводы по исследуемой теме. Автор пишет, что проведенное исследование позволяет сделать вывод «о закономерности противоречивости позиции греческого духовенства в «деле патриарха Никона», объясняющейся их политической и экономической зависимостью от России».

Библиография статьи в разнопланова и состоит из документов из Российского государственного архива древних актов (РГАДА), работ российских исследователей конца XIX – начала XX в. и работ последних лет. В количественном отношении число источников невелико (всего 8), но их оказалось достаточно для изучения темы и подготовки данной статьи.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов.

Статья написана на актуальную тему, будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Орлова Д.И. — Отношение СССР к политике репатриации на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68924 EDN: UQVDZG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68924

Отношение СССР к политике репатриации на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы

Орлова Дарья Игоревна

ORCID: 0009-0009-5770-2082

аспирант, кафедра История России, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ oriol104@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68924

EDN:

UQVDZG

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2023

Аннотация: В статье освещается участие Советского Союза в разрешении международной проблемы беженцев и перемещенных лиц, которая являлась одной из глобальных проблем послевоенного времени. Показано отношение советского руководства к политике репатриации советских граждан на родину, дается краткая характеристика деятельности Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, раскрывается участие СССР в международных организациях по вопросу беженцев и перемещенных лиц (ЮНРПА, ИРО, ООН) на завершающем этапе Второй мировой войны и по ее окончании, дается характеристика и особенности функционирования перечисленных выше организаций, указываются их основные задачи; обозначаются основные темы, вызывающие противоречия между членами организаций, а также фиксируются способы их взаимодействия на данных мировых площадках. Для исследования деятельности СССР в разработке принципов политики репатриации, а также по разрешению проблем беженцев и перемещенных лиц были использованы такие методы, как историзм, объективность, а также метод сравнительно-

сопоставительного анализа совместно с методом комплексного анализа документов. На основании проведенного исследования, мы можем сделать вывод о том, что Советский Союз вел активную внешнеполитическую деятельность для достижения основных целей своей репатриационной политики, налаживая международное сотрудничество и защищая интересы своих граждан. Основная масса советских людей, оказавшихся в трудных условиях послевоенного времени, вынуждена была вести свой быт в лагерях для перемещённых лиц в ожидании решения властей касательно их судеб. Несмотря на активное содействие возвращению дипийцев и их социальную защиту со стороны Советского Союза, основная масса репатриантов проходила проверку в фильтрационных лагерях, особенно военных, с целью выявления неблагонадежных элементов. Кроме того, решение проблемы осложнялось интенсивной антисоветской пропагандой в лагерях для беженцев и перемещённых лиц со стороны представителей Великобритании и США, набравшей обороты в связи с усилением претворения в жизнь средств ведения холодной войны.

Ключевые слова:

репатриация, перемещенные лица, беженцы, военнопленные, ди-пи, ЮНРРА, ИРО, ООН, Ялтинская конференция, Вторая мировая война

В условиях разбалансировки мирового порядка и нарастания конфронтации в современном мире проблема международного взаимодействия, защиты прав беженцев и перемещенных лиц, принципов дипломатии, основанных на взаимоуважении акторов международных отношений, приобретает особую актуальность.

В середине XX в. судьба беженцев и перемещенных лиц, а также проблема межконтинентальных миграций вследствие Второй мировой войны, оказалась в центре внимания международной дипломатии. Еще во время активных военных действий, 9 ноября 1943 г., было принято решение о создании международной организации – Администрации Помощи и Восстановления Объединённых Наций (ЮНРРА). «Кроме Совета и Центрального комитета ЮНРРА были созданы два региональных комитета – по делам Европы и по делам Дальнего Востока, а также комитеты снабжения, финансового контроля, промышленного восстановления, по вопросам содержания перемещенных лиц, здравоохранения, сельскохозяйственного восстановления и общественного призрения» [1. С. 209].

Центральной задачей ЮНРРА являлось оказание помощи освобожденному от оккупации населению, а именно: предоставление продовольствия, медикаментов, одежды, убежища, возвращения домой пленных. Важно отметить, что эта актуальная задача декларировалась как срочная мера. Людям необходимо было оказать немедленную помощь для обеспечения повседневной жизни. Между тем, такие задачи, как восстановление сельского хозяйства, промышленного производства, экономики не входили в компетенцию ЮНРРА.

Высказывались опасения, в частности, представителями США, что материальная и финансовая помощь может вызывать возникновение новых разрушительных сил: гражданскую войну или вооруженные конфликты. Американский экономист М. Стрэйт отмечал в связи с этим: «Американское продовольствие уже использовалось в качестве политического орудия для поддержки реакционных элементов в Северной Африке, а также в правительстве Виши <...> для поддержки монархистов и определённых групп

фашистов в кабинете Франко» [2. С. 11].

Материалы секретной переписки премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и Президента США Франклина Рузвельта свидетельствуют, что «к лету 1944 г. война вступила в новую эру, и Черчилль, глядя на Европейский континент, одним глазом следил за отступающими немцами, другим – за наступающими русскими» [3. С. 576]. Могущество СССР возрастало, его наступательное движение и стремительное освобождение территории от фашистской оккупации не оставляли сомнений, что победа Красной армии близится, и это всего лишь вопрос времени. Таким образом, «конференция руководителей трех великих держав состоялась в то время, когда военные успехи союзников все в большей мере затрагивали вопросы послевоенного устройства мира, стимулируя центробежные тенденции» [4. С. 203]. Тем не менее лидеры стремились к преодолению этих центробежных сил, к выработке принципов мирного существования. Характерными чертами деятельности дипломатов всех уровней в то время в Крыму на Ялтинской конференции были принципиальность и решительность, но в то же время сдержанность и гибкость. Всеми двигала общая цель – скорейшего установления мира, восстановления экономик и стабилизации жизни общества.

В 1944 г., с целью возвращения перемещенных лиц в СССР, их расселения и трудоустройства было создано Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Данная организация была сформирована из служащих военной контрразведки «СМЕРШ», которое в годы войны обеспечивало государственную безопасность в Вооруженных силах СССР. Управление тесно сотрудничало с внутренними органами власти СССР: МИД, МВД, НКВД, командованием фронтов, а также установил связи с международными организациями и дипломатическими представителями других стран. Таким образом, благодаря международному сотрудничеству, уже к концу 1944 г. ответственным представителям по вопросам репатриации были доступны практически все лагеря Ди-Пи, находящиеся в странах Западной Европы. [5. С.9].

Судьба перемещенных лиц и военнопленных оказалась также в центре внимания лидеров трех союзных держав – участников Ялтинской конференции 1945 г. (4 – 11 февраля). Их численность к окончанию Второй мировой войны в Европе составляла около 9 млн человек, 7 млн из которых были советскими гражданами [1. С. 207]. «В соответствии с Ялтинскими соглашениями в числе первых проблемой беженцев занялось союзное военное командование (СССР, США, Великобритании), приступившее к осуществлению политики репатриации, в соответствии с которой советские подданные должны были передаваться властям СССР» [1. С. 207].

10 февраля 1945 г. состоялась беседа Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, а также министром иностранных дел Великобритании Э. Иденом, на которой поднимался и обсуждался вопрос военнопленных. Черчилль отмечал, что удивлен количеством советских военнопленных в Западной Европе и уничижительным отношением к ним немцев [6. С. 200]. Британское правительство выразило желание как можно скорее вернуть эту категорию лиц на родину и одновременно предоставить информацию об освобождённых Красной армией английских военнопленных, разрешить послать специальных английских офицеров для ухода за ними, а также передать грузы от Красного Креста [6. С. 200]. Сталин утвердительно ответил на все просьбы Черчилля, при этом отметив, что «среди советских граждан есть люди, которых немцы силой заставляют работать, но есть и такие, которые добровольно подняли оружие против союзников» [6. С. 200]. Обе этих категории являются советскими гражданами и подлежат возвращению на родину.

В результате состоявшейся беседы 11 февраля 1945 г. представителями СССР, Великобритании и США В.М.Молотовым, А.Л. Грызловым, Э. Иденом и Д. Р. Дином были подписаны двусторонние соглашения: англо-советские и американо-советские, соответственно. В них были закреплены основные принципы репатриации. В соглашениях оговаривалось, что «все советские граждане... будут содержаться... в лагерях или сборных пунктах до момента передачи их советским <...> властям» [7. Электронный ресурс]. «Молотов и Иден подписали еще несколько соглашений, в их числе – дополнительный документ о статусе находившихся в лагерях в Англии русских» [8. С. 348]. Согласно данному документу было необходимо отделить советских граждан от немецких военнопленных, и выделить первым отдельную часть в лагере, куда уполномоченные представители СССР по репатриации имели бы свободный доступ [8. С. 348].

«Всего союзниками было создано около 1500 лагерей перемещенных лиц, расчетная пропускная способность которых составляла 4,5 млн человек. В каждом лагере проживало от 3 до 10 и более тысяч их обитателей» [9. С. 61].

Этот тип граждан получил статус перемещенных лиц – Displaced persons of United Nations (сокращенно DP или ди-пи). К нему относились: «граждане стран-противников, граждане СССР, Англии и США, бывшие гражданские пленные, а также граждане, чья государственная принадлежность не была выяснена в связи с территориальными изменениями; лица политически или религиозно преследуемые; граждане нейтральных государств; немнемецкие коллаборанты» [1. С. 208].

Однако большинство перемещённых лиц составляли советские граждане, которые были насильственно угнаны фашистами в Германию и другие страны для принудительного труда.

В лагерях, предназначенных для ди-пи, складывалась весьма сложная обстановка. Каждая из стран, имевшая влияние на мировой арене на тот период, стремилась достичь своих интересов. Важно отметить влияние антисоветской пропаганды, набравшей обороты в связи с началом претворения в жизнь средств ведения холодной войны. СССР понес огромные людские потери, поэтому ему было важно вернуть в свою страну как можно больше советских граждан для стабилизации демографической ситуации и восстановления страны. В то время как ангlosаксы, заинтересованные в дешевой рабочей силе и в утечке умов, вели активную работу против репатриации.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что масштаб проблемы беженцев был велик. В этой связи задачей мирового сообщества было добиться рационального использования ресурсов ЮНРПА. Советский Союз подписал соглашение об учреждении этой организации, сразу став, тем самым, ее членом. На одной из сессий ЮНРПА советская делегация высказывала свою готовность оказывать помощь другим странам в рамках организации, но не называла конкретных размеров по причине того, что значительная часть советской территории находилась в руках противника, и все масштабы разрушений, вызванных немецким вторжением, на тот период времени было трудно посчитать. [2. С. 17]. Справедливое распределение материальных средств между пострадавшими странами – было одним из дискуссионных вопросов на протяжении всей деятельности ЮНРПА. Тем не менее, было принято решение о том, что страны-участницы вносят в бюджет ЮНРПА один процент от национального дохода, который в дальнейшем был увеличен до двух [1. С. 209].

Особенность взаимоотношений Советского Союза и ЮНРПА заключалась в том, что СССР

напрямую не обращался за помощью к данной организации, при том, что «на основании резолюции № 67 ЮНРПА была обязана оказывать помощь перемещенным лицам в тех случаях, когда правительство обращается к ЮНРПА за содействием» [9.Л. 119]. Свою позицию советская делегация подтверждала в директивах на IV сессии Совета ЮНРПА. В частности, там отмечалось, что «помощь перемещённым лицам должна оказываться только с согласия правительства страны, поданными которой они являются». [9. Л. 120]. Правительство Советского Союза приняло полностью на себя осуществление на своей территории всех мероприятий ЮНРПА. Международное сотрудничество со странами, на территории которых находились советские перемещённые лица, осуществлялось на основании двусторонних соглашений, что позволяло реализовать более действенный контроль за процессом репатриации, с целью максимальной защиты страны от внедрения коллаборантов, квислинговцев и других нежелательных и опасных, с политической точки зрения, перемещенных лиц.

15 декабря 1946 г. вместо ЮНРПА Генеральной ассамблей ООН была учреждена Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (International Refugee Organization) – IRO (далее ИРО). Для создания ИРО и скорейшего разрешения вопроса беженцев и перемещенных лиц в 1946 г. был учрежден Специальный комитет, в рамках которого было создано еще три подкомитета. «Первый из них занимался трактовкой понятий «беженец» и «перемещённое лицо», задача второго заключалась в «установке фактов и сбору информации»; третий подкомитет занимался выработкой проекта устава будущей международной организации по делам беженцев и перемещённых лиц» [11. Л. 366]. Делегаты от СССР входили в каждый из названных подкомитетов. Кроме подкомитетов был создан специальный комитет по изучению различных заявлений частных организаций по вопросам ди-пи [11. Л. 367].

В отчетном докладе делегаций СССР, УССР и БССР об итогах работы Специального комитета по делам беженцев и перемещённых лиц четко фиксируется позиция представителей Англии, США и других стран, выступления которых были до крайности запутанными и необоснованно многословными, направленными на то, чтобы умышленно затянуть процесс обсуждения проблемы, и, соответственно, усложнить процесс ее решения [11. Л. 367].

Из-за постоянной конфронтации СССР не мог провести многие тактически важные предложения на заседаниях Комитета и подкомитетов. Они касались предоставления информации о странах происхождения беженцев и перемещенных лиц и политической ситуации в них; уточнения статуса перемещенных лиц, попадающих в ведение ИРО [11. Л. 390]. Также не были приняты предложения делегации СССР о роспуске военных соединений, о запрете пропаганды, о составе и гражданстве обслуживающего персонала лагерей дипийцев; о посылке комиссии в лагерь для установления фактов наличия военных преступников, квислинговцев и предателей» [11. Л. 391]. Предложения СССР по форме организации ИРО, принципам функционирования, особенностям финансирования также остались без юридического закрепления в документах тех лет. Тем не менее, благодаря работе Специального комитета были зафиксированы определения понятий «беженец/перемещенное лицо», принято решение о создании ИРО как специализированной международной организации, что должно было ускорить решение вопросов, касающихся беженцев и перемещённых лиц.

В итоге СССР не стал членом этой международной организации. Это было связано с тем, что советское руководство рассматривало ИРО в качестве англо-американского механизма управления вопросами судеб дипийцев, поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы для капиталистических стран [1. С. 216].

Но проблема беженцев и перемещённых лиц на протяжении всего послевоенного периода была на повестке дня Организации Объединённых Наций, членом которой являлся СССР. Важно рассмотреть предложения, выносившиеся в ООН от СССР, БССР УССР, в частности, проекты резолюций, после публикации Отчетного доклада делегаций СССР, УССР и БССР об итогах работы Специального комитета по делам беженцев и перемещённых лиц [12.]. Основное требование советских представителей делегации заключалось в том, чтобы все беженцы и перемещённые лица как можно скорее были возвращены в страны их происхождения.

В проекте резолюции от 20 октября 1947 г. «О международном сотрудничестве в предупреждении иммиграции, могущей нарушить дружественные отношения между нациями» со стороны СССР содержалось также требование СССР к мировому сообществу прореагировать на зафиксированные в лагерях для перемещённых лиц в Германии и Австрии факты пропаганды и вербовки советских граждан не в пользу возвращения в свою страну [12. С. 146]. Представители СССР в указанном документе просят принять меры, а именно: «снять с административных постов агитаторов..., назначить тех, кто заслуживает доверия», «обеспечить свободный доступ в лагерь заинтересованных представителей государств», «прекратить вербовку» [12. С. 164].

В проекте резолюции от 12 августа 1948 г. «По вопросу о репатриации, переселении и иммиграции беженцев и перемещённых лиц», помимо указанных выше требований СССР были включены статьи о запрете преследования перемещённых лиц, желающих вернуться на родину. Также Советский Союз призывал отстранить от руководства лагерями лиц, сотрудничавших с фашистами, военных преступников [12. С. 165]. В одном из положений упоминались дети, оказавшиеся в результате войны без родителей, которых тоже необходимо было вернуть на родину незамедлительно [12. С. 165]. Впервые в этом документе был установлен срок завершения репатриации – 1949 г. [12. С. 165].

Далее последовали проекты резолюций в 1949 г. по докладу Международной организации по делам беженцев (ИРО), содержание которых в целом повторяло прежние требования.

За этими резолюциями последовали проекты документов от БССР 1949 и 1950 гг., в которых говорилось о необходимости завершения репатриации к 1950 г., о предоставлении полных сведений о лицах, находящихся на территории стран-членов ООН и в лагерях беженцев и перемещённых лиц [12. С. 168]. Также представителями БССР в этих документах отмечалось невыполнение правительствами США, Великобритании, Франции и других стран резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о поощрении в содействии скорейшему возвращению перемещённых лиц в страны их происхождения от 12 февраля 1946 г. Поэтому было выдвинуто требование о необходимости принятия мер к выполнению этой резолюции [12. С. 169].

Основной процесс репатриации завершился в первой половине 1946 г. Общее число репатриантов в указанный период составляло «5,1 млн советских граждан, в то время как в оккупационных зонах западных держав оставалось еще более 0,5 млн перемещённых лиц, стремившихся избежать репатриации и ставших невозвращенцами» [1. С. 211].

Было бы некорректно предполагать, что многие советские граждане были возвращены на свою территорию вопреки их воле. Как свидетельствуют источники, более 80 % беженцев и перемещённых лиц хотели вернуться на родину, делали это добровольно,

получали содействие и необходимую поддержку от родной страны.

Тем не менее, практически все репатрианты проходили проверку и фильтрацию в специально созданных учреждениях Наркомата обороны и Наркомата внутренних дел [13. С. 6]. Пожилые люди и дети, не вызывавшие особых подозрений, отправлялись к местам своего жительства. Те же, кто мог быть замешан в противоправной деятельности против СССР, был подвергнут тщательной проверке и подлежали суду. Такая противоречивая политика репатриации не могла остаться без внимания Запада и стала использоваться как один из механизмов политической и идеологической борьбы против СССР, что усложняло советскую репатриационную политику.

Таким образом, с одной стороны, мы видим заинтересованность СССР в возвращении своих граждан на родину, стремление советских людей к восстановлению разрушенной зверской фашисткой агрессией страны, глубокую неприязнь к противнику. С другой стороны, мы имеем дело с правами и свободами перемещенных лиц, правом на отказ от насильственной репатриации. Необходимо еще раз поставить акцент на заинтересованности англо-американских представителей в беженцах и перемещенных лицах. В послевоенном устройстве мира США и Великобритания, а также другие, находящиеся под их влиянием страны, преследовали свои экономические и политические цели, а именно: дешевая рабочая сила, высококвалифицированные специалисты научных областей, вербовка для идеологической пропаганды против советского режима. Бывшие союзники видели в запуганных и измученных изнуряющими тяготами военного и послевоенного периода дипийцах самую подходящую категорию людей для реализации данных целей.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод о том, что Советское государство стремилось проводить международную политику по возвращению своих граждан на родину на основании зафиксированных в международных документах гуманных принципах. Кроме того, СССР, озабоченный судьбой своих соотечественников, принимал постоянное активное участие в работе международных организаций (ЮНРПА, ООН), где инициировал ряд резолюций, направленных на возвращении советских граждан на родину и наказание коллаборантов и предателей.

Библиография

1. Мосейкина М.Н. "Рассеяны, но не расторгнуты": русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960 гг. Москва: РУДН, 2011. 384 с.
2. Воскресенский А. Что такой ЮНРПА. Магадан: Советская Колыма, 1944. С. 3-24.
3. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны: Перевод с английского/ Под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др., Москва: Изд. центр "Терра", 1995. 800 с.
4. Юрченко С. В. Исторический контекст, значение и уроки Ялтинской конференции 1945 г. // Вестник архивиста. 2016. №1 (133). С. 202-236.
5. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944-1952: сборник документов: в двух томах / Федеральное архивное агентство, ФКУ "Государственный архив Российской Федерации", Германский исторический институт в Москве; ответственные редакторы и ответственные составители: О. В. Лавинская, В. В. Захаров; составители: К. М. Гринько, Е. В. Полоторацкая; при участии С. Дальке, М. Уля. – Москва: РОССПЭН, 2019. 877 с.
6. Ялта-45. Начертания нового мира /Н. А. Нарочницкая (отв. ред.) и др., Москва: Вече, 2010. 288 с.

7. Соглашения между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц этих государств, 1945 г. /Электронный ресурс/ Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Text/War_Conf/krim21.htm (Дата обращения: 09.03.20223)
8. Полян П. Н. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1996. 444 с.
9. Котова Т.А. Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945-1952 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02/ [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. Москва, 2018. 183 с.
10. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1 Д. 387 Л. 119-120.
11. ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1 Д. 386. Л. 366-391.
12. Сборник предложений СССР, УССР и БССР, вносившихся в ООН в 1946-1950 гг., М.: МИД СССР, 1952. 354 с.
13. Земсков, В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В настоящее время многочисленные аналитики - политологи, социологи, философы, - а также простые наблюдатели констатируют происходящую на наших глазах поэтапную трансформацию монополярного мира в мир многополярный, в рамках которого наряду с Вашингтоном ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Тегеран, Нью-Дели. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов формирования Ялтинско-Потсдамской системы, в том числе различных аспектов участия нашей страны.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является отношение СССР к политике репатриации на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Автор ставит своими задачами рассмотреть общие вопросы, связанные с беженцами, в годы Второй мировой войны, а также проанализировать политику Советского Союза по отношению к своим гражданам, оказавшимся на чужбине.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать политику СССР в отношении перемещённых лиц в период Второй мировой и в послевоенный период. Научная новизна заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 13 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованными документами МИД. Из привлекаемых исследований отметим труды В.Н. Земскова и М.Н. Мосейкина, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения вопросов беженцев и репатриации в рассматриваемый период. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Второй мировой войны, в целом, так и проблемами репатриации, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «большинство перемещённых лиц составляли советские граждане, которые были насильственно угнаны фашистами в Германию и другие страны для принудительного труда». Автор достаточно подробно раскрывает роль таких организаций, как Международная организация по делам беженцев и перемещённых лиц и участие в них Советского Союза. Примечательно, что Москва рассматривала в качестве англо-американского механизма управления вопросами судеб перемещённых лиц, «поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы для капиталистических стран». Автор обращает внимание и на то, что репатриантов в СССР ожидала серьёзная проверка, что использовалось западными державами в своей идеологической работе: это не могло не осложнять советскую репатриационную политику.

Главным выводом статьи является то, что «Советское государство стремилось проводить международную политику по возвращению своих граждан на родину на основании зафиксированных в международных документах гуманных принципах».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть использована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Англоязычные метаданные

French Decree on Family Reunification of 1976 in the context of the migration issue

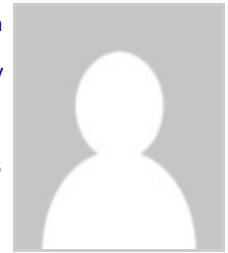
Osipov Evgeny Aleksandrovich

PhD in History

Senior Scientific Associate, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

119334, Russia, Moscow, ul. Leninsky Prospekt 32a, 26

✉ eaossipov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the French migration policy in the 1960s and 1970s, when a large number of migrant workers from the Maghreb countries arrived in the country, with an emphasis on the significance of the decree on family reunification that came into force in 1976. In modern historiography, both French and Russian, there is an idea that this decree became one of the main mistakes of the presidency of Valéry Giscard d'Estaing, symbolized the beginning of the policy of opening borders, attracting a large number of migrants from North Africa to the Fifth Republic and ultimately served as a starting point for the spread of Islam in France, the growth of religious radicalism and, in general, to the modern crisis of national and religious identity. The article is based on the latest achievements of French and Russian historiography. In particular, for the first time in Russian historiography, the results of the research of the French historian Muriel Cohen are introduced into scientific circulation, largely due to which the interpretation of the 1976 decree has changed in France. The article shows that in fact, the procedure for family reunification has not changed significantly since the end of World War II. However, depending on economic conditions and the degree of need for new migrants, law enforcement practice has changed. The French authorities liberally interpreted the issue of housing compliance with established standards in the 1960s during a period of shortage of workers, and vice versa, seriously approached the issuance of certificates of compliance with housing conditions in the 1970s. During the growth of unemployment and discontent of the French population with a large number of migrants from the Maghreb countries. Thus, the decree adopted in 1976 did not make significant adjustments to the migration policy of France and did not lead to an increase in the number of migrants in the country.

Keywords: Crisis, Islam, Identity, Maghreb, Migrants, Algeria, Family reunification, Fifth Republic, Decree, France

References (transliterated)

1. Boichot L. Valéry Giscard d'Estaing est-il vraiment le «père» du regroupement familial? // Le Figaro. 7.12.2020.
2. Devecchio A. «Pour une majorité de Français, le pays ne peut plus accueillir de nouveaux arrivants» // Le Figaro. 16.11.2020.
3. Cohen M. Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945-1984) // Annales de démographie historique. № 128. 2014/2. P. 187-213.
4. Cohen M. Regroupement familial: L'exception algérienne (1962-1976) // Plein droit. №95. 2021/4. P. 19-22.
5. Chernega V.N. Frantsiya: krizis politiki integratsii migrantov // Aktual'nye problemy

Evropy. №4. 2016. S. 140-156.

6. Osipov E. A. Frantsiya. 1983—1989. Ot marsha za ravenstvo k delu o musul'manskom platke // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». – 2017. – T. 8. – Vypusk 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/>. DOI: 10.18254/S0002027-8-1
7. Augustin M. La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013.
8. Giroud F. Les 7 jours qui ont changé le monde // L'Express. 12-18 Novembre 1973.
9. Deltombe T. L'Islam imaginaire. La construction médiatique de l'islamophobie en France, 1975—2005. Paris, 2005.
10. Interview de Paul Dijoud sur le regroupement familial en 1976. URL: <https://enseignants.lumni.fr/fiche-media/00000000804/interview-de-paul-dijoud-sur-le-regroupement-familial-en-1976.html> (data obrashcheniya: 08.05.2021)
11. Demintseva E. Byt' «arabom» vo Frantsii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.

Principles of Stratagem and Hard Power in Mao Zedong's Economic Reforms

Khandarkhaeva Viktoria Viktorovna

Senior Lecturer of the Department of Philology of the Far East of the Oriental Institute Dorzhi Banzarov Buryat State University; Postgraduate student of the Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

6 Sakhyanova str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670047, Russia

✉ khandarkhaeva@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the principles of stratagem and hard power in China. The subject of the study is the principles of stratagem and hard power in Mao Zedong's economic reforms. The author of the article examines the principles of stratagem and hard power used by Mao Zedong during the rule of the CPC of the People's Republic of China. Particular attention is paid to the fact that Mao Zedong actively applied these principles in the framework of economic reforms in the country. This article analyzes his approaches aimed at forming effective management systems, stimulating economic growth and strengthening the state structure of China. The author in the article analyzes the tactical techniques of Mao Zedong, which he used in military operations with Chiang Kai-shek, and in the future, in strengthening his power in the country. Special attention is paid to his methods of exhausting the enemy, stratagem techniques and tough approaches to winning the war. Also in the article, the author examines the rigidity of his approach as a political and military leader, expressed in the use of harsh methods in military tactics and in the economic development of China. The fundamentals of the methodology of this research are based on the principles of objectivity, scientific truth and historicity. Objectivity requires considering China's historical past without preconceived beliefs and analyzing the current situation of the country, taking into account its complex characteristics. Scientific nature ensures that conclusions are based only on documented facts. The main conclusions of the study are the principles of stratagem and hard power, which Mao Zedong applied while modernizing China during his reign. As a result of his efforts, China has overcome the status of an underdeveloped semi-colonial country, becoming a powerful nuclear power in the world. The author's special contribution to the research of the topic is the application of the principles of stratagem thinking and hard power, which allowed the article to describe the policies and initiatives of Mao Zedong. The novelty of the study is to identify economic reforms, the main directions in the policy of the modernization department of the People's Republic of China Mao Zedong, which had a

huge impact not only in world foreign policy, but also within the country, affecting the social sphere, culture, economy and political system of China.

Keywords: communism, socialism, modernization, marxism, stratagem, Chiang Kai-shek, hard power, economic reforms, Communist Party of China, Mao Zedong

References (transliterated)

1. Antichnaya basnya / Per. s grech. i lat. yaz. M. Gasparova. M.: Khud. literatura, 1991. 76 s.
2. Burlatskii F.M. Mao Tszedun i ego nasledniki [Elektronnyi resurs] // URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/209067-fedor-burlackij-mao-czedun-i-ego-nasledniki.html> (data obrashcheniya: 15.09.23).
3. Velikoe desyatiletie. Statisticheskii sbornik. Pekin, 1959. 29 s.
4. Vozhdi narodov. Mao Tszedun (2021) [Elektronnyi resurs] // URL: <https://youtu.be/MSHGWlkGpEA?si=x0UtqnBzZ6-v76g> (data obrashcheniya: 15.09.23).
5. Vystuplenie Si Tszin'pina na simpoziume, posvyashchennom 120-letiyu so dnya rozhdeniya tovarishcha Mao Tszeduna [Elektronnyi resurs] // URL: https://baike.baidu.com/reference/113835/9e41aPJqH-U9E7219LNUU6GlqEEAobdbYghKSNCPd-TmNYxR_nbyMkYi8_0mTlnpku79EH39U2bq0K36IAAKIxYfd-IeGipg7LpuOIBeD40KLp9URcE (data obrashcheniya: 15.09.23).
6. Mao Tszedun. Izbrannye proizvedeniya. T.1. Pekin, 1967. S. 270-276.
7. Mao Tszedun. Izbrannye proizvedeniya. T.4. Pekin, 1967. S. 160-518.
8. Mao Tszedun: Tsitatnik [Elektronnyi resurs] // URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/politika/246117-czedun-mao-citatnik.html> (data obrashcheniya: 15.09.23).
9. Regzenova D.B.-O. Istoricheskii opyt stratagemnosti i printsipa "myagkoi sily" v sotsial'no-ekonomicheskikh reformakh Kitaya: dis. kand. ist. nauk: 07.00.03. Buryatskii gos. universitet, Ulan-Ude, 2012. 69 s.
10. Uitkomb V.L. Sovremenniy Kitai / V.L. Uitkomb, M. Benson. M.: AST, Astrel', 2006. 68 s.
11. Tszin Tu. Preodolet' vliyanie zakona tsiklichnosti istorii // Kitai. Postavit' vlast' pod kontrol'. 2017. №12 (146). S. 35-36.
12. Yangutov L.E., Chebunin A.V. Sovremennaya filosofskaya i obshchestvenno-politicheskaya mysl' Kitaya // Voprosy filosofii. 2018. №8. C. 182-191.
13. 为何说蒋介石比不上毛泽东 (Pochemu govoryat, chto strategiya Chan Kaishi ne tak khorosha, kak strategiya Mao Tszeduna) [Elektronnyi resurs] // URL: https://news.sohu.com/a/582257500_605774 (data obrashcheniya: 15.09.23)

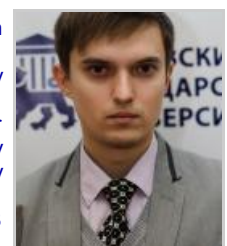
Testimonies of Spanish captives about the course of Francis Drake's circumnavigation

Mikheev Dmitry Vladimirovich

PhD in History

Associate Professor, Department of World History, Herzen State Pedagogical University of Russia; Senior Researcher, Research Laboratory "Center for the Comprehensive Studies of Regional Security Issues", Pskov State University

191186, Russia, federal city of Saint Petersburg, Saint Petersburg, nab. Moika River, 48

Abstract. The publication is devoted to the events related to the second circumnavigation organised by the English privateer, naval commander and discoverer Francis Drake. The author pays special attention to sources of Spanish origin, represented by the materials of interrogations of Spanish prisoners who had been on board the English ship and personally communicated with English corsairs. The Spanish testimonies contain detailed descriptions of the actions of Drake and his companions on the Pacific coast of the New World, reports on the armament and composition of the English crew, and considerations about the goals of the expedition. A special place in the testimonies is occupied by reports on the damage caused and the booty captured by the English. The comparative-historical method allows, as a result of comparing Spanish and other sources, to identify new details about the course of the expedition, omitted for various reasons by the authors of English testimonies about Drake's voyage. Spanish sources are actively introduced into the scientific turnover during the XX century, changing the idea of the course of the first English circumnavigation expeditions. Despite the repeated information in the testimonies about the actions of English corsairs off the Pacific coast of the New World we can trace the dynamics of Drake's actions, understand how his plans changed as he moved along the coast. Witness testimony allows us to imagine the scale of the booty captured by the British during their plundering raid, to trace the peculiarities of corsairs in Spanish waters on the eve of the open Anglo-Spanish conflict. Numerous testimonies of the captives of the English corsair help to recreate the image of Drake and his companions, to determine the peculiarities of their perception by the subjects of the King of Spain.

Keywords: Alonso Sanchez Colchero, Francis Drake, Spanish colonies, circumnavigation, Strait of Magellan, New World, San Juan de Anton, Age of Discovery, Francisco de Zarate, captives

References (transliterated)

1. Corbett J.S. Drake and Tudor Navy. Vol. I. N.-Y.: Burt Franklin, 1899. – 415 p.
2. Sorbett J.S. Sir Francis Drake. L.: Macmillan and Co., 1890. – 209 p.
3. Williamson J.A. The Age of Drake. L.: A. & C. Black, 1938. – 400 p.
4. Williamson J.A. Sir Francis Drake. L.: Collins, 1951. – 160 p.
5. Kelsey H. Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. L.: Yale University Press, 1998. – 566 p.
6. Whitfield P. Sir Francis Drake. L.: Brit. libr., 2004. – 160 p.
7. Magidovich I.P., Magidovich V.I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. T. II. M.: Prosveshchenie, 1983. – 399 s.
8. Svet Ya.M. Piraty Antil'skikh morei // NiNI. 1966. №1. S. 133-144.
9. Pigafetta A. Puteshestvie Magellana / pod red. Ya.M. Sveta. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1950. – 179 s.
10. Malakhovskii K.V. Krugosvetnyi beg «Zolotoi lani». M.: Nauka, 1980. – 168 s.
11. Mozheiko I.V. Piraty, korsary, reidery. M.: Veche, 2007. – 380 s.
12. Kopelev D.N. V poiskakh edinogo mira. Krugosvetnye ekspeditsii: ot «dolgogo XVI veka» k epokhe prosveshcheniya // Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhranenie i razvitie. Kollektivnaya monografiya po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 24-25 oktyabrya 2018 goda. SPb., 2018. S. 143-166.
13. Kopelev D.N. Zolotaya epokha morskogo razboya. Piraty, flibust'ery, korsary. M.:

- Ostozh'e, 1997. – 496 s.
14. Kopelev D.N. Piratstvo v XVI-XVIII vekakh: na ostrie mirovoi politiki. SPb.: Vita Nova, 2013. – 734 c.
 15. Kopelev D.N. Razdel Okeana v XVI-XVIII vekakh: istoki i evolyutsiya piratstva. SPb.: Kriga, 2013. – 736 s.
 16. Shigin V.V. Dreik: pirat i rytsar' Ee Velichestva. M.: Veche, 2014. – 254 s.
 17. Gubarev V. K. Frensis Dreik. M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 373 s.
 18. Andrews K.R. The Aims of Drake's Expedition of 1577–1580 // The American Historical Review. 1968. Vol. 73. № 3. P. 724-740.
 19. Mikheev D.V. Mezhdru mirom i voynoi: ispanskije istochniki o tselyakh krugosvetnoi ekspeditsii F. Dreika (1577–1580 gg.) // Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik. 2015. Vyp. 1. S. 66-70.
 20. New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / Ed. by Z. Nuttall. L.: Hakluyt Society, 1914. – 443 p.
 21. Angliya. Avtobiografiya / pod red. Dzh. L'yuisa-Stempela. M.: Eksmo, 2008. – 624 c.
 22. The World Encompassed by Sir Francis Drake / Ed. by W. S. W. Vaux. L.: Hakluyt Society, 1854. – 295 p.
 23. Khokkel' R. Chertezhi sudov XVI–XVII vv. L.: Sudostroenie, 1975. – 88 s.
 24. Mikheev D.V. Vozniknovenie praktiki kaperstva v Anglii v XIII–XVI vv. // Metamorfozy istorii. 2013. № 4. S. 201-216.
 25. Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / Ed. by M. Hume. Vol. III. 1580–1587. L.: Public Record Office, 1896. – 720 p.
 26. Pastushenko A. O. O funktsii igry v zhizni piratov Zapadnoi Atlantiki XVI–XVIII vv. // Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriya: Istoriya. 2009. № 852. Vip. 41. S. 59-69.
 27. Dmitrieva O. V. Elizaveta Tyudor. M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 308 s.

The problem of Armenia's integration into the Roman world in the post-Armenian period

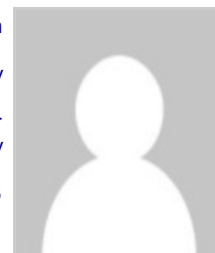
Yartsev Sergey Vladimirovich

Doctor of History

Associate Professor, Department of History and Archeology, Tula State Pedagogical University named after L.N.Tolstoy

300026, Russia, Tula region, Tula, Prospekt Lenina str., 125

✉ s-yartsev@yandex.ru

Bobin Roman Mikhaylovich

Postgraduate student of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula)

300026, Russia, Tula region, Tula, Prospekt Lenina str., 125

✉ sorcerer071@mail.ru

Abstract. The object of the study is the buffer zone of the Roman Empire, located between the ancient civilization and the barbarian world. The subject of the study is the history of

Armenia during the reign of the Roman emperors Hadrian and Antoninus Pius (117–161), as well as during the Roman-Parthian war of 161–166. Based on the comparative-historical method of research, the authors examine in detail such aspects of the topic as Hadrian's refusal of further conquests and the transition to a defensive strategy of the state. At the same time, special attention is paid to Hadrian's pan-Hellenic project of creating a Hellenic commonwealth uniting all Greeks of the ancient world. The article also focuses on the consistency and calculation of the emperors' actions towards Armenia, which does not fit well with the view of the transition of the empire under Hadrian to the strategic defense of the perimeter of the Roman borders.

The main conclusions of this study are that, starting with Hadrian, Roman expansion was not actually stopped, but took other forms (economic and cultural), which actually had to prepare the peaceful entry of this or that buffer territory into the empire. It is possible that in the Caucasus, and in particular in Armenia, the Romans planned to carry out this process in the form of Hellenization, based on the previous experience of adapting Greek culture to local traditions. This, in the end, inevitably led to the perception of already Roman gods by the alien population, familiarity with which was ensured by this Hellenization. The novelty of the study is that the authors considered Hadrian's Panhellenic project in the context of the above-mentioned processes and as an essential component of both internal and external policy towards the buffer dependent states.

Keywords: Hadrian's Panhellenic project, Hellenization, buffer zone, Emperor Antoninus Pius, Emperor Hadrian, Roman peace, Roman Empire, Parthia, Armenia, Roman cultural expansion

References (transliterated)

1. Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskii imperii. M.; Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom pečati, 1995. 654 s.
2. Arutyunyan A.Zh. Vostochnyi pokhod imperatora Trayana i Arshakidskaya Armeniya // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3(27). S. 90–98.
3. Bannikov A.V. Evolyutsiya rimskoi voennoi sistemy v I–III vv. (ot Avgusta do Diokletiana). SPb.: Evraziya, 2013. 256 s.
4. Beiker S. Drevnii Rim. Vzlet i padenie imperii. SPb.: Amfora, 2008. 451 s.
5. Bokshchanin A. G. Parfiya i Rim. M.: Izdatel'stvo MGU, 1966. 304 s.
6. Gabarashvili G.D. Panellinskaya programma imperatora Adriana // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2020. №4. S. 59–63.
7. Gabrielyan R. A. Armyano-alanskii otnosheniya (I–X vv.). Erevan: Izdatel'stvo AN Armyanskoi SSR, 1989. 142 s.
8. Grant M. Rimskie imperatory: Biograficheskii spravochnik pravitelei Rimskoi imperii 31 g. do n.e. — 476 g. n.e. M.: TERRA, 1998. 400 s.
9. Dibvoiz N.K. Politicheskaya istoriya Parfii. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2008. 816 s.
10. Dydynskii F. M. Imperator Adrian. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1896. 262 s.
11. Kamyshchev K.D. Etnokul'turnaya orientatsiya elit kak faktor geopoliticheskogo razvitiya rimsko-iranskogo pogranich'ya I v. do n.e. – III v. n.e. // Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. 2017. № 3. S. 59–66.
12. Mommzen T. Istoriya Rima. Rostov n/D.: Feniks, 1997. T. 4. 640 s.
13. Panov A.R. Severo-vostochnye rubezhi Rimskoi imperii. Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya vo II v. do n.e. – nachale II v.

- n.e. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 400 s.
14. Perevalov S.M. Rim i Kavkaz v drevnosti: vrugi ili partnery? // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2010. №1. T.10. S. 2–10.
 15. Perevalov S.M. Takticheskie traktaty Flaviya Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispozitsiya protiv alanov. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2010. 390 s.
 16. Ranovich A.B. Vostochnye provintsii Rimskoi imperii v I–III vv. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 262 s.
 17. Rostovtsev M. I. Novye latinskie nadpisi s yuga Rossii // Izvestiya Gosudarstvennoi Rossiiskoi Arkheologicheskoi komissii. 1909. Vyp. 33. S. 1–22.
 18. Trever K.V. Ocherki po istorii kul'tury drevnei Armenii (II v. do n.e. – IV v. n.e.). M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 293 s.
 19. Trukhina N.N. Imperatorskii kul't v pozdnei Rimskoi imperii // Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti / Pod red. S.Yu.Saprykina. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2010. S. 257–261.
 20. Khanotis A. Epokha zavoevanii: grecheskii mir ot Aleksandra do Adriana (336 g.do n.e.–138 g. n.e.). M.: Al'pina non-fikshn, 2020. 680 s.
 21. Chistalev M.S. Vospriyatie Egipta i egipetskoj kul'tury v rimskom obshchestve (seredina I v. do n.e. – nachalo III v. n.e.). Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2014. 278 s.
 22. Shtaerman E.M. Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima. M.: Nauka, 1987. 320 s.
 23. Yartsev S.V. Severnoe Prichernomor'e v rimskii period i problema got'skoi ekspansii. Tula: Izdatel'stvo TGPU im. L.N.Tolstogo, 2014. 356 s.
 24. Beaujeu J. La religion romaine à l'apogée de l'Empire: Thèse principale, présentée ... pour obtenir le grade de docteur ès-lettres. Paris: Les Belles lettres, 1955. 425 s.
 25. Birley A.R. Hadrian. The Restless Emperor. L.; N.Y.: Routledge, 1999. 399 p.
 26. Braund D. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. London and Canberra: Croom Helm; N. Y.: St. Martin's Press, 1984. 226 p.
 27. Brogan O. An Introduction to the Roman Land Frontier in Germany // Greece & Rome. 1933.Vol. 3. No. 7. P. 23–30.
 28. Carrata Thomes F. Gli Alani nella politica orientals di Antonino Pio // Universita di Torino. Pubblicazioni della Facolta di lettere e filosofia. 1958. Vol. 10. Fasc. 2. P. 3–42.
 29. Chaumont M.-L. L'Arménie entre Rome et l'Iran I. De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien / H. Temporini (ed.). Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1976. II (9.1). R. 71–194.
 30. Fischer Weltgeschichte. Band 8: Das Römische Reich und seine Nachbarn. Die Mittelmeerwelt im Altertum IV / Fergus Millar (ed.). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1966. 345 s.
 31. Fishwick D. The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire. 1, 1–2 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'empire romain CVIII). Leiden: Brill, 1987. 371 p.
 32. Fündling J. Kommentar zur Vita Hadriani der Historia Augusta. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2005. 1230 r.
 33. Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz: Lassleben, 1968. 112 s.
 34. Henderson B. W. The life and principate of the Emperor Hadrian, A.D. 76–138. London: Methuen & Company, Limited, 1923. 304 p.

35. Isaac B. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford: Oxford University Press, 1990. 510 r.
36. Jones A. H. M. Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Clarendon Press, 1971. 595 p.
37. Knell H. Des Kaisers neue Bauten: Hadrians Architektur in Rom, Athen und Tivoli. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern Verlag, 2008. 119 s.
38. Kulikowski M. The Triumph of Empire: The Roman World from Hadrian to Constantine. L.: Harvard University Press, 2006. 386 p.
39. Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1976. 272 r.
40. Mattern S.P. Rome and the enemy: Imperial strategy in the principate. Berkeley etc.: Univ. of California, 1999. 259 p.
41. Mattingly H., Sydenham E. A. The Roman Imperial coinage. Vol. III. Antoninus Pius to Commodus. L.: Spink & Son, Ltd., 1930. 514 p.
42. Praice S.R.F. Rituals and power: the Roman imperial cult in Asia Minor. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1984. 289 p.
43. Smelik K.A.D., Hemelrijk E.A. Who knows not what monsters demented Egypt worships? Opinions on Egyptian animal worship in Antiquity as part of the ancient conception of Egypt // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (ANRW) / Rise and Decline of the Roman World. Berlin; New York: De Gruyter, 1984. T. II. Bd. 17/4. P. 1852–2000.
44. Vinogradov J.G. The Goddess «Ge Meter Olybris». A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. 1992. № 42/1. R. 13–26.
45. Wheeler E.L. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994–1996/1997. 6–7. P. 51–78.

The Special Tribunal in Martinique: from the history of French colonial justice in the early 19th century

Krichevskiy Mikhail Vladimirovich

PhD in History

Associate professor, Department of Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management

630099, Russia, Novosibirsk, Kamenskaya Street 52/1

✉ cm.martellus@gmail.com

Abstract. The focus of this article is on the special tribunal, a special judicial body established in the French colony of Martinique in 1803. It was created to carry out criminal repression against black slaves accused of poisoning, arson, stealing boats and pirogues to escape. The main purpose of the study is to determine the legal basis for the organization of a special tribunal in Martinique and to identify its features in relation to the special tribunals that existed in the metropolis from 1801 and 1802. The question of the correlation of these tribunals in the colony and in the metropolis seems to be little studied in historiography. The subject of research in the work is the evolution of the special tribunal during the period of French rule on the island – from the establishment of the court to the loss of control over Martinique by the French in 1809. To work on the topic, documentary materials from the National Archives of overseas France, published legislative acts and acts of ministers of the Napoleonic era, acts of the island administration from the "Code of Martinique" were involved.

The study used the method of concrete historical analysis, comparative legal analysis of legal documents and structural and functional analysis of judicial bodies. As a result of the study, it can be concluded that the competence of the Martinique Special Tribunal has changed towards its expansion over three stages in 1803-1809. From an organ of repression exclusively for slaves, it gradually turned into an extraordinary court for slaves and for free people of color, and then for any vagabonds without a place of residence and recognition. Dangerous crimes of a state nature began to belong to his jurisdiction. The comparison of the tribunal with the special tribunals established in the metropolis in 1801 and 1802 does not confirm the full borrowing of judicial law from the metropolis in the organization of the colonial court and testifies in favor of the originality of colonial justice. However, similar features in the composition of these bodies and in the order of judicial procedure allow us to speak about general trends in the development of judicial systems throughout the French Empire, in the metropolis and in the colonies, expressed in the creation of bodies of emergency justice, alternative to courts of general jurisdiction.

Keywords: death penalty, murder, poisoning, exceptional justice, Special Tribunal, Consulate, First Empire, slavery, French colonies, Martinique

References (transliterated)

1. Krichevtsev M. V. Spetsial'nye tribunaly v sudebnoi sisteme epokhi Konsulata: iz istorii voenno-sudebnogo prava Frantsii XVII – nachala XIX v. // Pravo i ekonomika: natsional'nyi opyt i strategii razvitiya. Sb. st. po itogam IV Novosib. mezhdunar. yurid. foruma. Novosibirsk: NGUEU, 2023. Ch. 1. S. 334–348.
2. Abry J. G. Essai biographique sur Madame Tascher de La Pagerie... . P.: Mme v. Galpin et Guesnon, 1856. 24 p.
3. ANOM. COL C8 A 107 F 112.
4. ANOM. COL C8 A 107 F 188.
5. ANOM. COL C8 A 107 F 198.
6. ANOM. COL C8 A 109 F 202.
7. ANOM. COL C8 A 112 F 210.
8. ANOM. COL C8 A 114 F 174.
9. ANOM. COL C8 A 115 F 51.
10. ANOM. COL C8 A 115 F 259.
11. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an IX. T. 2. Bull. 68. № 527.
12. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an XI. T. 6. Bull. 190. № 1574.
13. Code de la Martinique. Nouv. éd., par M. Durand-Molard. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1811. T. 4. 916 p.
14. Code de la Martinique. Nouv. éd., continuée par M. Dufresne de St-Cergues. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1814. T. 5. 880 p.
15. Daney S. Histoire de la Martinique depuis la colonisation jusqu'en 1815. Fort-Royal: E. Ruelle, imprimeur, 1846. T.6. 434 p.
16. Debbasch Y. Opinion et droit: Le crime d'empoisonnement aux Iles pendant la période esclavagiste // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1963. T. 50, № 179, trimestre 2. P. 137-188.
17. Dictionnaire des arrêts modernes. Par M. Loiseau. P.: Aux Archives du droit français,

Chez Clament frères, libraires-éditeurs, 1809. T. 2. 655 p.

18. Le Code Noir ou Edit du Roy, servant de reglement pour le Gouvernement & l'Administration de Justice & la Police des Isles Françaises de l'Amerique, & pour la Discipline & le Commerce des Negres & Esclaves dans ledit Pays. Donné à Versailles au mois de Mars 1685. P.: Chez C. Girard, 1735. 14 p.
19. Louis A. A. Les livres de couleur en Martinique des origines à 1815. Thèse pour le doctorat en Histoire. L'Université des Antilles et de la Guyane, 2011. 790 p.
20. Maillard B. Le tribunal spécial de la Guadeloupe et Dépendances, 1803–1806 // Annales historiques de la Révolution française. 2018/4, № 394. P. 51–78.
21. Mignot, Dom A. Le droit romain et la servitude aux Antilles // Bulletin de la Société d'Histoire de la Guadeloupe. 2001. № 127–128. P. 25–46.
22. Moitt B. Women and Slavery in the French Antilles, 1635-1848. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2001. 238 p.
23. Nicolas A. Histoire de la Martinique. Des Arawaks à 1848. P.: L'Harmattan, 2016. T. 1. 418 p.
24. Trani L. La Martinique napoléonienne 1802–1809. Entre ségrégation, esclavage et intégration. P.: Éditions SPM, 2014. 420 p.

Classic Theories of Nationalism in the Context of Minority Nationalism in Great Britain: regional nationalist movements as a “marginal” subject of modern historiography of nationalism

Kyrchanoff Maksym Waler'evich

Doctor of History

Voronezh State University, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations; Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Russia, Voronezh region, Voronezh, Pushkinskaya str., 16, office 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to analyze the possibility of classical theories of nationalism use in analysis of the minority nationalisms histories in the British historiographical situation. The author analyses the complexities of integration and assimilation of the ideal models of Ruritania and Megalomania as imagining nationalising and modernising societies proposed by Ernest Gellner, as well as Miroslav Hrochs' periodisation of nationalism as “ideal” interpretive models in the contexts of British historiography. The subject of the article is classical modernist theories of nationalism, the object is the possibility of their application in British historical research. It is assumed that the processes of nationalist modernisation and the development of regional nationalisms, on the one hand, are perceived through the prism of a constructivist approach. On the other hand, the author believes that the British historical material is characterised by a significant degree of resistance and therefore the use of classical theories of nationalism in the context of the conservatism of the historiographical imagination in Great Britain is debatable. The article analyses the difficulties of integrating the history of regional minority nationalisms and English nationalism into the contexts of sociocultural modernism of classical theories of nationalism. The results of the study suggest that the modern British historiographical situation is simultaneously characterised by an interest in the problems of the social history of regional nationalisms and significant conservatism, which expresses itself in ignoring classical

theories of nationalism, despite the effectiveness of their interpretive models.

Keywords: modernism, revisionism, historiography, Welsh nationalism, Scottish nationalism, English nationalism, regional nationalisms, nationalism, social history, historical memory

References (transliterated)

1. Condor S., Fenton S. Thinking across domains: Class, nation and racism in England and Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 385-393. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448016>
2. Evans D. Welsh devolution as passive revolution // *Capital and Class*. 2018. Vol. 42. No 3. P. 489-508. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309816817742343>
3. Murray P. Irish History as a Testing Ground for Sociological Theory: Hechter's Internal Colonialism and Hutchinson's Cultural Nationalism // *Irish Journal of Sociology*. 1994. Vol. 4. No 1. P. 128-159. DOI: <https://doi.org/10.1177/079160359400400107>
4. Hechter M. Internal Colonialism Revisited // *New Nationalisms of the Developed West* / eds. E.A. Tiryakian, R. Rogowski. L.: Allen and Unwin, 1985. P. 17-26.
5. Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. L.: Allen and Unwin, 1987.
6. McCrone D. Who do you say you are?: Making sense of national identities in modern Britain // *Ethnicities*. 2002. Vol. 2. No 3. P. 301-320. URL.: <https://doi.org/10.1177/14687968020020030201>
7. Condor S. Unimagined community? Some social psychological issues concerning English national identity // *Changing European Identities* / eds. G. Breakwell, E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 41-68.
8. Gellner E. Nations and nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
9. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
10. Jones M. Framing Welsh identity // *Textes et Contextes*. 2008. No 1. URL.: <https://preo.u-bourgogne.fr/textesetcontextes/index.php?id=109.halshs-00317835v2>
11. Jones A., Jones B. The Welsh World and the British Empire, c.1851-1939: An Exploration // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2003. Vol. 31. No 2. P. 57-81.
12. Orazi F. The Elusiveness of Nationalism // *Revue Française de Civilisation Britannique*. 2022. Vol. XXVII. No 2. URL.: <https://journals.openedition.org/rfcb/9353> DOI: <https://doi.org/10.4000/rfcb.9353>
13. Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
14. MacKenzie J.M. Irish, Scottish, Welsh and English Worlds? A Four-Nation Approach to the History of the British Empire // *History Compass*. 2008. Vol. 6. No 5. P. 1244-1263. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2008.00543.x>
15. Boulter S. Globalization and nationalism in England, Scotland and Wales // *Xavier Journal of Politics*. 2020. Vol. IX. P. 44-66.
16. Jackson A. Why Did Wales Stay in the Union in the Early Twentieth Century? // *Reform and Its Complexities in Modern Britain: Essays Inspired by Sir Brian Harrison* /eds. B. Kinzer, M. Kramer, R. Trainor. Oxford: Oxford Academic Press, 2022. P. 248-280. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192863423.003.0012>

17. Borland J., Fevre R., Denney D. Nationalism and Community in North West Wales // *The Sociological Review*. 1992. Vol. 40. No 1. P. 49-72. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1992.tb02945.x>
18. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
19. Griffiths H.M. Water under the bridge? Nature, memory and hydropolitics // *Cultural Geographies*. 2014. Vol. 21. No 3. P. 449-474. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474474013510109>
20. Subbe C. 'Anghofiwch Dryweryn' – time to forget? // *Wales Arts Review*. 2022. August 31. URL.: <https://www.walesartsreview.org/anghofiwch-dryweryn-time-to-forget/>
21. Williams C.H. When Nationalists Challenge: When Nationalists Rule // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 1985. Vol. 3. No 1. P. 27-48. DOI: <https://doi.org/10.1068/c030027>
22. A Union of Multiple Identities: The British Isles, c.1750–1850 / eds. L. Brockliss, D. Eastwood. Manchester: Manchester University Press, 1997.
23. Clark J.C.D. English History's Forgotten Context: Scotland, Ireland, Wales // *The Historical Journal*. 1989. Vol. 32. No 1. P. 211-228.
24. Aughey A. Englishness as class: A re-examination // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 394-408. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448018>
25. Skey M. "Sod them, I'm English": The changing status of the 'majority' English in post-devolution Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 1. P. 106-125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796811419601>
26. Mann R. Uneasy being English: The significance of class for English national sentiments // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 484 – 499. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448025>
27. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge and Kegan Paul, 1984.
28. Bourdieu P. Social space and symbolic power // *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. No 1. P. 15-25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>
29. Fenton S. Resentment, class and social sentiments about the nation: The ethnic majority in England // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 465-483. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448023>
30. Mycock A. The Party Politics of the 'New English Regionalism' // *Political Studies Review*. 2016. Vol. 14. No 3. P. 388-399. DOI: <https://doi.org/10.1177/1478929916649618>
31. Tyler K. The English village, whiteness, coloniality and social class // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 427 – 444. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448020>
32. Young J.D. *The Rousing of the Scottish Working Class*. L.: McGill – Queen's University Press, 1979.
33. Shaw R., Richardson M.J. An Epic Tale of England: Atmospheric authentication of nationalist narratives // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2021. Vol. 40, No 2. P. 351-368. URL.: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02637758211065758> DOI: <https://doi.org/10.1177/02637758211065758>
34. Mylonas H., Tudor M. Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know // *Annual Review of Political Science*. 2021. Vol. 24. R. 109-132.

35. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 85. S. 83-94.
36. Kohn H. The Genesis and Character of English Nationalism // Journal of the History of Ideas. 1940. Vol. 1. No 1. P. 69 – 94. DOI: <https://doi.org/10.2307/2707011>
37. Morgan K.O. Welsh Nationalism: The Historical Background // Journal of Contemporary History. 1971. Vol. 6. No 1. P. 153-172. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022009471006001>
38. Tudur D. Cymru'n Deffro: Michael D. Jones and the "national awakening" // Studies on National Movements. 2014. Vol. 2. No 1. URL.: <https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85402/> DOI: <https://doi.org/10.21825/snm.85402>
39. Studlar D.T. Comment: The Social Context of Welsh Nationalism // Western Political Quarterly. 1981. Vol. 34. No 2. P. 328-329. DOI: <https://doi.org/10.1177/106591298103400211>
40. Fowler C., Jones R. Fractured Intellectuals and the Nation: Cynog Dafis and Welsh Nationalism // Contemporary Wales. 2008. Vol. 21. No 1. P. 130-149.
41. Jones R., Fowler C. National élites, national masses: oral history and the (re)production of the Welsh nation // Social & Cultural Geography. 2007. Vol. 8. No 3. R. 417-432. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649360701488872>
42. Rhodes J. The Nation, the Festival, and Institutionalized Memory: Transoptic Landscapes of the Welsh National Eisteddfod // GeoHumanities. 2021. Vol. 7. No 2. P. 558-583. DOI: <https://doi.org/10.1080/2373566X.2021.1903812>
43. Nairn T. The twilight of the British State // New Left Review. 1977. No 101-102. URL.: <https://newleftreview.org/issues/i101/articles/tom-nairn-the-twilight-of-the-british-state>
44. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 87. S. 83-94.
45. Heath A., Smith S. Varieties of Nationalism in Scotland and England // Anglo-Scottish Relations, from 1900 to Devolution and Beyond / ed. W.L. Miller. L.: British Academy Press, 2005. P. 132-152. DOI: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263310.003.0009>
46. Brooks S. How liberalism assimilates minorities. The failure to develop a Welsh national movement in the nineteenth century // Studies on National Movements. 2014. Vol. 2. No 1. URL.: <https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85404/> DOI: <https://doi.org/10.21825/snm.85404>
47. Rawkins P.M. An Approach to the Political Sociology of the Welsh Nationalist Movement // Political Studies. 1979. Vol. 27. No 3. P. 440-457. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1979.tb01214.x>
48. Morgan S. Nationalists and the problem of overcoming invisibility: Catalonia and Wales // Studies on National Movements. 2014. Vol. 2. No 1. URL.: <https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85400/> DOI: <https://doi.org/10.21825/snm.85400>
49. Moore D. Writers in Wales: the poet and the public intellectual // Wales Arts Review. 2012. October 25. URL.: <https://www.walesartsreview.org/longform-the-poet-and-the-public-intellectual/>
50. Eley G. Nationalism and Social History // Social History. 1981. Vol. 6. No 1. P. 83-107.
51. O'Toole F. Disunited Kingdom. Will Nationalism Break Britain? // Foreign Affairs. 2023. March – April. URL.: <https://www.foreignaffairs.com/europe/disunited-kingdom-nationalism-break-britain-fintan-otoole>

52. Leeworthy D. Sourcing labour: writing Welsh political history // Wales Arts Review. 2018. November 28. URL.: <https://www.walesartsreview.org/sourcing-labour-writing-welsh-political-history/>
53. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536 – 1966. Berkeley: University of California Press, 1977. R. 130-132, 138-141.
54. Hroch M. From national movement to the fully-formed nation // New Left Review. 1993. No 198. URL.: <https://newleftreview.org/issues/i198/articles/miroslav-hroch-from-national-movement-to-the-fully-formed-nation.pdf>
55. Kumar K. Britain, England and Europe: Cultures in Contraflow // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No 1. P. 5-23. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431003006001001>
56. English R. Is there an English Nationalism? L.: Institute for Public Policy Research, 2011. P. 7.

Inheritance law in the Grand Duchy of Lithuania

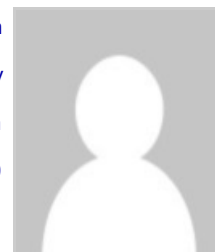
Belyaev Mikhail Petrovich

PhD in History

Associate Professor, Department of Jurisprudence, Russian University of Cooperation

141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 12/30

✉ babek-han@mail.ru

Elyazyan Anna Shagenovna

PhD in Sociology

Acting Head of the Department of Jurisprudence, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Russian University of Cooperation

141014, Russia, Moscow region, Mytishchi, Vera Voloshina str., 12/30

✉ elyazyan.77@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the development of legislation on inheritance of property in the Grand Duchy of Lithuania. The object of the study is the hereditary legal relations of the Grand Duchy of Lithuania of the XV-XVI centuries. The purpose of the work is to reveal the evolution of hereditary legal relations, to identify their essence and patterns of development. From the standpoint of the achievements of modern historical and legal science, the aim is to analyze the main provisions of the inheritance law of the Grand Duchy of Lithuania, to note the characteristic features of the codification process of the XVI century, to analyze the causes and identify trends in the evolution of the institutions of inheritance law. To achieve the goal, general scientific and special research methods were used, including dialectical, historical-legal, comparative-legal and systemic. The result of the work was the first in modern Russian historical and legal science study of the problem of inheritance of property under the legislation of the Grand Duchy of Lithuania. The peculiarities of inheritance by law are revealed. A number of controversial issues in historical and legal science (veno, extortionate property, etc.) are touched upon. Provisions describing trends in the development of hereditary legal relations in the Grand Duchy of Lithuania are introduced into scientific discussion. A comparative analysis of inheritance of property in the male and female line in the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania is made.

In the course of the study, the main features and patterns of the development of the inheritance law of the Grand Duchy of Lithuania are revealed, thereby filling a gap in the national historical and legal science.

Keywords: property, Statute, inheritance by will, inheritance by law, dowry, veno, hereditary relations, estate, marriage, gentry

References (transliterated)

1. Bardakh Yu. Litovskie Statuty – pamyatniki prava perioda epokhi Vozrozhdeniya // Kul'turnye svyazi Vostochnoi Evropy v XVI v. Problemy vzaimootnoshenii Pol'shi, Rossii, Ukrainy, Belorussii i Litvy v epokhu Vozrozhdeniya. M.: Nauka, 1976. S. 71-93.
2. Golubeva L. L. Nasledovanie imushchestva po zakonodatel'stvu Velikogo knyazhestva Litovskogo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 2000. 21 s.
3. Doŭnar T. I. Gramadzyanskae prava feadal'nai Belarusi XV-XVI stst. Minsk: BDU, 1997. 85 s.
4. Zaika Yu. A. Ustranenie ot nasledovaniya po Statutu Velikogo Knyazhestva Litovskogo 1566 goda // Statut Vyalikaga knyastva Litoŭskaga, Ruskaga i Zhamoitskaga 1566 g.: da 450-goddzya vydannya: materyyaly kruglaga stala, 1 krasavika 2016 g., g. Minsk. Minsk: BDU, 2016. S. 62-66.
5. Kovshar A.D. Spadkove pravo mishchan za pershim i drugim Litovs'kimi Statutami 1529 i 1566 rr. // Suchasni tendentsii v yuridichnii nautsi Ukraïni. Materiali III Mizhnarodnoi naukovo-praktichnoi konferentsii (m. Kiïv, 29-30 chervnya 2017 roku). Kherson: Vidavnichii dim «Gel'vetika», 2017. S. 10-12.
6. Larichev Ya. Yu. Nasledstvennoe pravo - institut grazhdanskogo prava Velikogo knyazhestva Litovskogo // 75-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy konferentsii. Ch. 3. Redkollegiya: V.G. Safonov [i dr.]. Minsk: BGU, 2018. S. 374-377.
7. Livak M. M. Stanovlennya institutu spadkuvannya za zapovitom u feodal'nomu ukraïns'komu suspil'stvi // Naukovii visnik L'vivs'kogo derzhavnogo universitetu vnutrishnikh sprav. Seriya yuridichna. 2014. № 2. S. 13-23.
8. Maikut Kh. V. Tsivil'ne pravo na ukraïns'kikh zemlyakh za Litovs'kimi statutami: istoriko-pravove doslidzhennya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. L'viv, 2009. 20 s.
9. Pelipenko T. I. Polozhenie shlyakhtyanok v sem'e i obshchestve Velikogo knyazhestva Litovskogo v XVI veke: diss. ... kand. ist. nauk. SPb., 2019. 203 s.
10. Picheta V. I. Belorussiya i Litva XV–XVI vv. (issledovaniya po istorii sotsial'no-ekonomicheskogo, politicheskogo i kul'turnogo razvitiya). M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 815 s.
11. Pysko A.I. Spadchynnae prava Belarusi ŷ XVI st. // Statut Vyalikaga knyastva Litoŭskaga 1529 goda – padmurak razvitstsya belaruskai dzyarzhaynastsii i kanstytutsyyanalizmu (da 480-goddzya prynyatstsya): Sb. prats, 10 chervnya 2009 g., Minsk. Minsk: BDU, 2009. S. 129-131.
12. Statuti Velikogo knyazivstva Litovs'kogo: U 3-kh t. T. 1: Statut Velikogo knyazivstva Litovs'kogo 1529 roku / za red. S. Kivalova, P. Muzichenka, A. Pan'kova. Odesa: Yuridichna literatura, 2002. 464 s.
13. Statuti Velikogo knyazivstva Litovs'kogo: U 3 t. T. 2: Statut Velikogo knyazivstva Litovs'kogo 1566 roku / za red. S. Kivalova, P. Muzichenka, A. Pan'kova. Odesa: Yuridichna literatura, 2003. 560 s.

14. Yukho Ya. A. Karotki narys gistoryi dzyarzhavy i prava Belarusi. Minsk: Universitetskay, 1992. 270 s.
15. Yatskevich I. G. Rol' sudebnykh reshenii Velikogo knyazya i Panov-Rady v protsesse pravoobrazovaniya v Velikom Knyazhestve Litovskom v pervoi polovine XVI v. // Problemy gistoryi dzyarzhavy i prava Belarusi: materyyaly mizhnar. navuk.-prakt. kanf., prysvechani 90-goddzyu z dnya naradzhennya I. A. Yukho. Minsk, 18–19 sak. 2011 g. Minsk: BDU, 2011. S. 89–91.

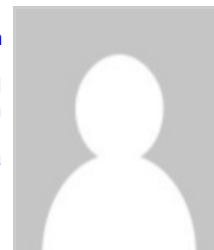
Centralization of the library network in the Penza region (second half of the 1970s - early 1980s)

Grishin Anton Valer'evich

Postgraduate student, Department History and Philosophy, Penza State University of Architecture and Construction

28 Herman Titov str., Penza, Penza region, 440028, Russia

✉ uhbibyfynjy@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the process of centralization of the network of state mass libraries in the Penza region. The research was carried out on the basis of analysis and generalization of documents of the State Archive of the Penza region (the Penza Regional Executive Committee Cultural Management Fund) using the principles of historicism and scientific objectivity and consistency. The author gives a brief overview of domestic (Soviet and post-Soviet) and foreign historiography on the problem of research. Special attention is paid to the preparatory work for the centralization of the library system in the region, in particular, familiarization with this practice in other regions; interaction and support of local Soviet-party bodies; the results obtained from the reorganization of the network. The scientific novelty consists in the fact that for the first time a study of the formation of centralized library systems in the Penza region has been undertaken. In the second half of the 1970s, state mass libraries in the region began to unite into a single library structure - a centralized library system that functioned on the basis of a single administrative and methodological manual, a common staff, centralization of the processes of formation and circulation of funds, their profiling and the possibility of mutual use. By centralizing libraries, the authorities hoped to strengthen political propaganda through the book's reading, expand the functions of library institutions in the information and reference field of serving citizens and providing them with more diverse services, eliminate parallelism in their activities, improve the management model and use of allocated funds, promote better implementation and optimization of library processes. The effectiveness of the centralization of libraries decreased from the prevailing attitude at that time that it should be carried out without additional financial investments.

Keywords: centralization, library, librarianship, cultural educational institution, Ministry of Culture of the RSFSR, culture, USSR, centralized library system, book fund, Penza region

References (transliterated)

1. Pashin A. I. Deyatel'nost' bibliotek na uroven' novykh zadach. M.: Sovetskaya Rossiya, 1976.
2. Problemy ratsional'nogo razmeshcheniya i ispol'zovaniya bibliotechnykh resursov v strane: sbornik nauchnykh trudov / gl. red. N. S. Kartashov. M.: GBL, 1984.

3. Serov V. V. Novyi etap bibliotechnogo stroitel'stva v SSSR. M.: Kniga, 1975.
4. Serov V. V. Sovershenstvovanie sistemy bibliotek v razvitom sotsialisticheskom obshchestve: voprosy teorii i praktiki. M.: Kniga, 1981.
5. Tsentralizatsiya bibliotechnogo dela: itogi i perspektivy: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / nauch. red. V. V. Skvortsov. M.: MGIK, 1982.
6. Tsentralizatsiya bibliotechnoi seti: Puti sovershenstvovaniya informatsionno-bibliograficheskoi raboty v tsentralizovannoi bibliotechnoi sisteme: sbornik nauchnykh trudov / nauch. red. V. V. Serov. M.: GBL, 1978.
7. Tsentralizatsiya bibliotechnoi seti: itogi i problemy: sbornik nauchnykh trudov / red. V. G. Gukova. M.: b. i., 1984.
8. Tsentralizatsiya seti gosudarstvennykh massovykh bibliotek: sbornik statei / pod red. V. V. Serova. M.: Kniga, 1973.
9. Glazkov M. N. Gosudarstvennaya politika tsentralizatsii massovoi bibliotechnoi seti v SSSR 1974–1982 godov // Vestnik MGUKI. 2020. № 3 (95). S. 172–178.
10. Mazuritskii A. M. K stoletiyu Dekreta «O tsentralizatsii bibliotechnogo dela» // Bibliotechnaya istoriya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy izucheniya / nauch. red. N. V. Lopatina. M.: MGIK, 2021. S. 74–86.
11. Glazkov M. N. Razrabotka i pervyi etap realizatsii politiki tsentralizatsii massovykh bibliotek v SSSR (1964 god – aprel' 1974 goda) // Vestnik MGUKI. 2019. № 4. S. 116–127.
12. Knutson E. New Realities: Libraries in Post-Soviet Russia // Library trends. Libraries in Times of War, Revolution, and Social Change, edited by W. B. Rayward and Ch. Jenkins. 2007. Vol. 55. № 3. R. 716–729.
13. Lovell S. The Russian Reading Revolution. Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras. L.: St. Martin's press, 2000.
14. Kholander P. Dosug: edinstvo razvlechenii i tseli // Budushchee sovetskogo obshchestva. Vyp. 2 / pod red. A. Kassofa. M.: Progress, 1970. S. 192–283.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO). F. R-2357. Op. 1. D. 512.
16. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 738.
17. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 627.
18. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 583.
19. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 600.
20. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 716.
21. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 739.
22. GAPO. F. R-2357. Op. 1. D. 751

The composition and structure of the population of the Tyumen District based on the materials of the 1926 census

Fedotova Dar'ya Yur'evna

PhD in Philology

Researcher, TKNS UrO RAS

626152, Russia, Tyumenskaya Oblast' oblast', g. Tobol'sk, ul. Ak. Yu. Osipova, 15, kab. 3

✉ dashulya-23@bk.ru

Abstract. This paper analyzes the socio-demographic processes that occurred in Tyumen Okrug in the first decade of Soviet power, recorded by the materials of the All-Union Population Census of 1926. The object of the study was the population of the Tyumen Okrug. The subject of the study is the composition and structure of the population of the specified district.

Census materials provide a representation of the composition of the population, characteristics of the population by age and gender, urbanization processes, and contain data on literacy and the main occupations of citizens. The census results showed that the previous period of revolutionary upheavals and the Civil War led to changes in the population size and socio-professional composition of the population of the Tyumen Okrug.

The methodological basis of the study is the principles of historicism, integrity, objectivity, and comprehensiveness. Both general scientific and traditional historical research methods are used: systematic, historical-comparative, problem-historical. In addition to traditional historical methods, the work used the method of statistical analysis, which makes it possible to assess quantitative indicators to identify the level of urbanization of the population and the dynamics of changes in gender, age, social, and professional composition.

The relevance of the study is determined by the fact that demographic statistics of individual territories make it possible to study the characteristics in the size and social composition of the population, as well as to study their impact on the nature of socio-economic development of both a separate territory and the region as a whole.

Keywords: ethnic composition, Ural region, urbanization, literacy, statistics, city, village, Tyumen district, demography, population census

References (transliterated)

1. Gagemeister, Yu. A. Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po vysochaishie ego imperatorskie velichestva povelieniyu, pri Sibirskom komitete. Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1854. Chast' 2. 745 s.
2. Anuchin E. N. Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827-1846 godov: materialy dlya ugolovnoi statistiki Rossii / soch. d. chl. E. N. Anuchina. S. Peterburg: Tip. Maikova, 1873. – [2], IV, 246 s.
3. Aziatskaya Rossiya / Izd. Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya.-SPb.: T-vo A.F. Marks. Tom I: Lyudi i poryadki za Uralom. 1914. 576 s.
4. Petrov A.P. Perepis' gorodskogo naseleniya Sibiri. 1926 g. // Sovetskaya Aziya. 1927. № 3.
5. Yakushev I.A. Raionirovannaya Sibir' v tsifrakh: po perepisi 1926 g. i sovremennym dannym // Vol'naya Sibir'. № 11. Praga, 1930.
6. Shneider A.R. Naselenie Prieniseiskogo kraia / Byuro kraevedeniya pri Srednesibirskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva. Krasnoyarsk, 1928.
7. Burmatov A.A. Sotsial'no-demograficheskaya situatsiya v Zapadnoi Sibiri v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1929 gody) // Istoricheskii kur'er. 2023. № 4 (30). S. 181–191.
8. Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M. Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroika i blagoustroistvo. Barnaul: Azbuka, 2007. 292 s.
9. Zverev V.A. Demografiya Tobol'skoi gubernii v pozdneimperskii period: pervyi shag ot

- traditsii k modernu // Istoricheskii kur'er. 2023. № 4 (30). S. 167–180.
10. Tychinskikh Z. A. Tatarskoe naselenie Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vekov: istoriko-demograficheskaya kharakteristika // Nauchnyi dialog. 2021. № 1. S. 411–425.
 11. Alisov D.A. Administrativnye tsentry Zapadnoi Sibiri: gorodskaya sreda i sotsial'no-kul'turnoe razvitie (1870–1914 gg.): monografiya. – Omsk: Izd-vo OmGU, 2006. 336 s.
 12. Demograficheskaya istoriya Zapadnoi Sibiri (konets XIX – KhKh v.) / otv. red. V.A. Isupov. Novosibirsk: II SO RAN, 2017. 350 s.
 13. Administrativno-territorial'noe delenie Tyumenskoi oblasti (XVII–XX vv.) / Pod red. V. P. Petrovoi. Tyumen': OOO TNTs «TyumenNIIGiprogaz», FGU IPP «Tyumen'», 2003. 304 s.
 14. Skipina I.V. Materialy Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1926 g. kak istochnik o chislennosti i sotsial'nom sostave naseleniya (na materialakh Tobol'skogo okruga Ural'skoi oblasti) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. T. 7. №7. Ch. 2. 2015. S. 79-83.
 15. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. / Izd. Tsentr. Stat. komitetom M-va vn. del; Pod red. N. A. Troinitskogo. – SPb., 1897-1905. 30 s.
 16. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Sibirskii krai. Otd. 1. Narodnost', rodnoi yazyk, vozrast, gramotnost'. M.: TsSU SSSR, 1928. T. 6. 390 s.
 17. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Vyatskii raion, Ural'skaya oblast', Bashkirskaya ASSR. Otd. 1. Narodnost'. Rodnoi yazyk. Vozrast. Gramotnost'. T. 4. M.: TsSU SSSR, 1928. 423 s.
 18. Spisok naselennykh punktov Ural'skoi oblasti T. 14: Tyumenskii okrug. – 1928. 114 s.
 19. Zhiromskaya V. B. Sovetskii gorod v 1921–1925 gg.: Problemy sotsial'noi struktury. M.: Nauka, 1988. 168 s.
 20. Kul'turnoe stroitel'stvo v RSFSR, 1917–1927 gg. / Glavarkhiv RSFSR, TsGA RSFSR. M.: Sovetskaya Rossiya, 1983. T. 1. Ch. 1: Dokumenty i materialy 1917-1920. 464 s.

Special features of the Portuguese colonial expansion of the XV–XVI centuries

Lokhova Irina Vital'evna

PhD in History

Associate Professor of the Department of General History North Ossetian State University named after Kosta
Levanovich Khetagurov

362025, Russia, Republic of North Ossetia - Alania, Madikavkaz, Vatutina str., 44-46

✉ iv.lokhova@nosu.ru

Abstract. The overview of the causes of the early colonial conquests of Portugal was carried out by using the basic scientific methods of historical research and analyzing sources and literature. The Portuguese expansion was not caused by immediate needs of its economic development unlike the colonial expansion of England and Holland. The article attempts to understand the specifics of Portuguese colonialism and the historical conditions in which it developed. Colonial expansion was carried out in the interests and under the leadership of the fidalgu (nobles). Consequently, the enormous funds coming from the colonies were not spent on the development of production, but on the strengthening of the feudal organization of society. Special attention is paid to the discovery of the sea route to India in 1498, because after that Portugal became a leading world power, controlling the most important trade routes

linking Europe and Asia. The novelty of the study can be seen in the fact that the considered topic was a prologue to globalization and the creation of a single world market, and Portugal was at the origins of this process, providing a basis of Western European expansion to the East. Portugal was able to build an empire, controlling vast territories located in the Indian Ocean basin, but could not retain the palm, finding limited material and human resources. The study of Portuguese expansion leads to the conclusion that there were several reasons that influenced the phenomenon of Portuguese colonialism: subjective internal and objective external. Some of these reasons are highlighted in this article.

Keywords: capitalism, globalization, East, West, Africa, India, Portugal, colonialism, colonial expansion, exploitation

References (transliterated)

1. Iz «pis'ma» kosmografa Toskanelli Fernando Martinesu, pridvornomu korolya Al'fonsa V Portugal'skogo (15 iyunya 1474 g.) // Vostochnaya literatura: srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada / https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1460-1480/Paolo_Toskanelli/brief_martines_15_06_1474.phtml?id=6068 (data obrashcheniya: 14.01.2023)
2. Bulla «Inter caetera» ot 13 marta 1456 g. // Khroniki otkrytiya Ameriki. Novaya Ispaniya. Kniga 1: Istoricheskie dokumenty. M., 2000.
3. Bulla «Inter caetera» № 2. 4 maya 1493 g. // Khroniki otkrytiya Ameriki. Novaya Ispaniya. Kniga 1: Istoricheskie dokumenty. M., 2000.
4. Tordesil'yasskii dogovor mezhdru korolyami Ispanii i Portugalii o razdele mira (7 iyunya 1494 g.) // Khroniki otkrytiya Ameriki. Novaya Ispaniya. Kniga 1: Istoricheskie dokumenty. M., 2000.
5. Pervaya poezdka v Indiyu (1497-1499 gg.) (Zapiski neizvestnogo o pervoi ekspeditsii Vasko da Gamy.) // Vostochnaya literatura: srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada / https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Portugal/XV/1480-1500/Otrkryt_India/text.phtml (data obrashcheniya: 14.01.2023)
6. Beiker D. Istoriya geograficheskikh otkrytii i issledovaniy. M., 1950. 648 s.
7. Byuttner T. Istoriya Afriki s drevneishikh vremen. M., 1981. 253 s.
8. Var'yash O. I., Chernykh A.P. Portugaliya: dorogi istorii. M., 1990. 140 s.
9. Golant V. Planetu otkryvali soobshcha. M., 1973. 312 s.
10. Zarin V. A. Zapad i Vostok v mirovoi istorii XIV-XIX vv. M., 1991. 261 s.
11. Ivanov N. A. Upadok Vostoka i ustanovlenie mirovoi gegemonii Zapadnoi Evropy // Vostochnaya literatura: srednevekovye istoricheskie istochniki Vostoka i Zapada / <https://www.vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.phtml?ysclid=lcsprmh2w191848578> (data obrashcheniya: 14.01.2023)
12. Istoriya Latinskoi Ameriki: dokolumbova epokha – 70-e gg. XIX v. M., 1991. 518 s.
13. Kunin K. Vasko da Gama. M., 1938. 360 s.
14. Magidovich V. I., Magidovich I. P. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii. M., 2003. 447 s.
15. Nogueira da Koshta A. Zoloto Monomotapy i portugal'skie trgovtsy. M., 1984. 64 s.
16. Peshel' O. Istoriya epokhi otkrytii Oskara Peshelya. M., 1884. 483 s. / <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01006691855?page=12&rotate=0&theme=white> (data obrashcheniya: 10.01.2023)

17. Saraiva Zh. E. Istoriya Portugalii. M.: Ves' Mir, 2007. 366 s.
18. Tarle E. V. Ocherki istorii kolonial'noi politiki zapadnoevropeiskikh gosudarstv (konets XV – nachalo XIX veka). M.-L.: Nauka, 1965. 435 s.
19. Khazanov A. M. Portugaliya i musul'manskii mir (XV-XVI vv.). M., 2003. 320 s.
20. Khazanov A. M. Taina Vasko da Gamy. M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2000. 152 s.
21. Khazanov A. M. Ekspansiya Portugalii v Afrike i bor'ba afrikanskikh narodov za nezavisimost' XVI-XVIII vv. M., 1976. 320 s.
22. Khazanov A. M. Portugal'skaya kolonial'naya imperiya, 1415-1974. M.: Veche, 2014. 381 s.
23. Khart G. Morskoi put' v Indiyu: Rasskaz o plavaniyakh i podvigakh portugal. morekhodov, a takzhe o zhizni i vremeni dona Vasko da Gamy, admirala vitse-korolya Indii i grafa Vidigeiry. M.: Geografiz, 1959. 349 s.
24. Khenning R. Nevedomye zemli. V 4-kh tomakh. T. 4. M., 1963.
25. Tsygul'skii V. F. Dialektika istorii chelovechestva. V 110 kn. Kn. 14. Perm', 2016. / <http://lib.knigi-x.ru/23istoriya/> (data obrashcheniya: 17.12.2022)
26. Chistozvonov A. N. Genezis kapitalizma: problemy metodologii. M.: Nauka, 1985. 300 s.
27. Shchegolev P. P. Ocherki istorii Zapadnoi Evropy v XVI-XVII vv. L, 1938. 492 s.
28. Azurara G. The Chronicle of the Discovery and Conquest of Guinea. / First Done into English by C. R. Beazley. London, 1896. Vol. 1. 127 p.
29. Cipolla C. Between History and Economics: An Introduction to Economic History. Oxford: Blackwell, 1991. 256 r.
30. Brockey L. M. Portuguese Colonial Cities in the Early Modern World. Routledge, 2016. R. 15
31. Longley R. What Is Colonialism? Definition and Examples. // ThoughtCo, Dec. 6, 2021. / <https://www.thoughtco.com/colonialism-definition-and-examples-5112779> (data obrashcheniya: 11.01.2023)
32. Pfister U. Globalization. // European History Online (EGO). Leibniz Institute of European History (IEG), Mainz 2012-06-06. / <http://www.ieg-ego.eu/pfisteru-2012-en> URN: urn:nbn:de:0159-2012060507 (data obrashcheniya: 11.01.2023)
33. Stuchtey B. Colonialism and Imperialism, 1450–1950. // European History Online (EGO). Institute of European History (IEG), Mainz 2011-01-24. / <http://www.ieg-ego.eu/stuchteyb-2010-en> URN: urn:nbn:de:0159-20101025319 (data obrashcheniya: 11.01.2023)

Provision of sanitary standards by the gendarmerie railway police of the Russian Empire in the late XIX-early XX centuries.

Kolpakov Petr Aleksandrovich

PhD in History

Senior Lecturer, Department of Russian History, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1kolpakov1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the historical experience of the

participation of gendarmerie police officers in ensuring sanitary order on the railways of the Russian Empire. The purpose of this article is to study measures to prevent the spread of dangerous infectious diseases taken by the railway gendarmerie, both in cooperation with medical and sanitary services, and independently. The object of the study is the historical experience of the official activities of the gendarmerie railway police of the Russian Empire. The subject is the role of gendarmes in ensuring sanitary standards on railways. Along with general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction and concretization, the author used historical-systemic and historical-genetic research methods. The theoretical basis of the study, along with the published materials, were the office documents of the gendarmerie railway police, which are stored in the State Archives of the Russian Federation. It is concluded that the ranks of the gendarmerie railway police performed a significant role in ensuring sanitary standards by bypassing the entrusted sites, assisting doctors in veterinary examinations, inspections of premises for the detention of prisoners of war, preventing outbreaks of epidemics on the railways that would pose a threat to the health and life of the population on a global scale.

Keywords: cholera, epizootics, epidemic, sanitary rules, sanitary supervision, transport police, gendarme, railway, quarantine, veterinary inspection

References (transliterated)

1. Vasil'ev K. G., Segal A. E. *Istoriya epidemii v Rossii*. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury. 1960. 397 s.
2. Ganin V.S. *Istoricheskii vzglyad na evolyutsiyu kholernoï infektsii* // *Klio*. 2010. № 3(50). S. 74–80.
3. *Po sledam minuvshikh epidemii* / K. N. Tokarevich, T. I. Grekova. – Leningrad: Lenizdat, 1986. 156 s.
4. Mamedov M. K., Kadypova A. A. K 160-ti letiyu otkrytiya kholernogo vibriona. Kholera i ee vozbuditeli – uspekhi v izuchenii za poltora stoletiya // *Biomeditsina*. 2014. № 1. S. 23–27.
5. Tritenko E. A. Problemy sanitarnoi sluzhby na zheleznodorozhnom transporte // *Evraziiskii soyuz uchenykh*. 2015. № 8-2 (17). S. 158–161.
6. Kolpakov P. A. Ob organizatsii grafom P. A. Kleinmikhelem politseiskogo nadzora za stroitel'stvom Sankt-Peterburgo-Moskovskoi zheleznoi dorogi // *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2021. T. 13. № 3-2. S. 80–87.
7. *Obyazannosti zhandarm'skoi zheleznodorozhnoi politsii. Po zhandarm'sko-politseiskoi chasti* / sostavil polkovnik Timofeev. – Spb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1912. 1195 s.
8. Shupikova A. O. Stanovlenie sistemy sanitarno-epidemiologicheskogo nadzora na Sibirskoi zheleznoi doroge v nachale XX veka // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2014. № 3. S. 127–131.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 59. Op. 1. D. 704.
10. Petrykin N. N. Zhandarm'skaya zheleznodorozhnaya politsiya v usloviyakh protivodeistviya epidemiyam na territorii Kurskoi gubernii (1893–1914 gg.) // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2020. T. 25. № 188. S. 187–194.
11. GARF. F. 74. Op. 1. D. 473.
12. GARF. F. 127. Op. 1. D. 4.
13. Kolpakov P. A., Arslanov R. A. Deyatel'nost' zhandarm'skoi politsii Rossiiskoi imperii na

zheleznykh dorogakh Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v gody Pervoi mirovoi voyny
// Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2023. T.
22. № 3. S. 510–524.

14. GARF. F. 77. Op. 1. D. 162.

Historical and Memorial Activities of Rossotrudnichestvo Abroad: Results, Problems, and Prospects

Filimonova Kseniia Nikolaevna

PhD student of the Russian History Department of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN
University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ fili-ksu@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the historical and memorial activities abroad of the Federal Agency Rossotrudnichestvo as one of the instruments of diplomacy of the heritage of the Russian Federation. The author examines the work of the Agency for the period 2010-2022 in the field of preservation and maintenance of civilian burials and memorial sites, which are associated with the names of our compatriots - Russian and Soviet military and statesmen, cultural and scientific figures. One of the goals of memorial policy is to consolidate Russian compatriots abroad and help preserve their national identity and ties with their homeland. The study uses a systematic approach, which allows to analyze the problem from different points of view: historical, cultural and legal, as well as methods of analysis and synthesis. It is important to note that in the conditions of a difficult geopolitical situation the Rossotrudnichestvo has carried out a considerable amount of work to locate, maintain an inventory of burial sites of historical and memorial importance to Russia and to promote the historical memory of prominent Russian compatriots abroad. However, this area of activity requires additional funds and efforts, in particular: searching for new sources of financing major restoration work, improving mechanisms for the maintenance of graves, more thorough elaboration of measures to promote the memory of the "Russian abroad" and active interaction with the Russian and international expert community, non-profit organizations and associations of compatriots abroad.

Keywords: soft power, burial site, historical memory, historical and memorial activities, historical and cultural heritage, heritage diplomacy, humanitarian policy, Russia, Rossotrudnichestvo, compatriots

References (transliterated)

1. Nora P., Ozuf M., De Pyuimezh Zh., Vinok M. Frantsiya-pamyat'. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s. (Novaya peterburgskaya biblioteka: Kolleksiya «Pamyat' veka»).
2. Nai Dzh. Budushchee vlasti. Moskva: AST, 2014.
3. Assman A. Dlinnyaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
4. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 s. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»).
5. Zamorano M. M., Rius Ulldemolins J. ¿La diplomacia cultural, una política de Estado? Articulación y descoordinación intergubernamental en la acción cultural exterior del Estado español // Revista d'Estudis Autonòmics i Federals. 2016. No. 24. Pp. 115–154.

doi: 10.2436/20.8080.01.11.

6. Porshneva O. S. Politika pamyati v Rossii: Pervaya mirovaya voyna v evropeiskom kontekste // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2021. T. 20. №2. С. 216–235. doi: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-216-235.
7. Ershov V. F., Gadzhieva Kh. K. Russkii mir v Ispanii i dialog kul'tur (1991–2015 gg.) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2018. T. 17. №1. С. 92–108. doi: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-92-108.
8. Zvyagina D. A. Kul'turnoe vliyanie kak komponent «myagkoi sily» // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 11–2. S. 94–98.
9. Lebedeva M.M. «Myagkaya sila»: ponyatiya i podkhody // Vestnik MGIMO. 2017. № 3. S.212–223. doi: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
10. Moseikina M. N. Diasporal'naya diplomatiya Rossii v stranakh Latinskoj Ameriki: istoricheskii opyt i perspektivy // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 4. S. 66–75.
11. Winter T. Heritage Diplomacy // International Journal of Heritage Studies. 2015. № 21 (10). Pp. 997–1015. doi: 10.1080/13527258.2015.1041412.
12. Rusinova N. S. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere sokhraneniya i razvitiya pamyatnikov kul'turnogo naslediya // Fotinskie chteniya – 2021 (vesennee sobranie): materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Izhevsk: Izd-vo UIR IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova, 2021. – 212 s. S. 134–139.

Factors of socialization of children in the occupied territory of the Leningrad region in 1941–1944

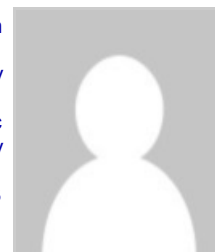
Khazov Vladimir Konstantinovich

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

195251, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg region, 29 Politechnicheskaya str., office 198283

✉ vla1698@yandex.ru

Abstract. the article analyzes the factors of socialization of children in the occupied territories of the Leningrad region in the period from 1941 to 1944. The author relies on the principles of objectivity and historicism. The author uses a systematic approach, general logical and special historical methods (synchronous method, contextual analysis method, historical and textual analysis method). The article notes that socialization is a complex and multifaceted process. This phenomenon can be investigated either through its results (for example, through the description of survival practices, learned specific behavioral tactics) and through the analysis of stories about subjective experiences associated with the process of socialization. The author concludes that socialization carried out in the occupied territories has a number of specific characteristics: instability, fragmentation, inconsistency. The reason for these characteristics is twofold. The first reason: the impact on the personality of the conflict between the desire for survival and the desire to preserve freedom and dignity. The second is the destruction of traditional social ties for this community. At the same time, the main factor in preserving pre-war socialization attitudes was the family.

Keywords: fear, hunger, education, children, everyday life, socialization, occupation,

Leningrad region, Great Patriotic War, labor service

References (transliterated)

1. Arkhipova, E. B. Stalingradtsy v Beloi Kalitve: praktiki vyzhivaniya detei // Znachenie srazhenii 1941-1945 gg. na yuge Rossii v Pobede v Velikoi Otechestvennoi voine: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 3-6 iyunya 2015 g.). 2015. S. 192-199.
2. Bitva za Leningrad v sud'bach zhitel'ei goroda i oblasti (vospominaniya zashchitnikov i zhitel'ei goroda i okkupirovannykh territorii) / sost. A. V. Vinogradov, A. Pleizher. - SPb.: Izd-vo C.- Peterb. un-ta, 2005.
3. Buryak, E.M., Svistova, N.V. Organizatsiya sistemy funktsionirovaniya detskikh domov i spetsial'nykh uchrezhdenii v gorode Magnitogorske v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. 2018. №4. S. 28-35.
4. Za blokadnym kol'tsom: sbornik vospominanii zhitel'ei Leningradskoi oblasti vremen germanskoi okkupatsii, 1941-1944 gg. / Avtor-sost. Ivanova I.A. - SPb.: Vesti, 2007.
5. Karavaev, V.V. V boyu i trude: podrostki v Velikoi Otechestvennoi voine. - M.: Molodaya gvardiya, 1982.
6. Kovalev, B.N. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period okkupatsii. - M.: Molodaya gvardiya, 2011.
7. Kovalev, B.N. Dosug kak forma propagandy na okkupirovannoi natsistami territorii Rossii (1941-1944) // RSM. 2016. №2 (91). S. 169-179.
8. Kodan, S.V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii // Genesis: istoricheskie issledovaniya 2014 №3. Rezhim dostupa: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. svobodnyi. Zaglavie s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 08.08.2022).
9. Krasnozhenova, E. E. «Detstva bol'she ne bylo»: detskaya povsednevnost' v period okkupatsii severo-zapada Rossii (1941-1944 gg.) // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2021. №4 (69). S. 51-57. DOI 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057
10. Krasnozhenova, E. E. Detskie uchrezhdeniya Leningradskoi oblasti v usloviyakh okkupatsii: 1941-1944 GG. // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2023. №1 (74). S. 22-27.
11. Krasnozhenova, E.E. Okkupanty i deti: 1941-1944 gg. (na materialakh severo-zapada rossii) // Uchenye zapiski NovGU. 2022. №4 (43). S. 428-433.
12. Krivshenko, L.P., Yurkina L. V., Borzov O. A. Ponyatie sotsializatsiya kak put' vykhoda iz metodologicheskogo krizisa pedagogicheskoi nauki // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2020. №5. S. 148-152.
13. Krinko, E. F. Detstvo voennykh let (1941-1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. №4. S. 34-54.
14. Krinko, E.F. Chelovek na voine: chto o nem pishut issledovateli i chto on sam rasskazyvaet o sebe // Novoe proshloe. 2020. №4. S. 8-24.
15. Kudinov V.A. Detskoe dvizhenie po obe storony fronta// Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2015. №1. S. 160-165.
16. Lomagin, N.A. Neizvestnaya blokada. - SPb.: Izdatel'skii Dom «Neva», 2002.
17. Malkhasyan, N.V. Opyt trudovogo vospitaniya i professional'nogo obucheniya shkol'nikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Yaroslavskii pedagogicheskii

- vestnik. 2010. №1. S. 26-27.
18. Malysheva, N.A. Vliyanie ideologicheskogo faktora na sotsializatsiyu detei v gody Velikoi Otechestvennoi voyny // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2006. №16-3. S. 239-249.
 19. Nosova, M.S. Osobennosti detstva v tylovom Sibirskom gorode v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere Omska) // Omskii nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'». 2019. №2. S. 58-61.
 20. Pyankevich, V.L. Lyudi zhili slukhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada.- SPb.: Vladimir Dal', 2014.
 21. Pyankevich, V.L. Vlast' i rynek v blokadnom Leningrade. Rossiiskaya istoriya. 2017. №6. C. 52-66.
 22. Romashova, M. V. Zanimatel'noe istochnikovedenie: istoriya detstva // Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya. 2012. №3 (20). S. 172-178.
 23. Ryblova, M.A. Territoriya detstva v prostranstve Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Stalingradskoi bitvy) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. №4 (28). S. 37-50.
 24. Sidorova, E.A. Trudovye povinnosti naseleniya na okkupirovannoi territorii leningradskoi oblasti, 1941-1944 gg. // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. №21. S. 50-53.
 25. Smirnov, V. I. Podvig sovetskogo krest'yanstva. Deyatel'nost' Kalinin. part. organizatsii v kolkhoz. derevne v gody Velikoi Otech. Voyny. M.: Moskovskii rabochii, 1976.
 26. Tsentral'nyi gosudarstvennyi Arkhiv Sankt-Peterburga (dalee – TsGA SPb). F. R-3355. Op. 1. D. 1. L. 3-10.
 27. Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Sankt-Peterburga (dalee – TsGAIPD SPb). F. R-992I. Op.3. D. 44. L. 7.
 28. TsGAIPD SPb F. R-489I. Op. 3. D. 44. L.5.
 29. TsGA SPb. F. R-9421. Op. 1. D. 81. L. 3-6.
 30. Yudenkov, A. F. Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannoi sovetskoi territorii (1941-1944 gg.). – M.: Mysl', 1971.

Behavioral practices as a marker of the socio-cultural portrait of students of the USSR State Labor Reserves (1940s-50s)

Razinkov Sergey Lvovich

PhD in History

Associate professor of the Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University;
Associate professor of the Chair of Document study, Law, History and Russian Language, Russian State
Vocational Pedagogical University

620012, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Mashstroiteley str., 11, room 509

✉ sergerazinkov@mail.ru

Abstract. The creation of the USSR state labor reserves in 1940 was accompanied by the formation of a specific socio-cultural environment, which remains practically unexplored to this day. The purpose of the article is to determine the structure and composition of behavioral practices as an element of the official and informal portrait of students of the state labor reserves.

The methodological basis of the research was the system of social actions by T. Parsons, the

concepts of variability of everyday practices by A. Ludtke and the dichotomy "norm/anomaly" in Soviet everyday life by N.B. Leбина. The work used a synthesis of macro- and micro-approaches of historical research aimed at identifying behavioral practices of an individual, based on the analysis of various sources: legal acts, administrative and other official documents, personal documents. The results of the study are: 1) identification and classification of students' behavioral practices based on the structure of social action (on individual acts, procedures and strategies of behavior), on the content of activity, frequency of application and attitude to public institutions; 2) development and description of a structural and functional model of behavioral practice containing control and correction functions (on the example of the practice of non-attendance of classes by students); 3) identification and substantiation of the features of behavioral practices from the point of view of markers of the socio-cultural portrait of students of labor reserves (interconnectedness, dynamism, dependence on the type of educational institution). The results of the research can be used in the study of everyday life and socio-cultural portrait of students in the Soviet period.

Keywords: student subculture, factory-workshop schools, functional model, non-attendance, technical and vocational education, Sverdlovsk region, vocational schools, behavioral practices, sociocultural portrait, Labor Reserves

References (transliterated)

1. Davydov D. V. Praktiki povedeniya «novoi zhenshchiny» v usloviyakh massovogo goloda nachala 1920-kh godov / D. V. Davydov, O. V. Kozlova // Istoricheskaya etnologiya. – 2022. – T. 7. – № 2. – S. 213-220.
2. Zhuravlev S. V. Istoriya povsednevnosti – novaya issledovatel'skaya programma dlya otechestvennoi nauki. // Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti – Moskva : ROSSPEN; GIIM, 2010. – S. 3-27.
3. Larionova M. B. Sotsiokul'turnye markery kak osnova dlya rekonstruktsii portreta uchashchikhsya Gosudarstvennykh trudovykh rezervov SSSR / M. B. Larionova, T. A. Zaglodina, S. L. Razinkov // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. – 2023. – № 2. – S. 65-80. – DOI: 10.52944/PORT.2023.53.2.004
4. Leбина N. B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu / N. B. Leбина. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 488 s. – ISBN 978-5-4448-0385-1
5. Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti / A. Lyudtke. Moskva : ROSSPEN; GIIM, 2010. – 271 s. – ISBN 978-5-8243-1405-2
6. Marka D. SADT. Metodologiya strukturnogo analiza i proektirovaniya / D. Marka, K. MakGouen. – Moskva : MetaTekhnologiya, 1993. – 240 s. ISBN 5-7395-0007-9
7. Nagornaya O. S. Drugoi voennyi opyt: russkie voennoplennye Pervoi mirovoi voyny v Germanii (1914-1922) / O. S. Nagornaya. — Moskva : Novyi khronograf, 2010 – 440 s. – ISBN 978-5-94881-105-5
8. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deistviya. – 2-e izd. – Moskva : Akademicheskii proekt, 2002. – 880 s. – ISBN 5-8291-0237-4
9. Serebryakova E. G. Sotsiokul'turnaya identichnost' sovetskikh nonkonformistov 1960-70-kh godov : dissertatsiya ... doktora kul'turologii / E. G. Serebryakova – Voronezh, 2020. – 510 s.
10. Sukhova O. A. Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: Ocherki istorii sotsial'noi

psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX - nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya. – Moskva : ROSSPEN, 2008 – 679 s. – ISBN 978-5-8243-1006-1

11. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II // The Russian Review. – 2012. – No 71. – Pp. 391-412.

Historical and cultural heritage of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan: according to the funds of the Yumatov Ethnographic Museum

Pylypak Maksym

PhD in History

Senior Researcher, Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

450008, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirova str., 15

✉ pilipakma@isi-rb.ru

Abstract. The subject of this study is the exhibits of the main fund of the museum collection of the Yumatov Ethnographic Museum of the Ufa district of the Republic of Bashkortostan (Russia) related to the traditional culture of Ukrainians. The object of the study is the traditional material culture of Ukrainians in a multiethnic environment. The purpose of the study is to study the historical and cultural heritage of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan, their interaction with representatives of Turkic, Finnovolgian, as well as other Slavic peoples.

The proposed publication presents an analysis of traditional subjects that are an important component of the identity and characteristics of an ethnic group. Tools and devices for performing certain types of work are considered; interior and household items, kitchen utensils; samples of decorative and applied art and materials for their production; clothing and shoes. The time frame for their use in everyday life is indicated by the end of the XIX – the middle of the XX century. The area of distribution of exhibits is shown. Based on the subject and object of the study, general scientific and special methods were used as a methodological basis. The research was based on the comparative historical method and the method of typologization. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to analyze the museum collection in order to study the historical and cultural heritage of Ukrainians, one of the Slavic peoples of the Republic of Bashkortostan.

The main conclusion of the study is that even in a multinational environment, Ukrainians continue to preserve their culture. A special contribution of the author to the study of the topic is the introduction into scientific circulation of new information on the traditional material culture of Ukrainians in the region.

In the course of the study, data on the number of Ukrainian exhibits and the area of their origin were clarified. Classification of savings units has been made. The regularity in the periodization of the existence of museum objects is revealed.

The results obtained by the author can be used in various types and forms of research and cultural and educational activities, in particular: in the preparation of candidate and doctoral dissertations, generalizing works on the history, ethnography and culture of the peoples inhabiting the Republic of Bashkortostan; design of thematic exhibitions in rural, district and republican museums.

Keywords: regional peculiarities, material culture, traditions, exhibits, migrants, Ukrainians,

Yumatov Ethnographic Museum, Republic of Bashkortostan, weaving, embroidery

References (transliterated)

1. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO). F. 2. Op. 1. D.4. – L. 8 ob.
2. Babenko V.Ya. Ukraintsy v Bashkirskoi SSR: povedenie maloi etnicheskoi gruppy v polietnichnoi srede. Ufa: BNTs UrO RAN, 1992.
3. Chernienko D.A. Ukrainistika Yuzhnogo Priural'ya: monografiya. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskii universitet», 2013.
4. Chernienko D.A., Pilipak M.A. Selo Kazanka i ukraintsy Al'sheevskogo raiona / obshch. red. V.Ya. Babenko. Ufa: ITs Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, 2012.
5. Fol'klor narodov Bashkortostana: entsiklopediya / Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie nauki Respubliki Bashkortostan «Bashkirskaia entsiklopediya» ; nauchno-redaktsionnaya kollegiya: F.A. Nadrshina (glavnyi redaktor), U.G. Saitov (otvetstvennyi redaktor) [i dr.]; perevod na angliiskii yazyk: OOO «Tsentr mezhkul'turnogo sotrudnichestva». Ufa : Bashkirskaia entsiklopediya, 2020.
6. Karpukhin I.E. Fol'klorno-etnograficheskie vzaimovlianiya svadeb russkikh i ukraintsev Bashkortostana (po nablyudeniym i zapisyam 1950–1990 gg.) // Ukraina – Bashkortostan: svyaz' vremen. Ufa: MGOPU im. M.A. Sholokhova, 2001. S. 92-110.
7. Ukrainskii fol'klor v Bashkortostane : fol'klorni sbornik / Sostav., avtor vstup. st. i komment. F. G. Galieva. – Ufa : Bashk. entsikl., 2020.
8. Kobirinka G. S., Tkachuk M. N. Ukrainskie govory v etnokul'turnom i etnoyazykovom prostranstve Bashkortostana // VII Kirillo-Mefodievskie chteniya. Ufa: ITs Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, 2013. S. 173-181.
9. Kobirinka G. S., Tkachuk M. M. U movnomu dialozi Agidel' i Dnipra // Jahrbuch der IV. Internationalen virtuellen Konferenz der Ukrainistik. "Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht". München– Berlin, 2014. P. 79-90.
10. Tkachuk M. M. Ukraïns'ki govorki Bashkortostanu: Zolotonoshka i Stepanivka. K.: Natsional'na akademiya nauk Ukraïni; Institut Ukraïns'koï movi, 2020.
11. Pilipak M.A. Traditsionnaya kul'tura slavyan v polietnichnoi srede Respubliki Bashkortostan: na primere ukraintsev derevni Gavrilovka Fedorovskogo raiona // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2023. Tom 47. № 2. S. 89-96.
12. Pilipak M.A. Selo Kakhnovka Chishminskogo raiona: k voprosu izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya ukraintsev Bashkortostana // V Mezhdunarodnyi molodezhnyi nauchnyi forum. Ufa: AN RB, 2023. S. 95-100.
13. Foto «Suprugi Zyryanovy so stroitelyami (zalozhen fundament zdaniya)», avgust 1972 g. // Gosudarstvennyi katalog muzeinogo fonda Rossiiskoi Federatsii (dalee – GKMFRRF) URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21163188>.
14. Foto «N.S. i S.A. Zyryanovy za oformleniem ekspozitsii «Pryadenie i tkachestvo», 1970 g. // GKMFRRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21162601>
15. Yumatovskii etnograficheskii muzei munitsipal'nogo raiona Ufimskii raion Respubliki Bashkortostan URL: <https://yumat-myzei.bash.muzkult.ru/>
16. Naselennye punkty Bashkortostana. Ch. III. Bashrespublika, 1926. Ufa: Kitap, 2002.
17. Narody Bashkortostana v perepisyakh naseleniya: v 2 ch. Ch. I / Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Bashkortostan. Ufa: Kitap, 2016.
18. Lotok // GKMFRRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22889896>.
19. Polotentse // GKMFRRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35198323>.

20. Vyshivka «Devushka s golubymi» // GKMFRF URL:
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19656280>.
21. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35307729>.
22. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33359374>.
23. Deryuga // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33250834>.
24. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31741689>.
25. Plat'e // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35977902>.
26. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35200110>.
27. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199862>.
28. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199908>.
29. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199233>.
30. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33359130>.
31. Rushnik // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31064624>.
32. Lapti // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33604166>.
33. Plat'e // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35917096>.
34. Plat'e // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35215258>.
35. Rubakha // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128342>.
36. Berda // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18637499>.
37. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35146865>.
38. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27910310>.
39. Fartuk // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31588694>.
40. Poyas // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=27889735>.
41. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=19657542>.
42. Materialy sel'skokhozyaistvennoi i pozemel'noi perepisi naseleniya 1917 goda po territorii Respubliki Bashkortostan URL: <https://basharchive.ru/census/1917/>.
43. Shapka // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20310875>.
44. Materialy pozemel'noi perepisi 1917 goda po: s. Chernigovka, Ufimskii uезд, Karayakupovskaya volost'. F. R-473. Op. 1. D. 5105. L. 1-114 ob.
45. Chernigovka, selo v Chishminskom rаіne URL: <http://bashenc.online/ru/articles/75146>.
46. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35089950>.
47. Motovilo // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38333661>.
48. Glinyanyi gorshok v forme kuvshina // GKMFRF URL:
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22968083>.
49. Staryi Berkadak, selo v Chishminskom rаіne URL:
<https://bashenc.online/ru/articles/106768/>.
50. Novyi Berkadak, selo v Chishminskom rаіne URL:
<https://bashenc.online/ru/articles/106768/>.
51. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Lomonos S.V. 1965 g.r., zhitelya s. Chernigovka Chishminskogo raiona Respubliki Bashkortostan, noyabr' 2023 g.
52. Materialy pozemel'noi perepisi 1917 goda po: s. Novyi Yurmash, Ufimskii uезд, Nogaevskaya volost'. F. R-473. Op. 1. D. 5154. L. 1-175 ob.
53. Materialy pozemel'noi perepisi 1917 goda po: poselok pri stantsii Yumatovo, Ufimskii uезд, Osorginskaya volost'. F. R-473. Op. 1. D. 5311. L. 1-17 ob.
54. Materialy pozemel'noi perepisi 1917 goda po: s. Yumatovo (stantsiya), Ufimskii uезд,

Osorginskaya volost'. F R-473. Op. 1. D. 5329. L. 1-15 ob.

55. Polotentse (rushnik) // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35198628>.
56. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=33455732>.
57. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31741689>.
58. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35201774>.
59. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Levchenko (Savenko) M.I. 1936 g.r. zhitel'nitsy s. Kakhnovka Chishminskogo raiona Respubliki Bashkortostan. Iyul' 2022.
60. Ekspeditsionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Kurilyak (Kozlovskoiya) L.N. 1967 g.r. zhitel'nitsy s. Kakhnovka Chishminskogo raiona Respubliki Bashkortostan. Iyul' 2022.
61. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127960>.
62. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16450501>.
63. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35201719>.
64. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128017>.
65. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127819>.
66. Platok // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35128130>.
67. Polotentse // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35199346>.
68. Venok na golovu // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35093157>.
69. Chepets // GKMFRF URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=35127731>.

The attitude of the Ecumenical Patriarchs to the deposition of Patriarch Nikon

Velikotskaya (Mozgunova) Nataliya Gennad'evna

Lecturer, Cultural and Educational Center in the name of St. John Chrysostom

101000, Russia, Moscow, lane. Maly Zlatoustovsky, 5

✉ fevroniya87@yandex.ru

Abstract. As a result of Russia's foreign policy in the second half of the XVII century, which was reduced to recognizing her mission as the liberator of Christian peoples and the idea of creating an ecumenical Orthodox Church, Patriarch Nikon of the Russian Orthodox Church found himself in the position of one of the leaders of the Eastern Christian world. The object of this study is one of the issues of Russia's relations with the Orthodox East – the attitude of the Greek hierarchs to the conflict between Tsar Alexei Mikhailovich and Patriarch Nikon. The subject of this article is the position of the Greek clergy on the issue of the accusations made by Tsar Alexei Mikhailovich against Patriarch Nikon, the participation of the Greeks both during the attempt to reconcile the parties, and then in the deposition of Nikon, and in his subsequent rehabilitation. The purpose of this article is to study the question of the role of the Greek clergy in the fate of the patriarch, about the reasons for the repeated change of their position on the fate of Nikon. The author of the article uses the historical and systematic method of scientific research - the study and critical analysis of the totality of the complex of published and unpublished documents of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The main attention is paid to the analysis of a complex of archival materials related specifically to the "Nikon case". The scientific novelty of the work lies in the fact that the use of these methods allowed the author to clarify a number of issues related to the "case" of

Nikon and concerning the activities of representatives of the Orthodox East, their role in the political and spiritual life of Russia. The research make it possible to draw a conclusion about the regularity of the contradictory position of the Greek clergy in the "case" of Patriarch Nikon, which is explained, first of all, by their political and economic dependence on Russia.

Keywords: greek bishops, cathedral verdict, the Orthodox East, Tsar Alexei Mikhailovich, permits, deposition of the patriarch, Church Cathedral, the case of Patriarch Nikon, ecumenical patriarchs, Relations with Greece

References (transliterated)

1. *Kapterev N. F. Snoshenie Ierusalimskikh patriarkhov s russkim pravitel'stvom s poloviny XVI do kontsa XVIII stoletiya.* – SPb., 1895.
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnii aktov (dalee – RGADA). F. 52. Op. 1–4.
3. Chesnokova N. P. Ideya vizantiiskogo naslediya v Rossii serediny XVII v. // *Pyatye chteniya pamyati professora N.F. Kaptereva.* M., 2007. S. 179–198.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnii aktov (dalee – RGADA). F. 27. – Op. 1. D. 140, 140a.
5. *Delo o patriarkhe Nikone / Izdanie Arkheograficheskoi komissii po dokumentam Sinodal'noi (byvshei Patriarshei) biblioteki.* SPb., 1897. – 511 s.
6. Gibbenet N. A. *Istoricheskoe issledovanie dela patriarkha Nikona: V 2 ch.* SPb., 1882. Ch. 1. – 270 s.; SPb., 1884. Ch. 2. – 1124 s.
7. *Kapterev N. F. Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich.* – Sergiev Posad, 1912. T. 2. – 375 s.
8. Fonkich B. L. *Meletii Grek // Rossiya i khristianskii Vostok.* M. 1997. S. 165–168.

The attitude of the USSR to the policy of repatriation at the final stage of the WWII and in the first post-war years

Orlova Daria Igorevna

Postgraduate student, Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ oriol104@yandex.ru

Abstract. This article highlights the participation of the USSR in solving the international problem of refugees and displaced persons in the post-war period; shows the attitude of the Soviet government to the policy of repatriation of Soviet citizens to their homeland, reveals the participation of the USSR in international organizations on the issue of refugees and displaced persons (UNRRA, IRO, UN) at the final stage of the Second World War and after its end, the ways of interaction of the allied countries on these world platforms are fixed. To study the activities of the USSR in the development of the principles of repatriation policy, as well as to resolve the problems of refugees and displaced persons, such methods as historicism, objectivity, as well as the method of comparative analysis together with a comprehensive analysis of documents were used.

Based on the present research, we can conclude that the Soviet Union conducted active foreign policy activities to achieve the main goals of the repatriation policy, establishing international cooperation and protecting the interests of its citizens. The bulk of Soviet people who found themselves in difficult conditions of the post-war period were forced to lead their

lives in camps for displaced persons, awaiting the decision of the authorities regarding their fate. Despite the active assistance to the return of refugees and social protection from the Soviet Union, the generous amount of the repatriates were tested in filtration camps, especially military ones, in order to identify traitors. In addition, the solution of the problem was complicated by the ardent anti-Soviet propaganda in camps for refugees and displaced persons by representatives of the United Kingdom and the United States, which was gaining momentum in connection with the beginning of the implementation of the means of conducting the cold War.

Keywords: World War II, Yalta Conference, UN, IRO, UNRRA, D.P., prisoners of war, refugees, displaced persons, repatriation

References (transliterated)

1. Moseikina M.N. "Rasseyany, no ne rastorgnuty": russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920-1960 gg. Moskva: RUDN, 2011. 384 s.
2. Voskresenskii A. Chto takoi YuNRRRA. Magadan: Sovetskaya Kolyma, 1944. S. 3-24.
3. Sekretnaya perepiska Ruzvel'ta i Cherchillya v period voiny: Perevod s angliiskogo/ Pod red. F. L. Louenkheima i dr., Moskva: Izd. tsentr "Terra", 1995. 800 s.
4. Yurchenko C. V. Istoricheskii kontekst, znachenie i uroki Yaltinskoi konferentsii 1945 g. // Vestnik arkhivista. 2016. №1 (133). S. 202-236.
5. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoi territorii Germanii, 1944-1952: sbornik dokumentov: v dvukh tomakh / Federal'noe arkhivnoe agentstvo, FKU "Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii", Germanskii istoricheskii institut v Moskve; otvetstvennye redaktory i otvetstvennye sostaviteli: O. V. Lavinskaya, V. V. Zakharov; sostaviteli: K. M. Grin'ko, E. V. Polotoratskaya; pri uchastii S. Dal'ke, M. Ulya. – Moskva: ROSSPEN, 2019. 877 s.
6. Yalta-45. Nachertaniya novogo mira /N. A. Narochnitskaya (otv. red.) i dr., Moskva: Veche, 2010. 288 s.
7. Soglasheniya mezhdru soyuznymi gosudarstvami po delam voennoplennykh i grazhdanskikh lits etikh gosudarstv, 1945 g. /Elektronnyi resurs/ Rezhim dostupa: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim21.htm (Data obrashcheniya: 09.03.20223)
8. Polyan P. N. Zhertvy dvukh diktatur. Ostarbaitery i voennoplennyye v Tret'em reikhe i ikh repatriatsiya. M.: Vash Vybor TsIRZ, 1996. 444 s.
9. Kotova T.A. Povsednevnyaya zhizn' v evropeiskikh lageryakh dlya peremeshchennykh lits v 1945-1952 gg.: dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02/ [Mesto zashchity: Ros. un-t druzhby narodov]. Moskva, 2018. 183 s.
10. GARF. F. 9526. Op. 1 D. 387 L. 119-120.
11. GARF. F. 9526. Op. 1 D. 386. L. 366-391.
12. Sbornik predlozhenii SSSR, USSR i BSSR, vnosivshikhsya v OON v 1946-1950 gg., M.: MID SSSR, 1952. 354 s.
13. Zemskov, V. N. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan i ikh dal'neishaya sud'ba (1944-1956 gg.) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 5. S. 3-13.